

антология
пермской
литературы

Елена
ДОЛГОВА

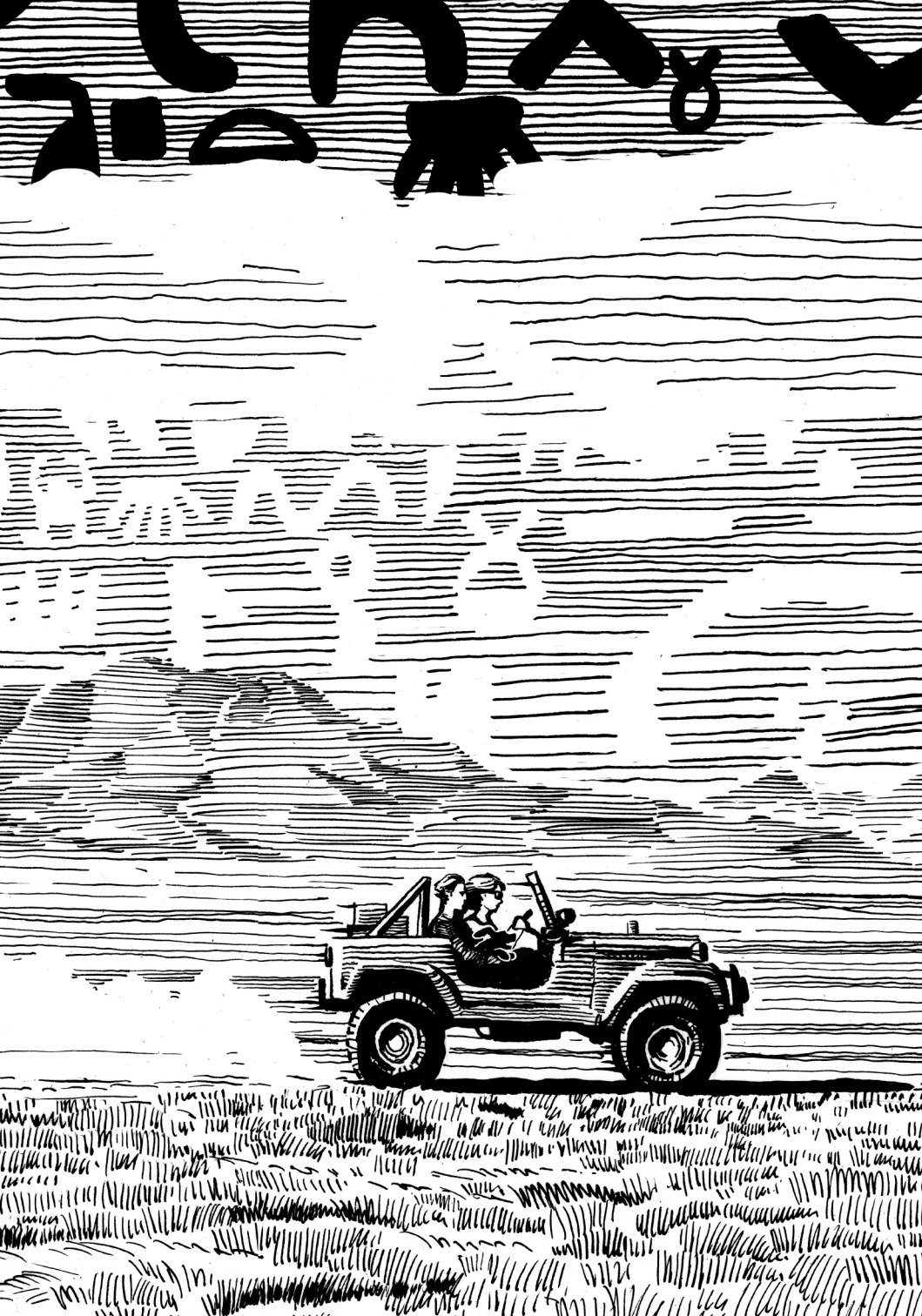
ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

роман

16+

антология
пермской
литературы

Серия «Антология пермской литературы» —
лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства
(номинация «Литература») за 2013 год

Издание романа «Предсказатели» Елены Владимировны Долговой и подготовка её электронной версии в рамках проектов «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru) и «Литературное Прикамье» осуществлены при поддержке Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru) и при содействии Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

В оформлении книги использованы иллюстрации художника Артёма Кутергина.

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Елена
ДОЛГОВА

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

роман

«Пермский писатель»

Пермь
2018

УДК 821.161.1-312
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44
Д 64

антология пермской литературы • том 25

Елена Владимировна Долгова
Предсказатели
роман

Долгова Е. В.

Д 64 **Предсказатели:** Роман /Худ. А. Кутергин. — Пермь: Пермский писатель, 2018. — 336 с.; ил. — (Антология пермской литературы; т. 25).
ISBN 978-5-9500749-6-7

Книга, написанная в жанре «реалистичного фэнтези», входит в цикл «Геония» (первая книга — «Центурион», вторая — «Мастер миража»). Перед нами предстаёт высокотехнологичный мир. Герои, наделённые необычными сверх способностями, очень близки читателю своими вполне реальными желаниями и чувствами, понятиями добра и зла, мучительным выбором правильных приоритетов и ценностей. События, которые разворачиваются в книге, захватывают с первых строк. Манера повествования растворяет грань между реальностью и выдумкой. Мистический сюжет непредсказуем, он держит в напряжении до самого конца. Так ли всё просто с предсказаниями? Как на будущее влияет то, что мы совершаем в данный момент? Очень сложно осуждать героев за те или иные проступки, так похожие на наши. Так трудно определиться с решением как поступить правильно, как сделать выбор между благополучием здесь и сейчас или возможным светлым будущим. Героев романа ведёт вперёд вера в то, что никогда не поздно измениться в лучшую сторону и всё зависит только от тебя самого.

Книга адресована широкому кругу читателей старше 16 лет.

ISBN 978-5-9500749-6-7

9 785950 074967

УДК 821.161.1-312
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44

© Е. В. Долгова, текст, 2018
© А. В. Кутергин, иллюстрации, 2018
© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2018

Пролог

День, которым заканчивается роман «Мастер миража».

Лёгкий вертолёт в который раз развернулся над морем. Врываясь в горловину бухты, беспокойная вода прилива кипела, косяк рыбы, несколько часов назад убитой взрывом, крутило и уносило в сторону от рейда, там, среди разнообразной несолидной мелочи, плавал брюхом кверху огромный распластаный скат. Наблюдатель, который презирал бесполезное, с неприязнью отвернулся от чудовища.

— Сделайте ещё один заход, — посоветовал он вертолётчику. — Это необходимо сделать, прежде чем мы сможем вернуться домой с чистой совестью.

Человек в кресле пилота выразительно указал на девочку-подростка. Она устроилась, поджав длинные, загорелые ноги и полуприкрыв оттенённые пушистыми ресницами веки. Низко срезанная тёмная чёлка делала её лицо почти кукольным.

— Я не понял, зачем нам навязали малолетку, дочь этого иностранца? — быстро, на архаичном диалекте северного сектора сказал вертолётчик. — Мы не найдём его живым, это уж наверняка, а если найдём то, что осталось, оно будет плохо выглядеть.

Наблюдатель, не чуждый деликатности, приложил палец к оттопыренным губам. Вертолётчик мысленно закончил сложно составленное проклятие.

Косяк оглушённой рыбы, попав в водоворот, смешался в одну неприглядную серую массу.

— Проверьте-ка, Мирс, может быть, сработал его карманный радиомаяк.

— Не беспокойтесь зря, от него даже маяка не осталось.

— Ты что-нибудь чувствуешь, девочка? — настойчиво спросил наблюдатель, медленно и тщательно подбирая слова. — Ты понимаешь, о чём я говорю? Это очень важно для нас.

— Нужно лететь левее.

Она подняла тонкую руку и ткнула туда, где тёмные волны медленно и вальяжно катили к мысу Звёзд массу солёной влаги.

— Ты уверена, что не ошиблась в своих ощущениях? Он не мог отплыть настолько далеко.

Вертолётчик, слушая чужой разговор, потихоньку передёрнул широкими лопатками. Пассажирка внушала ему смутное опасение.

«Маленькая ведьма. Хорошо, что у меня нормальные дети».

— Он не далеко, он меня ждёт, — со странным спокойствием сказала девочка.

— На дне, что ли? — грубо спросил вертолётчик, на этот раз дав выход своей неприязни.

— Там есть камень, Мирс, — смутившись, возразил наблюдатель. — Большой плоский камень почти вровень с поверхностью. Спуститесь пониже, она говорит правду.

— В этом месте сплошные скальные отмели. Но если перед взрывом её отец находился в воде, его утопило или переломало всмятку.

Наблюдатель больше не обращал внимания на реплики помощника, запретное восхищение понемногу охватывало его.

«Мне бы её способности искать людей. Но о подобном даже думать не стоит, если я хочу удержаться на службе».

— Вот он, — хмуро сказал вертолётчик. — Видите, тело полощется в воде? У меня руки заняты управлением, полезайте вниз сами.

Девочка не дрогнула. Наблюдатель не удивился, потому что иногда сталкивался с непостижимой психической выносливостью детей. Он съехал вниз по спасательному тросу. Вода в момент наката очередной волны доходила до колена.

Чужак наполовину лежал, наполовину плавал, глаза его оставались открыты.

«Жив, что ли?» — с суеверной неприязнью подумал наблюдатель.

— Я пришёл, чтобы помочь вам, Ваше Превосходительство — быстро сказал он на чужом языке.

— Спасибо, — ответил чужак на родном языке наблюдателя. — Признаться, я холерски устал. Вода холодная.

Он говорил хрипло, но отчётливо, слишком правильно и без акцента.

— Сможете двигаться? Переломы есть?

— Переломов нет. Задел головой о камни. Перед взрывом начался отлив. Это место показалось из-под воды.

— Мы стреляли стандартными средствами, как и было оговорено. От Цертуса ничего не осталось. Я надеюсь, вы не очень пострадали...

«Лучше бы ты умер. Теперь и я, в числе прочих, обязан спасением авантюристу с мятежных территорий».

В вертолёте чужак рухнул в свободное кресло. Девочка сидела рядом, держась за его жёсткую, неподвижную руку.

Теперь эта странная пара заставляла наблюдателя нервничать. «Оба хороши. Девчонка-пророк и человек, не восприимчивый к ментальному принуждению».

Мёртвого ската и дохлую рыбу окончательно унесло в сторону мыса.

— Мы очень благодарны вам, Ваше Превосходительство, — вежливо сказал наблюдатель вслух и тут же увидел небывалое — отрешённая до этого девочка непочтительно засмеялась.

«Мерзавка видит мои мысли насквозь. Дразнится».

Работник наблюдения не отличался шепетильностью, но на этот раз неприлично покраснел, так, что запылали щёки.

«Пусть иллирианец подавится и моей благодарностью, да и моей неприязнью тоже. Главное, сам я уцелел и буду жить ещё долго, получу повышение, оставлю деньги семье... Пусть я посредственностью, но посредственностям везёт!»

— Мирс?

— Да!

— Хватит рассматривать воду. Возвращайтесь скорее на материк.

Часть первая. ОТКРОЙ ГЛАЗА МОИ

Глава 1. Северин и пророки

Годы спустя.

День выдался пасмурным. Чёрные кони нехотя переставляли копыта. Тирана Иллиры перевозили в пантеон вечного покоя, и мундиры офицеров претории смешались с траурными плащами людей из кортежа. Процессия растянулась, словно гигантский питон — блестящая чешуёй позументов голова уже скрылась за поворотом, тело, распугивая голубей, пересекало площадь Величия, редющий хвост выползал из подъезда дворца. Каменные орлы с фризov шурились вслед.

Мик Северин отделился от процессии, шаркая сандалиями по дорогим плитам площади, добрался до огромной статуи розовой нимфы, и, обогнув великаншу, вильнул в сторону. Там, прижавшись боком к мраморному бедру изваяния, он выждал, пока площадь опустеет. Голуби, пьяные от весны, взлетели и снова опустились на каменные скамьи, и без того усеянные их помётом.

Домой идти не хотелось. Вывеска кантины не светилась из-за официального траура, но внутри заведения оказалось довольно жарко.

Старый знакомый, толстяк Прокл Риордан, новоиспечённый магистр медицины, задумчиво рассматривал пустой стакан, как будто искал в нём нечто интересное.

Рядом смеялись две девушки, судя по ломким голосам и блеску глаз — обе изрядно навеселе. На столике, за который присел Северин, горела масляная лампа, пламя дёргалось на фитиле и напоминало бабочку, пронзённую булавкой. Тощая официантка подскочила, принесла заказ, зачем-то забрала светильник и брызнула в сторону. Мик осушил стакан. Риордан тем временем усадил одну из пьяных девушек на колени. Её свежая мордочка, слегка подмазанная косметикой, моментально сложилась в улыбку.

Ещё одна девушка, едва появившись, без церемоний села напротив самого Мика. её темно-русые волосы до плеч выглядели чуть влажными от дождя.

— Вы Северин-младший? — в голосе незнакомки скользнул чужой акцент.

— Допустим, я — Северин. И что?

— Я вас искала, чтобы поговорить.

— Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробнее... Ты меня не знаешь, но искала. Искала в кабаке. Именно меня, а не другого. Исключительно чтобы поговорить.

— Всё верно, именно так.

— Слушай, я устал и зол, хочу выпить в одиночестве, поэтому сразу перехожу на «ты». У меня нечего украсть. Трахаться с тобой я не собираюсь. Давай спокойно разбежимся без скандала.

Девушка не отстала, лишь холодно улыбнулась и промолчала. Её простая на вид, но явно дорогая одежда тёмных тонов не подходила для проститутки.

— Псионичка, что ли? Жертву ищешь? Не смей лезть в мои мозги.

— Я не жертву ищу, я — твоя сестра.

Мик развеселился и сам не понимал, было ли его новое приподнятое настроение результатом лёгкой психической наводки.

— О, как! Значит, мошенница. Даю тебе минуту — уходи. Если вас тут шайка, я вызову преторианцев.

— У меня нет шайки, а у тебя разгулялось воображение. Я всё могу объяснить.

— Риордан! Протрезвей на минуту!

— Для чего?

— Оцени, ко мне в кабаке подседа дочка моего отца. Хочу сдать её санитарам.

— Ну зачем сразу санитарам? — философски заметил медик. — Знаешь, она симпатичная. Познакомишь?

— Не так быстро. Не знаю, кем была её мама, хотя догадаться не сложно, но внешность «сестры» меня не убеждает.

— Как вас зовут, леди? — поинтересовался Риордан.

— Нина.

— Простите моего друга, Нина, он блондин и хам. Есть отличная идея для продолжения вечеринки. Медицинский колледж в ста шагах отсюда. Там пусто, у меня завалился ключ. Влоимся в лабораторию и сделаем генетическую экспертизу — вот будет шутка. До такого на вечеринке ещё никто не додумывался.

— Ты серьёзно? — мрачно спросил Северин. — Всё выпито и больше заняться нечем? Она мошенница, ты же сам видишь.

— Ничего я не вижу.

То, что выпил магистр медицины, казалось, бесследно потерялось в грузном теле. Налёт опьянения с Риордана почти сошёл.

— Я слишком добр, — пробормотал он. — Я слишком многое жертвую друзьям. Ты мне друг? — спросил медик с подозрением.

Мик кивнул. Туман иррационального уже сгустился вокруг событий.

— Ладно, пошли. Но если она наврала, то поплатится.

Риордан мгновенно забыл о собственных подружках, встал, с удовольствием расправил широкую спину и принялся насвистывать песенку без слов.

Мик хорошо знал эти произнесённые слова. Баллада существовала в разных вариантах, менялись мелодии, но смысл оставался неизменным — обыгрывалось внезапно открывшееся родство между парнем и его подружкой.

Северину показалось, будто Нина смеётся.

— Ты скотина, Риордан, — буркнул он.

Все троём они вышли в ночь. Здание Центрального классического университета придвинулось из темноты — длинное, не очень высокое, с гладким фасадом и одинаковыми рядами окон. Риордан повозился с замком, покуда дверь не сдвинулась и не ушла в стену.

— Вперёд, и делаем всё быстро, а не то нас поймают. И не смей тут мусорить, Мик, иначе я натравлю на тебя уборщика-кибера.

Подкатил другой кибер, по-видимому, лаборант на должности. Северин не без тайного опасения подставил руку под холодный укол иглы.

— Теперь очередь девушки.

Нина протянула свою гладкую, узкую ладонь.

— Ну вот и всё, остальное сделает техника, — сказал Риордан. — Вы двое можете погулять до утра, поговорить о высоком, я же пойду просплюсь и завтра днем позвоню насчёт результата.

Он захохотал, проводил приятелей к выходу, вытолкал под дождливое небо и сам исчез за углом, надвинув на круглую голову капюшон.

Северин оцепенел, не зная, как себя вести. Нина замкнулась в молчании. У неё были высокие скулы, радужки глаз серые, с мелкими точками возле зрачков.

— Ты не похожа на моего отца. Совсем.

— Я не говорила, что у нас общий отец.

— погоди! Ты дочь моей матери?

Медленный кивок.

Северин лишь сейчас понял, до чего профиль Нины поход на профиль Леди Марго — более чистый и юный, но с характерной формой спинки носа.

— Тогда извини. Это меняет дело. Мама бросила тебя, сдала в приют?

— Не совсем так. Она меня потеряла. Не бери в голову, никакой трагедии, я искала вашу семью по другим причинам.

— Я вообще-то курсе, что мама раньше была замужем, — заметил Мик. — За каким-то офицером, которого убили на границе.

...Северину было всё равно. Его мёртвый, несостоявшийся родитель, ничем не примечательный капитан сардарского корпуса, зарытый в безымянной могиле, давно стал тенью тени...

Нина вдруг фыркнула и улыбнулась.

— Глупости, он жив.

— Кто?

— Мой папа, довольно известная личность, консул Арбела.

— О, чёрт! Почему ты сразу не представилась? Зачем явилась в кабак?

Северин напрягся.

«Я ошибся, — подумал он. — Девушка не воровка и не лгунья, она дочь чужого политика и чокнутая как многие псионики. Её акцент идёт оттуда, из Арбела. Теперь неприятности точно произойдут».

— Очень серьёзная новость, — добавил он вслух.

— Жалеешь о знакомстве?

— А у меня что, был выбор? Проблема уже нарисовалась, её придётся решать. Ты давно в Порт-Иллири?

— Со вчерашнего дня.

— Уж поздно. Тебе следует вернуться в отель.

— Да, я забронировала номер в «Менгире».

— К родителям я сегодня не пойду, сниму для себя ещё один номер. Завтра поговорим на свежую голову.

Северину показалось, что Нина улыбается, но он почти сразу понял, что ошибается — по лицу девушки бродили дрожащие отблески фонаря. Снаружи отель по случаю траура выглядел тёмным и неприветливым. Северин назвал ночному портье свою настоящую фамилию и забрал у него ключ.

— Спокойной ночи, сестра.

В номере он долго лежал, уставившись в темноту. Работал кондиционер, нагоняя излишний холод, но Мик не мог отыскать в себе воли даже на то, чтобы поправить регулятор. «Что-то случилось, — понял он. — И дело не только в появлении этой Нины, что-то испортилось в природе вещей с самой осени». Северин перебирал в памяти мелкие детали прошедших месяцев, они рассыпались словно шелуха на сквозняке. Уснул только под утро — как будто разом рухнул в тёмный, всепоглощающий провал, и по-настоящему проснулся он только близ полудня от приглушённого пения отельного уника.

— Риордан на связи.

— Что там у тебя?

— Всё верно, она не врёт насчет родства, но я, когда вспомнил, что по пьяни натворил, сам испугался. Если узнают про кражу реактивов, мало не покажется.

— Я никому не скажу.

— Очень на это надеюсь.

— Ладно, отбой.

Через полчаса Мик уже успокоился. Сидя за столиком отельного ресторана, он по-новому рассматривал дочь чужого консула. Девушка выглядела как сенс, ещё не растративший ментального ресурса — гладкие щёки, лучистые глаза, некоторая углублённость в себя. Ночное тревожное наваждение отпустило. Раздражение вызывала лишь невозможность понять чужие мотивы.

— Итак, я тебя слушаю.

— Я жду твоей помощи, — быстро и коротко ответила она.

Мик отложил вилку. Нетронутое мясо стыло на тарелке.

— Если ты насчёт денег — я дам немного. Но твоя семья наверняка богата. Если ты сбежали из Арбела и хочешь политического убежища, лучше обратиться в преторию. Если дело касается нашей матери, то...

— Мне нужна защита на время.

— Погоди, погоди... Чья защита? Моя?!

— Ты мой брат.

— Я не уверен, что мне можно доверять, — ехидно ответил Северин. — Во-первых, я разгильдяй, которому собственный отец не поручает мне даже средненьких финансовых операций. Во-вторых, я играю на деньги и балуюсь травой. Я менеджер-недоучка, мои шансы дотянуться курс до конца и на что-то сгодиться очень близки к нулю.

— Это не имеет значения.

— Погоди, я не всё сказал. Псиоником мне не быть, можно даже не мечтать. У меня низкая сопротивляемость страху, неважная реакция и средний интеллектуальный коэффициент. С амбициями всё в порядке, поэтому вторые роли меня не устраивают, а первых мне никто не дает. Кроме того, я поссорился с половиной знакомых, а у нас, в Иллире, это опасно и...

— Не имеет значения.

— Я не убедил тебя?

— Нет.

— Чего тебе нужно?

— Я боюсь смерти.

Северин задумался.

— Все мы медленно умираем, — примирительно сказал он. — Рано или поздно, а иногда скорее уж рано, чем поздно, но наступает финальный переход. Я думаю, что тебе не следует бояться, — добавил он почти мягко. — Тут тебя никто не обидит...

Девушка теребила в руках салфетку. У неё были коротко остриженные ногти без маникюра. Мик не знал, что сказать, он рассматривал эти гладкие ногти.

— Я боюсь смерти, потому что точно знаю, когда она наступит, — хмуро, почти без эмоций, хриловатым голосом сказала Нина. — Это произойдёт через год. В обычный день, в сутки полнолуния, на одной из улиц Арбела я получу пулю в голову.

— Что?!

— Я — пророк.

— Пусть ты пророчица, но ты ошибаешься.

— Я никогда ещё не ошибалась. Ни разу.

Северин отодвинул тарелку. Люди по ту сторону прозрачной стены ресторана суетились, как суетятся цветные рыбы в аквариуме. Они, по-видимому, ничего не подозревали о сачке.

— Кто ещё знает о твоём видении?

— Мой отец.

— Он отказал тебе в помощи?

— Конечно, нет.

Арбелианка криво усмехнулась, несмотря на печальный вид, улыбка получилась по-своему обаятельная.

— Мой отец — нулевик.

— Что из того?

— Что? Он не чувствует ментального эфира и не разбирается в тонкостях ощущений предсказателя. Он человек дела и к тому же любит меня. Когда наступит день... *тот самый* день, понимаете? Мой отец закроет меня на вилле, усилит охрану, сам останется со мной и постарается защитить. Он сделает всё, что подсказывает рассудок. Но я умру тем вернее, чем больше будет стараний.

Нина всё теребила и теребила салфетку. её серые глаза смотрели мимо.

— Ты объясняла это отцу?

— Да. Он мне не поверил.

— Он знает, что ты уехала из Арбела в Иллиру?

— Теперь уже наверняка.

— Он попытается тебя вернуть?

— Я это «вижу».

Не на шутку заинтересованный Северин поёжился.

— И много ты всякого такого «видишь»? Только не говори, что видишь всё. Я уже чувствую себя освежёванным.

Нина пожала плечами, взгляд остановился на какой-то точке за спиной Северина.

— Твоё будущее пока не определилось — поспешно добавила она, и холодок опять коснулся Мика. — Что касается других в этом зале... Я знаю только кое-что, вижу отрывки и кусочки мозаики — например, вон тот толстяк за угловым столиком болен, он не протянет и полугода. Официант трусит, причина страха вне ресторана, виновата чья-то месть или его собственное прошлое. Один из этажей «Менгира» снял чокнутый магнат, но об этом можно было прочитать в газетах. И ещё...

— Что такое?

— Мик, сюда идут преторианцы.

— О! Надеюсь, мальчики явились не за мной.

Северин собрался, изо всех сил стараясь удержать остатки душевного равновесия.

Зеркальная дверь ресторана отошла в сторону. Тройка людей в чёрных мундирах прошагала через зал и исчезла за дверью,

предназначенной исключительно для персонала. Трусливый официант сразу слинял лицом до цвета йогурта. Мик перевёл дух.

— Зачем они пришли?

— Я не вижу этого.

— Из-за тебя?

— Нет.

Скепсис Мика на этот раз не устоял. К счастью, Нина не заметила, что его пальцы, сжимая бокал, непроизвольно подергиваются.

«...Или просто сделала вид, что не заметила».

Это нечаянное унижение заставило Мика встряхнуться.

— Ладно. Раз я твой брат, ты сейчас поедешь со мной. В Арбеле тебе угрожает опасность? Ну так не возвращайся туда. Наша мать не хочет тебя видеть? Плевать. Решения принимает мой отец. Он порядочный человек. Я поговорю с ним. Останешься у нас на год или дольше — до тех пор, пока предсказание не потеряет силу. От Арбела до Порт-Иллири далеко. Главное не покидать город. Ты согласна? Нина, поверь, я собираюсь помочь.

— Верю.

Северин так и не решил, сумел ли убедить девушку. То, что предстояло сделать, выглядело делом неподъёмным. Он уже представлял скептически поджатые губы леди Марго, его собственной матери.

«Ну, на этот раз я не уступлю ей и сделаю всё по своему».

— Как ты отыскала меня?

— При помощи Системы. Ввела имя матери и её приметы. Фамилия оказалась другая.

— У тебя сохранились её фотографии?

— Нет. Но я использовала своё собственное изображение и наше сходство.

«Она умна».

Мик расплатился и они вышли из ресторана. Бледное лицо трусливого официанта было обращено им обоим вслед — как будто обречённый человек напоследок пытался отыскать поддержку. На площади уже высохли лужи. Торопились утренние прохожие. Город потерял ночную таинственность. Теперь Северин удивлялся собственным соображениям.

— Это моя машина, но сядешь за руль ты, — сказала Нина, а потом забилась на заднее сиденье и устроилась там, поджав ноги. Всё же проглядывало и в ней кое-что безнадёжное.

— Не бойся, никто не посмеет держаться с тобою невежливо. Раз ты настоящая дочь консула Арбела, то по сравнению моей

мамой — очень большая шишка. Она-то всего лишь простая домохозяйка. Мой отец — совладелец химической компании.

— Я не боюсь.

— Если бы император Оттон не умер так некстати, ты могла бы обратиться к нему. Старик был чокнутым, но беглецов он принимал охотно.

— Сейчас поздно рассуждать о несбыточном. Лучше смотри на дорогу.

Мик отвлёкся, объезжая чужой неподвижный кар. Впереди неприятно полыхнуло. Стреляли из армейского излучателя.

«Что за ерунда?»

Северин придавил педаль тормоза, кар повело юзом и развернуло. Небольшая двухместная машина, которая ехала следом, проскочила мимо, вскользь задев и тут же скрылась в облаке едкого дыма. Клубилось очень сильно.

«Вот ведь зараза», — бормотал Мик, пытаясь исправить ситуацию. Он уже не слышал собственных слов. На этот раз машина Нины цапнул фонарный столб, скрежет пластика и лязг металла странно диссонировали с почти бесшумными выстрелами излучателей.

«Обезумели тут все, что ли?»

Страх он не испытывал. Случайный мотоциклист, неузнаваемый и безликий в капсуле шлема, перевернулся вместе с машиной и теперь катился по асфальту, крутясь, словно часть мобильной игрушки. Грузовик с эмблемой молочной компании на полной скорости пронёсся мимо... Машина крутанулась ещё раз и встала как вкопанная. Северин распахнул дверцу и вывалился в пропахшее дымом, топливом и страхом пространство города.

— Нина!

Оказалось, что она уже выпрыгнула следом.

— Не бойся, — спокойно сказала Нина. — С нами ничего не случится. По крайней мере случится не сейчас.

Северин схватил чужую прохладную руку и потащил девушку за собой. Оба отбежали в сторону, прямо в арочный проход, прорезанный в массивном здании какого-то магазина. Витрина успела разлететься мелким крошевом. Под ногами хрустело. Ворох искусственных цветов, очень похожих на настоящие, рассыпался среди битого стекла. Человеческий вопль — многоголосый и монотонный звук паники проник под арку и заметался изломанным эхом.

Именно тут, прижавшись спиной к шлифованным блокам камня, Мик Северин имел возможность в относительной безопасности

наблюдать развязку. Из излучателей стреляли двое — оба в гражданских куртках, с хладнокровными выражением на похожих лицах. Отстреливался, по-видимому, патруль преторианцев. Один из патрульных неуловимо смахивал на вчерашнего человека из бара. На корпусе кара, развернувшегося поперёк дороги, бодро плясали язычки пламени. Почти невидимые на при солнце, они опаляли на расстоянии.

Мик не мог оторвать взгляда от распластанных на асфальте тел.

— Давай уйдём, — сказала Нина — Иначе нас задержат как свидетелей.

— Да, ты права. Не на что тут смотреть.

Он с трудом преодолел оцепенение.

С противоположной стороны здания, в маленьком и чистом дворике стояла относительная тишина. Там полосатый кот чистил лапой замшевое ухо, и ждал разгрузки забытый всеми грузовой фургон.

— Кар ты взяла напрокат?

— Нет, купила.

— Машине конец, а тебя всё равно могут вызвать в преторию.

— Пускай вызывают, лишь бы не сейчас.

Этот равнодушный ответ почему-то задел Северина.

...Под лёгким бризом шумела аллея кипарисов. Арку (поставленную в честь какого-то давнего дела, впрочем, уже прочно забытого) плотно обсели белые голуби. Нина шла рядом с братом — он снова рассматривал её в полупрофиль. Сходство с леди Марго бросалось в глаза, но лицо матери часто выглядело брюзгливым, лицо же сестры, казалось, не имело изъянов.

Старая овчарка Тэнку встретила их, выбравшись из глубины сада. Она давно утратила щенячью прыть, поэтому двигалась медленно и вальяжно, лизнула руку Северина влажным языком, потом прижалась головой к руке Нины.

— Вокруг тебя вертятся животные.

— Это обратная сторона моих способностей предвидения.

— Ты знаешь, что будет сейчас?

— Не знаю.

Нина, возможно, лукавила, но за этим лукавство не чувствовалось зла. Они вместе поднялись по каменным ступеням крыльца, прошли под аркой, через холл, прямо навстречу леди Маргарите. Мик видел, как побелело лицо матери. Должно быть, она только что ткала гобелен, потому что когда тонкие пальцы разжались, клубок ниток — ярко-жёлтый шёлк — выкатился и мячиком поскакал вниз по ступеням.

— Мама, я это я!

Северин видел, как изменилась походка матери — в эту минуту она не думала правильности складок бархатного платья. Через несколько секунд она прижала голову Нины к своему плечу, руки, правильные, красивые, в кольцах, обвилились вокруг шеи дочери и заметно дрожали.

Мик остолбенел от изумления.

«Мама сразу ей поверила. Тут не голос крови. Наверное, они спались заранее, а меня водил за нос».

Леди Марго уже проглотила слёзы так ловко, что совсем не повредила макияж.

— Где ты был всю ночь? — недовольно шепнула она Мику. — Отец ждёт тебя, чтобы устроить взбучку.

Обе женщины упорхнули в гобеленовую мастерскую — в святая святых, чтобы там познакомиться как следует и поболтать.

Северин потащился к отцу.

Северин-старший ждал сына в кресле. Он выглядел усталым, но спокойным.

— Ты знаешь всё? — спросил его Мик.

— Только то, что мне поведали. Уверен, что она не вымогательница и не аферистка?

— Это дочь консула Дезета. У неё наверняка есть документы. Можно, не стесняясь, попросить их показать. Можешь навести справки в претории или получить информацию из их посольства. Да мало ли что? Ты всё это можешь, а я ничего не умею.

— Не пытайся острить, сынок. Сегодня не твой день.

— Я уже понял.

— Раз она дочь того самого правителя Арбела, мы и она — две величины несоразмерные.

— Значит, у меня и вправду была сестра.

— Твоя мать развелась с каким-то офицером как раз накануне очередной войны в Ахара. Младенец-девочка исчезла в степи вместе с отцом.

— Ты заметил, что с девушкой немного неладно?

— Да, она ведьма, то есть, выражаясь вежливо, лицо с заметным присутствием паранормальности. Я не биологический шовинист и не смущаюсь такими мелочами. Что она рассказала тебе?

— Что имела видение, и в Арбеле ей угрожает опасность.

— Романтический девичий стандарт.

— Ты не веришь?

— Не то, чтобы совсем не верю... Она могла обмануть себя или

неверно истолковать интуитивные ощущения. В любом случае, мы оказались в центре скандала.

— Если мы её выгоним прямо сейчас, это будет выглядеть ещё ужаснее.

— Ты прав, если мы поведём себя как трусы, это уже ничего не изменит.

— Мне кажется, мама сама не захочет расставаться с Ниной.

— Если твоя мать пострадает, виноват всё равно буду я.

Северин задумался, обратная сторона ночного происшествия уже предстала ему во всей красе.

— Это тебе не мелодрама, — жестковато буркнул Северин-старший. — Надо сообщить о происшествии властям. Из-за смерти императора преторианцы нервничают. Ладно. Уходи. Поздравляю — у нас большие неприятности...

* * *

Со дня появления сестры прошла неделя, и ничего особенного не случилось. Прокл Риордан больше не показывался ни в баре (куда Северин всё же заглядывал пару раз), ни в доме Северинов, его уником не отвечал, видимо, новоиспечённый магистр медицины на лето перебрался подальше от столицы. Овчарка Тэнку, одиноко бродя по саду, выла ночью на луну, но ни разу не зарычала всерьёз, виллы соседей, хоть иногда и оглашались буйными выкриками вечеринок, оставались обыденными.

Стояло душное и немного унылое начало лета. Жара быстро прибывала, окружая город плотной, невидимой стеной. Мик Северин почти ни с кем не встречался. Лошадей брали напрокат, Нина отлично держалась в седле. Брат и сестра уезжали в сторону моря — туда, где попрохладнее и где двойная цепочка конских следов легко исчезает в кромке прибоя. Леди Марго почти завершила новый гобелен, он был причудлив и малопонятен по сюжету.

Развлечение крысиными боями вышло из моды. О завещании покойного императора Оттона ходили всякие слухи. Генерал Линдер, сменивший мёртвого правителя Иллиры, сидел на троне непрочно.

Мик не думал про это, всецело захваченный любопытством другого рода. Технология пророчества занимала его воображение. Нина на вопросы отвечала уклончиво. Открытая и доступная в Системе информация не давала почти ничего. Попытки при помощи таблеток вызвать у себя пророческий транс кончились жалким неуспехом

и сильным недомоганием. Разгадка не давалась, и тогда Мик перестал биться о невидимую стену, предавшись ленивому созерцанию естественного хода вещей.

— Надо придумать общее имя, — однажды наполовину серьезно заявил он.

— Зачем?

— У нас разные фамилии, и в иллирианском языке нет слова, обозначающего брата и сестру одновременно. Придумай что-нибудь, чтобы назвать нас обоих.

— Зачем?

— Хочу послушать, что у тебя получится.

— Предсказатели...

— Ха!

...Однажды, время прогулки по самой кромке приюта, Мик мимо­лётно бросил: «Покажи будущее». По уверениям Нины, небольшой пяточек между двум валунами (песок и высохшие плети водорослей) «светился». Это природное «пси-свечение», совсем не видимое Мику, являлось необходимым атрибутом опыта.

Северин сел на мелкую россыпь битой ракушки.

Ему велели закрыть глаза — он их закрыл, подглядывая сквозь ресницы, как дочь чужого правителя собирает мелкие щепки. Некоторые она оставляла, некоторые — выбрасывала. Очевидно, выбирала сухие. Девушка сложила костёр и щёлкнула зажигалкой. Витой шнурок дыма уходил в небо. Потянуло гарью и ещё чем-то горьким, лёгким, ароматическим. Северин смежил веки.

Пальцы сестры сжимали его ладонь.

Он видел самого себя среди чужих холмов. Местность казалась незнакомой. Северин-который-был-в-видении медленно шёл, испытывая сильное отчаяние. Причины отчаяния Мик не понимал, но почему-то был уверен, что предсказание не лжёт, хотя грядущая беда оставалась тёмной. Он не мог прервать гадание и был вынужден прочувствовать всё до конца — низкое небо в незнакомой местности, заросли колючки, унылые холмы и осознание трагической неизбежности.

Когда Северин очнулся, Нина уже забросала костерок песком.

— Мне не понравилось, — скептически сказал брат. — Ничего не понятно и уныло. Остаётся надеяться, что я видел ложь.

— Быть может.

— Ты тоже видела что-нибудь?

— Опять то же самое, себя с дыркой в голове.

— Не будем больше дразнить судьбу.

Они вернулись домой. Из окна столовой пахло кофе. Тэнку, сидя на каменных ступенях крыльца, изгоняла блох из косматой шкуры.

Северин-старший закрылся в кабинете — очевидно, и его терзало дурное настроение. Леди Марго играла на пианино, получалось изумительно красиво. Нина ушла на балкон. Мик вскоре появился следом. Оба они курили, демонстративно стряхивая пепел на кусты роз.

— Я слышал, что по ту сторону границы, на севере...

Мик осёкся, но оба уже поняли, о чём идёт речь. Оба они были детьми, когда в соседней Каленусии от паранормальности лечили. Проект, просуществовав у соседей несколько лет, со скандалом провалился. Инициаторы лишились карьеры, и теперь едва ли ни каждый второй житель Каленусии грешил какой-нибудь разновидностью ментальной мутации. Репутация чокнутых до того прочно закрепилась за соседями и только это обстоятельство (по мнению Мика) мешало им перейти границу и навести в империи Оттона свои собственные порядки.

Он вздохнул. В соседском саду надсадно кричали — крик должен был изображать пение, но, видимо, певец одновременно страдал похмельем и ангиной.

— Надо бы обратиться к Келлеру, — спустя некоторое время сказал Мик. — Он может помочь.

— Чем?

— Поискать следы тех, кто тебе угрожает.

— А он может?

— Келлер раньше был чиновником в канцелярии дворца. Потом покалечился в аварии и ушёл оттуда. У него частный банк нелегальных записей о псиониках. Консультирует только за деньги и только в узком кругу. Сходим?

— Пожалуй, можно.

Мик Северин затушил сигарету и больше о Келлере в тот вечер не говорили. По уника шёл боевик. Герой оказался на высоте — счёт трупов шёл уже на десятки. Краем уха можно было подслушать разговор Нины и Северина-старшего. По всей видимости, сестра разбиралась в бизнесе отца лучше, чем сам Мик. Кажется, между нею и отчимом росло то уважение, которого Северин-младший никогда не мог получить для себя.

«Пускай», — решил он почти равнодушно.

Вылазка была намечена на послезавтра, и следующий день оказался растрочен попусту — до вечера лежали на пляже. К месту

действия отправились на такси. Машину отпустили за два квартала. Набитое офисами здание, каменное, массивное, украшенное резьбой, выходило к тротуару крыльцом. Нужная вывеска, напротив, оказалась лёгкой и едва ли не воздушной.

*Юлий Келлер.
Консультации по вопросам искусств*

— Не беспокойся, в некоторых искусствах он очень большой специалист.

Внутри стояла прохлада, тихо и приятно, не то, что снаружи. Толстые стены дома отсекали летний зной. Нина шла по длинному коридору рядом с Северином, быстро переставляя загорелые, обутые в сандалии ноги. Её сходство с леди Марго просто бросалось в глаза. Хозяин сам встретил посетителей, Мик заговорил не сразу, давая сестре возможность оценить открывшееся зрелище.

Оно того стоило.

— Вот это и есть Келлер.

Отставной дворцовый референт очень загорелый, с отросшими чёрными волосами, худощавостью и смуглотой походил на галку. Новый имидж вольного человека так сросся с хозяином дома, что из-под напускной небрежности почти не проглядывал чиновник. На Нину этот парень смотрел с явным интересом.

— Это моя сестра, дочь консула Арбела.

Кабинет едва ли мог называться кабинетом — середину занимал изрядно захламлённый стол — альбомы, кассеты, стаканы, липкие пустые склянки, сложенные стопкой этюды. Келлер на неуловимо короткий миг отключился (или так показалось Северину) — видимо послал куда-то ментальный сигнал. В отдалении, у самой входной двери тихо звякнуло.

«Заблокировал двери изнутри, чтобы никто не вломился некстати».

— Кофе, чай или вино с соком? — спросил «специалист по искусству».

— Только чай.

— А я буду вино с соком, — вмешалась Нина.

— Как пожелаете.

...Хромота хозяина выглядела более заметной, чем в прошлый раз. За способности заглядывать в мысли Северин дорого бы дал, но

этих способностей он не имел, а Нина имела, но, по всей видимости, пользовалась талантами умеренно и только для себя.

— Вы меня легко узнали, — сказала она Келлеру.

— В архивах осталась старая фотография. В возрасте пятнадцати лет. Я иногда посматривал на неё.

— Почему?

Бывший секретарь диктатора быстро и ловко наполнил одну чашку и два бокала.

— Хотите, чтобы я объявил об этом в присутствии вашего брата?

— Хочу. С этого и начнем.

— Ладно. За личное знакомство!

«Консультант» отпил из своего бокала.

Нина поднесла вино к губам, и, кажется, даже отхлебнула, хотя с точки зрения Мика уровень жидкости, заключённой в прозрачное стекло, не уменьшился.

«Чудеса, да и только».

Хозяин усмехнулся — обаятельно, криво, слегка цинично.

— У вашей сестры настолько бурное прошлое, насколько это вообще возможно для девушки её возраста. Сколько вам, леди? Двадцать пять?

— Двадцать четыре.

— Ваша биография и ваши достоинства дают мне право не деликатничать. С этого и начнём. Первое упоминание о вас встречается в деле вашего отца, Алекса Дезета. Вы оба жили в отвоёванной приграничной полосе долины Ахара — там, где Оттон выделил участки уволенным в отставку военным. Конфликт с Каленусией начался внезапно, сардарские ветераны конфликтов не успели ни собраться как следует, ни отступить, ни убрать свои семьи в безопасное место. Царил хаос, началось кровопролитие. Это так?

— Я была почти младенцем.

— Ваш отец попал в плен и на несколько лет застрял в Каленусийской Конфедерации, а вы — в самом обычном сиротском приюте. Скорее всего, по-каленусийски вы говорите без акцента.

— Это правда. Но я хотела бы спросить вас о важном для меня, а не выслушивать одно и то же.

— К этому и веду, — как ни в чём ни бывало ответил Келлер и долил себе из бутылки.

— Дезет вернулся в Иллиру спустя четыре года, почему он не погиб, остается только догадываться. Говорят, его невосприимчивость к пси-воздействию была кем-то использована. Так?

— Я слышала об этом от других.

— Вы оба вернулись в Порт-Иллири, потому ваш отец снова исчез, оставив вас в обители сестер Разума. Помните монахиню по имени сестра Наан?

Нина промолчала.

Келлер, удовлетворённый этим, повернулся Северину.

— Дезет уехал в Каленусию и назад не вернулся. После разного рода передраг стал консулом Арбела, их отколовшейся территории. Всё это очень интересно, но леди Нина знает историю лучше нас обоих. Меня же больше интересуют те несколько лет, которые ваша сестра провела у монашек Разума.

— Да?

Келлер смотрел на Мика с тем особым корректным выражением лица, по которому не читаются мысли.

— Сёстры Разума развивали в детях способность отличать добро от зла. Но что-то пошло не так — чуткость превратилась в дар предвидения. Ваша сестра из этих продвинутых малюток.

Нина сомкнула побелевшие губы. Очевидно, разговор сложился не так, как ожидала она.

Келлер ухмыльнулся — вежливо, но чуть снисходительно.

— Вы, действительно, редкостная девушка. Хотите знать, Северин, чем закончилась воспитательная программа монашек?

Мик заметил, как поникла сестра. Жалость охватила его.

«Я зря привёл сестричку к Келлеру, он ведёт себя как козёл — много знает и не стесняется».

— Нам пора. Спасибо, за консультацию я заплачу.

К удивлению Мика, Нина не тронулась с места.

— Дослушай его до конца, — хрипловатым голосом посоветовала она. — В конце концов, ты должен узнать и об этом тоже.

Келлер кивнул.

— Я буду предельно краток, насколько позволит сюжет. Наш повелитель, император Оттон, пусть земля ему будет пухом, злом считал неповиновение, а предсказателей не любил. Точнее, он любил благоприятные пророчества и оккультная информация, которая шла к нему, фильтровалась специальными людьми. Однако со временем, эксперименты с предсказателями надоели его величию и начали его раздражать. Матери Наан было сильно за шестьдесят, её проповеди пользовались популярностью среди нищих и мелких уголовников. Понятно, что следовать строгим предписаниям никто из подонков не собирался, но эту леди уважали за отвагу, широкую благотворительность,

и личный пример. Потом старая дама умерла... возможно, не совсем естественным способом. Говорят, ещё несколько девушек в монастыре перенесли лихорадку, но погибла только настоятельница. Организм был изношен годами аскетизма.

Мик слушал рассказ с интересом.

«Как я жил раньше? Пытался понять неинтересные мне экономические теории, иногда дрался с кем придётся, пил с Риорданом или без него, ругался с матерью и терпел дружелюбное пренебрежение отца. Как всё это было привычно и... скучно».

Теперь ветер опасности веял Северину в лицо. За обликом взрослой девушки он видел девочку, потерявшуюся во враждебном мире. Мать Наан могла оказаться святой мученицей, и с равным успехом — интриганкой, автором сомнительного эксперимента.

Келлер между тем продолжал:

— Леди Нину ещё ребёнком вернули отцу, отправив в Арбел. Скорее всего, её способности к предвидению проявились позднее. Существует ли настоящее ясновидение? И да, и нет. Подсознание, развитое и богатое, воспринимает малозаметные сигналы тревоги. Их можно обобщить и связать. Мистическая обстановка довершила дело — ваша сестра видела нечто пугающее. Наверняка в подсознании девушки есть информация о настоящей причине. Найдите её, вытащите наружу, и всё переменится. Вы сумеете посмотреть страху в лицо, и он отступит. Поверьте, леди Нина, если туман в деле не исчезнет, вы никогда не узнаете правды.

Бывший референт замолчал.

«Станный он, всё-таки, человек».

— Спасибо. Какую плату вы возьмёте с меня?

— Никакой.

— Мы так не договаривались.

— Вы можете предложить некую сумму, ваше право, но я не приму денег.

— А мотивы?

— Не обсуждаются.

— Уходим.

Северин стиснул в своей ладони ладонь Нины и почти потащил сестру к выходу.

— Ты веришь ему? — спросил он под жарким небом Порт-Иллири.

— Отчасти. Келлер темнит, но не до конца врёт. Он вроде бы атеист, с братьями Разума принципиально не якшается. И всё же

в чём-то он прав — глупо было прятаться от собственного страха. Страх всегда идёт за тобой.

Как ни странно, скандальный разговор с Келлером успокоил их обоих.

— Предскажи что-нибудь, только прямо сейчас.

Нина прищурилась, высматривая что-то в мареве городской жары.

— Пусто и глухо. Старое предсказание мешает новым. Хотя... Видишь вон то мороженое на асфальте?

Северин понял всё, даже договаривать не понадобилось. Он остался на углу с интересом дожидаясь развязки. Патруль преторианцев появился внезапно. Мик с интересом выслушал брань поскользнувшегося, хотя и придал лицу отсутствующее выражение.

Остаток дня он и Нина провели на пляже.

Молчали больше, чем говорили. Предсказательница швыряла в воду плоские камешки и считала скачки, которые успеет сделать голыш, покуда не булькнет, уходя на дно, чтобы остаться там среди других камней, крабов, водорослей и витых ракушек. Чтобы загасить тревогу, они купались до самого вечера, пока вода не сделалась теплее, чем остывающий воздух. В эти часы незримое облако спокойствия накрыло побережье. Было тихо и безветренно, брели, обнявшись, пьяные от летней истомы парочки. Пели цикады, хрипловато наигрывала музыка в прибрежном баре.

Домой вернулись на такси.

Овчарка Тэнку не встретила их, в глухих закутках, в зарослях рододендрона сгустилась тьма.

— Мама!

Магия летнего вечера моментально исчезла.

Люстра не горела. Мик заметался в темноте, отыскивая ручной выключатель, под руку попадались шершавые обои, каменные панели, холодные плети декоративных растений. Так же на ощупь он отыскал в ящике комода пневматический пистолет.

— Мама! Папа!

В глубине дома зловеще мерцало красным. Кто-то возился возле камина. Тлела догорающая бумага, последние искры уже сделались не больше светящегося жучка. Чужак выпрямился и замер — очевидно, он плохо видел в темноте.

— Мик! — взвизгнула Нина, которая осталась у порога. — Вернись немедленно назад!

Чужак (тёмная, опасная груда) дёрнулся навстречу.

«Я должен защитить сестру».

Северин вскинул оружие и выстрелил. В тот же момент старая керамическая ваза на полке разлетелась звонкими черепками. Вспыхнул ещё один огонёк — голубоватое пламя зажигалки. Чёрный человек подпалил зажигалкой смятую газету и швырнул её поверх догоревшей.

— Дурак, — угрюмо и озабоченно произнёс он голосом Северина-старшего. — Твой пистолет — хлопушка, но глаз мне вышибить мог.

— Ну, извини. Может, скажешь, что здесь происходит?

— Какой-то псих перерезал нам кабель. Ты видел маму? Её нет ни в доме, ни у соседей.

Газета горела, огонь теперь освещал лица всех троих.

Мик впервые видел отца таким встревоженным.

— Она могла уехать в центр.

— Кар Маргариты в гараже. Собаки нет ни в доме, ни в саду. Ты что-нибудь слышишь?

— Не слышу.

— Вот именно. Не скрипят ступени. Нигде ни дыхания, ни движения, если не считать нас троих.

— Вызови полицию.

— Уже вызвал, но я не собираюсь больше ждать...

В оранжевых отблесках Мик видел, как отец ловко крутит замок сейфа. Увидеть комбинацию не получалось. Руки у отца были правильной формы — не пухлые ладони, как у Риордана, не заскорузлые лапы, как у портовых грузчиков. Уверенные.

«Смог бы он выстрелить в человека?»

— Я тут хрюню армейский излучатель, на крайний случай. Он без лицензии, но это не важно. За виллами есть спуск к морю, на той стороне мыса каменистое дно, никто не купается, в тёмные часы пусто. Не знаю, зачем Маргарита могла пойти на побережье, но больше отсюда податься некуда.

— Пойдём вместе.

— Нет. Оставайся и присматривай за сестрой. Если приедет полиция, объясни им ситуацию.

Отец ушёл в ночь так быстро, что Мик не успел ничего сказать. Так и остался в растерянности стоять на крыльце, пока не догадался, что его собственная фигура в светящемся проеме — отличная мишень для притаившихся врагов.

— Мама!

В саду звенели ночные цикады. Приглушённая музыка донеслась со стороны соседней виллы. Играли на синтезаторе, умело создавая

помесь лёгкой грусти и душевного подъёма, но Северин не понял, красиво это или нет. Он знал, что погубил свою мать, когда привёл в дом чужую девушку, а вместе с нею — пророчество и древнее проклятье, рождённое на чужой земле, среди холодных холмов, где почва — и та враждебна.

— Я должен идти.

— И я с тобой.

— Отстань!

Он почти толкнул сестру, и та отстранилась.

— Мик, погоди!

— Жди здесь.

Чтобы сократить дорогу, Северин вломился в заросли рододендрона, хрустели стебли, что-то мягкое, недавно ещё теплое, напоминавшее большую плюшевую игрушку, попало под ноги. Он, выругавшись в ночь, остановился и опустился на колени.

Игрушкой оказалась мёртвая Тэнку.

Он ощупал шкуру старой собаки с клочками не перелинявшей к лету шерсти. Дотронулся до головы, нашёл закрытые глаза и жёсткую щеточку усов. На мокрой от слёз морде запеклась кровь.

— Мама!!!

Северин уже бежал прочь. Он вылетел из зарослей в вихре содранной листвы. В ограде зияла старая брешь. Шоссе в этом месте огибало скалы и уходило в сторону, точно повторяя контуры побережья. Ответвление дороги, каменистая тропа, спускался к валунам, чтобы окончиться тупиковой площадкой в пятидесяти метрах от кромки прибоя.

«При мне нет фонаря».

Северин на стал возвращаться, отражённого свечения луны хватало, чтобы разглядеть ровный асфальт, шершавый камень, очерк тяжёлых скал и едва заметное шевеление чахлой зелени.

— Отец!

Мику никто не ответил.

Северин осторожно пошёл вперёд, держа в опущенной руке почти бесполезный пистолет. Он ощущал сонное дыхание ночного моря. Кучки сгнивших водорослей с чавканьем разъезжались под ногами. У самой площадки горел одинокий фонарь, питавшийся, должно быть, энергией ветра. Мачта с вертушкой стояла неподалёку, ночной бриз, который дул с суши, крутил её всюю.

Площадка оказалась пуста. Северин остановился в тени. Причина для осторожности была — гремели камни в скалах. Этот звук

повторился несколько раз, потом нарисовались тёмные силуэты, мелькнули звёздочки зажжённых сигарёт. Двое, сблизив головы, обменивались отрывистыми фразами. На поясе у незнакомцев болтались компактные излучатели. Мик прижался к скале, потом отступил на шаг. Скрипел флюгер ветряка. Двое, договорив, быстро пошли вверх по дороге и вскоре исчезли.

Мик вытер со лба холодный пот. Потом он вошёл в воду, опасаясь сквозь прозрачный слой моря увидеть на дне тело матери, и чуть не упал, оступившись на скользких валунах.

— Эй!

Голос отца, раздавался справа. Северин вернулся, и, раздирая кожу о колючие кусты, он пролез к основанию скалы. Отец был там, он сидел на корточках, рядом с тёмной неподвижной грудой.

— Это она. Возьми мой уником, позвони в больницу и в преторию, пускай сюда подъедут.

— Мама умерла?

— К счастью, нет, — всё так же сдавленно ответил отец. И добавил не без фатализма. — Но не знаю, к лучшему ли это.

Мика колотило. Он отвернулся, не в силах смотреть.

Отец вытащил и закурил сигарету.

— Мой долг — заботиться только о Марго, но ты иди к своей сестре, она девушка и она в опасности.

Когда Мик вернулся на виллу, чужие люди уже ходили по комнатам, а Нина сидела в кресле, сонной птицей забившись в угол.

— Ты знала заранее? — холодно спросил Северин.

— Нет.

— Ты не докажешь этого никогда.

— Я готова поклясться, чем захочешь.

— Будь оно проклято, это твоё предвидение.

— Я прокляла свой дар первой.

Северин долго бродил по дому неприкаянный, пытаясь найти безлюдный уголок, и нашёл его — гобеленовую мастерскую матери. Там стоял забытый станок с незаконченным пушистым ковриком. На коврике был выткан цыплёнок — туловище вплоть до шеи, но без головы.

Истерики Мика никто не видел, но Нина чувствовала её, хотя деликатно не показывалась.

— Спасибо тебе, — сказал он через несколько часов, уже догадавшись обо всём.

— За что?

— За деликатность. Я был не прав и сам знаю это. В подлых делах чаще всего страдают беззащитные.

Отец вернулся только под утро — бледный от бессонной ночи, но почти спокойный. Куда делся излучатель, Северин-младший так и не заметил — возможно, ствол просто лёг назад в сейф, на постоянное место.

— Нам нужно поговорить по душам.

— Да, конечно.

Разговор состоялся чуть позже, в кабинете.

— Я не знал, что ты водишься с преторианцами, — хмуро и жёстко сказал сын. — Ты завяз в их делах, а потом император умер, и кто-то тебе отомстил.

— Ты глуп, — без околичностей ответил Северин-старший. — Я поступал так ради семьи.

— Из-за тебя пострадала мама.

— Без меня она погибла бы давно. Я женился на женщине, занесённой в чёрные списки императора. Этот брак её спас. Я поступал в целом правильно и, надеюсь, совершил мало зла. Мы оберегали тысячи людей.

У Северина-младшего не осталось желания спорить.

«Маму я ему точно не прощу».

— Как всё это произошло?

— Меня не было дома. Кто-то из этой сволочи перерезал провода. Марго не любит темноты в доме. Когда она вышла в сад, её схватили, дотащили до машины, попытались увезти, но кто-то вспугнул похитителей, и тогда твоей матери выстрелили в голову. Наверное, тело хотели утопить, но там на несколько километров мелководье, поэтому бросили тело в кустах. Её спасла пластинка, давным-давно вживлённая в череп.

— Лицо ведь сильно повреждено?

Северин-старший не ответил.

— Надеюсь, их найдут, — сказал он, помолчав. — Во всяком случае, мне обещали, что наказание будет максимально суровым.

Северин чувствовал себя неважно — сказывался вчерашний стресс.

— А Нина?

— Не буди, пускай выспится. Нина тут ни при чём. Она и Марго любили друг друга как мать и дочь, если бы твоя сестра предвидела покушение, она бы сказала.

— И что теперь?

— Твоя мать поправится не скоро. А прежней ей уже не бывать. Скажи своей сестре — пусть уезжает. Мы не можем её спасти, мы и себя-то спасти не можем.

— Ты в душе хороший человек, но поступаешь как мерзавец.

— Нет. Если Нина останется здесь, с нею рано или поздно случится несчастье безо всяких пророчеств.

Мик кивнул.

— Ладно, я с ней поговорю, но ты...

— Я, возможно, не доживу до старости, сынок, но о тебе я позаботился — поедешь так далеко от Порт-Иллири, как только это можно устроить. Менеджер из тебя никудышный, так что поищешь за душой другие таланты, может, займёшься археологией.

— Я её терпеть не могу.

— Не важно, ты её полюбишь. Я навёл справки — есть место в команде, которая хочет доказать древность наших поселений в Ахара. Целый год на природе, с лопатой и щёткой в руках, выгонит хандру напрочь...

Мик ушёл сразу, как только разговор окончился. Северин-старший был прав, но хотелось умыться. Казалось, слой грязи и пыли прочно осел на лбу и руках.

Старую овчарку Тэнку зарыли в саду, привалив холмик камнем. Перед тем, как уехать в Ахара, Мик посетил госпиталь. Лица матери он так и не увидел — голову до сих пор скрывала плотная повязка. Леди Марго спала, одурманенная лекарствами. Он молча посидел возле кровати и вышел, стараясь не замечать любопытства медиков.

Нина ждала его на улице.

— Ну, как?

— Надеюсь, что обойдётся.

— Я тебе сочувствую.

— Спасибо.

— Ты зря не взял меня в госпиталь. Я успела полюбить её.

— Лучше будет, если ты навсегда запомнишь её прежней. Знаешь что? Загляни-ка лучше в мои мозги.

Он расслабился, позволяя мысленный контакт, хотя на деле сенсу не требуется согласие. Она замерла на месте, прикрыв серые глаза.

— Я поняла всё, что ты хотел сказать.

— Ну и славно.

Они вместе уходили прочь, на сборы перед отъездом оставался всего один день. Профессор Варул, старый знакомый Риордана, охотно принял вместо одного рабочего двоих.

А пока что Северин шагал по улице, унося с собою мысль, которая уже стала частью их обоих.

«Истинно пророчество или ложно, не имеет значения. Если будущее не изменить, ты можешь поступать, как захочешь, действовать решительно и не останавливаться на полпути. Значит, сейчас и тогда, в прошлом, будущем или настоящем — ты всегда остаёшься свободным...»

Глава 2. Истуканы вечера

Высокий менгир торчал на фоне заката. Его нижняя половина оставалась в земле. Истёртые временем и ветром знаки на камне ещё можно было разобрать. Непонятное действует угнетающе, буквы или символы — не поймёшь, складывались в сложную вязь, в которой случайный взгляд не разглядит смысла. Неподальку, возле груды земли, слабо шевелилась искалеченная кибер-вагонетка. Эта полуразумная машина странно контрастировала с древним спокойствием тяжёлого монолита.

— Келлер! Как вас занесло в такую глушь?

Келлер прекратил созерцание менгира, символов, кибера, неба и плоской степи.

— А, это вы, Мик... Спрашиваете об этом искусствоведа, меня? Приехал лично сделать копии древних орнаментов.

Мик вытер лицо и сплюнул в сохлую траву.

— Говорят, это текст, а не орнаменты.

— Вы умеете их читать?

— Совсем не умею. Моя специальность тут — уборка территории во всех её проявлениях, борьба с шакалами и блохами.

Северин, махнув рукой, побрёл в сторону палаток, а бывший секретарь Оттона, сделав несколько снимков, ушёл в другую сторону — туда, где остался его джип.

Покалеченная вагонетка подёргалась и затихла. Келлер шлепком пробудил собственного полевого кибера, быстро ввёл изображение, скопированное с монолита, и долго сидел, отрешившись от всего и рассматривая результат.

Потом хмыкнул и устроился на ночлег на надувном матрасике в палатке, перед тем сжевав ужин из разогретого концентрата. Невыключенный кибер продолжал работать и тихо шелестел, но Келлера технические звуки не тревожили, потому что за годы жизни он твёрдо

усвоил — опасность и беспокойство могут исходить только от людей.

А Северин закончил работу, только когда оранжевое косматое солнце скатилось за ровную, словно по линейке прочерченную линию горизонта. Спал он плохо, измученный духотой, пылью и навязчивыми опасениями получить укус ядовитого паука.

Келлер тоже отдыхал мало и встал очень рано — в тот час, когда тени не существуют, люди кажутся тенями, а неживые предметы принимают контур затаившегося человека. Кибер закончил ночную работу и затих. Скопированная с камня надпись была расшифрована лишь отчасти, но именно эта часть представляла настоящий интерес.

Слабые люди идут на поводу у страха, смелые и в равной степени глупые — не боятся ничего. Бывший секретарь Оттона отличался от них и привык к контролируемой тревоге.

Он ещё раз перечитал надпись, при помощи уникала переслал копию самому себе, на тайный адрес, затем извлёк из коробки набор для резьбы по камню и отошёл от палатки.

Шакалы, которых мучила жажда, подошли совсем близко. Один из них, облезлый и голодный, с порванным ухом, встал на задние лапы и обнюхал гулкую цистерну, на дне которой ещё оставалась «техническая» вода. Звери, слишком осторожные, чтобы напасть без необходимости, лишь ощерились в сторону человека. У основания монолита Келлер устроился так, чтобы между ним и лагерем оказалась высокая и широкая куча земли. Укрывшись от любопытных глаз, он вытащил инструменты, включил резец-излучатель и приступил к работе — для начала зачистил фрагмент надписи, потом прошёлся по соседним участкам, повредив их так, чтобы разрушения выглядели естественно. После этого на зачищенном фрагменте вырезал символы, тщательно скопировав их с клочка бумаги.

Результат впечатлял, но всё же казался не идеальным. Тогда Келлер убрал излучатель и обычным, ручным резцом добавил две-три детали, после чего протёр получившуюся надпись жгучей жидкостью. Теперь ломаная вязь символов на монолите выглядела совершенно естественно — достаточно чёткая, но вместе с тем словно бы изъеденная временем.

— Вот так. Надеюсь, они до сих пор не сделали подробных снимков...

Он встал и отряхнул песок с колен. Обозлённые недоступностью воды в цистерне, хищники начали драку между собой. Их голоса — печальные и вместе с тем отвратительные, заглушили все другие

звуки на исходе ночи. Чуть погода шакалы отыскиали у цистерны слабое место — заплату из относительно мягкого металла. Грубые когти скребли её до тех пор, покуда не продырявили, ржавая вода потекла тонкой струйкой в песок, а звери принялись лизать землю...

Келлер молча усмехнулся. Инструменты упрятал в укромное место, бумагу с символами сунул в походный утилизатор, уничтожил даже пустую пачку от сигарет. Сложил палатку, перелил топливо из канистры в бак. Двигатель завёлся легко, но его шум отчётливо разносился над полусонным лагерьем.

«Хорош я буду со своим враньём, если из палатки вылезет Варул и спросит, какой такой холеры гость исчезает спозаранку, не дождавшись результата расшифровки».

По счастью, в лагере не проснулся никто. Джип немного потряхивало, ориентиром служила оранжевая полоска вдоль восточного горизонта. Через час совсем рассвело, беспокойное красноватое зарево исчезло. Сухая равнина тянулась до самого горизонта, этот скучный пейзаж нарушали лишь проплешины более-менее свежей травы. Местами попадались скособоченные земляные холмики, сооружённые грызунами. Келлер с отвращением представил себе сплетение подземных переходов, гнёзда, кишашее жирными тушками. Дорога, едва заметная заросшая колея, стелилась под колёса, и он прибавил скорость, прикидывая, в котором часу окажется в Ахаратауне.

Первыми признаки города оказались не строения, а особым образом вытоптанная трава, со следами колёс и тем мелким мусором, который в изобилии поставляют человеческие поселения. Местность перешла в череду пологих холмов, прямо за ними, ближе к востоку лежал Ахаратаун, который бывший референт канцелярии Оттона в душе считал провинциальной дырой.

«При Старике тут селили ветеранов войн с каленусийцами».

Близ дороги торчал пыльный менгир — ещё один. Он не представлял интереса и выглядел словно палец, дерзко уставленный в небо.

Келлер ухмыльнулся, представив себе сцены, которым предстояло разыграться в лагере Варула.

Тем временем предместье Ахаратауна обступило его и сделало частью себя. Играла музыка, женский голос в записи, низкий и протяжный, пел о любви, но слова, произносимые с гнусавым акцентом пограничных территорий, сливались в маловразумительное горячее бормотание. Затянутые сеткой двери домов выходили на крытые чистенькие веранды. Пришло время второго завтрака, возле распахнутых окон витал аромат кофе и ванили.

Мимо пробежали две девочки лет десяти, потом прошествовала толстая старуха в дорогом, но не подходящем к сезону платье, под конец протащился бухой парень с пустыми глазами.

Келлер наградил пьяницу мимолётным холодным вниманием, а затем отыскивал то, что хотел найти с самого начала — дом, чуть поменьше других, за высокой оградой, выращенной из колючих кустов. За прищельцем следила маленькая видеокамера, пристроенная под карнизом между двумя гнёздами ласточек. Келлер улыбнулся в объёktiv, давая рассмотреть себя.

— Здравствуй, Кэт.

Женщина открыла калитку в решётчатых воротах и тотчас обвила его шею руками.

— Всё прошло гладко?

— Лучше не бывает, — ответил он гордо и снисходительно.

Глаза женщины, чёрные, блестящие и раскосые, удовлетворённо сверкнули — не столько от жадности, сколько от восхищения.

— Расскажи, как это было.

— Не сейчас.

Дом, снятый на время, был похож на другие жилища Ахаратауна — тот же аромат завтрака, розового палисадника и побеленных стен. Келлер попытался отыскать в незнакомой обстановке хоть что-нибудь подозрительное, но не нашёл ничего.

— Как тихо...

— Потерпи, любимый, я приготовлю тебе ванну.

Бывший чиновник канцелярии Оттона остался один в маленькой комнате, он слушал, как бьются об оконную сетку пчёлы, как тикают старинные электромеханические часы и слегка потрескивает нагретый пластик. Понемногу удивительно приятное чувство успокоения охватило его.

«Я пошёл на риск и вышел из передраги без осложнений. Не просто живым — победителем».

...Ванна веяла лавандой, завтрак показался голодному Келлеру очень вкусным.

Ближе к вечеру, рассматривая спящую Катерину, он попытался припомнить крошечный штрих, мелкую деталь, которая портила картину победы, но его отвлекало зрелище нагой женской груди.

...Упущенную деталь он вспомнил близ полуночи. Встал (женщина не проснулась), не одеваясь, прошёл в кладовку, перерыл сваленные в углу вещи. Степная пыль пачкала руки бывшего секретаря,

когда он с досадой расшвыривал коробки, этим утром извлечённые из джипа. Контейнер с набором инструментов отыскался под грудой белья. Резца-излучателя внутри не оказалось.

Юлий Келлер заметался, ещё цепляясь душой за надежду, что вещь выпала и затерялась где-нибудь среди скопища разнородного хлама. Связка сушёного лавра внезапно обрушилась с потолочной балки и едва не довела его до бешенства.

«Это Северин во всём виноват. Встреча с ним меня смутила, а потом отвлекли эти проклятые шакалы. Я забрал почти все инструменты, но забыл там резец. Теперь эта улика лежит на виду у подножия менгира... Или больше не лежит».

Келлер не боялся властей. Он знал, что успеет перейти границу и оказаться в Каленусии, но мешала Кэтти. Люди Джено не показывались около двух месяцев, но, без сомнения, находились поблизости.

«Я не могу взять женщину с собой, но и оставлять в Ахаратауне её опасно. У бедняжки и хладнокровия маловато. Разве что... Я должен сам вернуться туда...»

Дерзкий план — вернуться в лагерь Варула с грузом воды — тут же сложился в возбуждённом разуме Келлера.

«Если резец не нашли, я подберу его. Если нашли... что-нибудь придумаю».

Он тихо вернулся в спальню, отыскал и натянул одежду.

Женщина проснулась, потянулась котёнком, затеплился ночник в виде водяного цветка.

— Я отлучусь на три дня, — глухо сказал Келлер. — Один.

— Что стряслось, милый?

— Ничего страшного. Спи. Нужно перед отъездом уладить дела.

— В Ахара? Ночью?

Крайнее изумление отразилось в раскосых глазах Катерины, но Келлер сделал вид, что не заметил этого:

— Дела в Порт-Иллири. Теперь, когда деньги почти в кармане, я хочу расплатиться за оборудование, нет нужды наживать новых врагов.

— Дождись утра.

— Нет времени.

— Останься со мной. Заплатим твоим друзьям через банк.

— Нет! Перевод денег нас выдаст.

Она, кажется, поверила, скользнула под одеяло и обиженно затихла.

Юлий поцеловал женщину в бледный висок и вышел в ночь.

Погрузил в джип канистры с водой — столько, сколько влезло в багажник, потом пинком распахнул ворота и вывел машину на дорогу.

Он гнал джип так быстро, как только мог, держал путь на запад. Приспособленные к бездорожью колёса легко сминали бугорки звериных нор. Рисунок звёзд, будто издевки ради, выглядел полужнакомым. Обе луны совершенно затянуло облаком, в сгустившемся мраке что-то хрустнуло и взвизгнуло так, что этот звук перекрыл даже рокотание мотора.

— Грязная тварь.

Характерный хлопок лопнувшего колеса заставил Келлера выругаться, в лучах фар не оказалось никого, лишь плясали привлечённые светом белесоватые ночные бабочки. Возле машины под ботинки попала тушка — меньше шакала, примерно с крупного кота. Несло звериным калом.

Келлер переждал приступ боли в колене, открыл багажник, засветил фонарь и принялся менять колесо, стараясь не поддаваться панике. Животные, если они и скрывались во тьме, покуда не показывались. Чтобы не рисковать, пришлось забрать пистолет из бардачка и положить во внешний карман.

«Всё это мелочи. В Ахара нет по-настоящему опасных зверей. Кроме, конечно, человека разумного».

Шаги — нагловатые и осторожные одновременно — шуршали где-то слева, потом вислозадый силуэт шакала метнулся в сторону. Шорохи, животный вой и покашливание раздавались совсем рядом. Келлер закинул спущенное колесо в багажник и принялся ставить новое. Длинное насекомое угрожающего вида проползло по голой руке. Он гадливо потряхнул существо на землю, раздавил каблуком хитиновый панцирь и выпрямился.

Что-то изменилось в ночи. Тявканье хищников слышалось теперь в отдалении, зато совсем близко мелькнула искра. Она потеплилась, потом угасла, словно затоптанный светлячок. Возможно, у неизвестного попутчика сломалась спичка.

— Огоньком не поделишься?

Тот, кто задал этот вопрос, был высок, худ, костист, но, судя по длинным цепким рукам, очень силен. Потрёпанная куртка давно потеряла свой первоначальный цвет.

«Из обнищавших крестьян, наверно».

«Крестьянин» подошёл вплотную, и Келлер быстро понял ошибку — потный припорошенный пылью бродяга держал на изготовку

старый, очевидно краденый излучатель армейского образца. Вещей при парне не было, если не считать поясной сумки. Его волосы неряшливо отросли до плеч.

— Курева не подкинешь?

Бывший секретарь Оттона ответил утвердительно, и щёлкнув дорогой зажигалкой, поднёс огня длинноволосому. Тот, видимо, не только не стригся, но и не брился давно. Жёсткие складки залегли в уголках широкого рта, делая хозяина похожим на угрюмую рептилию.

«Дезертир или грабитель в бегах...»

У Келлера засосало под ложечкой. Лет пять назад его не смутила бы ночная схватка один на один. Теперь покалеченное колено сводило шансы до минимальных.

— Деньги найдутся?

Он пошарил в кармане и протянул бумажник. Бродяга засунул добычу за пазуху и выпустил в лицо собеседнику струю сигаретного дыма.

— Ты тут один? — спросил он, двусмысленно усмехнувшись.

Келлер кивнул.

— Отстал от каравана, потому что спустило колесо. Но за мною ещё два джипа с водой и машина с охраной — будут тут через четверть часа.

— Сойдёт. У нас с тобой на развлечения куча времени. Положи-ка руки на капот, хромой.

Келлер покорно выполнил приказ и дал длинноволосому себя обшарить.

— Хотел пристрелить меня? — спросил тот тускло и зловеще, забрав чужой пистолет. — Сознайся, ведь хотел...

— Нет. Конечно, нет. Я мирный человек.

Референт говорил севшим голосом, Бродяга, не торопясь, обыскивал его снова, как будто специально продлевая это занятие.

— А «маячок» при тебе? — опять как бы нехотя поинтересовался он.

— Простите, что?

— Штучка такая, которая может засечь меня, когда ты будешь трупом. Хотя ладно, молчи, я знаю, что на тебе всё чисто... А теперь снимай одежду, хромой.

— Зачем? Деньгами я готов поделиться и так. Берите заодно машину. Я даже не стану жаловаться на вас властям — клянусь.

Бродяга хмыкнул, обнажив на миг тёмные зубы. Он подошёл совсем вплотную. Теперь фары хорошо освещали его.

— Мне нужна новая одежда, хромой. Если не поторопишься, получишь пулю в брюхо. Куртка, конечно, пропадёт, но я хотя бы получу удовольствие от твоего визга. Стягивай своё барахло, ты, кусок говна.

Келлер быстро стянул куртку и бросил её под ноги длинноволосому. Тот, не нагнувшись за ней и не повторив обычной ошибки дилетантов.

— Плохо, что нет галстука, он дорогая штука. А что у тебя на шее болтается?

— Талисман.

— Дешёвка, можешь не снимать. А мне давай рубашку.

Рубашка упала следом. Келлер остался с кулоном на шее, голый по пояс, обдуваемый ночным ветерком. Длинноволосый, не опуская излучателя, докурив сигарету, метнул окурочок в трупик степного кота и ткнул стволом в диафрагму бывшего секретаря-референта.

— Твои штаны мне коротковаты, но всё равно сойдут. Снимай. Материал потому что хороший. Ботинки тоже отличные.

Келлер покорно кивнул, присел на корточки, расшнуровал и снял один ботинок.

— Как мне вас называть?

— Зови меня просто — погибель.

— Слушайте, я ведь не сделал вам ничего плохого.

— Сделал. Ты чистый, хитрожопый и с деньгами — вот твоя вина.

Келлер стянул второй ботинок, поставил его аккуратно, к ногам налётчика, рядом с первым.

— Я всерьёз. Давайте, выпишу чек, и мы разойдёмся миром. Только назовите сумму и ваше имя.

Бродяга захохотал и даже закашлялся.

— Имя, говоришь? Живодёр моё имя. Красивая, правда, кличка? Не считай меня за дурака, и хватит тянуть.

— Я вас не задержу.

Получилось, и впрямь, довольно скоро. Заточенная спица (которую Келлер незаметно вынул из подошвы ботинка) вошла бродяге на два пальца ниже пупка, правее поясной сумки.

Секунду длинноволосый ещё стоял, потом рухнул ничком, вперёд нечёсаной макушкой. Он отчаянно не хотел умирать, но спица проткнула секретную нервную точку и вызвала нарастающее удушье.

Юлий подобрал чужой излучатель и свой пистолет, оделся, но обуваться не стал. Он присел на капот и послушался — насмешливый лай шакалов давно затих. В тишине медленно, грозно и неотвратимо светало. Теперь степь просматривалась отчётливо, хотя пейзаж

походил на слегка обесцвеченную фотографию. План сложился легко, следовало действовать быстро, но аккуратно.

Келлер взял в багажнике рабочие рукавицы. Поясную сумку с убитого снял, почистил и перевесил на себя. Заточенную спицу оставил в теле. Референт Оттона прикинул, какую позу придать Живодёру, чтобы уменьшить шансы криминалистов. Он не стал усаживать покойника за руль, вместо этого уложил его в фургоне, тщательно сохранив прежнее положение, сродни покою спящего. Потом стащил с себя куртку и прикрыл ею мертвеца так, как будто и впрямь готовил его ко сну, сделал метёлку из травы, осмотрел и почистил участок вокруг машины. Следов уныкомедов на твёрдой почве и так сохранилось немного. Келлер вернулся в машину и обильно полил топливом мёртвого бродягу. Разница в росте вызывала досаду, зато виды на генетическую экспертизу обнадёживали.

«У меня нет родственников, в Порт-Иллири осталась вымытая до блеска квартира и пустой офис — побегайте-ка, подергайтесь, попробуйте найти ДНК».

Портила версию лишь спица в теле покойника, но вынимать её Келлер не решился. Кончик спицы, который торчал из плоского живота, и к которому прикасался сам референт, он очень осторожно протёр салфеткой...

Вместо оставленной куртки Юлий переоделся в старый летний плащ. Собрал полезные мелочи и рассовал их по карманам. Уныком прицепил к ремню. Документы на имя Келлера вложил покойному за пазуху, свои ботинки поставил возле чужих мёртвых, синюшных ступней. Сапоги бродяги, подавив отвращение, примерил. Они оказались синтетической дешёвкой, зато пришлось впору и были почти чистыми изнутри.

Напоследок бывший секретарь императора ещё раз оглядел место действия.

Версия его собственной смерти выглядела убедительно, отнюдь не выдуманные бандиты вокруг Ахаратауна делали её очень правдоподобной. Келлер перебрался на безопасное расстояние и при помощи излучателя подпалил джип, дождался взрыва бензобака, с надеждой понаблюдая беспорядочную пляску пожара, рабочие рукавицы метнул в огонь, туда же отправил использованную салфетку и метёлку. Комплект запасных документов сунул во внутренний карман плаща, поддельный документ — каленусийский конфедеральный жетон так и остался висеть на шее.

— Прощай, дружище Живодёр. Ты здорово мне помог.

Референт воспользовался уникамом, быстро и по памяти набрал номер.

— Кэтти?

— Юлик, что случилось?

— Времени не много, слушай меня внимательно. У нас возникли неожиданные трудности. Я всё беру на себя. Ты ни во что не вмешивайся без моего приказа. Запомни адрес полезного человека...

Он продиктовал быстро, но разборчиво, надеясь на её память музыкантши.

— Полиции, если заявится, скажешь сухую правду — мы спали вместе, я давал деньги. И всё. Про участие в деле с менгиром говорить не нужно, работа явно не по твоей специальности. Ты женщина и артистка, они поверят. До встречи. Услышишь о моей смерти — не бери в голову. Поплачь немного напоказ. Попозже я сам тебя найду.

Келлер закончил разговор и швырнул уникамом в пламя... Сумка убитого была под завязку набита галетами, там же нашёлся платок и две удобных плоских фляги — неполная с водкой и полная с водой. Бывший референт Оттона, хоть и не без гадливости, но отпил понемногу того и другого. Потом плотно обмотал платком колено.

Жить было можно. До каленусийской границы оставалось двое суток ходьбы и он надеялся выдержать их, не прибегая к наркотику, который на всякий случай держал при себе.

...Машина горела, горела и догорела. Когда пожарище как следует остыло, шакалы обнюхали головёшки, но не нашли ничего съестного, кроме раздавленного машиной и опалённого взрывом трупика степного кота.

Так получили начало совсем другие события, которые позже получили название «большого скандала с Варулом» и нелепое название это, несмотря на справедливое негодование известного археолога, продержалось довольно долго.

* * *

— Мик! Эй, Мик! Вставайте!

Северин понял, что пропустил начало рабочего дня.

Кто-то снаружи отстегнул полог палатки. Солнце стояло довольно высоко. Скрипел насос, качая из цистерны ржавую воду, Пахло обедом — клейким, но сытным месивом, популярным в приграничье.

— Почему меня не разбудили?

Шарбин, доктор экспедиции, провёл рукой по глазам и ухмыльнулся — особой, присущей только ему улыбкой, не показывая зубов.

Физиономия медика загорела до цвета меди и покрылась многочисленными веснушками.

— Сегодня объявлен выходной. Босс блаженствует. С утра он дёргал свой кибер так и сяк, кое-что сошлось. Менгир — вон тот фаллический символ, который сейчас торчит на фоне небес как намёк на наше будущее, оставлен боссом напоследок. После маленького банкета из остатков маринованной капусты, Варул примется за расшифровку изображений, которые ты скопировал вчера.

Северин потянулся так, что хрустнули суставы.

Доктор Шарбин был хам и смутьян, об этом знали все и все по-малкивали, желая медику добра.

— Нина вернулась? — спросил доктора Мик.

— Нет. Я честно предупреждал — за припасами нужно отправлять мужика. Потного небритого циника, с такой, как у меня, мордой...

— Вы очень нужны здесь: в лагере двое больных.

Шарбин пожал массивными плечами.

— Да бросьте! Лучшим лекарством для моих пациентов стал бы отъезд на какой-нибудь курорт с девками. Или хоть домой. Оставшиеся тут обречены на понос. Понос в долине Ахара не болезнь, а только способ отторжения реальности.

Северин вылез из палатки наружу, чтобы не слушать дальше.

Фургон с продуктами и водой и впрямь не пришёл, но не это беспокоило Северина. В последней крайности оставалась возможность бросить раскопки и на машинах перебраться в город.

А вот Нина... Нина действительно беспокоила Северина. Он вздохнул и зашагал по направлению к вагончику Варула.

— Профессор! Господин Варул!

Учёный нехотя освободился от головного обруча и очков, открывая помятое добродушное лицо.

— Здравствуйте, Мик. Система фонетической расшифровки поразительна. Мой друг Келлер оставил мне свою новую программу. Она работает! Я проверил на уже расшифрованных древних текстах...

— Мне нужно в Ахаратаун.

— Что?

Выражение детской радости моментально покинуло физиономию Варула.

— Мне позарез нужно в Ахаратаун, — хмуро повторил Северин.

— Глупости. Нина отлично справится и без вас.

— Она девушка. Она чужая в этой стране. её уником не отвечает.

— Уником молчит, потому что нет связи. Здешние места почти

безлюдны, а потому безопасны. Вы всё равно не встретитесь в степи, ни к чему дергаться. Я нанял вас для работы лопатой, ну так и беритесь за неё.

«Пожалуй, имеет смысл угнать машину», — подумал Северин, уходя прочь под палящим солнцем.

Черныш, референт Варула, красивый молодой человек, взятый в экспедицию по протекции, топтался неподалёку. Он выглядел очень несчастным.

— Представляете? Шарбин — скотина. Он уверил босса, что вода, разбавленная дезинфектором, безопасна для умывания. У меня от этой воды развелись прыщи.

— Джипы все на ходу?

— Шеф говорит, будто у нас серьёзные проблемы с топливом. Он не любит, когда посторонние трогают джипы. А всё из-за того, что глупый работник родом из Ахаратауна, помочился на машину самого Варула. Шеф обиделся.

Мик едва не взвыл и побрёл прочь, в сторону надоевшего менгира. Трещали цикады — монотонно и с бессмысленной яростью. Немного припахивало полынью и ещё чем-то другим, химическим, словно прохудилась бочка с реактивом. Северин обошёл мертвого кибера и присел в тень, на мягкую грудку земли.

— Мик!

Это приближался доктор Шарбин, который вытирал с красного лба пот и неотразимо улыбался, не показывая зубов.

— Босс зачем-то собирает работников, кто поумнее. Идёте?

— О! Конечно, припрусь немедленно.

Северин, однако, не тронулся с места, он пошарил в песке рукой и ухватил твёрдый предмет, который мешал устроиться поудобнее.

— Не валяйте дурака, — буркнул доктор. — Идите, а то оштрафуют.

— Ладно, сейчас.

Твёрдым предметом оказался инструмент неясного назначения, Мик незаметно сунул его в набедренный карман и с видом приговорённого потащился вслед за Шарбиным.

Было жарко. Высоко стояло солнце.

Профессор устроился под туго натянутым тентом. Неподалёку торчал маленький кибер, превращённый в ходячий термос. Кибер тихо звенел, охлаждая воду, и эта идея сильно понравилась Мику. Он взял одноразовый стаканчик, отпил потрескавшимися губами и занял своё место, ни по правую руку от босса, ни по левую, а наискосок в стороне.

— Как вы думаете, — фамильярно спросил Черныш. — Почему Шарбин ухмыляется сжатыми губами и никогда не показывает зубы? Мне кажется, они у него испорчены или сломаны...

Неделикатный Шарбин заржал, стиснув губы, и подмигнул.

— Босс в древних языках не силен, поэтому пользуется чужими подсказками Келлера.

— Господа! Не буду тратить на болтовню время, — начал Варул. — Вам всем раздали листочки с копией текста. Если система, подаренная господином Келлером, себя оправдала, то расшифрованный текст получится фонетически однозначным. Затем Йен его переведет. Вы сможете её оценить, а я не стану вмешиваться. Вопросы есть?

— Хотим в Ахаратаун! — хрипло крикнул Северин, из озорства укрывшись за чужими спинами.

Варул свирепо сверкнул очками, но решил не искушать судьбу, не искать смутьяна, откашлялся и неторопливо и с чувством прочёл:

— Грым такара меленезе ларбет, грым Менгере Турис тхезе нап ыр-хыш каргон... глым урухата арбер ат адара морис.

Молчание зависло местом. Черныш, не догадавшись перевернуть свой экземпляр бумаги, рассматривал логотип полиграфической компании на обратной стороне.

— Звучит как реклама туалетной бумаги, — подсказывал непонятливым Шарбин.

Лингвист Йен усмехнулся. В рядах шушукались, Варул занервничал, Шарбин монотонно нёс непристойности, Черныш втайне старался почистить о соседа измазанный рукав элегантной куртки, и лишь Северин в этот миг уловил дыхание ужаса. Обречённость таилась везде — в серой тени тента, в ярко-белом сиянии солнца, в сухом песке, в жидкой грязи на дне цистерн и в бессилии озабоченных мелкими дразгами людей. «Через год немногие из них ещё останутся живыми».

Солнце из круга превратилось в ромб и ослепительную звезду. Судорога предсказания пронзила Северина. Он отодвинулся от брезгливого Черныша и опустошил желудок, плюнув в песок вязкой желчью. Небо перевернулось и хлопнуло по лбу сияющим диском.

— Северину плохо!

Очнулся Мик, лежа навзничь, Шарбин левой рукой похлопывал пациента по щекам, а правой приставлял к его носу ампулу с чем-то едким.

— Почти что солнечный удар и небольшая степная лихорадка, — сердито заявил он. — Нам нужен походный душ, иначе завтра у меня на руках окажется полдюжина таких вот раскисших парней.

— Ежедневный душ в безводной степи — это чушь, — вмешался Варул. — Помогите мальчику, доктор Шарбин. В конце концов, штаб экспедиции в Порт-Иллири на вас лично выделил немалые деньги. Йен! Если молодой человек в относительной норме, может быть, вы всё-таки прочтёте?

— Я не уверен, что перевод правильный, — сухо сказал лингвист.

— Ну, какой получился. Да читайте уж, холера вас побери.

Йен пожал плечами и быстро произнёс, почти не заглядывая в сделанную с налёту запись:

— «Кто, прочитав каменную надпись, покинет круг в тысячу ярдов вокруг менгира судьбы, умрёт не позднее семи дней и товарищей погубит».

Оторопь накрыла собрание, люди обменивались репликами — кто насмешливыми, кто озадаченными.

— По-моему, предсказание исчерпывающее, — весело гаркнул Шарбин. — Сидеть нам здесь — не пересидеть.

— Нечестно! Меня подставили, — нервно бросил Черныш.

— Да ну, полная чушь. Все мы образованные люди. Копиями таких пророчеств набиты музеи.

— Что это значит?

— Для нас — ничего. Если хотите, я прямо сейчас уйду и ничего, слышите, ничего не будет.

— К счастью, все чернорабочие позавчера уехали в Ахаратаун на местный праздник, так что паники не случится, — сухо заметил Варул. — Не надо кислых лиц, господа. Мне за вас стыдно. Надпись — несомненный бред, хоть и представляет научный интерес.

— Я бы тоже не придавал тексту чрезмерного значения, — добавил лингвист Йен. — В древних культурах мрачные и угрожающие тексты совсем не редкость.

— Но система не ошиблась по смыслу?

— Нет. Если мои способности лингвиста вызывают у кого-либо сомнения, уверяю, что моя же природа псионика не пропустила бы самообмана.

— Спасибо, коллега, — сардонически отозвался Шарбин. — Не будь ваших замечательных способностей к древним языкам, мы не поняли бы ровно ни слова, закончили бы раскопки и спокойно разъехались по домам. Возможно, кто-то помер бы от поноса, другого прикончили бы семейные склоки, но все умерли бы как приличные люди, а не от какого-то шизофренического проклятья. Вы, Йен, разрушили иллюзии. Такое у нас не прощают.

Переводчик поднял на врача прозрачные, почти бесцветные и бесстрашные глаза — такие глаза бывают у псиоников, почти полностью растративших свой жизненный ресурс:

— Это угроза?

— Нет, только соболезнавание.

— Я видел слишком многое, и, проникая в чужие души, проживал вместе с клиентами чужие жизни. Знаете, Шарбин, смерти я не боюсь.

— Это намёк?

— Это предложение — я сам уйду из лагеря, посмотрим, что получится.

— Лучше не надо.

— Надо. Суеверия следует давить в зародыше. Я сделаю это прямо сейчас. Нужно оставить этот анекдотический казус в прошлом, иначе работать станет невозможно.

Лингвист выпрямился и зашагал прочь, его узкая спина быстро удалялась.

— Может, не стоит так торопиться? — недовольно буркнул кто-то. — Вам что — непременно нужно похвастаться храбростью? Бросьте, мы и так верим.

Йен уходил молча и довольно быстро.

— Йен, сядьте на место! — закричал Черныш.

— Да пусть идёт, куда хочет — нам больше воды останется.

— В пророчестве написано «и товарищей погубит». Как вы думаете — кто его товарищи?

— Полагаю, это мы.

— Тогда такое поведение некорректно. Ушёл даже без голосования.

— Пригласите его назад более настойчиво.

— Да хватайте его уж! Наш псионик свихнулся.

— Ловите его! Я не хочу умирать!

В этом девичьем крике уже прорезывались характерные интонации истерики. Йен вдруг остановился, с явным презрением рассматривая наиболее мнительных. Шарбин, с которого вдруг сполз налёт цинизма, попытался встать между переводчиком и обступившей его толпой.

— Вы же, вроде, немного учёные, не позорьтесь.

Шарбина не слушали. Наиболее нервные (а их нашлось двое-трое) схватили Йена за плечи и, кажется, собирались бить. Отгёртый в сторону Северин с трудом пробивался к доктору.

— Мне плохо, у меня маленький ребёнок в столице... Сделайте... Сделайте что-нибудь, — плаксиво тянул женский голос.

Варул успел сбегать в свой фургончик и вернулся с ружьём.

— Назад, господа! Это что за позорище? Оставьте сотрудника в покое или я открою огонь на поражение. Понимаю, воды почти не осталось, — продолжил он. — Еда на исходе, все нервничают, а тут ещё глупый текст, но мы не должны становиться скотами.

Йена тут же выпустили, и люди моментально попрятались по палаткам. Варул в критический момент выглядел почти величественно, но Северин решил не обманывать себя.

«Может, завтра все остынут и посмеются. А, может, и нет. Рано или поздно кому-то придётся ехать в Ахаратаун и бросить вызов суеверию. Вся история с надписями — один сплошной срам. Да чёрт с ними со всеми — пускай передерутся, если хотят, но Нина, Нина... Я должен её уберечь».

Северин вернулся палатку и лёг в ней на спину, вслушиваясь в тонкий перепев ветра. Усталость и ожидание сделали своё дело, и Северин погрузился в сон, а когда проснулся, то откинул полог палатки и обнаружил, что давно наступило утро.

Истоптанная площадка перед менгиром пустовала. Давно остывшая кухня даже не дымилась. Машины в прежнем числе бесцельно стояли под брезентом. Один из походных туалетов ночью повалило ветром набок, хлипкую будку так и не поправил никто, и только грубый доктор Шарбин сидел подле небольшого костерка, помешивая седую золу палочкой.

Мик побегал по кругу, пытаясь размяться, потом пристроился на корпусе мёртвого рабочего кибера и стиснул зубами сигарету. Спичка зажглась только с третьего раза.

— Могли бы прикурить от моего огонька, — недовольно заметил доктор. — Вы тупы и высокомерны, вот мой диагноз.

— Спасибо за диагноз. Что нового в лагере?

— Уникомы ни у кого не работают, но это вовсе не новость. Со вчерашнего вечера два новых случая инфекционной диареи, Варул сердит и закрылся с кибером наедине. Йена все третируют, но пока не трогают, у девки заместителя истерика. Воды нет, техническая вода тоже на исходе — вроде бы, цистерну испортили звери. Я пеку свою последнюю картошку, могу и вам уделить немного. Что ещё? Черныш отравился.

— Чего-чего?!

— Выпил средство от москитов.

— Он жив?

— Моими стараниями. Не ходите к нему, не поможет. Парень плачет и кается в грехах, а когда дело касается Черныша, то неизвестно, что хуже выглядит — его грехи или его покаяние.

— Машина из Ахаратауна приезжала?

— Не приезжала.

Шарбин выкатил палочкой картошину и разломил — снаружи чёрная и непривлекательная, внутри она казалась розовой. У Северина от голода подвело живот.

— Присоединяйтесь, — предложил добрый доктор.

Мик пошарил под ногами палочку, потом обыскал карманы штанов.

— Занятная вещица, — задумчиво протянул врач.

— Которая?

— Вот эта, которая у вас в кармане.

— Нашёл вчера у менгира.

Толстые губы Шарбина широко разошлись, и Мик впервые за недели, проведённые в экспедиции, увидел зубы врача. Он оказались ровными и белыми — на загляденье.

— То, что вы подцепили где-то вчера — лучевой резец.

— Оружие?

— О, нет, только камнерезный инструмент. Это интересно, учитывая, что последние камнерезы в радиусе тысячи ярдов сдохли полтысячи лет назад, после того, как их предки оставили нам вон тот символ, уставленный в небо.

Шарбин ткнул в сторону менгира.

— Я нашёл резец именно там, у подножия.

— Кто-то ещё видел?

— Не знаю.

— В котором часу вы его нашли?

— Сегодня утром, когда рассматривал надписи. Ночью, до меня, на то же самое место приходил Келлер.

Шарбин доел картофелину и забросил корку в траву.

— Келлер — отдельная история. История непутёвая.

— Юлий — мой знакомый. Почти что друг нашей семьи.

— Конечно! Он всегда присматривался к людям при деньгах. Вы обращались к нему... как к профессионалу?

— Нет, — солгал Северин.

— Врёте, как и все другие. Не хочу очернять вашего приятеля, но мастер такого класса и человек такого характера рано или поздно

влетает в историю. Говорите, нашли резец на месте вашей встречи с ним?

— Нашёл. Но это ничего не доказывает. Если Юлий осмысленно поправил надпись на менгире, то придется признать, что как учёный он стоит Варула и Йена вместе взятых.

— Возможно, дело обстоит именно так. Зачем ему пугать экспедицию, не знаю, но находку не вредно показать боссу. А ещё лучше — бросьте-ка резец в выгребную яму и предоставьте развязку судьбе.

— Почему?

— Наши психопаты, устроившие вчера показательное выступление, другого обращения и не стоят. Тайна раскрыта. Проклятие не действует. Возьмите джип и отправляйтесь в Ахаратаун к своей сестре. Не сомневаюсь, она там соскучилась до невозможности.

...Мик отложил отъезд всего-то на четверть часа, решив поговорить с Варулом. Профессор встретил его сердито, выглядел невыспавшимся, и выслушал гостя, нервно постукивая по стойке с кибером.

— Вы, должно быть, правы, — произнёс археолог с отвращением. — Мне очень стыдно за инцидент, который я не сумел предотвратить. Но и вы, Мик... Почему не пришли ко мне пораньше?

— Я не разбираюсь в камнерезных инструментах.

— Ваши извинения приняты. Впрочем, вина Келлера не доказана, шутником-фальсификатором мог оказаться кто угодно... Даже вы, не будь невежество вашим алиби, Северин.

— Что собираетесь делать?

— Хотел бы вызвать полицию, но связи нет. Пошлю нарочного на джипе в Ахаратаун. Мой референт принял яд, придётся воспользоваться услугами Йена. Он, как вы уже убедились, проклятий не боится, прочие останутся на месте до вмешательства властей. Я не собираюсь давать ни единого шанса испортившему камень негодяю.

— А можно мне поехать в Ахаратаун?

— Нет. Вы важный свидетель и останетесь в лагере... Не беспокойтесь, — добавил Варул чуть помягче. — Я прикажу Йену поискать вашу сестру. Не сомневаюсь, вы с ней очень скоро увидите.

Мик ушёл, наполовину успокоенный, наполовину обескураженный разговором. Характер Келлера с бессмысленным озорством не вязался. За силуэтом бывшего референта Оттона мерцала нехорошая тайна.

Прошло всего полчаса, после чего размышления и дрему Северина прервал истерический крик.

— Переводчика убили!

Площадка перед менгиром уже наполнилась людьми — два-три десятка грязных и пропылённых людей, не считаясь со зноем, высыпали под полуденное небо.

— Кто-то прикончил лингвиста.

— Говорят, он сам виноват — забрёл за тысячеярдовую границу.

— Варул послал за Йеном, переводчика не нашли, потом второй заместитель догадался в бинокль оглядеть степь. Тело хорошо видно вон с того пригорка. Лежит в траве, животом вниз, затылком кверху, примерно в двух километрах от лагеря. Голова почти не сохранилась, но он, возможно, умер сам по себе, а над телом поработали падальщики.

Секретарше первого заместителя стало плохо.

— Пора покаяться! — крикнул кто-то в задних рядах.

— Да заткнитесь же вы, психопаты, — с досадой попросил Шарбин.

Варул появился из вагончика внезапно, он прошёл мимо, глядя на Северина так, как будто тот сплошь состоял из стекла.

— Всё! Марш по палаткам, а не то вычту штрафы из жалованья. Если Йен убит, этому есть рациональное объяснение. Убийцу найдут и накажут.

Мик побился к боссу и ухватил его за локоть:

— Господин Варул, выслушайте меня. Йену уже не помочь.

— Не помочь, — эхом отозвался археолог.

— Его мог прикончить какой-нибудь беглый бандит. Или тут естественна смерть, вроде той, что бывает у псиоников. Вы сами знаете — Йену оставалось немного.

— Всё может быть, — буркнул Варул. — А кто вам сказал, Северин, что пророчества исполняются только необъяснимым путём? Если его убили бандиты, такой способ реализации проклятия не противоречит логике.

— Йен мёртв, но моя сестра ещё жива! Она, наверное, в опасности. Да послушайте же, господин Варул!.. Отпустите меня в Ахаратаун. Если проклятие тут ни при чём, я непременно выживу. Если же Йена убило пророчество, мой уход уже ничего не испортит. Всё будет хорошо. Я привезу воду и продукты.

— От судьбы не уйдёшь.

«За стариком имеется неприятное прошлое. Сейчас его мучают воспоминания, дело усугубилось из-за нелепого самоубийства Черныша, а до предела обострила ситуацию трагическая гибель Йена».

Мик, прекратив разговор, почти побежал к площадке, уставленной джипами. Ему косились вслед.

— Ловите его! — резко и повелительно закричал кто-то. — Не дайте уйти!

«Чума с ними, я уезжаю. Это коллективное помешательство. Возможно, сказываются примеси в местной воде...»

Северин сорвал брезент с джипа, упал на сиденье и попытался тронуться. Ничего не произошло. Проблемы с горючим не были блефом. Пять-шесть человек неслись к беглецу со стороны лагеря. Некоторые размахивал палками и лопатками. В эти минуты Мик испытывал сильный страх.

«Они убьют кого угодно просто так, чтобы воздать жертву собственной трусости».

Он выскочил из джипа, надеясь пересечь тысячеярдовую границу раньше, чем его настигнет погоня. Это почти удалось — Северин удирал как борзой пёс, но только до тех пор, пока не попал ботинком в отверстие звериной норы.

Тогда он упал лицом вперед, спину осыпало комьями земли. Первый удар чужой ноги пришёлся в плечо. Мик извернулся, чтобы лучше прикрывать голову.

— Смерть дезертиру и предателю!

Северина колотили, куда придётся, норовя попасть в лицо, к счастью, слишком неумело. Он вскочил и потерял равновесие, упал и вскочил опять, уже почти не надеясь на спасение.

— А ну назад, бараны! Оставьте парня в покое!

Раздались шлепки палки по спинам и ягодицам в сопровождении знакомого голоса. Это доктор Шарбин разгонял буянов. Как ни странно, ему безвольно подчинились. Мик перевернулся на спину, созерцая мучительно-яркое небо. В висках звенело, желудок опять скрутила судорога.

— Отнесите его в лагерь.

— Только для начала свяжем, — раздался раздражённый голос зачинщика.

— Да! Мы свяжем его и положим к подножию камня. Если парень будет жив через неделю, можно считать, что за пятьсот лет проклятие выветрилось.

Мика вздёрнули на ноги, скрутили старательно, но неумело. Шарбин куда-то делся, возможно, ушёл, отёртый чужими спинами.

Северин больше не сопротивлялся, его наполовину вели, наполовину тащили к основанию менгира. Ночь он встретил, бессильно

лежа у подножия истукана судьбы и ежась под посвежевшем ветром.

— Шарбин! Док! — взвыл Мик в ночи. — Сволочи коллеги! Тут холодно! Я всё прощу, только дайте мне одеяло.

Но доктор не показывался, возможно, его уже убили. Северин смотрел в тёмное небо, которое выглядело непривычно, как будто гигантская рука нарочно смешала очертания созвездий. Холод и вправду шёл от земли и пробирал до костей. Постепенно Мик впал в забытие и получил в утешение «повтор» прежнего пророчества Нины — северное низкое небо, весенняя непогода, чужие холмы, заросли колючки и собственное беспросветное отчаяние.

Проснулся он от холода под лай и вой хищников.

— Шарбин!

Доктор не ответил. Мик, как мог, поджал ноги и постарался переместиться в сидячее положение. Он видел яркие точки косоватых голубых глаз. Когтистые лапы топтали вокруг песок. Холодный влажный нос ткнулся Северину в ухо...

Когда он очнулся, звезды словно бы придвинулись. Некоторые раздулись и достигли величины яблока. Источаемый ими свет растекался смешными вертлявыми каплями.

— Я умер?

— Нет, ты в джипе, а до этого очень долго спал. Мы едем в столицу округа.

Северин узнал голос сестры, и яркая радость обоюдного спасения охватила его.

— Вот уж, счастье привалило. А ведь последнее, что запомнилось, был шакал, он уже пробовал моё ухо на вкус.

— То был не шакал, а Лотер. Он нашёл тебя в темноте, миляга пёс, которого я купила в Ахара специально ради брата.

— Вместо погибшей Тэнку?

— Лотер не «вместо». Он хороший сам по себе.

Живое существо на заднем сиденье джипа вздохнуло и мягко, поигрушечному, почесалось.

— Что-то странное творится со звёздами.

Нина фыркнула, и Мик понял, что она прочитала его мысли.

— Ты видишь не звёзды, а огни полицейских машин. Сейчас идёт ночной дождь, какие бывают в этих широтах летом. Вода прибила пыль, сверкают брызги на лобовом стекле. Такой вот светоч правосудия.

— Поэтично.

— А ты вёл себя как герой.

— Знаешь о проклятии?

— И о проклятии, и о том, какую роль сыграл в нашем деле Келлер. Я покопалась в мозгах ахаратаунских блюстителей порядка.

— Где Варул?

— Плачет над погибшей репутацией.

— Где Шарбин?

— Смылся. Власти Ахаратауна считают, что он был главным каленусийским шпионом в приграничье. В ночь, когда погиб Йен, доктор собирался уйти через границу. Есть мнение, что лингвист-псионик преодолел защиту и прочитал многие мысли медика. Он следил за Шарбиным и, заметив Йена в степи, доктор его убил.

«Да уж, не бывать мне пророком», — сумрачно подумал Северин.

— Странно, Шарбин меня спас. И вообще — он был забавный. Почему всё идёт кривь и вкось?

— Не знаю.

— Я сразу подумал, что страшное проклятие на камне — блеф от начала и до конца.

Нина нахмурилась. Северин опустил веки и не мог видеть её нежного печального лица, но улавливал настроение сестры в большей степени, чем если бы они были близнецами.

— Менгир изрисован очень сильно, — наконец, ответила она. — Говорят, что любая надпись на таких истуканах имеет значение, старая или новая — без разницы. Келлер исправил лишь очень небольшой фрагмент.

— Мы выжили, так что проклятье полная чушь.

— Не скажи! Формально оно исполнилось. Первым круг покинул Йен и очень быстро погиб от рук лже-медика. Можно считать, что поступок лингвиста погубил всех остальных, если не в физическом смысле, то по-другому. Варул потерял репутацию. Избившие тебя арестованы. У преторианцев на них зуб, так что эти парни пойдут в тюрьму, даже если ты не напишешь жалобу. Шарбин пока удрал, но такие люди почти всегда кончают плохо.

— А я?

Нина засмеялась и ткнула Северина пальцем в бок.

— Ну, ты-то из круга не выходил, я с почётом вывезла героя на джипе. Мой бедный братец оказался не в состоянии разобрать древнюю надпись.

— Что надписи на менгире, что граффити на стене туалета колледже — одинаковая чушь.

Северин успокоился, и невероятное блаженство безопасности охватило его. Зло пока что держалось в стороне.

— А зачем Келлеру такая жестокая шутка?

— Ему нужна не шутка, а деньги. Кто-то заказал ему испоганить менгир. Быть может, обиженные конкуренты Варула в Порт-Иллири, не знаю, кто, Келлер постарался на славу — к результату почти не подкопаешься. И всё же...

— Что?

— Я проверила следы ментального касания на камне. Переделки Келлера там есть, но они малопонятны, а вот о смерти предупреждал настоящий древний текст. В нём печаль и страх умершего предсказателя. Вечер человеческого духа, так сказать.

Счастье Мика улетучилось. Ломило голову, ныли помятые драчунами ноги и рёбра. Лотер, уловив настроение хозяина, тихо заскулил на заднем сиденье. Северин нашёл в полутьме и наугад погладил бархатные собачьи уши.

— Значит, угрозы подлинные?

— Бесспорно.

— И пророчество исполнилось самым обычным, естественным путём, потому что люди в него поверили?

И Нина, легко согласившись, ответила брату:

— Мне кажется, всё получилось именно так.

Глава 3. Ассортимент желаний

Этим вечером небольшой зал в захолустном ресторане оказался переполненным. Выступала молодая артистка — брюнетка в гриме с лукавым разрезом глаз, в малиновом платье, которое оставляло открытыми напудренные плечи. Подол вился вокруг щиколоток. Умело выбранный чуть грубоватый стиль идеально подходил к образу бродячей музыкантши.

— Давай, Кэтти, покажи высший класс!

Северин допил пиво и заказал ещё. Толстый улыбчивый парень с барабанчиком проворно отбил вступление. Женщина, словно яркая бабочка, присела на край табурета, пристроила виолончель на колени и снова запела. Шум и гвалт в зале прекратился. Слова не имели значения. Голос у Кэтти был низковатый и прекрасный, эйфория, подогретая ритмом, распространилась на Мика. Через некоторое время он поймал себя на том, что перестал думать и медленно погружается в транс.

— Очнись, — тихо окликнула его Нина.

— Не мешай. Тебе что, не нравится?

Псионичка не ответила, вместо этого, схватив Мика под руку, она потащила его к выходу. За дверью заведения колыхалась вечерняя прохлада. Звенели цикады.

— Ты злишься, сестричка, значит, тебе тоже понравилось.

— Не то слово. Она талантлива до гениальности. Когда в кабаке, в захолустной дыре, встречаешь такое чудо, оно странно смотрится на фоне любителей бухать по вечерам.

— Это Ахаратаун-то дыра? Ты, кажется, здесь родилась.

— Да, родилась! Но я ничего здесь не помню.

— Если певичка настолько хороша, может, вернёмся, послушаем ещё?

— Ты не понял? Сейчас разгар полевых работ, но этот кабак переполнен. Девушка гениальна как певица, но в ритме чувствуется гипноз, а это уже ментальная техника.

— Ну вот, ты своим цинизмом всё испортила.

Они прошли ещё немного — мимо невысоких, политых колодезной водой деревьев, сквозь мягкую, подсвеченную огням темноту. Пёс Лотер, потряхивая ушами, выбрался из кустов и, прыгая в неистовом восторге, едва не попал Мику под ноги. Сильное шипение, сродни змеиную, раздалось в стороне. Большой кот, белый, с длинной шерстью, замахнулся на Лотера лапой. Через секунду все четыре белые лапы болтались в воздухе — его хозяин (коротко стриженный человек в безрукавке, с тату на голом плече) взял питомца на руки.

Пёс по натуре был увальнем, а потому покорился, получив законную причину уклониться от драки.

— Вы не здешние?

— Нет, — без раздумий сказал Северин.

— Да, — одновременно с ним отозвалась его сестра.

— У девушки каленусийский акцент. Сейчас не лучшее время для туристов.

— Мы не туристы, а бывшие рабочие экспедиции Варула.

— А, того самого недоумка, который окапывал стоячие камни в степи?

— Варул не глуп, — холодно отрезал Северин. — Просто вам не понять его мотивы.

— Ты хочешь сказать — я дурак и деревенщина?

Незнакомец пока не нападал, но у Северина засосало под ложечкой.

«Этот здоровяк собирается отлупить меня просто так — чтобы

самоутвердиться. Он тяжелее и сильнее, двигается легко, и он меня сделает. Ещё позорнее будет, если вмешается Нина».

— Чего молчишь-то?

— Я вас совсем не знаю, но Варул не трус и при мне взялся за оружие, чтобы спасти человека.

— О, как! Ну ладно, ответ принят. Сейчас я тебе кое-что покажу.

Мужчина в безрукавке отпустил кота (тот мохнатым комком юркнул в кусты) и быстро вытянул руки к лицу Северина. На левой кисти незнакомца сохранился лишь мизинец — на месте других пальцев белел старый шрам. На правой кисти не было среднего, указательного и большого пальцев. «Голые», искалеченные ладони, неестественно гладкая кожа, с которой навсегда сошли «линии судьбы»...

Мик медленно отвел глаза, а беспалый коротко рассмеялся.

— Не расслабляйся. Я мог бы ударить тебя локтем или ногой... С драками у меня проблем нет, проблемы только с деньгами и работой. Кстати, комнату снять не хотите? Дом хороший, место спокойное, кровать двуспальная вам с девушкой. Пять денариев в неделю. Дешевле только крысиные норы.

— Нам не одну комнату, а две. Это не моя девушка, это моя сестра.

— Сестра? Ну ладно. Вторая комната тоже найдётся. Кстати, меня зовут Джури...

В лучах садового фонаря плясали мошки и мелкие бабочки наподобие моли. Дом оказался обычной для Ахаратауна постройкой, с палисадником, верандой и живой изгородью. Пол, выложенный хорошей плиткой, мебель из редких в степи (и дорогих) досок, но старая, с царапинами и потёртыми углами. Лишней казалась лишь гитара. Ненужная беспалому Джури, она висела на крючке давно — нечто в положении инструмента ясно говорило об этом.

— Не сомневайтесь, у меня чисто, соседская старуха приходит убирать. Берите ключи, вот две смежные комнаты. Делайте, что хотите, нельзя только приносить незарегистрированные стволы и выносить наружу мою мебель-шмебель. Если что-нибудь пропадёт, заплатите по отдельному счёту.

Джури ухмыльнулся и ушёл. Северин сел на табурет, стараясь дышать помедленнее. Рёбра, помятые коллегами по экспедиции Варула, временами побаливали.

— Ты его «прочитала»?

— Хренушки. Наш домохозяин носит защиту.

— Я раньше думал, будто от ментальной атаки защищает только шлем.

— Раньше так и было, но сейчас сделали миниатюрные штучки, которые можно носить в кармане. Я видела такие в Арбеле, хотя у нас они под запретом.

— Очень неглупо придумано.

— У Джури характерная татуировка на плече — сардарский символ, крылатый треугольник.

— В самом деле?

— Да. Точно такая же есть у моего отца.

— Ясно. Здесь селили отставников. Впрочем, не важно. Наша экспедиция накрылась, мне придётся ехать домой. Тебе... наверное, пока тоже. Очень жаль, что всё пошло наперекосяк. Ни мой отец, ни я, не сумели тебя защитить. Прости. Мне жаль, что я такой неудачник.

— Не надо извинений. Ты сделал всё, что мог. Я свяжусь с нашим посольством и вернусь сразу в Арбел, не заезжая в Порт-Иллири. От судьбы не уйдёшь.

— У нас почти год в запасе. Как только дела дома устроятся, я тебе напишу. Приедешь снова, всё будет иначе.

Нина промолчала, наверное, не поверила. Мик не знал, что ещё сказать, и не представлял, что теперь делать. Он ушёл к себе в комнату, рухнул на кровать и уснул, возможно, всё ещё находясь под воздействием песни.

Утром Нины в доме не оказалось, хотя вещи её не исчезли. Северин сидел на веранде один — слушал там сонное гудение насекомых, и от нечего делать разглядывая розарий Джури. Листья и цветы роз опали от жары и покрывали землю неряшливым ковром. Вчерашняя артистка (на этот раз в лёгком белом платье, а не в сценическом малиновом), стуча каблуками, вошла в дом и хлопнула дверью о косяк.

«Тоже снимает комнату у беспалого или пришла к нему гости. Кажется, её зовут Кэт».

...Певница вышла через час — торопливой походкой, как будто сквозь подошвы туфель чувствовала раскалённое покрытие дороги. Соломенная шляпа с бантом прятала её лицо, но Мику женщина показалась расстроеной.

До вечера оставалась масса времени. Помятые рёбра продолжали болеть. Северин застегнул рубашку и выбрался на улицу, не обращая внимания на палящее солнце, и пошёл вдоль улицы, понемногу забывая в сторону центра. Над захолустьем стояла полуденная истома.

«И это у них называется столицей округа».

Он прошагал ещё немного, пока не очутился возле приземистого длинного здания без окон. Сторожевой терьер, такой же замкнутый и

грубый, как и другие жители Ахаратауна, бренчал возле будки длинной цепью.

— Хотите к нам? Тогда я придержу пса, — сказал служащий, круглый и подвижный, словно кожаный мячик.

Здание оказалось оптово-розничным торговым складом, и Северин всё же прошёл внутрь, чтобы не разочаровывать толстячка в его коммерческих надеждах.

— Наша компания называется «Ассортимент желаний». Продаём полезные вещи недорого, а вам я сделаю персональную скидку. У нас появилось много новинок. Есть, например, полное снаряжение для сафари.

— На людей?

Толстяк хрюкнул, старательно изображая смешок.

— Ох, вы шутник! Нет. Только любительские ружья, чтобы пострелять сурков. Можно выбрать надувную лодку, это из остатков товара, которые мы продаём очень дешево.

«Потому что река уже три года как высохла», — подумал Северин.

— Возьмите пяток рубашек с охлаждающей системой. Клетчатый рисунок, охлаждение за счёт пластиковых квадратов со специальным наполнителем.

— А сувениры есть на память?

— Очаровательные заколки для волос, сделаны из настоящей из кости. Минимальная партия — одна коробка. Их там двадцать штук, может показаться, что двадцать заколок это очень много, но за три-четыре года вы их раздарите девушкам, уверяю, все подруги останутся довольны. Ещё есть шкурки мутировавших котов. Они очень прочные, идут на меховые одеяла...

— Мне понадобится только один предмет. Прощальный подарок сестре.

— Тогда он должен быть роскошным. Хотите партию ликёра? Он здешнего производства, сделан на травах и натуральном сиропе.

— Слишком громоздко.

— Ладно.

Толстый управляющий принял несколько опечаленный вид, но не отступился.

— Возьмите хотя бы калейдоскоп. Он только один. Исключительная отделка, полудрагоценные материалы. Считается детской игрушкой, но годится и для медитации. Незаменимая вещь для тех, кто любит тонкие ощущения. Ваша сестра — псионик?

— Конечно.

— Так и думал. Калейдоскоп как раз то, что ей нужно.

Толстяк исчез и вернулся, вручив Северину невзрачного вида трубочку.

— Двадцать денариев. Вот так — приставляйте одним концом к глазу и вертите. Наслаждайтесь полученным результатом. Возьмите наш рекламный проспект. На случай, если надумаете провести отпуск с размахом, два охотничьих комплекта против сурков я непременно придержу за вами...

Мик заглянул в калейдоскоп. Цветные частицы дергались, складываясь в странный узор, преобладали малиновые цвета с прозеленью, скошенный рисунок через минуту смешался.

Управляющий, уже потеряв к Северину всякий интерес, умолк, обмяк на стуле, подставив пухлое лицо под холодную струю из кондиционера.

— В дополнение к подарку мне нужен набор клетчатых рубашек с охладителями, джип, запас воды в бутылках, продукты и кое-какое снаряжение, чтобы обратиться отсюда.

Толстяк моментально оживился.

— О! Мне жаль, что вы уезжаете, но желание покупателя превыше всего. Машину хотите с шиком, подороже?

— Прочную. Внешний вид значения не имеет. Можно напрокат, но я не смогу пригнать её из Порт-Иллири обратно.

— Отлично, посмотрим варианты немедленно. Если договоримся, то к вечеру джип будет под вашими окнами, у самого палисадника. Если же интересен наём водителя...

— Водителя не надо. Могу я забрать машину прямо сейчас?

— К сожалению, придётся подождать, мы обязаны проверить вашу личность через Систему.

...Через полчаса Мик выбрался за пределы серого забора. Умиротворённый терьер сонными глазами смотрел ему вслед. Деньги на счету почти иссякли.

— Северин! Северин! Пойдите!

Варул, потный, пыльный и плохо причёсанный, торопился на встречу.

— Подлецы не продают мне в долг, — сокрушенно пояснил он. — А всё из-за вас, дорогой. Ваш отвратительный донос в преторию подорвала доверие, которым экспедиция пользовалась у местных властей. Мы по уши в долгах, нам предъявили штрафы за всё — даже за испорченный менгир. Землекопам не уплачено, машины без топлива брошены в степи.

— Погодите-погодите... я что — не должен был сообщать, что меня избили ни за что?

— Ну... э-э-э... — Варул несколько опешил. — Я, конечно, не отрицаю, но простая вежливость... Может, в память о Йене, хоть денег подкинете на общее дело?

— Простите, я сам почти на нуле.

— Жёстокая, тупая душа. Знал заранее, что обращаюсь к вам понапрасну..

Несчастный Варул, махнув рукой, уже уходил в густое марево раскалённой улицы, а Северин, испытывая иррациональное сострадание, побрёл обратно домой, то есть, к Джури.

Нина как ушла с утра, так до сих пор и не возвращалась. Рёбра болели поменьше, Мик переоделся и опять пристроился на веранде. Монотонный звук чужих голосов назойливо доносился из-за хлипкой стены: «Бу-бу. Бу-бу-бу».

Беседовали, видимо, двое: Джури, хозяин дома, и красавица Кэт, артистка из ресторана:

— ...объясняю по-простому, ты играешь с огнём. Подумай, зачем тебе человек, который рано или поздно окажется убитым?

— ...могу подумать, будто ты боишься...

— ...Я был солдатом, для нас смерть — работа. Чего не скажешь про Юлия — он одиночка, им же и сдохнет. Обидно будет, если Келлер утянет на дно и тебя...

Куры устроили громкую потасовку возле розария, и, невероятно раздосадованный, Северин потерял нить разговора. Кудяхтанье прекратилось лишь через несколько минут.

—...он трогал менгир... ещё не хватало, чтобы узнали...

Северин плотнее прижался к стене и разобрал слова Кэт:

— Что написано на камне — обязательно сбудется. А если наоборот, что-нибудь оттуда стереть? Оно уже не сбудется? Разве так можно?

Этот философский вопрос, по-видимому, погрузил Джури в глубокое недоумение, потому что следующая фраза оказалась бранной и непристойной.

Остаток дня у Мика прошёл в размышлениях, довольно интересных и приятных. Келлер, по-видимому, благополучно сбежал, а Северин не держал на него зла. Менгир (теперь уже безопасный) ждал участия в нескольких часах езды от Ахаратауна. Оставалось выбрать желание и пустить в дело резец...

...Мик уже освоился в городе, а потому довольно легко нашёл маленький отель, приютивший Варула.

— Здравствуйте, профессор. Я пришёл извиниться за сегодняшнюю ссору и принёс немного денег.

— Я не нуждаюсь в жалких подачках тупых бездельников, — ответил Варул, но как-то не очень уверенно.

— Простите, пожалуйста. Я помню, как вы остановили тех уродов, которые напали на Йена. Это было невероятно круто. Если не хотите брать деньги, я мог бы купить вашего кибера на память.

Лесь, кажется, сработала.

— Ну ладно, берите уж, — буркнул Варул — Я разочаровался в лингвистических изысканиях. Завтра брошу всё и уеду в столицу. Говорят, в округе орудуют бандиты, чем меньше вещей, тем лучше. А вам мой кибер пригодится — у вас вся жизнь впереди.

Северин произнёс все положенные благодарности и унёс добычу в коробке. В доме Джури он распаковал и включил машинку, молясь Разуму, чтобы наследство Келлера не оказалось уничтоженным.

— Система, старт.

— Жду указаний, хозяин.

— Поиск лингвистических программ.

— Варианты выбора: Келлерстарт, Менгиранализ. Чего прикажете?

— Чем они отличаются?

— Да ничем, хозяин. Это две копии с разными именами, которые вы сами сделали всего сто шесть часов назад.

«Кибер не имеет системы идентификации и не способен отличить меня от других владельцев».

— Запусти «Менгиранализ» и переведи фразы, которые я сейчас проговорю...

— На какой язык прикажете переводить?

— А на какие умеешь?

— На староиллирианский и древнеиллирианский.

— Выбери самый что ни на есть древний язык и переведи в графический текст, адаптированный для резьбы по камню...

В этот вечерний час, в чужом доме, в захолустной столице убогого округа, странное экстатическое чувство охватило Северина. Он мог всё — и ничего не хотел, но играл в душе вариантами, продлевая удовольствие...

Карьера в Порт-Иллири или даже место на троне императора почти не прельщали его.

Он мог улучшить свою личность в физическом и ментальном смысле, но мысль о глубинной, психической трансформации обдавала холодом.

И что теперь делать?

— Хочу, чтобы леди Маргарита Северин поправилась от полученного ранения... Хочу, чтобы сестра моя, леди Нина Дезет, избежала любой опасности, осталась целой и невредимой.

«Надо теперь что-нибудь пожелать для отца».

Образ Северина-старшего всплыл в разыгравшемся воображении Мика и погрозил отпрыску кулаком: «Не смей, щенок, лезть в мои дела». Мик немного подумал и отступился.

— Хочу разобраться в самом себе и понять, как жить дальше.

— Готово, хозяин, — пассивно прошелестел кибер.

По правилам оставалось придумать пророчество для всего человечества, и Северину вдруг захотелось тянуть время вечно. Он был справедлив и велик...

В эту ответственную минуту дикий вопль нарушил ломкую тишину. Камень (увесистый комок твёрдой глины), проломив стекло, вкатился в комнату, а голос неизвестного буяна оформился в звуки сквернословия. Мат долетал снаружи, смешивая с грязью небо и землю, правду и справедливость, зло, добро и космических богов.

Осколки стекла посыпались Северину за воротник. Стащив «прохладительную» рубашку, он вытряс их на пол, на ладони остался слабый мазок крови. Сквернослов возле палисадника не унимался, адресуя свои оскорбления Джури, а заодно и всему миру и каждому человеку в отдельности.

Послушав немного, Мик не выдержал и захохотал, а сам Джури, ничуть не потеряв хладнокровия, почти сразу же выбрался на веранду. Там он и стоял, очень уверенный, с только что открытой бутылкой пива, прижатой култей ладони к груди, и отбивал такт уцелевшими пальцами по перилам.

— Там-тарарам, тарарам, тарарам.

Ругатель, сезонный рабочий из Ахаратауна, погрозил Джури волосатым кулаком:

— Не смей лапать Кэтти, ты, кусок говна! Девушка не про тебя.

Белый кот Джури выскочил на крыльцо, шерсть на спине встала дыбом, а хвост сделался пушистым как метёлка. Пьяница в сознании исполненного долга уже убрался восвояси.

«Интересно, каким образом Джури искалеченными руками открывает пивные бутылки?»

— Пробочник прикреплён к столешнице. Остаётся только приложить горлышко бутылки и дёрнуть. А банки мне распечатывает кухонный кибер.

«Он псионик. Работает очень мягко и незаметно, и Нина, которая знала о способности Джури читать мысли, не сказала мне ничего».

— Идите в ад, — вдруг обозлившись, заявил Северин.

— Аналогично, парень. Ты очень зол, а ведь я всего лишь удовлетворил твоё любопытство.

Северин вернулся в комнаты и собрал тонкие листочки, только что напечатанные кибером. Вязь надписей выглядела трудной для гравировки, но отступать уже не хотелось.

Он ждал сестру до полуночи, но девушка не вернулась. В половине первого тревога Мика сделалась нестерпимой. Он был готов бежать в темноту, но добрался лишь до рестораника. Зал (переполненный, как всегда) вмещал в себя и возбужденных людей, и Кэтти с её пронзительно-яркой песней, и густые клубы табачного дыма. Нины за столиками не оказалось. Мик вернулся обратно, быстро прошёл по грунтовой дорожке к крыльцу дома, в холле горела единственная лампа. Бывший солдат Оттона устроился на низкой, не по его росту, скамейке и что-то говорил, очень тихо, сблизив своё лицо с лицом собеседницы.

Северин разглядел малиновое платье, и лишь потом понял, что это не Кэт. Возле Джури сидела Нина. Псионники говорили вслух, но, возможно, к тому же обменивались мыслями.

— Я не хочу эту Кэтти — баба во вкусе Келлера, пускай ему и достаётся. Но я ей завидую из-за её игры, а это противно и мучительно — завидовать женщине.

— Даже мне, потому что я не калека?

— Тебе? В моих глазах псионичка — не женщина, — жёстко сказал Джури. — Я видел вас достаточно, когда ещё оставался на службе. Девки самодостаточные и погружённые в себя, которые убивают днём и ковыряются в ментальном эфире ночью. Ведьмы, от вас лучше держаться подальше. Дело в ином — Кэтти талантлива, и это мутит мне душу. Я был лучше её, пока не потерял пальцы. Теперь не то, чтобы играть... холерски трудно даже открывать бутылки.

— Пусть подыгрывает кто-нибудь другой.

— Кэти? Я не принимаю от девок одолжений.

Нина поднялась с кресла и сняла со стены гитару, потом вернулась обратно, подёрнула струны и попыталась взять аккорд — неверный звук раздался и тут же заглох, словно прибитый отчаянием.

— Я не умею.

— Для тебя, молоденькой, паранормальной и богатой дочери правителя такое умение не важно.

Теперь они сидели рядом, касаясь друг друга плечами, и эта общность людей, отмеченных чуждым Северину даром, казалась ему противоестественным извращением.

— Как ты покалечился? — спросила она.

— Да дело обычное...

Северин не видел лица беспалого, но не сомневался, что Джури иронически ухмыльнулся.

— Кое-что взорвалось у меня в руках раньше, чем я успел пустить штуку в дело. Раз ты жила в Арбеле, то знаешь, как подобное происходит. Кровь хлестала как из зарезанной свиньи, я весь переблевался, звал врача и не хотел умирать, ещё не понимая, что жизнь потом окажется обузой. Император меня не забыл — я получил этот дом и кое-какие деньги. Тысячам других, которых попросту закопали, повезло меньше. Видишь, я дурак и зря не ценю своего счастья.

— Шутишь?

— Не совсем.

— Сколько убил людей?

— Не помню. Много

— Ты копаешься в себе — это вредно, — сокрушённо сказала Нина.

— Кто тебя научил таким рассуждениям?

— Моё собственное первое правило, когда очень плохо. Предопределение всё решило за нас, но слепо полагаться на него нельзя. Думать вровень со Вселенной ты не успеваешь. Нужна золотая середина — поймай момент и действуй по наитию.

— Ага, как бы ни так, девочка. Вот проживешь ещё лет пятнадцать-двадцать, мы с тобой, сравняемся в мудрости...

Нина взяла ещё один аккорд — опять неуверенно и слегка фальшиво.

— Давай, попробуем снова. Я не умею играть, но это преодолимо.

— Глупости.

— Совсем не глупости. Смотри, я сняла все барьеры. Действуй моим руками так, как будто это твои.

Она опять тронула струны, получилось как будто бы чище, потом заиграла сильно, соразмерно и правильно. Северин никогда подобного не слышал. Он знал, что руками его сестры играет сейчас Джури, но пока музыка не кончилась, это не имело значения. Ментальной наводки не было, но Мик видел плоскую равнину, рыжее солнце, которое нижним краем медленно дотрагивается до горизонта, а на земле проплешины выгоревшей травы. Невероятно чёткое изображение накренилось, отдаляясь одновременно, как будто Мик наблюдал

долину глазами взлетевшего ястреба. Далеко внизу он заметил убегающих людей, но нелюдским сознанием не мог понять смысла их действий. Одновременно часть разума оставалась человеческой, и эта часть одновременно корчилась от бескрылой тоски и трепетала от восторга полёта...

— Ну всё, это потрясающе, но больше не могу.

Музыка оборвалась слишком внезапно, Северин испытал то же самое, как если бы рухнул вниз с приличной высоты. Даже заново заныл ушибленный бок...

Мик вышел на открытое место и пожелал обоим доброго вечера. Оба сенса обернулись, у Джури мокрые волосы прилипли к вискам, Нина выглядела бледной и усталой.

— Подслушиваешь?

— Такое не захочешь, но услышишь. Роскошно. Не знал о твоих скрытых талантах.

— Где ты болтался?

— Везде и нигде. Купил джип. Завтра сваливаем отсюда, хочешь ты этого или нет.

Ненадолго Мику показалось, будто Джури прямо сейчас полезет в драку, но ветеран быстро ушёл к себе, не попрощавшись. Нина вернулась в комнаты вслед за Миком и закрыла дверь.

— Что случилось?

— Мне не нравятся твои ментальные эксперименты в компании с этим типом. Он способен на любую подлость.

— Всё оставалось под контролем. Было очень интересно.

— Он старше тебя и хитрее тебя, убивал людей, и к тому же он покалеченный, так что этому Джури нечего терять. Сначала ему понадобятся твои руки, чтобы играть на гитаре, потом чтобы открывать бутылки. Он всадит тебе в мозг копию самого себя, а кончится это тем, что ты сделаешь ради него всё.

— Да ты, кажется, ревнуешь.

— Не сходи с ума, я о тебе беспокоюсь.

Оба выдерживали паузу, стараясь не переступить грани ссоры.

— Откуда взялся кибер? — спросила, наконец, Нина.

— Купил у Варула. Хочу кое-то вырезать на менгире.

— Профессор от твоей идеи завалился бы в обморок.

— Варул о ней не узнает. А ты что-нибудь разведала?

— Да, так, кое-что. Неподальёку от Ахаратауна имеется пара аномалий. Места там глухие, репутация у них плохая. Вроде бы, там кто-то живёт — то ли запрещённая секта, то ли бродяги. Во время конфлик-

тов с каленусийцами в тех местах пропадали солдаты, причём, с обеих сторон, пока какой-то храбрый полковник не накрыл местечко из очень большого излучателя. Говорят, там даже камни расплавились...

— Откуда такие сведения?

— Из разума Джури. Пока он играл на гитаре моими руками, я обшаривала его мозги.

— Ох! Браво. Жёстко.

— Погоди, я не закончила. Кэтти, певица из ресторана, была девушкой Юлия Келлера. Самого Келлера тут почти не знают, но певица местная уроженка, которая уезжала делать карьеру в Порт-Иллири. Скорее всего, Юлий именно от Кэтти узнал о менгире. И ещё... он не столько дописывал на этот менгир, сколько что-то с него стёр и замаскировал изъём другими надписями.

— Зачем?

— Не знаю.

— Хочешь сообщить в полицию?

— Не хочу. Я связалась с посольством Арбела. Меня просят вернуться домой. Папа ждёт, хочет устроить разбор полётов.

— А как наша общая мама?

— Я дозвонилась до госпиталя, говорят, мама всё ещё в коме.

— Мой отец?

— О нём никто ничего не знает.

За широким окном, в тёмной ночи юга, медленными сполохами разгоралось неестественное зарево. Горизонт с северной стороны словно подсвечивали угли.

— Я так понимаю, нам пора прощаться, — по возможности ровным голосом сказал Северин.

— Да, — бесстрастно откликнулась Нина.

— Ты справишься и будешь жить дальше, я в тебя верю.

— Спасибо на добром слове.

— Когда-нибудь мы встретимся и вспомним всё.

— Как знать.

— Что случилось? Ты словно замороженная.

— Я хочу ещё раз войти в транс. Подходящих трав у меня нет, но пора обходиться без них.

— Может не надо?

— Надо. Я хочу, чтобы ты просто посидел рядом со мной. Пожалуйста.

Нина сказала так, и возражения застряли у Северина в горле. Костра не было, но услужливый кибер изобразил на дисплее огонь.

Предсказательница сидела, закрыв глаза. В открытый проём окна веяло полыньёю и пыльной горечью. Обманутые кибером вечерние моли безуспешно пытались сгореть в фальшивом пламени экрана.

— Хватит, Нина, пожалуйста, очнись.

Он взял сестру за плечо — оно оказалось холодным. Девушка даже не двинулась, оставаясь твёрдой, словно статуя.

— Нина!

Он тряс её, потом попытался перенести на диван, но испугался повредить оцепеневшие руки. Ненадолго Северину показалось, будто сестра умерла, он нашёл в ванной маленькое зеркало и приложил к бледным губам. Стекло слегка помутнело. Вена на шее билась ровно, хотя и медленно.

«Сколько же я пытаюсь пробудить её? Уже долго...»

— Джури!

Мик выскочил в холл и несколько раз ударил кулаком в дверь спальни хозяина.

— Не мешай мне спать, недоумок — раздался из-за стены недовольный голос.

— Слушай ты, индюк хвастливый. Моей сестре плохо. Она умирает. Не знаю, может, и не из-за твоих музыкальных экспериментов, но если Нина не очнётся, тебе несдобровать. Честного поединка не будет — я не такой дурак, чтобы драться с профи. А вот деньги папы пригодятся. Засадим тебя лет на двадцать за нелегальную психиатрию.

— Пошёл в мартышкину жопу, дружок. Я раньше сверну шеи вам обоим.

— Даже так? Ладно, попробуй. Когда консул Арбела узнает, кто и ради чего убил его дочь, ты окажешься в таком месте, что мартышкина жопа покажется тебе курортом.

Через миг Джури пинком открыл дверь, очевидно, он не спал и даже не раздевался.

— Ладно, хватит лаяться. Ты сам знаешь, я её не убивал. Всё дерьмо, которое ты тут вывалил, происходит от зависти. Ты слабак, напрашиваешься на драку, потому что у тебе богатый папенька. Хочешь отнять всё, что у меня осталось.

— Слушай, мне не до разборок. Она не может выйти из транса и последним с нею на пару работал именно ты.

Джури прошёл в комнату, быстро оттолкнув Мика. Он положил беспальные руки на виски девушки и сидел так с минуту, как будто прислушиваясь.

— Мне не нравится это сияние за окном. Набери воды в садовое ведро, тебе это сделать сподручнее.

— Ты сумеешь ей помочь?

— Да, но не потому, что твои угрозы произвели на меня впечатление.

Северин принёс ведро, ему не хотелось, чтобы Джури видел, как дрожат его, Северина, руки.

— Вылей воду на неё, Мик. Не бойся. Прямо в лицо и всю сразу. Лей.

Северин опрокинул ведро, волосы Нины мгновенно намокли, вода растеклась по груди и хлынула на пол.

— Смотри, сейчас она откроет глаза.

Предсказательница, и вправду, шевельнулась, пытаясь убрать с лица мокрые пряди.

— Тебя, братик, я должна благодарить за прерванный транс и испорченное платье.

— Ты в порядке?

— Кажется, да. Спасибо, что вмешались. Я запуталась к какой-то сети и долго не могла освободиться. Мне не очень хорошо. Даже по ту сторону было приятнее.

— Заметила что-нибудь новое?

— Сильный огонь — пожар или вспышку, мне помешали, как будто рядом работал сильный псионик.

— Это подлец Джури.

— Это не я, клянусь, — мгновенно отозвался отставник.

— Врёшь, сволочь — холодно сказал Мик и впервые в жизни не подумал о возможности получить за это удар в лицо.

У Джури окаменели скулы и глаза сделались пустыми, но он не двинулся с места. Нина помотала мокрой головой:

— Это вправду не он. Тот, который вмешался, был дальше, сильнее и не один. Его аура мне не знакома, а Джури я хорошо знаю. Мне страшно, Мик. Такого я ещё не видела.

— Тогда лучше уехать немедленно. Джип готов, вещи собраны. Лучше всего вернуться в Порт-Иллири.

Джури хмуро сидел в углу и, орудуя одним лишь мизинцем, возился с уником.

— В эфире помехи. Давайте, ребята, бегите, — злорадно посоветовал он. — А для начала посмотрите в окно. Видишь, Мик, тот огонь на горизонте? Он с северо-западной стороны. Как раз там каленусийская граница. Точно такое же сияние я видел зелёным новобранцем,

когда конфедераты оттяпали у нас половину округа. Кажись, начинается новая заваруха. Когда сюда придут чужие солдаты, мы оба сравняемся и в возможности умирать.

Зарево уже занимало половину неба.

— Тем более, мы уезжаем. Нина, пошли отсюда.

— Я вся мокрая.

— Ничего, переоденешься в машине.

Стояла глухая ночь. Тревога уже возникла, но ещё не превратилась в панику. В соседнем дворе кто-то пытался завести мотор, нескладно лаяли собаки. Незнакомый добрый старик, очевидно, мучаясь от бессонницы, вышел под звёзды, да так и стоял возле воротной стойки.

— Садитесь к нам в машину, — позвал его Северин. — Места хватит, чтобы забрать что-нибудь из вещей.

— Спасибо, сынок, лучше я останусь на месте. Иногда случается, что человек и дом срастаются. Сбежать отсюда так же трудно, как вытащить из земли фундамент.

Раздался низкий, на грани слышимости гул, земля дрогнула, зазвенели стекла, гирлянда нарядных лампочек на чахлах деревьях у ворот мигнула и погасла.

— И-и-и-и!

Ребёнок, невидимый в ночи, безысходно плакал на одной протяжной ноте. «Успокойся, успокойся, — сердито и укоризненно повторял мужской голос. — Вера, не стой как чучело, возьми его на руки». Мотор у чужой машины, наконец, завёлся, кар с сомнительным шумом неисправного механизма тронулся с места.

— Ночь что надо, — буркнул кто-то иронически, но за напускной иронией прятался страх.

— Горит «Можжевельник».

— Военная база что ли?

— Она самая. Странно, я не чувствовал техники в небе.

Этот самый, второй, говоривший в темноте, оказался псиоником — Мик ощутил характерное «покалывание» в душе, признак неаккуратной и грубой работы мутанта.

— Нина!

— Тихо, не зови, пожалуйста, ты мне мешаешь... Я тоже работаю.

— Выяснила что-нибудь?

— Скоро тут начнётся такая паника, что мало не покажется.

Лотер вынырнул из пропитанной запахом полыни темноты и, мотая хвостом, запрыгнул на сиденье. Мик, который уже собирался

набрать скорость, едва успел затормозить. Девушка в малиновом сценическом платье, певица из ресторана, мелькнула ярким пятном, её раскрытые побелевшие ладони на секунду прижались к стеклу.

— Ради всего святого, пожалуйста... возьмите меня с собой.

— Садитесь.

Артистка боялась так сильно, что этот трепет чувствовал даже лишённый способностей псионика Мик. Вчерашнее здание склада мелькнуло где-то слева. Ворота стояли распахнутыми, забытый всеми охранник-терьер истошно выл, обратив лохматую морду в репьях к небу. И этот вой пробивался даже сквозь хаотически нарастающий шум паники. Машин стало побольше, Северин сбросил скорость, чтобы не столкнуться с мотоциклистом, тот обратил к джипу лицо в закрытом шлеме и, до невероятия похожий на огромное насекомое, сложил лапу в оскорбительном жесте.

— Убивать! Всех убивать! — кричал незнакомый пожилой тип.

Крепкий, коренастый, он выскочил на дорогу, размахивая охотничьим ружьем, и эти жесты походили на жесты сумасшедшего.

Патруль, появившийся внезапно, уже спешил к крикуну, и тот спустил курок. Один преторианец пошатнулся, двое других пустили излучатели в ход — Мик видел, как загорелась куртка на груди расстрелянного. Невероятно, но прошитый лучом человек всё ещё жил. Он даже не упал, а только дёрнулся, напоминая куклу, сорвавшуюся с нитки, и снова придавил курок — теперь сделалось очевидно, что старик стрелял крупной дробью. Хлестнуло по корпусу кара, Кэтти слабо охнула и прикоснулась к мочке уха — её блестящая серёжка, срезанная у основания, покатила под ноги Северину. Два колеса сдулись, кабина накрылась.

— Вляпались! — в бешенстве сказал Мик.

Мёртвый сумасшедший лежал на спине. Его лицо, обращённое вверх, ещё сохраняло свойственное живым выражение ненависти.

— Меняй колесо, — безо всякого выражения сказала Нина.

— Запаска только одна.

— Ой, мама...

Кэтти дрожала, словно её сжигала лихорадка.

— Придут каленусийцы и всех убьют, а меня к тому же изнасилуют... — повторяла певица.

Слёзы стекали по лицу, смешиваясь с косметикой.

— Успокойся, они все псионики, так что на тебя даже не посмотрят.

— Высадите меня! Я не хочу умирать в этой машине!

— Отведи её к Джури, — тихо сказала Нина. — Нельзя брать с собой истеричку. Она помешает нам попасть к менгиру.

— Джури я не доверю даже собаку... Кэти, у вас остались в городе другие друзья?

— Нет никаких друзей. Одни только поклонники.

Мик все же постучал в первую попавшуюся дверь. Хозяин, бесцветный, плотный, с редким ёжиком коротко стриженных волос, отвёл глаза в сторону.

— Девка из ресторана? Ну нет, я её не пущу. У меня в доме дети.

Растерянный Северин усадил певицу прямо на порог. Её личико сложилось в страдальческую гримасу.

— Он прав, — сказала она с каким-то странным равнодушием. — Мне лучше вернуться к Джури. Простите за истерику, я была душой и помешала вашим делам.

Кэти встала и побрела в темноту, мимо колючих изгородей и запертых дверей.

Нина смотрела ей вслед, будто прислушивалась к чему-то таинственному и скрытому от простых смертных.

— Не огорчайся, — медленно сказала она. — Кэти умрёт не сегодня и по другой причине. Жаль бросать машину. Нам нужно ещё одно колесо. Пошли.

Проплутав с четверть часа, они вышли к распахнутым воротам склада «Ассортимент желаний».

Терьер-охранник удрал. Офис управляющего оказался разгромлен. Судя по разрухе, неподъёмный сейф сначала пытались вскрыть ломом, потом — унести целиком, но, в конце концов, просто бросили. Склад прямо сейчас деловито грабили, и Северин не сунулся внутрь, ограничившись посещением парковки. В раскрытом багажнике одно из машин он взял домкрат и баллонный ключ, а потом принялся на ощупь свинчивать переднее колесо. Закончив, откатил его на улицу. Нина ждала, неподвижно, как статуя, стоя в глубокой тени.

— Армагеддон в отдельно взятом месте, — хмуро сказала она. — Я, честно говоря, не ожидала, что всё испоганится так скоро. Пока ты шарил там, мне уже сделали два предложения.

— Это какие?

— Одно частное — потрахаться, второе коллективное — помочь нести награбленное.

— С награбленным тебя бы убили через четверть часа...

На складе тем временем успела начаться и кончиться драка. Теперь участники её ругались скороговоркой. («Ну что ты наделал, нет,

ну ты мне зуб выбил, посмотри, нет, я говорю, смотри, сволочь».) Голос человека тянул и тянул бессмысленную жалобу. Поток машин на улице уже поредел.

— Пошли назад. Я буду катить колесо.

Когда они вернулись к джипу, Лотер скулил на заднем сиденье, обнюхивал выключенного кибера, и это была последняя ночь Мика в Ахаратауне.

...Утро они встретили в степи, двое затерявшихся людей и собака. Как только встало солнце, жара начала усиливаться и к полудню палило как в раскалённой печи. Сестра Северина спала на заднем сиденье. Пёс прижался к её ногам и тоже спал, но не глубоко, а поверхностно и чутко, как это умеют делать звери. База «Можжевельник» на севере, должно быть, продолжала гореть, но Северин больше не видел дыма. В приоткрытое окно машины несло топливом и раздавленной полынью.

— На кого похожи каленусийцы?

— Вот придут, и увидишь, — сумрачно пообещала проснувшаяся Нина. — Вода у тебя осталась?

— С собой половина фляжки, остальное в багажнике.

— Дай сюда, хочу немного хлебнуть.

Она отпила глоток, и завинтила крышечку.

— Затормози, возьмём ещё бутылку из багажника, кстати, я сменю тебя за рулём.

— Не надо, я не устал.

— Меня бессмысленно обманывать.

Северин выбрался из раскалённой кабины. Остов чужого кара торчал неподалёку, словно костяк мёртвого зверя среди пятен почерневшей от огня травы.

— Мне кажется, это джип Келлера.

Скелет хозяина, наверное, прятался внутри. А, может быть, нет. Северин, сам не зная, почему, дотронулся до металла и вытер испачканные сажей пальцы о штаны. Крайняя усталость давно овладела беглецами. Нина собрала пучки сухой травы, сложила их поодаль и щёлкнула зажигалкой.

...И вновь пронзительно горький, почти невидимый дым отвесной струйкой тянулся к небу. Мик, закрыв глаза, внутренним зрением предсказательницы видел равнину и кучку людей. Издали они казались не крупнее муравьев, но суть событий оставалась тёмной.

Когда Мик открыл глаза, он обнаружил, что лежит лицом к небу. Костёр догорел, серый пепел уже рассыпался. Нина сидела рядом,

и, приложив к глазнице, крутила купленный накануне игрушечный калейдоскоп. Тёмный спутанный локон шевелился на её щеке как птичье крыло. Калейдоскоп едва слышно звенел.

— Где ты взяла эту штуку?

— Подобрала. Она вывалилась у тебя из кармана.

— Это был мой прощальный подарок. Прости, не успел отдать.

— Спасибо. Мне понравилось.

...Последующие часы слились для беглецов в одно сплошное мучение, к жаре и пыли прибавилась опасность оказаться замеченными. Ближе к вечеру Северин в первый раз увидел каленусийцев.

Два аппарата неизвестной конструкции низко летели над иссушенной равниной. Их тени тащились по земле, по очереди накрывая кочки травы, чахлые кусты, холмики звериных нор и редко разбросанные камни. Северин спрятал джип в ложине, а когда машины скрылись за горизонтом, воистину понял, что такое ненависть. Он не кричал и не грозил, а просто стоял и смотрел в небо, а пальцы сами искали несуществующий излучатель до тех пор, пока Нина (очень осторожно) не взяла брата за руку.

— Не надо смотреть им вслед... А то они почувствуют это и вернутся. Тут нехорошее место.

Он почти сразу уехали — ложина и впрямь выглядела нехорошо — дно её усеивали мелкие косточки погибших зверьков. К менгиру попасть не удавалось, но камень мог подождать. Так прошёл ещё один день, к концу которого беглецы получили передышку: заброшенный дом в степи, достаточно просторный, чтобы вместить двоих гостей, но слишком убогий, чтобы заинтересовать солдат — строение с крутой кровлей из травы больше смахивало на шалаш.

...Пока девушка спала, Северин зарядил уником от батареи машины и, почти не надеясь на успех, попробовал связаться с Порт-Иллири.

Помехи исказили слабый сигнал, но Мик всё же сумел связаться с отцом — ни звука, ни изображения, только сухой текст, прерываемый длинными паузами.

«Ты где?» — спросил Северин-старший.

«В степи»

«Нина?»

«Со мной. Как мама?»

«Ей лучше».

«А ты?»

«Пока всё нормально. Я передам кое-какие инструкции. Воспользуйся».

Нина всё спала и во сне походила на заколдованную принцессу — в таком виде она, по крайней мере, не вмешивалась в дела брата. Северин же, сидя на корточках, на глинобитном полу, с тревогой наблюдал, как ненадёжно и медленно работает связь.

Пакет с инструкциями пришёл через час, Мик прочитал текст дважды, и неотвратимая обречённость снова шевельнулась в душе. «Отец — человек, не склонный к авантюрам, но он всё же толкает меня на риск. Зачем?»

Северин выбрался на открытый воздух, машины врага на этот раз прошли стороной. Стояла тишина — ни взрывов, ни выстрелов, лишь таинственный «Можжевельник» продолжал гореть, слегка пачкая горизонт размытым пятнышком дыма.

...Пеших каленусийцев они встретили ближе к вечеру, безликие и одинаковые фигуры в защитном снаряжении рассыпались по степи.

— Лучше остановиться, пока они не начали стрелять. Можешь обмануть их, показать какую-нибудь иллюзию?

— Я исчерпалась, мне не замаскировать нас обоих.

— Тогда спасайся сама. Живо, уезжай отсюда.

Оккупанты что-то кричали, их приказы озвучивал кибер-переводчик.

Чужак приблизился, шлем полностью скрывал голову, сквозь прозрачный щиток виднелся только крупный нос и тени под надбровными дугами.

— Здравствуйте, — по-каленусийски сказал Северин.

Ему не ответили, вместо этого жестом приказали опуститься на землю. Лотер зарывал на врагов, но смирился. Нина куда-то исчезла, хотя плоская степь не давала укрытия — несомненно, это был псионический трюк. «Моя сестра — истинная ведьма».

— Он сейчас говорит или думает? — спросил один чужак у другого.

— Думает. Что-то насчёт колдовства, я не могу как следует разобрать.

— Работать с мыслями мешает шлем.

— Да, но парень всё равно бесполезный засранец. Я бы бросил его прямо здесь, но есть приказ задерживать всех беженцев квадрате....

Новый день Северин встретил под открытым небом, на площадке лагеря для пленных, в компании трёх сотен таких же, как он, неудачливых беглецов. Все они расположились прямо на земле, днём она раскалялась, а ночью остывала и тогда отбирала тепло у людей. В жару помогала «охлаждающая» рубашка, в сумерки Северин пробовал ложиться ничком на куртку, но в таком положении мёрзла спина.

К этому времени он как следует разглядел врагов — все они были ещё молоды или, по крайней мере, выглядели такими. Каленусийцы мало отличались от иллирианцев, разве что рыжеватые и русые волосы встречались чаще. Их взгляды казались очень выразительным — характерная черта, вызванная изменениями в радужке глаза.

Мика и его невольных сотоварищей почти не кормили, не допрашивали и ничего и не объясняли, часы тянулось бессмысленно и тоскливо. Время от времени далеко за периметром возникало шевеление. Напрягая зрение, можно было понять причину — брошенное стадо коров местной породы уныло бродило по вытоптанной равнине. Далёкие контуры гор вырисовывались на востоке. Злополучный «Можжевелик» догорел, дым на севере исчез.

...Под утро Мику приснился страшный сон — неподвижное лицо Нины с кровавым отверстием на лбу. Он в страхе открыл глаза, но вместо сестры вдруг увидел небритого и злого Джури. Беспалый был жив, почти не осунулся, но вместо безрукавки носил теперь рубашку, а под глазом наливался цветом баклажана новенький крупный синяк. В ответ на безмолвный вопрос бывшего постояльца Джури ухмыльнулся.

— Меня накрыли вместе с машиной. Ты думаешь, я не водитель? Верно думаешь, но крутить руль помогала Кэтти. Они ловят в округе всех, кто ушёл из поселений, не важно, в форме или без. Особенно хватают псиоников. Кэтти пришла в первую ночь заварухи, под утро, и была со мной в машине, но они её отпустили и это единственно приличное действие конфедератов. Все они матёрые псионики, а я уж, не беспокойся, по себе знаю, что это за сволочь.

Появление приятеля-недруга пошло Северину на пользу — оно отвлекало от мыслей о мрачной судьбе.

— Лет десять назад, или, пожалуй, ещё пораньше, когда ты был мальчишкой, по ту сторону границы началась заваруха, — рассказывал беспалый. — Что там приключилось, толком не знаю, но пока каленусийцы разбирались между собой, наш старик-император велел провести разведку боем. Мы сунулись на их территорию, после чего мутанты нам вломили. Работали на ментальном, конечно, уровне, но и обычная перестрелка была. Из всей группы вернулся я один, и с тех пор пальцев на руке не хватает. Слушай, Мик... не питай надежды — мы тут все потенциальные покойники.

— А я вроде бы не знал...

— Чтобы выжить, нужно уходить, и ты мне поможешь. А пока тихо, сюда идёт ещё одна падаль.

Офицер конфедератов (яйцеоподобный шлем снят и пристёгнут к поясу) вошёл через брешь в периметре и теперь шагал между двумя рядами пленников, время от времени заглядывая в изможденные лица. Узкое довольно благообразное лицо человека не выражало ничего — ни злости, ни сожаления. Несомненно, он тоже бы псиоником.

«Этот тип из их каленусийской спецслужбы — из Департамента Обзора, — прошептал Джури, когда офицер ушёл. — Моя карманная защита вчера ночью испортилась. Я её выкинул в отхожую яму. Я бы и военную татуировку срезал вместе с кожей, но незаметно не получится. Если мои мысли прочтут — отправят на форсированный допрос. Пока что парню мешает общий ментальный фон. Тут очень много перепуганных гражданских».

Джури вдруг замер без движения. Теперь беспалый теперь походил на покойника, который остекленелыми гляделками безразлично тащится в небеса...

Через минуту он очнулся и провёл ладонью по лицу, будто сдирая невидимую паутину.

— Твоя сестра близко. Она на свободе. Не беспокойся. Отыщем, как только выберемся, у меня появился план.

...Шли долгие часы, на первый взгляд, ничего не менялось. Джури перевел дыхание и вытер мокрый и красный от солнечных ожогов лоб.

— Холерски трудно, — честно признался он. — Во-первых, состояние, во-вторых, у этих тварей психика далека от человеческой.

— Попробуй ещё раз. Я не знал, что псионики могут работать с животными.

— Если другой вариант — скотская жизнь в загоне, я буду работать с кем угодно.

...Корова, которая медленно объедала невзрачный кустик травы, нехотя подняла крупную голову и замычала. Образ, который сложился в сознании, напоминал опасного хищника. Беспокойная дрожь пробежала по шкуре, корова склонилась, нацелив рога в пространство.

— Зашевелились, подбавь ещё.

— Не лезь. Если перестарюсь, всё пойдёт прахом. Эти скоты злы, их скрещивали с «дикарями», чтобы улучшить породу. Смотри! Вот оно, как раз начинается...

..Хищник находился поблизости, он бы одинок, но опасен, корова издала призывный звук и переступила копытами, готовясь к разбегу. Недавно отелившиеся самки попятились, остальные выдвинулись

вперёд. Стадо сорвалось с места, торопясь смять врага. У Джури, и так измученного жарой, на висках намокли волосы...

... Хищник убегал, его пушистое тело уже попало под копыта, но живая масса сородичей не позволяла корове остановиться. Покрытая пеной, полуослепшая, она видела перед собою лишь ненадёжную преграду, смутно напоминавшую загон. Люди, немного похожие на потерянного пастуха, зачем-то разбежались в стороны. В загоне, по опыту, могла находиться вода и еда, а корова давно испытывала жажду. Существо со странной, яйцевидной головой и запахом человека, вскинуло палку, но ударить не пыталось. Что-то странное, сорвавшееся с конца палки, ужалило корову в бок. Укусы слепней не опасны... Корова удивилась, когда её короткие сильные ноги подкосились. Бегущие следом топтали замшевый бок до тех пор, пока он не стал совсем плоским...

— Ну, понеслось, сейчас начнётся мясозаготовка, — растрескавшимися от губами пробормотал усталый Джури. — Пошли. Ловить нас будут на юге, а потому мы побежим на север — в сторону конфедеральной границы. Ментальный фон сейчас сумбурный. Снять шлемы эти парни побоятся. У нас полчаса, чтобы убраться подальше и не попасть под шальную пулю. Вперёд! Нас прикроют собой дураки.

Мик бежал — вместе со всеми. Вместе со всеми падал и снова поднимался. Некоторым не повезло — люди, поражённые излучателями и пулями, остались лежать на земле, но Северин не смел ни остановиться, ни оглянуться. За развороченным ограждением тянулось поле, уставленное машинами непонятного вида и палатками незнакомого образца.

— Не сюда, дурила!

Джури плечом толкнул товарища в другую сторону, на ходу нагнулся и подобрал брошенный шлем ментальной защиты.

— Надену его, чтобы скрыть свои способности. Очухались, сволочи.

Северин никогда не видел ничего более страшного. Земля возле его ног вспыхнула — горели остатки сухой травы, этот недолговечные костёр успел лизнуть колени бегущих. Боль от ожогов получилась самая настоящая.

— Это иллюзия? — на бегу спросил он.

— По нам не иллюзорно шмаляют. Давай, прибавь ходу.

Джури остановился, обнажил голову и прищурился, в этот момент представляя собой замечательную мишень, потом нахлобучил шлем обратно и в три прыжка догнал Мика.

— Я угостил их иллюзией. Беги, говорю, если не хочешь сдохнуть.

Труп конфедерата Мик обнаружил внезапно — скорее всего, парень попал в середину стада и какое-то время перемещался вместе с бегущими животными, пока его не затоптали окончательно.

Беспалый без стеснения обшарил карманы покойника, раздел его почти донага и сам переоделся. Кровавые пятна на мундире слегка припорошила пыль.

— Сойдёт, размер мой. Есть даже пистолет в кобуре. А вот тебе придётся изображать задержанного.

С этими словами Джури навёл на Мика ствол и улыбнулся, давая понять, что шутит.

Потом он шёл позади и молчал. Молчание становилось всё более зловещим.

«Он сейчас выстрелит мне в спину, — понял Северин. — Джури я больше не нужен, наоборот, мешаю».

— Я смотрю, у тебя дурь в башке завелась. Ишь, чего вообразил. А ну, не вертись, — мрачно посоветовал беспалый.

Но Мик всё же обернулся, и пуля, нацеленная ему в спину, ударила в верхнюю часть груди. Из пробитого отверстия потекла кровь — такая ярко-алая и пенистая. Северин, успев увидеть её и ощутить железистый привкус на губах, а потом упал на бок, коснулся щекой травы, заметил, как муравей двигает песчинку, сам стал этим муравьём, и, наконец, провалился в темноту, у которого не было ни конца, ни настоящего начала.

— Вот и всё, — прокомментировал Джури. — Выживает сильнейший.

* * *

Лотер, длинноухий пёс охотничьей породы, бежал по степи, почти касаясь носом травы. Нина (которая оставила джип неподалёку) не брала собаку на поводок — она не любила привязывать животных.

База «Можжевельник» догорела и больше не пятнала дымом горизонт. Девушка и собака двигались вдвоём.

Будущее Нина видела необычайно чётко. Жаворонок должен был крикнуть, она представляла это крик, потом слышала его, и эта новая уверенность, обрётённая прошлой ночью, делал мир необыкновенно

устойчивым. Вскоре она увидела и то, что ожидала увидеть, и зрелище полностью соответствовало предсказанию. Неподвижный Северин лежал лицом к небу, на клетчатой рубашке уже подсыхало багровое пятно. Смущённый Джури во вражеском шлеме стоял рядом.

Она подошла прямо и гордо, не скрываясь.

— Здравствуйте, — хмуро сказал бывший солдат Оттона.

— Что с моим братом?

— Кажется, солнечный удар. Хотя откуда тогда кровотечение, сам не понимаю.

— Из рубашки. Он купил её на складе «Ассортимент желаний», там специальные вставки. Должно быть, открылась дырочка и течёт охладитель. Он красный, так что это не кровь.

Нина попыталась напоить Северина из фляги.

— Мы оторвались от погони, — с некоторой гордостью сказал беспалый. — Это была отличная работа.

Мик зашевелился. Он присел на корточки, ощупал окрашенную одежду и тут же плотно стиснул пальцы.

— Ну, раз у вас всё так хорошо, то я пошёл, — подчёркнуто беззаботно бросил Джури. — Мне с вами не по пути, так что удачи, ребята.

Он уходил, и его серая от пыли спина какое-то время мелькала на фоне иссушенной равнины.

Северин разжал кулак. На ладони запеклась вязкая жидкость, немного похожая на настоящую кровь. Её оказалось довольно много.

— Ты знаешь, что он убил меня — попросту застрелил из каленусийского пистолета?

— А ты в курсе, что у него не хватает пальцев и он не может стрелять?

Мик, взявшись, за голову, замотал ею в отчаянии:

— Понимаешь, я видел его нормальные руки! Я успел заметить, как он «несуществующим» указательным пальцем придавил курок.

— Это была ментальная наводка, нереализованное желание Джури убивать. Только иллюзия и больше ничего.

— Зачем? При своей комплекции и навыках он мог бы прикончить меня, просто ткнув локтем ...

— Значит, не захотел.

Девушка-пророк сидела рядом с Миком на траве, гладила собаку и бесстрастно наблюдала растерянность Северина...

— Той ночью, когда ты отвлёк конфедератов на себя, я взяла джип и одна доехала до менгира. От лагеря ещё кое-что осталось, но там нет людей и много шакалов. Попытка не пытка. В палатке с инстру-

ментами был резец, обычный, правда, не лучевой, и я немного подправила камень.

Мик медленно раскрыл ладонь. Засохшая на ней жидкость, казалась очень похожей на кровь.

— Ты что, заказала менгиру реморализацию этого козла Джури?

— Той ночью я опять видела будущее и знала, что ты сумеешь бежать. Настоящую опасность представлял только Джури. Я нейтрализовала его, но не убила. Его смерть могла стать... избыточной жесткостью.

— Понятно. Потратила драгоценное место на камне судьбы ради этого гада.

— Не ради него, ради тебя.

Полчаса спустя Мик гнал машину всё дальше на север, объезжая неровности и холмики нор. Мир — недобрый и угрожающий, всё же оставался понятным.

«Выстрел в грудь мог оказаться иллюзией, или, того смешнее, галлюцинацией, вызванной моим страхом или жарой. Джури мог уйти без драки просто по прихоти. Если подумать, сегодня удовлетворены желания каждой стороны — беспалый показал себя крутым парнем, я спас сестру и уцелел, она уверилась в своих пророческих способностях. Но не обманываем ли мы, все трое, сами себя?»

Испачканную охладителем руку неприятно тянуло, он оторвал её от баранки, чтобы вытереть вязкую жидкость, и незаметно лизнул кожу, чтобы убедиться наверняка.

Уже запекавшаяся жидкость имела солоноватый, с металлом, привкус настоящей крови...

Глава 4. Шестой лишний

Офицер сдвинул козырёк как можно ниже — крупный нос капитана Мирса портили пятна солнечных ожогов. Каленусийца утомил ментальный шлем, в спешке нахлобученный прямо поверх кепи, но капитан не решался снять защиту, предпочитая терпеть неудобство. Пот уже стекал по стриженным волосам.

Холмистая равнина, покрытая мёртвыми виноградниками, тонула в горячем мареве. Гражданский джип вдалеке, слегка побитый, в проплешинах от облупившейся краски, ехал под уклон, тормозя и поднимая за собой кудрявый хвост пыли.

— Может, срезать их, командир? — угрюмо спросил солдат с излучателем.

— Подпусти поближе.

Неизвестное существо, может быть, истомлённый жаждой шакал, гнусаво повизгивал в кустах. Кустарник, не дожидаясь астрономической осени, сбросил листву, теперь она бурым мусором лежала, где попало — истоптанная, вмятая в раскрошившуюся сухую глину колёсами машин, смешанная с пылью, разлитым топливом, экскрементами людей и выючных животных.

От ручья осталось только сухое русло, просел мост (несколько сдвинутых вместе балок). Как раз к этому ненадёжному мосту и двигалась сейчас чужая машина. Под слоем праха на крыше и поверх облупившейся краски на бортах довольно заметно проглядывали голубые круги.

Мирс сплюнул горечь, вызванную таблетками от лихорадки. Непотличимый от солдат армейский священник, капеллан, с лицом, густо покрытым мазью от ожогов, подошёл поближе и встал рядом с другом, почти касаясь командира плечом.

— К нам лезет «гуманитарная миссия».

Капеллан Лу кивнул, хотя оба они, вместе с капитаном, не нуждались ни в жестах, ни даже в словах — долгое общение, привычка и общность псиоников давали возможность видеть мысли друг друга.

«Два-три дня, и эти ребята будут в благополучном Порт-Калинусе, — с тоской решил про себя священник. — Там они засядут в офисе своей организации, где достаточно кондиционеров, а диарея остается лишь абстрактной идеей».

Лу попытался подавить недостойные, завистливые мысли. Капитан ухмыльнулся углом рта.

«Не стесняйся, друг».

По ту сторону моста произошла заминка. Машина остановилась, двое вышли наружу и теперь стояли под полуденным солнцем — парень в грязной клетчатой рубашке с выгоревшими до седого цвета волосами, и девушка в широкополой панаме и тёмных очках. Оба развели в стороны пустые, невооруженные ладони.

— Стоять на месте! — крикнул Мирс вслух.

Затем он подошёл поближе и, сердито скривившись напоказ, принялся рассматривать документы, приколотые при помощи булавок к одинаковым курткам «миссионеров». Прозрачные утомлённые глаза парня покраснели от жары. Девушка стянула очки, давая возможность сравнить лицо с изображением.

«Красивая что ли? Дама или незамужняя? Во всяком случае, не старше двадцати пяти».

Парень, спутник миссионерши, растеряно рассматривал армейский шлем чужака.

— Мы возвращаемся в Порт-Калинус, — предупреждая вопрос, быстро произнесла молодая женщина.

Она говорила вежливо, очень правильно и бесстрастно. Такая эмоциональная стерильность почему-то разозлила капитана Мирса.

«Псионичка из бездарей, — решил про себя он. — Симпатичная, скучная. Ментальный щит, впрочем, держит великолепно».

— Проезжайте. Будьте осторожны, мост еле держится, и помните, что по ночам тут постреливают разбежавшиеся иллирианские преторианцы.

— Спасибо.

Офицер нахмурился, но найти источник смутного беспокойства не удалось. Он ещё раз оглядел женское лицо — гладкий лоб, не прикрытый ни шлемом, ни обручем ментальной защиты, серые глаза без признаков страха. Спутник женщины нервничал, но в пределах естественной реакции. Мысли не читались ни у «доброволицы», ни у парня, хотя Мирс не знал, виноват ли в этом только его собственный шлем.

— Проезжайте поскорее, — довольно резко добавил он.

Армейский священник Лу тоже проводил машину взглядом. Пока джип скрывался за горизонтом, пыль уже успела осесть. Продолжал скулить в кустах умирающий зверь. Капеллановы соображения слегка отливали серебряными тонами печали. Мирсу это не понравилось.

Капитан потёр зудящие щёки, на которых наливались мелкие волдыри мушиных укусов, потом решительно стянул шлем, содрал мокрое от пота кепи и подставил лысеющую макушку пусть тёплому, но более-менее освежающему ветерку.

В эту же минуту он вспомнил кое-что.

Священник с удивлением уставился в искажившееся лицо друга.

«Это были чужие — просигналил ему Мирс. — Возможно, люди из Арбела».

«Тогда откуда ты решил, что они наврали?»

Офицер прикинул, стоит ли стрелять по исчезнувшему кару, используя детектор для наведения, но только покачал головой, которая раскалывалась от боли.

— Тут не надо особого дара, — зло и отрывисто, вслух произнёс он. — Просто я знаю эту деву, видел её раньше.

— Где?

— В новостях. Дочь одного политика из Арбела.

— Может, простое сходство? Документы-то были в порядке.

— Шпионка?

— Девушек из новостей не отправляют в разведку.

— Ладно, забудем. Сбежала, и чёрт с ней, мы воюем только с иллирианцами.

Чуть позже капеллан Лу устроился почитать каленусийско-иллирианский разговорник. Ненужный до времени детектор, уже укрытый брезентом, высился на фоне выцветшего, раскалиённого неба.

К ночи похолодало, появились слабые намёки на возможность ливня. В полночь крупные капли стучали по пологу палатки, гарь остывшего пожара размокла и жидкой грязью стекала в пустое русло ручья...

* * *

Этот дождь покрыл грязью степь, испортил и без того разбитую тяжёлой техникой колею, и джип с голубым кругом на крыше медленно тащился по бездорожью. Время от времени машина останавливалась, тогда Северин выбирался наружу, открывал багажник и бросал под колеса упругий кусок металлической сетки. Машина по настилу перебиралась через сомнительное место и, завывая мотором, продолжала тащиться на север.

Смеркалось быстро, как это бывает в южных широтах.

— Привал. Вокруг никого. Лучшее место, чтобы отоспаться.

Нина согласилась. Мик, который устроился на переднем сиденье, рассматривал стёкла, все в потёках дождя.

...Наступило ясное утро, земля подсыхала, но первым плохим предзнаменованием стало исчезновение собаки. Лотер не откликнулся на зов, зато возле джипа крутилась троица незнакомых гражданских, по виду — иллирианцев. Тот, кто стоял ближе других — худой тип лет тридцати пяти, вежливо постучал тонким, но заскорузлым пальцем в стекло.

— Подъём.

Незнакомцы не выглядели ни агрессивными, ни испуганными. Их социальная принадлежность ещё проглядывала сквозь налёт грязи на лицах.

Худошавый походил на менеджера средней руки, при нём сохранился галстук, теперь, свёрнутый улиткой, он расположился в кармане хозяина.

— Доброе утро, вы из Ахаратауна? — вежливо спросил человек.

— Да, мы иллирианцы.

— Тогда вылезайте и присоединяйтесь. Завтрак на пятерых ждёт. Любите жареных кроликов? У нас целых четыре кролика, хватит всем. Я — Лори.

Северин непроизвольно поёжился.

— Не бойтесь, — спокойно сказал Лори. — Тут особенное место. Техника не работает, я сильно удивился, когда ваш джип въехал в самую середину аномалии, наверное, помог ночной дождь. Обычно здесь глохнут моторы. Снаружи нас не видят — ни ментальным детектором, ни при помощи оптики. Получается что тут, вроде бы, никого и нет. Это очень удобно, не правда ли, хорошо, что нас тут никто не видит?

Двое его товарищей охотно согласились. Один, почти пятидесятилетний, имел характерный вид нарядившегося огородника, на который наложилась неряшливость человека, оказавшегося в бегах. Третий, юноша лет семнадцати, ловкий и бледный, предпочитал помалкивать. Нина поймала на себе его изучающий взгляд.

— Кроликов тут можно ловить петлёй, мой друг Росен жарит их на углях, получается очень вкусно.

Росен, тот самый человек с внешностью огородника, с достоинством кивнул. Бледный парень так и не представился, он продолжал смотреть на Нину так, как будто прикидывал, что она держит в сумке.

Почти бездымный, но жаркий костёр горел в траве, похоже, в нём тлели подсушенные экскременты копытных. Вертел из прутика лежал на двух рогульках. Куски мяса успели подёрнуться коркой. Лори ловко разделил третьего кролика охотничьим ножом.

Северину вдруг подумалось, что кролик не кролик, и на вертел надеты тушки степных котов. По крайней мере, среди содранных и валяющихся в стороне серых шкурок длинных ушей не было.

— Присаживайтесь. Соль кончилась вчера, но мясо и так солонатовое. Как вы поняли, мы внутри аномального пятна. Всего шестьсот шагов в диаметре. Отличное место, жаль, не очень хорошо влияет на сны.

— Ага, и не только, — добавил более простодушный Росен. — Иногда тут спишь целый день, а иногда такая прыть — хочется бегать по кругу. Правда, Гриня?

— Угу, — отозвался бледный парень.

Он как раз разливал травяной чай в импровизированные чашки, устроенные из консервных банок с загнутыми краями.

Завтрак на траве удался. Безмятежностью повеяло от вновь приобретённых товарищей, коршун в небе вальяжно плавал, и неуместная радость успокоения снизошла на Северина. Странность ситуации присутствовала, но всё время ускользала от сознания. Нина казалась серенькой и незаметной, будто мышка, хотя правильные и красивые черты лица её не изменились — странность, без сомнения, вызванная наведённой иллюзией.

Мик лёг на спину и принялся рассматривать небо — после того, как догорел «Можжевельник», оно выглядело незапятнанно голубым. Лори что-то болтал, кажется, рассказывал про прежнюю работу в столице округа. По его словам, он потерял новый дом, хорошенькую жену, перспективную карьеру, но при этом выглядел подозрительно довольным. Росен, человек грубоватого склада, время от времени пытался вставить словцо, но получалось в основном о сортах огурцов и о погоде.

«Что-то тут не так», — подумал усталый Северин, но не смог избавиться от блаженства.

Косточки кролика обглодали начисто. Погода установилась хорошая, не очень жаркая днем, и лишь приятно прохладная к вечеру. Ужинали смородиновым джемом из запасов самого Мика. На ночь разбродились кто куда, заботясь лишь об одном — не переступить ненароком границы аномальной зоны.

Ночью Мик увидел сон, и сон этот был страшен.

Они с сестрой двигались куда-то в толпе других людей. Серые капюшоны совершенно скрывали головы, но Мик не сомневался, что облик спутников безобразен. Цель, которая неизбежно лежала впереди, принуждала ускорять шаг, хотя достигать её совсем не хотелось. Как назло, прервать иллюзию не получалось и Северин мучился в вымышленном мире точно так же, как если бы этот мир был настоящим.

Проснулся он, разбуженный Ниной, которая трясла брата за плечо.

— Ты кричал.

— Извини, кошмары.

— Пси-активность почвы тут зашкаливает. Как только встанет солнце, мы отсюда уйдём, — твёрдо сказал она, и Северин промолчал, не желая спорить с девушкой.

Он уже знал, что всем доволен и завтра не тронется с места.

Следующим утром Росен разбирали выкопанные корни по сортам.

Гриня пропал, скрывшись за стоячими валунами, снова появился и призывно помахал рукой. Лори подобрался, увалень Росен бросил

свои запасы. Они цепочкой двинулись в южную сторону, так ничего и не объяснив Северину.

— Ты понимаешь что-нибудь, сестрёнка?

— На южной границе участка заглох чужой джип.

Нина ровными зубами жевала кончик сорванного стебля мятлика.

— В джипе есть люди?

— Один человек. На нём защита армейского образца. Он, как и ты, пока ничего не понял.

Гриня первым появился из-за камней. Парень шёл, вытирая нос так ловко, что невозможно было разглядеть, кровь это или сопли внезапного насморка. Лори шагал следом, сопровождая гостя, неторопливый Росен замыкал шествие компании.

«Гостем» оказался вчерашний каленусийский армейский капеллан. Он крутил головой, упакованной в шлем, ещё не понимая соли ситуации.

— У меня сломалась машина, — сказал он на ломаном иллирианском. — Я благодарный человек и в состоянии оплатить содействие. Вам лучше сотрудничать со мной, — как бы несколько неуверенно добавил он.

Фразы были позаимствованы из разговорника. Уголок книжицы как раз торчал из кармана форменной куртки. Несмотря на отчаянное положение, Северин искренне расхохотался. Капеллан выглядел бледным, неуверенным в себе и больным. Он вдруг побледнел ещё сильнее, и, сломав порядок шествия, умчался за валуны.

Лори ухмыльнулся.

— У парня дизентерия... Он попал в аномальную зону случайно и пока ничегошеньки не понял. В его багажнике груз, кажется, не пустяковый. Уехать конфедерат не сумеет, это точно. Может уйти пешком, когда ему станет лучше, если станет вообще.

— Камнем по голове, — подытожил Росен. Он предложил это с крестьянской практичностью. — Тело надо закопать, машину откатим пониже, чтобы не маячила со стороны. А ты что скажешь, Лори?

— Я, как всегда, на стороне большинства.

Гриня провел языком по высохшим и потрескавшимся губам. Глаза его странно блестели.

— Я бы его съел, — внезапно сказал он.

— Душа во тьме... — сумрачно посетовал Росен.

— А ты уже до кишок высветлился?

— Воистину ты, Гриня, не знаешь ни добра, ни зла. Перво наперво,

он порченный, то есть болен заразным поносом. Во-вторых, соли нет, не завялишь, а на такой жаре мякоть стухнет.

— Хватит кривляться, господа, — жёстко сказал Лори. — Росен прав, как в моральном, так и в гигиеническом аспекте, от каленусийца следует избавиться. Я понимаю так, два голоса — за уничтожение. Это не женское дело, мы не будем принуждать леди к голосованию. Что скажете вы, Северин?

— Я воздержался.

— Двое «за», один воздержался. Мой голос уже не имеет значения. Действуйте, Росен.

Камней в округе достаточно.

— Я против, — внезапно сказала Нина.

Лори посмотрел на неё с явным неудовольствием. Мик демонстративно встал, подошёл поближе и сел между бывшим менеджером и сестрой.

— У вас есть мотивы, леди или это просто так? — вздохнув, спросил Лори. — Понимаете, жалость сейчас не принимаются в расчёт. Мы в странном месте, ненормальная обстановка толкает нас на решительные действия. Я специально дал вам возможность уклониться от голосования. Вы не пожелали. Что ж, тем хуже для вас. Приведите хоть один аргумент, почему мы не должны уничтожить врага.

— Я приведу такие доводы.

— Они должны отличаться от лепета о праве на жизнь.

— Я пророк, — холодно и гордо сказала Нина, и Северин видел, как подобралась, напрягаясь, троица. Росен, который шарил по земле, выпрямился и разогнул широкую, медвежью спину. Лори нервно стиснул длинные пальцы. Гриня сверкнул глазами и дёрнулся, но шага вперед не сделал.

— Я пророк, и знаю, что в случае смерти этого человека, вы четверо, включая моего брата, будет убиты в течение недели. Подробности значения не имеют, я не буду болтать о вероятностях. Других вариантов просто нет.

Несказанное разочарование сделало похожими весьма разные лица всех троих. Гриня грязно ругнулся, Лори поджал тонкие губы, Росен с досады высморкался на землю при помощи большого пальца.

«Блефует она или нет?»

Северин не знал ответа. Блеф был очень вероятен, и отчасти соответствовал характеру Нины, но в душе Мик ей верил.

— А если мы его не тронем? — быстро спросил Лори.

— Тогда через неделю будете живы.

— Ложь от начала до конца.

— Как скажете. Вам предстоит возможность проверить.

Лица Росена и Грини сложились в унылые мины. Капеллан, завершив свои дела за валунами, появился в самый неподходящий момент. Шлем он стащил и держал теперь в левой руке.

— Вы уже решили, каким образом выполните моё требование?

— Чего он хочет?

— Он желает, чтобы мы починили его машину.

— Тупица, как все конфедераты. Она не сломана, а просто сдохла в аномалии, как и любая более-менее сложная техника. Вы можете ему объяснить?

Мик судорожно подбирал в памяти обрывки чужого языка.

— Сэр! Ит... кэр... дерайтед... Нет! Правильнее будет — Эйт кэр...

— К холере! — отрезал раздражённый Лори. — Его излучатель в аномалии не выстрелит. Свяжем парня, пока не распознал, что к чему.

Всё случилось моментально. Мик стоял в стороне. В ход пошёл ремень Росена и части амуниции самого капеллана. Тот, кажется, дрался, но не очень удачно и лишь физически. Ментальным способностям капеллана явно вредило аномальное пятно. Вскоре он полусидел, кое-как связанный и прислонённый к стоячему камню.

— Грешники и дураки, — сказал конфедерат на почти чистом иллирианском, но желающих как следует обсудить вопросы греха почему-то не находилось. Лори тем временем, потный и злой, бережно трогал подбитый глаз.

— Это ваше милосердие, леди, нам ещё аукнется. За ним явятся сюда, помяните моё слово, и вы пожалеете саму себя.

— Его бы искали в любом случае.

— Да ладно... Пора спрятать машину.

Росен, Гриня и Северин толкали джип, Лори, как всегда, командовал, показывая, куда катить. В конце концов, машину капеллана пристроили за большим камнем, рядом с машиной Северина. Росен запустил лапы в багажник и принялся вынимать оттуда разные предметы. Он расставлял их донельзя любовно, ровными рядами — банки к банкам, коробки с коробками. В совокупности оказалось не так уж много.

— Я категорически не согласен тратить продукты на чужака.

— В самом деле, — поддержал Лори. — Мы обещали не трогать его, но не обещали кормить. Некормление — это не убийство.

Гриня нашёл аптечку, но самого главного там не оказалось, так что парень выглядел удручённым. Он всё же сгрёб в горсть найденные лекарства и ушёл за стоячие камни. Мик подошёл к каленусийцу, тот упрямо смотрел мимо, не желая разговаривать.

— Вы поняли, что это особенное место?

Капеллан фразу понял, это было заметно по прищуренным глазам. Через минуту он кивнул, как будто всё это время прислушивался к непонятым Мику ощущениям.

— Вы знали о нём заранее? Как вас зовут?

Не получив ответа, Северин обыскал куртку врага. Нашлась пачка сигарет, уже знакомый иллирианско-каленусийский разговорник, молитвенник с пометкой библиотеки конгрегации Разума в Порт-Калинусе и мёртвый уником армейского образца. Личный жетон капеллана висел у него же на шее, но без считывателя оказался бесполезен. Излучателем уже завладел Лори.

Пленник осознал ситуацию и беззащитно крутил непокрытой головой, очевидно, соображая, что делать. Нина подошла и остановилась рядом.

— Как у тебя с телепатией, сестренка?

— Неплохо. Аномалия мне пока не вредит, а кое-что и обостряет. Этого человека зовут Лу. Он входит в тот отряд, который останавливал нас вчера. Примерно пять дней его искать не будут.

Мик выругался в душе, но не вслух. Позже они вдвоем с Ниной сидели в кабине собственного джипа, отгородившись от внешнего мира в лице хаотически разгуливающего и назойливого Грини.

— Надо выбраться отсюда, — жёстко сказал Северин. — Надо выбраться, хотя я пока не знаю, как.

— Ты сумеешь завести джип?

— Он не заводится, но за пределы аномального круга машину можно выкатить руками. Это тяжело, но вполне возможно.

— Справимся. Хуже другое — я прочитала побуждения Лори, он наверняка помещает нам.

— Кто ещё?

— Росен. Но только в том случае, если Лори проявит активность. Гриня не в счёт — пока не кончились таблетки капеллана, он прочно застрял в собственной вселенной.

— Ты сможешь ударить Лори пси-наводкой?

На этот раз Нина долго не отвечала, по недавно приобретенной привычке покусывая травинку.

— А ты хочешь?

— Почему бы нет?

— Будет... грубо. Некрасиво, потому что по-другому не бывает. Ты увидишь всё, оценишь и перестанешь... перестанешь любить меня.

— Узы крови в Иллире до сих пор не пустое слово. Что бы с тобой ни случилось, и как бы ни поступила, я всегда буду любить тебя.

— Врёшь.

— Я не вру, — мягко сказал Мик. — Кроме того, в случае с Лори очень прошу тебя вмешаться. Ради твоего же спасения.

— Я вне опасности и умру только в будущем году — в Арбеле, в начале лета, в полнолуние.

Логика Северина разбивалась о её убежденность пророка.

...Завтракали консервами из запасов незадачливого капеллана. Сам каленусиец не возражал, только изредка пил воду из бутылки, которую приносила ему Нина. Лори охватила депрессия — он угрюмо отмалчивался. Гриня употребил остатки таблеток из аптечки и, не иначе как, перебрал — он валялся под кустами, постанывая, и стоны эти явно не были вызваны видениями блаженства.

— Сходить бы, посмотреть, что там с парнем, — вяло предложил Росен. — Не дай бог, выпил жидкость для обработки гнойников.

— Сходи, — легко согласился Лори, но сам с места не тронулся.

Мик попытался встать, но ноги не держали его. Нина свернулась комком, наподобие сонной птицы. Солнце стояло в зените, хотя жара на этой неделе уже спала, и ничто не объясняло внезапного ослабления.

— Ну, началось, — грубо буркнул Лори. — Такое бывает, но, к счастью, проходит.

— У вас тоже слабость?

— Ага, а скоро дело усугубится. Мне кажется, пятно то питается нашими силами, то отдает сожранное обратно.

У Мика слипались веки. Ветер шумел в камнях, этот шум успокаивал, но, одновременно, сталкивал в беспросветное отчаяние. Сон и тоска смешались вместе. Нина села рядом, он чувствовал, что она держит его пальцы.

— Как ты?

— Погано.

— Не бойся, я покараюлю.

...Когда Мик очнулся, солнце снова стояло в зените.

Росен пострадал меньше всех. Он уже бродил, собирая ветошь и всякий хлам для костра. Гриня, стоя на коленях, опустошал и без того не полный желудок на камни. На Лори было страшно посмотреть.

Худые щёки запали ещё сильнее, кожа лица приобрела зеленоватый, как у печеночников, оттенок.

Нина незаметно кивнула Северину. Она почти не изменилась, только под серыми глазами залегли лёгкие заметные тени. «Уедем отсюда», — шепнула она. В этой просьбе была жалкая, не рассуждающая надежда, для сестры не характерная, и это сильно опечалило Мика.

— Хватит! — буркнул Лори. — Я предлагаю устроить новое голодание, покуда эта штука не накатила опять. Господа, пересаживайтесь поближе. Каленусийца нам не нужно, враг права голоса не имеет.

Северин устроился на траве, обхватив колени. Они противно дрожали от слабости. Лори приосанился, нашёл свой смятый галстук и попытался его повязать, несколько раз ошибся и бросил никчёмное занятие.

— Росен, сядьте справа... Вам, Гриня, следует умыться, от вас воняет блевотиной. Воду возьмите в канистре. Вот так. Господа, я открываю собрание племени. Очевидно, аномалия, это пятно свободы и безопасности, послужившее нам защитой, слишком мало и не выдерживает присутствия шестерых. Вчера мы получили пробное предупреждение, завтра оно может оказаться более серьёзным, а послезавтра — роковым. До момента появления здесь капеллана «долгие ночи», если и случались, то проходили безболезненно. Энергетический обмен между нами и пятном происходил, если можно так выразиться, естественно, и...

— Я нифига не понял, — мрачно сказал Росен.

— Тут нечего понимать. Шестой из нас — лишний. Теперь нужно решить, кто этот шестой... Каленусиец не подходит, — с явным сожалением добавил Лори. — Мы не можем ни уничтожить его, ни отпустить без риска для себя.

— За пределами пятна он нас заложит, — охотно согласился Росен.

Гриня сглотнул и промолчал.

— Остается выбрать изгнанника среди нас. Он уйдёт добровольно, чтобы могло существовать племя.

Мик рассматривал худое лицо бывшего менеджера, его веки, уши, шевелящиеся губы.

«Шестого вовсе не выставят, его просто убьют, чтобы не рисковать обнаружением убежища. Мало того... Мы тут не первые гости. Они, Лори и Росен, уже делали это».

Северин быстро опустил глаза, чтобы не выдать себя.

— Я бы сам пошёл в изгнание, — гордо заявил Лори, — Но не могу, потому что на мне лежит ответственность за других. Росен единствен-

ный, кто хорошо выполняет физическую работу, каленусиец, к сожалению исключается. Остаётся Гриня, вы, Северин, или ваша сестра. Если выбор падёт девушку, я буду вынужден наложить вето — она единственная женщина среди нас, и должны быть использована полезными членами сообщества. Изгонять её — расточительство. Остаётся всё тот же Гриня или же вы, Мик. Гриня наркоман, но он не отказывается от работы и не склонен бунтовать. Вы, Северин, здоровы, но не послушны. Я предлагаю бросить жребий, чтобы выбрать, который из вас...

«Это подстава, — понял Мик. — Обычное жульничество, чтобы избавиться от меня, хотя шестой, возможно, и лишний, но жребии тут меченые».

— Росен, приготовьте две соломинки.

— Я протестую.

— Почему?

— Никто не смеет разделять родственников. Я пришёл с сестрой и иду только вместе с ней. Вы не задержите свободную женщину.

Лори задумчиво покрутил галстук в руках.

— Я посмею, — коротко сказал он. — Мы имеем на это право и это право более сильных и более ловких, чем вы. Росен сильнее, я умнее, а Гриня, думаю, не станет возражать против присутствия в компании вашей сестры. Кроме того, все должны понимать, что так будет лучше для девушки.

— Самое лучшее для меня это уйти с братом.

— Вы взвинчены, леди, и сами не понимаете своего счастья. Впрочем, если ваш брат вытянет длинную соломинку, то Гриня покинет аномальное пятно и ваша с Северином разлука не состоится. Не будем ссориться заранее. Давайте, начнём?

Росен, ухмыляясь, протянул два стебля тысячелистника, зажав их в кулаке. Лори стоял рядом, очень уверенный в себе.

— Тяните жребий, господа.

Мик заметил, что излучатель капеллана (пусть и бесполезный в аномалии) предводитель прицепил на собственный ремень, рядом с тесаком в ножнах.

«В каждом конторщике у нас сидит диктатор».

— Валяйте, я готов попробовать вашей справедливости.

Нина напряглась, готовая к атаке.

«А стоит ли тянуть время?».

Северин наугад выбрала стебель тысячелистника. Стебель явно выглядел длинным. Несчастный Гриня вытер нос кулаком, поднял

дрожащую руку и забрал оставшийся жребий себе. Его палочка тоже оказалась не короткой.

У Лори на острых скулах заиграли красные пятна. Он бросил укоризненный взгляд на Росена. Тот в недоумении крутил крупной головой.

— Босс, я сделал всё, как надо.

Бывший менеджер взял стебель из пальцев Северина, задумчиво подержал, потом сравнил оба, они оказались в точности одинаковыми.

— Что ж, один я укорочу сам, своими руками, и мы переиграем заново.

Он срезал излишек ножом и отбросил в камни.

— Леди, возьмите, пожалуйста, шлем каленусийца и наденьте его на свою голову.

— Зачем?

— Вы ведьма и пытались нас обмануть. Нам не нужны лишние неприятности. Наденьте шлем, он помешает вам использовать наводку.

«Равная длина соломинок — иллюзия. Нина пыталась их обмануть».

Лори вынул тесак и держался на редкость хладнокровно.

— Или вы сделаете так, как я говорю, или я перережу горло вашему Мику. У него не останется ни единого шанса. Слышите? Ни единого! А так — шансы пятьдесят на пятьдесят. Гриня может проиграть, тогда Северин получит право остаться.

«Мы вовсе не хотим тут оставаться», — подумал Мик.

Нина, к его неудовольствию, подняла шлем с земли и, пригладив волосы, нахлобучила его поверх причёски.

— Теперь застегните пряжку, — вежливо попросил Лори. — Это для надёжности, а не потому, что я вам не доверяю.

Росен хмыкнул и пробормотал под нос ругательство. «Сначала она побудет его подружкой, а потом моей, наш нарик обойдётся», — довольно разборчиво добавил он.

— Тяните свою судьбу, Гриня.

Гриня уже пришёл в себя и взял жребий довольно уверенно. Стебель был длинным.

— То, что осталось, по праву принадлежит Северину. Росен, предъявите племени результат.

Бывший огородник разжал толстый кулак.

Последний, роковой, стебель упал на землю. Пять пар глаз уставились на него. Этот жребий тоже выглядел длинным.

Гриня, не выдержав напряжения момента, осел на землю и зашёлся хохотом, перемежающимся приступами судорожного кашля.

— Девушка в шлеме, она ни при чём. Тогда кто пакостит?

— Это подлый каленусиец.

— Мутант до сих пор выглядел безвредным. Я думал, аномалия придавила его.

— Если человек не годен для драки, это не мешает ему жульничать в карты. Или, скажем, в стебли.

Лори, в расстроенных чувствах, оставил в покое не нужного более Северина. Он побежал к камню, где оставили капеллана, но тот уже исчез.

— Мерзавец перетёр ремни, теперь наша песня спета — сюда скоро заявятся!

Лори на глазах терял апломб жожака.

— Может быть, догнать его? За пределами пятна можно завести джип и пустить в дело излучатель.

— За пределами пятна он в два счёта сделает наши мозги...

Мик не слушая перебранки, отошёл в сторону.

Нина уже стащила шлем.

«Теперь самое время смыться, — шепнул брат сестре на ухо. — Побег капеллана — твоя работа?»

Она только усмехнулась — лукаво, но не слишком весело.

— Я поняла, что в аномалии не смогу их победить. Бой, который поначалу казался мне отвратительным, состояться не мог. Меня хватило лишь на крошечную иллюзию — на стебель тысячелистника. Тогда я обратилась к каленусийцу, ведь я знаю их язык. Кажется, мы с ним хорошо поняли друг друга. Я развязала его в обмен на обещание помощи.

— Он не обманул тебя.

— Как видишь, нет. Но теперь срок договорённости с врагом истекает, так что самое время сбежать из «проклятого места».

— Ты спасла чужака ради этого?

— Если бы он не вмешался, Лори бы убил тебя, а я... я не успокоилась бы, пока бы не отомстила всем троим, даже дураку Грине. Отец говорил мне, что любая компания в аномалии начинает скатываться к состоянию животных или бесноватых. И Росен, и Лори, в другом месте вели бы себя иначе. Есть ситуации, которых человек не выдерживает.

Северин сорвал свежий стебель тысячелистника, повертел его в пальцах, порвал пополам и отбросил половинки.

— Есть ситуации, которых человек не выдерживает, но от него зависит, искать избавление или нет. С нас хватит, пора укладывать вещи.

Часть вторая. ОПАСНОСТЬ НА ПОРОГЕ

Глава 5. Пропавшая реликвия

Каленусийская Конфедерация, месяц спустя.

Сквозь прозрачную стену здания Конгрегации Разума открывалась панорама Порт-Калинуса — крыши, крыши, крыши под солнцем, как частицы панциря огромной черепахи. Капеллан Лу замер на минуту, рассматривая эту величественную картину.

Красно-коричневый загар, полученный в степи Ахара, покрывал лицо тридцатилетнего капеллана. Лу покинул район боевых действий две недели назад, до сих пор не пришёл в себя, и бессонные ночи перемежались с тоскливыми бесцельными днями.

Прошение об отставке, поданное епископу Румику, до сих пор не получило ответа.

— Вас ждут, войдите — раздался синтетический голос киберсекретаря.

Капеллан вошёл в кабинет, поздоровался и занял предложенное епископом кресло.

Румик был уже не молод, виски поседели, волосы на макушке поредели, до сих пор волевое лицо осунулось и покрылось сеткой морщин.

— Ваше прошение рассмотрено, — сухо сказал он. — Оно вызвало скандал. Вы хотите не просто оставить место армейского священника, но собираетесь сложить с себя сан.

— Да, это так.

— Почему?

— Я попал в плен к илирианцам, едва выжил и получил сильный стресс. С тех пор я плохо владею собой и не могу помогать другим. Имитировать помощь не хочу, поэтому собираюсь уйти.

— Прискорбно. Вы слишком молоды для таких настроений. Имейте в виду — если вы покинете Конгрегацию, то обратно вас уже не примут.

— Я знаю.

Румик помедлил, пристально разглядывая Лу, он словно бы испытывал сомнения и не решался продолжить.

— Возможно, вам поможет хороший, долгий отпуск? — спросил, наконец, епископ.

— Безделье точно не поможет, я буду искать работу, не связанную с

военными действиями, и тогда забуду весь ужас, что пережил в Ахара.

— А если Конгрегация найдёт вам такую работу?

— Я сейчас не в состоянии вести службы.

— Это не обычная работа священника, это задание другого рода.

Лу ощутил, как сердце сбилось с ритма, пропустив удар. «Меня не хотят отпускать, — понял он. — Готовы даже предложить нечто неординарное».

— Я читал ваше письмо, и увидел нечто между строк, — продолжил между тем Румик. — Вы ещё молоды, энергичны, выжили в сложных обстоятельствах, а, главное, вы сообразительны. Негативный опыт — это боль, но боль можно преодолеть, поставив на службу Разуму. Для вас нашлось важное поручение, которое требует деликатности и тайны. Если вы справитесь, то сможете рассчитывать на мою признательность, нашу поддержку и работу в столице, но вам придется зарекомендовать себя. Отказ, конечно, допустим, но только до того, как вас посвятят в подробности дела.

Лу вдохнул и выдохнул, сердце вернуло себе нормальный ритм. «А что я теряю, соглашаясь? — подумал он. — Если не справлюсь — меня, как я и хотел, исключал из Конгрегации. Если справлюсь, то хотя бы поправлю растоптанное самолюбие».

— Я готов хранить тайну и готов выслушать подробности.

— Отлично, тогда приступим к делу. — Румик машинально погладил плешь и продолжил. — Вам знакома история священного фонаря?

— Что-то, кажется, слышал.

— Вы молоды, а потому невнимательны к таким вещам. Существует легенда о фонаре, луч которого способен останавливать одержимых злом.

— Это иносказание?

— Разумеется, это всего лишь легенда.

— Но некий фонарь существовал?

— Конечно. До позапрошлой недели эту реликвию можно было видеть в храме западного сектора Порт-Калинуса. Кибер, картинку, пожалуйста!

Лу задрал голову. На верхнем экране появилось изображение — оно возникло не сразу, а словно бы проступило из матовой поверхности облицовки.

— Что скажете?

— Странная, но красивая вещица. Древняя. Несомненная антикварная ценность.

— Десять дней назад она исчезла из храма одновременно с настоятелем, братом Каэрти. Все ментальные следы стёрты. Возможно, брат Каэрти сбежал с краденой ценностью, возможно, он убит, а тело спрятано. В любом случае, это удар по нашей репутации и дело, которое не терпит огласки.

— То есть, полицию не вызывали.

— Нет.

— Фонарь точно не имеет практической ценности?

— Он лишь символ и отнюдь не снимает агрессию, — жёстко ответил Румик. — Мы проверяли, сомнений нет.

— И какой работы вы желаете от меня?

— Конгрегация специально пустила слух, будто в храме хранилась лишь имитация, а подлинный артефакт лежит в сейфе главного банка Порт-Иллири. Согласно нашему вымыслу, код сейфа изменён, его знает лишь новый настоятель храма. Станьте этим человеком, Лу.

— Я же сказал, что не в состоянии проводить обряды.

— А вы и не будете их проводить. Мы сообщили всем, что храм закрыт на реконструкцию. Понимаете, что дальше будет?

— Похитители фонаря решат, что он не настоящий, и выйдут на меня, чтобы получить доступ к сейфу. Опасная затея.

— Я думал, армейскому капеллану не занимать храбрости.

— Они придут, и что я должен делать?

— Узнайте, где хранится краденое, выясните судьбу Каэрти. Больше ничего.

— Мне придётся лгать.

— Исключительно ради добра. Вы хороший псионик, мы дадим вам специальное снаряжение, которое усилит ваши способности. Поселитесь в квартире при храме и будете ждать.

— А если никто так не появится?

— При нулевых результатах я просто выполняю ваше желание, брат Лу. Почётная отставка по состоянию здоровья. Вы же этого добивались?..

...До пустующего храма Лу добрался только к вечеру. Фонари в этом квартале не горели за ненадобностью, яркую рекламу сняли ещё в годы Трансмутации. Лу ослабил внутренний барьер и легко читал контуры стен, форму, твёрдость и прохладу тротуарных плит, шершавую кору спящих деревьев. Ночь звенела — она оставалась спящей, но, вместе с тем, живой. «Техника Румика делает своё дело. Если пользоваться ею постоянно, я перестану нуждаться в зрении. Вот так

вот, шаг за шагом, чередой незаметных маленьких изменений мы теряем человеческую природу».

Ментальная реклама, воспользовавшись снятым барьером, шептала в душу о несбыточном.

«Купите продлители умственных удовольствий. Только продлители умственных удовольствий сделают вас счастливыми».

Звёзды перемигивались в небе. Контуры людей Лу видел отчётливо — они напоминали пузыри, иногда пустые, иногда наполненные смыслом. Где-то надсадно орали — не умственно, а физически. Возможно, то были крики экстаза, возможно, просьбы о помощи.

Лу уже собирался найти источник шума, но крики внезапно стихли и он вернулся к тёмному portalу храма.

Сработала автоматика, розоватый свет люстр сверкнул, отражаясь от внутреннего убранства. Алтарь Разума — огромный целый кристалл, разбрасывал блики по сторонам. Священник опустил в деревянное кресло из морёного дуба. Обстановка храма, при всей простоте, по стоимости соответствовала роскоши.

— Ничего себе. Каэрти, кажется, был состоятельным парнем.

— Да уж, это точно, — донёсся густой голос со стороны. — Позвольте поздороваться, свободный гражданин, я сторож при храме. А вы — тот самый боевой капеллан, которого прислала Конгрегация.

— Здравствуйте. Как вы догадались, что я капеллан?

— Вас выдаёт полученный в Иллире загар.

Сторож оказался коренастым, чернявым пожилым мужчиной, его паранормальная активность едва просматривалась.

— Видите нишу с фонарем? Вон то маленькое окошко, закрытое хрустальным стеклом. Фонарь, понятно, не горит. Как говорил отец Каэрти, не стоит понапрасну показывать чудо.

— Вы хорошо его знали?

— Каэрти? Только как начальника. Серьёзный был парень, хотя и молодой. Жениться не успел, но невеста иногда приезжала. Тихая и невзрачная, ниже жениха на полторы головы. Они даже вместе не ходили — совсем на вид никудышная девица.

Сторож оказался сплетником, и Лу постарался не показывать улыбки.

— Служение Разуму — трудный путь.

— Ну это как сказать. По мне так ничего особенного. Дверь в квартиру настоятеля за панелью задней стены. Моя жена там немного прибрала. Всё чисто, можете селиться.

Лу дождался, покуда сторож исчезнет, осмотрел маленький холл и пустую стерильную кухню. В ванной сильно пахло хвоей. Кабинет стоял пустым. Узкая койка в спальне оказалась незаправленной, но чистое бельё нашлось в стенной нише.

«Что мы имеем? — рассеянно думал Лу. — А ничего, — признался он сам себе. — Каэрти был хороший парень, не бабник, не пьяница. Никаких особых пороков. Красть реликвию мотивов не имел».

Лу застелил постель и лёг, бесцельно рассматривая потолок. Заснуть он не мог, зато, словно наяву, видел капитана Мирса — его грубое лицо и облупившийся на солнце нос.

«— Ты дурак, — сказал Мирс чудом спасшемуся из плена капеллану. — Мой друг, но всё равно дурак. Подпустил вплотную к себе пятерых врагов. — Мой излучатель не сработал. — Врёшь, ты и не пытался стрелять. Рано или поздно мягкость тебя убьёт. — Я капеллан, а ты солдат. У нас разные и мотивы».

Мирс абстрактных споров не любил, а потому ответил невежливо.

* * *

Лу покинул храм ранним утром. Незнакомая женщина терпеливо ждала его у порога. Маленькая, худощавая, с пепельными волосами до пояса.

— Я Фиона. Нам нужно немедленно поговорить.

— Я не исповедую.

— Это не исповедь, дело касается отца Каэрти.

...Спустя короткое время они сидели под навесом уличного кафе. Лу крутил в ладонях пустой стакан из-под коктейля. Женщина оставалась пассивно-спокойной — миниатюрная, почти как ребёнок.

«В ней присутствует некий шарм, — решил про себя капеллан. — С виду скромна, но способна воздействовать на инстинкты. Она смотрит на тебя этак — робко и снизу вверх.

— Так вы говорите, что священный фонарь находится у вас?

Женщина смутилась, это добавило румянца бледному лицу.

— Вот он, возьмите и верните Конгрегации.

Лу взял протянутую коробку, открыл её, потрогал вещицу, задвинул крышку.

— Значит, вы раскаявшаяся воровка?

— О, нет! Просто мы с Таром Каэрти собирались пожениться. Он дал мне фонарь для самозащиты, чтобы я не боялась приходить по вечерам.

— Это грубое неуважение к реликвии.

— Мы были влюблены.

— «Были»?

Фиона ненадолго потеряла хладнокровие.

— Тар сбежал, оказался трусом — грубо бросила она, и эта грубость странно контрастировала с нежным обликом женщины.

Капеллан осторожно коснулся её разума — барьер Фиона удерживала превосходно, сильный нажим смял бы такую преграду, но на агрессию она могла ответить ментальным ударом.

«Если Фиона шпионка похитителей, то ведёт себя идеально, эта женщина — само правдоподобие».

— Я прощаю вас и благодарю, — сказал он вслух. — Теперь реликвия вернётся на своё место.

— Я буду иногда к вам заглядывать. Может, Тар ещё даст о себе знать.

Фиона встала и исчезла в беззаботной толпе прохожих.

«Прекрасно, одна версия уже сложилась».

Лу вынул уником, приклеил крошечный датчик к виску и мысленно произнёс секретный номер епископа Румика. Их обмен мыслями длился менее минуты, но стоил Лу мучительного нытья за ухом. Румик отлично понял капеллана, но не сообщил ничего нового, и лишь одобрил полученный результат и посоветовал продолжать в том же духе.

...В квартире при храме, в просторной ванной комнате снова назойливо пахло хвоей. Лу умылся и пригладил волосы расчёской. Сторож бродил по пустому ещё залу, пристально наблюдая за маленьким хозяйственным кибером, который подбирал пушинки летучих растений и другой легчайший мусор.

— Видели её? — спросил он как бы между прочим.

— Кого?

— Эту серую моль, невесту Тара Каэрти.

— Видел.

— Девушка себе на уме. Любит проводить вечера в разных хитрых местечках, например в «Луне». Если хотите поискать самого Каэрти, загляните туда при случае.

— Что за место?

— Развлекательное.

— Каэрти там бывал раньше?

— Нет, она хорошо развлекалась без него.

— Меня эти сплетни не касается.

* * *

Лу выждал до вечера, оценил расстояние до «Луны» и вызвал такси, на проспекте Процветания расплатился и вышел. Прохожие, многие навеселе, брели куда-то в ментальной защите. Лу, уже привычный к реальной опасности боевых действий, обычно пренебрегал «гражданской защитой» от мелких недоброжелателей. Здесь на него косились.

— Купите себе сувенир!

Он оглянулся на мысленный зов.

Весёлая блондинка показывала наманикюренным ногтем на свой лоток со всякой всячиной — плюшевыми зайцами, шариками и калейдоскопами.

Он, благодарно ухмыльнувшись, выбрал игрушечный обруч, очень похожий на настоящий. Отросшие волосы скрывали разницу между истинным устройством и поддельным.

Удивительно, но в небе висели три луны. Третья, поддельная, оказалась вывеской. Прикрепленной непонятно каким образом к крыше, фальшивый спутник Геонии медленно двигался, создавая иллюзию перемещения по орбите. Возможно, утром он бледнел и скрывался, как настоящая луна.

— Вам туда нельзя.

Охранник «Луны», тип демонического вида, с заострёнными хирургическим путём ушами, без особой симпатии разглядывал капеллана.

— Я из конгрегации Разума. Видите кольцо?

— Много на себя берёте. Конгрегация не полиция, и нам не указ. Сначала купите билет и снимите защиту с головы.

— Хорошо, — согласился Лу.

— И не пытайтесь там проповедовать насчёт морали, а то вам сломают что-нибудь важное.

Лу расплатился и сунул поддельный обруч в карман.

Внутри здания колыхался призрачный туман — то ли иллюзия, то ли имитация. Столики, наполовину прозрачные, плыли в самом средоточии этой дымки. Представление о пространстве и границах зала стиралось. Ощущения получались удивительные, но разглядеть Фиону Лу не смог.

— Мне минеральной воды...

Туман правее и выше рассеялся, открывая часть сверкающего пространства. Артистка, тёмненькая и раскосая, пела с заметным чужим акцентом, ей подыгрывал кибер, пси-датчики которого ловили на-

строение в зале. Каким-то образом он умудрялся не нарушать гармонии и неограниченно разнообразить аккомпанемент.

Певица не носила ментальной защиты, как, впрочем, и все в клубе, если не считать остроухого охранника.

«Она не мутантка, теперь такие женщины большая редкость».

Глаза красавицы блеснули от вызванных музыкой эмоций, а талант скрашивал отсутствие психической силы.

Лу отвернулся, не выдержав. Девушка напоминала редкостную чёрную лису. Мерцало в ней обречённое. «Лисичка» допела песню до конца и нырнула в туман (напоследок кибер выдал такое соло, что задрожала арматура кресел). Капеллан попытался определить, куда идёт девушка в тумане. Он едва-едва чувствовал её перемещение справа. Потом «Лисичка» остановилась, скорее всего, заняла свободное кресло. Возле устроился мужчина, ещё один непсионик. «Подглядывание» уже вышло за рамки принятых приличий, когда Лу уловил знакомое ощущение чужой ауры — холодок, пассивность, пепел.

Фиона.

Она пришла неизвестно откуда и пристроилась к тем двоим. Все трое сблизили головы в разговоре.

«Я не слышу их». Священник дотронулся до своего кольца — Румик расщедрился, хорошо сконструированная вещица, питаясь энергией самого Лу, усиливала его способность к телепатии, хотя и обещала в будущем головную боль.

—..... (неясная фраза Фионы)

— Мы заключили контракт. По всем правилам, — обрубил мужчину. — Вы не выполнили свои обязательства и не принесли нам нужную вещь.

—.....

(Реплика певицы: «Оставь её, Келлер, не видишь, девушка боится, она и так сделала всё, что смогла».)

— Мне безразличны ваши объективные обстоятельства, фонарь уже нашёл своего покупателя, такого, которого подделка не устроит.

—.....

— Я прекрасно знаю, что реморализация под лучом фонаря — слюнявый бред. Подлинность коллекционного предмета определяется его физическим состоянием. Вот как раз это состояние и не в норме. Состав сплава и фабричное клеймо на корпусе не соответствует оригиналу.

—.....

— Вернули вы его на место или нет, нас не касается. Если подлинного фонаря не существовало никогда, вам не следовало заключать сделку.

(Реплика певицы: «Оставь её, Келлер, без Тара Каэрти она пустое место».)

— Вы виделись с Каэрти? Думаете, я поверю, что он бесследно исчез?

...Лу перевёл дыхание. Перстень и впрямь вызвал сильную боль в висках, которая грозила вот-вот сделаться нестерпимой. Восприятие мира исказилось, сменилось всплесками ментальных иллюзий — ах, какие это были иллюзии... Капеллан поторопился, нажав на обрамлённый камень, отключил устройство и отхлебнул минеральной воды. Острые пузырьки кололи глотку. Мельтешение посторонних образов медленно погасло, сверкнув напоследок багровым.

Дело принимало новый оборот. «Если украденный фонарь фальшивка даже с точки зрения материалиста, что где же подлинник, в конце концов?»

Энергетически ограбленный капеллан поплёлся к выходу, остроухий охранник проводил сомнительного клиента злорадным взглядом. Все три луны — две настоящие и одна поддельная — отплясывали в небе довольно развязный танец. Лу прислонился к каменной тумбе, потом рухнул на неё и несколько минут находился на грани страдания и блаженства, освобождаясь от власти прибора. Ночь близилась к середине. Пьяные фигуры и сцепившиеся парочки брели неизвестно куда.

— Парню погано, — сострадательно, хрипловатым голосом сказала дама.

Лу разлепил веки и увидел «лисичку» — всё ту же певицу из клуба. Она успела сменить малиновое сценическое платье на белое летнее — слишком лёгкое для первой ночи внезапно подступившей осени. Темноволосый спутник певицы немного хромал. Оба они в упор смотрели на капеллана, «Лисичка» с явным сочувствием, мужчина — с безразличным сожалением.

— Не обращай внимания, Кэти. Этот не человек, это мутант, который нажрался пси-дерма. Уходим.

Лу потерял сознание. Он сам такого не ожидал.

Очнувшись, он увидел затянутое пасмурной дымкой небо, которое двигалось над его головой. Оно то убегало влево, то возвращалось вправо, заставляя подчиняться этому подобию качки. Лу полежал немного, осваиваясь в новом месте, шум штормового ветра превратился в умеренное гудение кондиционера, небо понемногу сделалось

бледным потолком. Часы на руке показывали половину четвертого. Перстня Румика на пальце не было, уником тоже исчез. Капеллан не мог понять, где очутился — совершенно пустая комната с кушеткой, и единственная запертая дверь.

Вскоре в эту дверь издевательски вежливо постучали.

Лу попытался привести себя в сносный вид. Это удалось легко — специально сконструированный гражданский костюм для вечеринок почти не мялся.

— Зайдите.

— С добрым утром, сэр. Братство Разума, Конгрегация активных действий? Сами понимаете, таким, как вы, в «Луне» не место.

— А вы кто такой?

— Называйте меня Коллекционер. Коллекционер вещей и душ.

«Да ты, парень, скорее уж коллекционер туш», подумал Лу, хотя собеседник вовсе не выглядел громилой — среднего роста, с аккуратной щеточкой усов. Портили картину только глаза, они жили своей жизнью и рассматривали гостя со специфическим интересом патологоанатома.

— Между прочим, мы спасли вашу репутацию, — сухо сказал Коллекционер. — Вы валялись на земле бесчувственный как полено, что не престижно для капеллана и глупо для практикующего псионика.

— Что ж, епископ подберёт мне наказание. Это всё, что вы хотели сказать?

— Вас могли обокрасть. Возможно, вас и обокрали. Ничего не попало? — глумливо осведомился Коллекционер.

— Мне кажется, ничего.

— О да, конечно. Ваше кольцо в целости и сохранности, вот оно, возьмите.

Коллекционер бросил усилитель с таким расчётом, чтобы заставить «гостя» нагнуться или встать на колени.

— Поднимите, — нетерпеливо приказал он.

Лу медленно нагнулся, не сводя глаз с противника. Тот, однако, не сделал попытки ударить. Перстень, холодный и словно бы потяжелевший, никак не отзывался на попытки контакта. «Подменили или испортили».

— Можем мы с вами поговорить как нормальные люди?

— Конечно.

Коллекционер сел на кушетку, указав капеллану место рядом с собой. Гость держался безукоризненно — корректно и в меру надменно, но в холодных глазах тлели такие же холодные искры.

— Спрашивайте, я отвечу.

— Вы украли священный фонарь?

— Вопрос некорректен. Мы не украли, а купили его. Вернее, приобрели за деньги некий предмет, который не только не несёт в себе ни грана святости, но и не соответствует заявленным свойствам. Это серийная поделка. Так что, если речь идёт о преступлении, преступником является ваш предшественник.

— Кто?

— Голова болит? Хотите выпить воды? Разумеется, виновен человек, через любовницу всучивший нам фальшивку, ваш предшественник на должности по имени Тар Каэрти.

— Я почти ничего не знаю о нём.

Коллекционер укоризненно покачал головой.

— Лжёте. Вы не настолько невинны в этом деле. Быть может, скажете, куда уехал Каэрти?

— Нет, — мрачно ответил Лу.

Его голова раскалывалась, эта боль грозила вытеснить всё — даже страх.

— Тогда вы должны знать код от сейфа, в котором хранится подлинный фонарь. Назовите его, мы заберём эту вещь, проверим её в деле и ставим вас в покое.

Лу облизал пересохшие губы. Он попытался говорить, но звуки, словно бы сбились в комок и не шли из горла.

— А вы попробуйте развязать язык, — почти ласково подсказал Коллекционер. — Давайте, молодой человек, сначала одно словечко, потом другое...

— Настоящего фонаря не существует.

Коллекционер снисходительно улыбнулся.

— Думаете, я вам поверю? Будь в существовании устройства хоть какое-то сомнение, мы бы вас не тронули, оставили валяться на ступенях кабака.

— Епископ Румик...

— Епископ Румик вас обманул.

— Зачем?

— Чтобы использовать как приманку.

— Зачем?

— Хочет убедить людей, что его Конгрегация действительно способна на активные действия. Что она полезна. Лишний мученик в рядах не повредит. Пролитая кровь укрепляет основы популярности.

— Вы лжец и клеветник.

— Даже так? — Коллекционер жёстко усмехнулся, обнажив отполированные зубы. — Кто-то должен ответить за всё, в том числе и за мою неудачу. У вас сутки времени и два выхода. Или фонарь или местонахождение Тара Каэрти. Третьего не дано.

— А если я ничего не знаю?

— Тогда мы вас убьём. Вы шпионили и расплатитесь.

Лу не мог решиться на драку. Он ещё не восстановился, вчерашняя перегрузка вычерпала силы до дна. Логика Коллекционера была зла, но в своем зле безупречна.

— Меня хватятся и будут искать, найдут даже мёртвым, а по ментальному следу вычислят и вас. Полиция допросит охранников «Луны», свидетели похищения опишут лица, присяжный псионик вычислит ваш дом...

— Спасибо, мы примем к сведению всё. Подчистим следы, запугаем или купим свидетелей, подделаем улики. Конгрегация решит, что вы покончили с собой на почве военного стресса.

— Вы негодяй!

— Уймись. Я не какая-нибудь рвань, которую допустимо наставлять.

Коллекционер ушёл, и капеллан остался в одиночестве. У него не было даже того небольшого преимущества, которое даёт вера в свою правоту. Он не отверг предложение врага, он попросту не знал правды. Он хотел бы верить в честность Румика, но слишком плохо его знал. К тому же Лу очень не хотелось умирать. Дальнейшее ожидание привело капеллана на грань нервного срыва.

— Выпустите меня отсюда!

Она вошла внезапно — маленькая и тихая, пепельно-светлая, похожая на ребёнка, Фиона.

— Валите прочь, я звал вовсе не вас!

Она, тем не менее, не ушла, а села рядом, не прижимаясь, но и не отодвигаясь слишком далеко.

— Они меня заставили. Честное слово, они меня заставили, — повторила она плаксиво. — Святое честное слово, я не виновата. Не знаю, почему Тар так подло надул меня... Ему не следовало убегать, мы же собирались пожениться...

— Как всё произошло на самом деле?

— В храме держали имитацию фонаря. Настоящий фонарь всегда принадлежал Тару, не Конгрегации, а самому Тару. Это их семейная реликвия и про неё никто не знал. Я понятия не имею, как действовала эта штука, но мне нужны были деньги.

— Почему?

— Крупно проиграла в казино. Осуждаете?

— Не одобряю. Теперь я понимаю — вы обокрали брата Каэрти.

— Какие громкие слова! Тар дал бы мне поддельную реликвию, стоило лишь попросить.

— Вы врёте и громоздите одну ложь на другую.

— Послушайте, я говорю правду!

— Каэрти убили люди Коллекционера. Они же купили вас.

— Нет! Тар ушёл сам, может быть потому, что заметил пропажу. Если бы моего парня убили люди Коллекционера, они бы его не искали.

Лу молча согласился. В словах Фионы была логика. Возможно, Каэрти почувствовал близость смерти, ту опасность, которая приходит как запах холодной, не согретой солнцем земли. Если Каэрти обладал даром предвидения, то отреагировал вполне адекватно — сбежал. Но почему не известил Конгрегацию? Румик защитил бы его.

— Тар был странный человек. Независимый, непреклонный. Он никак не рекламировал фонарь. Иногда мне кажется, что он сомневался в святости реликвии.

— Замолчите.

Фиона поджала губы.

— А вы на меня не орите! — зло выпалила она. — Нас обоих скоро убьют, вам-то поделом, проклятый фанатик, но я слишком юна и хороша, чтобы так погибать.

Лу, который фанатиком не был, только пожал плечами.

— Отдайте Коллекционеру его деньги — может быть, он вас и выпустит.

Фиона перестала походить на испуганного ребёнка — перед Лу в один миг возникла разъярённая пантера — даже глаза сузились в щелки.

— Я же сказала, что Каэрти удрал! Вместе с ним исчезли мои денежки.

— Что-то у вас не сходится, — ехидно отпарировал Лу. — Если пропавший Каэрти был честным парнем, он не стал бы обворовывать невесту. Где вы держали деньги — наверное, не в банке, а в трусиках или в чулке?

— Не ваше дело.

«Или я совсем поглупел, или она и вовсе не была невестой Тара Каэрти. Коллекционер просто проверяет — знакомы мы с ним или нет».

Лу прекратил перепалку — она потеряла всякий смысл.

Фиона, впрочем, заметно трусила, видно, её отношения с Коллекционером всё же оставляли желать лучшего. Она все ближе придвигалась к Лу, пока не прижалась к нему узеньким боком. Девушка искательно заглядывала в глаза капеллану, видно вцепилась в первого же мужчину, который оказался под рукой.

«Мне нужно выбраться любой ценой, — с яростью обречённого решил для себя Лу. — Дело уже не в реликвиях. Я выжил в Ахара, должен выжить и здесь. Слабость, вроде, прошла, теперь можно поговорить с Коллекционером иначе».

— У вас голова хоть немного варит? — спросил он мысленно Фиону, ослабив свой барьер.

«Да».

«Тогда подыгрывайте мне».

Он вздёрнул девушку на ноги и ударил её по щеке — не сильно, но хлёстко, пронзительный крик Фионы заполнил комнату, она рванула к двери и заколотила в створки по-детски, ладошками.

— Откройте, выпустите меня! Этот козёл взбесился!

Лу оттащил её от двери и пнул, метя в самое безопасное место — по попе. Дама, тем не менее, кувыркнулась на пол, хотя капеллан заметил, что сгруппировалась она с кошачьей ловкостью.

— Псих, садист ненормальный!

«Я не смогу ломать эту комедию долго, плохо, если нас обоих уже приговорили, и Коллекционеру всё равно, что происходит в этой комнате — любятся или сводят счёты».

— Урод! — взвыла Фиона, длинная царапина от её ногтя прошла через всю щёку капеллана.

Её мысленный сигнал полыхал гневом:

«Это тебе на память, святоша».

Лу отодрал от себя девушку и швырнул её с расчётом опрокинуть на кушетку, но не рассчитал, и Фиона растянулась на полу, на этот раз, обидевшись не на шутку.

Коротенькое платьё задралось, выставив бельё, больше похожее на шлейку болонки. Из кармашка выпал баллончик косметической краски.

Лу остановился и поднял этот баллон. Комната плыла кругами, возможно, Фиона произвольно пустила в дело наводку. Капеллан чувствовал, как где-то в утробе здания, отделённый от него многими перегородками, незнакомый человек с ироническим интересом склонился к экрану.

В этот миг дверь всё же отворилась. Незнакомый парень, в хорошо застёгнутом шлеме защиты навёл на пленника пистолет.

— К стене. Придётся тебя связать. Герберт, помоги.

Второй (тот, которого звали Гербертом) тоже запасся шлемом, устройство охватывало не только голову, но и шею, и застёгивалось, возможно, со стороны затылка. Затылков парни не показывали, зато занялись Лу довольно бойко, хотя тот, который держал излучатель, предпочитал не подходить вплотную. Герберт (без излучателя) распечатал кассету липкой ленты, недвусмысленно показывая, что он собирается делать.

— Повернись лицом к стене...

* * *

...Лу всегда уважал основательность капитана Мирса. Тот же, считая капеллана слабаком, впадал при том в известное преувеличение.

— У нас одинаковый рост и вес, у тебя неплохие ментальные задатки и сносная форма — любил говорить он. — Но, когда речь идёт о прямой физической акции, ты безопасней телёнка. Всё дело в лишних эмоциях. То, что для меня работа, для тебя или героический подвиг или тяжкий грех. Поэтому не лезь в бутылку, оставь дело профессионалам...

* * *

— ...к стене.

Лу ткнули кулаком — не очень сильно, но унизительно.

— Какой он, к матери, боевой капеллан, — добавил тот парень, который держал пистолет. — Боится любого, кто посильнее девки.

Лу не слушая оскорблений, плавно, очень плавно придавил кнопку распылителя. Порция краски из флакона жирной струей ударила в лицевой щиток чужого шлема. Герберт, не ожидавший такого подвоха, попытался стереть жирную слякоть. Стойкость краски, очевидно, не была лишь рекламой, пятно стало тоньше, но обширнее, заслоняя поле зрения.

— Вот, сука!

В тот же миг Лу получил пулю в грудь. В Ахара он видел разнообразные раны — обугленную лучом плоть, гораздо более аккуратные дырки от пуль, иногда кровавые, иногда — почти сухие. Переломы, неестественно вывернутые конечности, вывалившиеся внутренности и ошмётки разорванных тел. И всё же он никогда не испытывал подобного на себе. Оказалось, что видеть чужие страдания и переносить

свои это далеко не одно и то же. Больно было так, что в глазах померкло.

— Дай какую-нибудь тряпку, что ли — хмуро попросил товарища Герберт. — Я утрус.

— Какую тряпку? Можно, конечно, содрать юбочку с бабы.

Фиона с сосредоточенным остервенением пнула обидчика по сухожилию, пустив в ход стальной каблук туфли. Парень взвыл, разом просев.

— Бежим!

Лу не столько бежал, сколько плёлся, шатаясь и держась за девушку. С каждым движением кровотечение усиливалось. Им, вероятно, стреляли вслед, но выстрелов он не слышал, всецело поглощенный одной задачей — не упасть.

«Мне говорили, что мой вариант трансмутации позволяет хорошо переносить кровопотерю. Ссадины и впрямь заживали быстро. Именно поэтому я решил стать военным капелланом, но кто бы мог подумать, что получится именно так».

Лу боялся встретить Коллекционера, хотя получасом раньше сам мечтал об этой встрече и о схватке один на один. Непрозрачная дверь перекрывала проход, он ударил в неё плечом и чуть не потерял сознание. Фиона привалилась рядом. Она тяжело и часто дышала, но, кажется, осталась цела.

— Отойди.

— Что?..

— Отойди от двери. Она открывается не наружу, а внутрь.

Лу отстранился, нашёл в кармане носовой платок и приложил его к ране. Медики не лгали, кровотечение уже замедлялось, но реакция организма была такова, что капеллана мучило. Он по-прежнему знал, что неизвестный человек внутри здания не отрывается от экрана. Он не чувствовал ауру Лу, но мог видеть мучения капеллана в записи. «Нормаментальный?» Капеллан вспомнил имя — человека звали Келлер. Расстояние для наводки оказалось великовато.

«Не надо вмешиваться», — мысленно попросил он чужака.

Неизвестно, подействовала ли просьба, но непонятный Келлер так и не тронулся с места, а Лу вывалился в открытый проём двери — в нарастающий шум города, в привычную ауру Порт-Калинуса, под защиту всеобщего внимания и, следовательно, безопасности.

— Полицию надо.

Он вспомнил, что лишился уникома. Кровь на ткани костюма для вечеринок, выглядела не более вызывающе, чем размазанный соус.

— Ничего не надо, — словно кошка зашипела Фиона. Она уже тащила спутника в сторону, вцепившись в его плечо острыми перламутровыми ноготками. — Ничего не надо, святой отец. Или как вас там правильно называют? Святой брат что ли? Дайте, я вас поцелую за своё спасение... Вот так! А теперь прощайте навсегда.

Девушка грубо втокнула Лу в такси и бросилась бежать.

Он бессильно рухнул на сиденье.

— К храму западного сектора.

— А я-то думал — в больницу, — уныло отозвался водитель. — Придётся доплатить мне за беспокойство. Вы изгадили кровью машину.

Полчаса, пока длилась поездка, капеллан Лу не думал ни о чём. Он переживал своё спасение. Кровотечение остановилось. Стало гораздо легче и даже вспомнились слова литании: «Мы не должны отчаиваться, не можем складывать в бездействии усталые руки, хотя бы теряли и проигрывали троекратно...».

* * *

Капеллан отлёживался до полудня и даже дольше. На месте раны до сих пор оставалась корка из высохшей крови. Он осмотрел себя в ванной, зажившее выходное отверстие располагалось там, где и положено — на спине.

— Сильно зацепило? — назойливый голос храмового сторожа против желания загудел в мозгу.

— Ничего, заживёт.

Сторож сегодня общался лишь ментально и по странной прихоти не показывался. Лу побродил по квартире и устроился в пустом кабинете Каэрти — ни кибера, никаких бумаг и безделушек, только кондиционер и лампа с пультом, на фигурных шарнирах, прикреплённых к стене.

Пусто, как и ожидалось — ни единого пси-отпечатка. Следовало связаться с Румиком, сообщить о схватке и хоть как-то обезопасить себя, но разговор предстоял не из приятных. «Только зря теряю время».

Лу немного посидел в крутящемся кресле предшественника. Вставать всё же не хотелось, кресло непонятным образом располагало к покою. Было заметно, что деревянный пол под левым колесиком стёрся сильнее. «Каэрти, сидя, часто наклонялся именно сюда».

Лу сделал то же самое и быстро ощупал пол. «Надо же... сучки почти не зачистили», — подумал он. Сучок подался под нажимом, доска

ломко хрустнула и завалилась вовнутрь. Капеллан моментально запустил руки в тайничок, не раздумывая о последствиях. Капкана там не было, но и бумаг не было, зато копошилось нечто пластиковое, не опасное, а, скорее, испуганное.

Лу осторожно вынул разумное устройство. Оно дрожало, что говорило небольшой поломке или об эстетической имитации страха.

— Ты кто?

— Записная книжка хозяина.

— Можешь показать мне записи?

Устройство не отвечало некоторое время, видимо, анализируя допустимость и возможность.

— Только хозяину, больше никому.

— Как зовут хозяина?

— Тар Каэрти, священник храма Разума западного сектора.

— Я и есть священник храма Разума западного сектора, видишь жетон? Так что показывай малыш.

— Вы не Тар Каэрти.

— Я Тар Каэрти. Моё лицо изменилось, это потому что я устал.

Устройство, незнакомое с бесконечным разнообразием человеческой лжи, смирилось, строки медленно ползли по экрану. Лу не стал ни ускорять их движение, ни пропускать малоинтересные фрагменты.

Каэрти излагал свои мысли ясно и последовательно, делал это для себя, а не для других, так что Лу ненадолго перевоплотился в этого человека.

* * *

... Двадцатое февраля. Весна в этом году ранняя. Я, Так Каэрти, член Конгрегации активных действий в Порт-Калинусе, начинаю дневник.

Мой отец умер всего неделю назад. Он был больным, неуравновешенным вдовцом и стал таким, когда моя мать погибла, не выдержав наступления трансмутации. Я — единственный наследник, так что могу владеть фонарем безраздельно и по праву.

Этот фонарь представляет собой узкий цилиндр, в запечатанном корпусе, возможно, он способен заряжаться, контактируя с телом владельца. Лампа находится в основании и прикрыта толстым стеклом, на котором, нет ни единой царапины. Фабричное клеймо из трёх пересекающихся звёзд можно разглядеть при помощи лупы. Кнопка очень удобна, её положение указывает на то, что она не нажата. Больше о фонаре почти нечего сказать.

Мне двадцать восемь лет. Я пережил трансмутацию в юности и совсем легко. По «специализации» я сострадатель, то есть стычкам предпочитаю лечение. Брать на себя чужую боль занятие малопривлекательное, но мне это интересно.

Кстати, о фонаре. Я решил никогда им не пользоваться, и решение это окончательное.

Десятое марта. Сегодня в храме появилась Фиона. Я узнал её, хотя мы никогда не встречались лично. Всё просто, достаточно войти в Систему и поглядеть на полицейские объявления. Портреты ещё не пойманных преступников все одинакового размера. Третья в пятидесятом ряду — Фиона. Она маленькая, слабенькая на вид и хрупкая как ребёнок. У неё пепельные волосы и полусонные глаза. Я выделил её машинально, сработала интуиция ментального врача. Болезнь ещё не разрушила её привлекательность, но диагноз — энергетическое истощение, не вызывает у меня сомнений.

Двадцатое марта. Тепло. Скоро станет ещё теплее, но моё моральное состояние ухудшается день ото дня. Фиона приходит довольно часто. Я обязан выдать её полиции, но я не могу. Причинить ей вред — всё равно, что ранить себя. Вероятно, она опасна. Несмотря на хрупкость, это существо способно на всё. Она уже созналась мне в разнообразных грехах. Конечно, исправить её довольно заманчиво, но я не так глуп.

Тридцатое марта. Мало что изменилось. Фиона любит играть с храмовым кристаллом, но я не обращаю внимания — возможно, это удержит её от общения с другими преступниками.

Пятое апреля. Всё то же самое.

Пятнадцатое апреля. Фиона исчезла. Должно быть, вернулась на дно. Комментариев не оставляю. Такие неудачи болезненны.

Пятнадцатое мая. Очень много разных событий. Фиона появилась снова, у женщины сильные травмы — сломан нос, рассечены бровь и ухо, трещина в берцовой кости и, без сомнения, гематома на лёгких. Я нашёл её на пороге ночью, внес её в дом и осмотрел, и как врач, и как псионик. Били, видимо, металлическим прутот. Раненая так и лежит в моем кабинете — на специально купленной складной кровати. Фиона дышит часто и неглубоко, время от времени приподнимается и сплевывает в чашку кровь. Наверное, это безобразно для такой красивой девушки, но мне теперь всё равно. Несомненно, она поправится и этот изъян исчезнет.

Я ни о чём не спрашиваю. Не надо эмоций. Я не могу их себе позволить. Возможно, следовало бы обратиться к Румику, но я знаю, что он не одобрит моих действий.

Первое августа. Война с Иллирой, созданное ею общественное потрясение и лечение раненой отвлекли меня от продолжения дневника. Теперь все считают Фиону моей невестой, а я молчу и не опровергаю сплетни. Ситуация запутанная, и причина не в преступлениях, недостатках или прелестях этой женщины, источник всех проблем только в моей голове. Фиона рассказала всё, она хочет получить святой фонарь. Кто-то заказал артефакт, и этот кто-то внушает мне страх. Не думаю, что он собрался бороться со злом.

Я могу и даже должен передать Фиону полиции, её осудят на долгие годы тюрьмы... Иногда я думаю, что мог бы вылечить эту девушку от её преступных наклонностей и негласно отпустить, но это не согласуется со здравым смыслом.

Фонарь... Чем дольше я думаю, тем больше начинаю уважать эту вещь. У меня есть соблазн, великий и не преходящий — опробовать эту вещь на Фионе. Если прибор не работает, то девушка не изменится и я подарю ей бесполезную вещь. Если же...

Пятнадцатое августа. Идея испытания сделалась моим наваждением. А вдруг Фиона на самом деле исправится? На деле это моя совесть ищет оправданий — очень хочется эксперимента на человеке.

Двадцатое августа. Ждать не имеет смысла. Фиона вполне здорова. Она высоко ценит свою неотразимость и не сомневается, что сможет выпросить у меня что угодно, но я дал аферистке лишь имитацию артефакта. Мой собственный план созрел — достаточно включить фонарь и ненадолго направить его на Фиону — пока она, бедняжка, спит.

Двадцать пятое августа. У меня всё готово — вплоть до слабого снотворного для Фи. Я не буду пугать её и хочу, чтобы трансформация психики совершилась во сне. Это последние строки, которые я пишу перед тем, как изменить природу человека. Став совершенной, сумеет ли Фиона не презирать меня? Плохо всё-таки бояться. Это унижает. Впрочем, от совершенного бесстрашия и честности меня отделяет только шаг. Достаточно придавить кнопку, потом развернуть фонарь на себя. Вот он, лежит рядом, на столе. Я не сделаю это, о, нет! Иначе, боюсь, у меня возникнет неистребимое желание уйти в ночь и никогда больше не возвращаться. Брести по ночным улицам, тенью заходить в дома, делать идеальным каждого человека, не спрашивая его совета и согласия. Совершенному человеку нужно такое же идеальное окружение, в противном случае он скатится на дно. Гений, которого попирают ботинками, это чертовски обидное зрелище.

...Сейчас я сделаю это, я разверну конус света на себя...

* * *

Ошеломлённый Лу закончил чтение. Фонарь лежал на самом дне тайника. На первый взгляд прибор почти ничем не отличался от фальшивки, которую получила и вернула Фиона. У капеллана Лу не возникло соблазна прикоснуться к кнопке. Он подумал о Каэрти, который использовал фонарь и просто ушёл в ночь, даже не разбудив любимую, о которой... по-видимому, забыл!

Лу сунул приборчик в карман, загнал чужого кибера обратно в тайник, потом опустил доску на место. Оставалось только явиться к Румику с отчётом.

«Странно, но стресс почти прошёл, видно, клин выбило клином. Хочу вернуться на должность армейского капеллана, хорошо, если место в отряде Мирса не занято». Он снова, как в первый день при храме, ощущал стволы деревьев, тяжёлые волны в заливе, мыс и соленый ветер над бухтой. Это единение с вечным помогало Лу понять себя. Он так сильно задумался, что не заметил ни чужой ауры, ни чужих шагов. Пришелец явился и устроился между капелланом и дверью.

— Каэрти? — в изумлении спросил Лу.

— Какой Каэрти? Ну ты даёшь, идиот.

В следующий момент нож вошёл между рёбер капеллана. Вышел и погрузился в бок ещё раз. Лу рухнул мгновенно — прямо как стоял.

Враг ухватил жертву за ноги и протасил в сторону ванной комнаты, оставляя на полу широкий влажный след. В ванной сторож склонился над капелланом и саркастически ослабился:

— Я так и знал, что всё плохо кончится... для вас. Не стоило совать нос в чужие дела, я насквозь вижу сыщиков.

Лу кашлял, захлёбываясь собственной кровью. Сторож укоризненно покачал крупной головой.

— Вы вот даже не спросили, как меня зовут. Думаете почему? Из гордости. Такие, как я, для таких, как вы, всё равно, что пустое место. Думали, сделаете своё подлое дело, отправите меня на виселицу и исчезнете с повышением. Вот и выдали себя. А зовут меня Люпином. Слышите? Люпином зовут.

— ...Убил я Каэрти, стало быть, — очень просто сказал Люпин. — Думаете, почему убил? Опять из-за гордости, мы оба были гордыми, только каждый по-своему. Он думал, что сможет жить как святой. В нашем мире жить в святости нельзя, в святости тут только помирают, да и то изредка. В общем, той ночью, как фонарь сработал, а баба проповедника спала, я задушил Тара Каэрти верёвкой. Моя

супруга вечно подглядывает, но не думай, что она, мол, грешница, я прикрылся как должно и о деле ей ничего не сказал. Отца Каэрти распотрошил и забальзамировал, чистенькая мумия получилась, аккуратная. Так он до сих пор отдыхает — да прямо рядом с вами, в шкафу под ключом, так что вместе ляжете.

Люпин открыл ключом шкаф, запах хвои заполнил пространство. Лу зажмурился, чтобы не смотреть на останки самого совершенного гражданина Конфедерации. Для крика, ментального или настоящего, не хватало сил. Убийца присел рядом на корточки и закурил, жадно рассматривая лицо капеллана.

— Говорят, после Трансмутации сумасшедших много стало, только не думайте, я совсем не чокнутый. Я всё продумал наперёд.

Лу опять кашлянул, стараясь освободить горло от крови. Она, густая, струйкой стекала с губы на пол. Люпин покачал головой, недовольно оглядывая испачканный кафель.

— Кричите, если хотите, никто не услышит. Тот, другой, тоже любил умничать, его бумаги я собрал и сжёг, а пепел закопал в газоне. Фонарь не нашёл, наверное, Каэрти его кинул в утилизатор, чтобы никто с ним сравниться не смог.

Лу шевельнул пальцами, они слушались его и ещё не начали холодеть.

— Не корячьтесь зря, — жалостливо посоветовал Люпин. — Всё равно сдохнете. Чего зря трепыхаться? Я знаю, у вас нет пистолета.

Лу протолкнул немую, шершавую от засохшей крови руку в карман, зацепив, выдернул фонарь (Люпин даже не успел понять, что происходит), направил его прямо в лицо сторожу, одновременно придавив кнопку.

— Есть кое-что получше...

...Вспоминая о ночи своего подвига, Лу слегка жалел о том, что отключился и не видел чуда. Представить себе реморализованного Люпина он не смог, как ни пытался. Сторож исчез той же ночью, скрылся навсегда, пополнив статистику Порт-Калинуса ещё одним «лицом, объявленным в розыск».

Трансмутация спасла капеллану жизнь, он не истёк кровью на полу, постепенно поправился и к тому же избавился от бессонницы. Имитацию артефакта он вернул Румику, который искренне порадовался спасению подчинённого. Дневник Каэрти Лу уничтожил, подлинный фонарь некоторое время держал у себя, а затем с боязливым почтением утопил в заливе.

Для наказания злодеев существуют другие, более традиционные способы.

Глава 6. Пророки играют

Осень извергала на Порт-Калинус столько дождя, что водостоки не справлялись — на мостовых шапками стояла бежевая пена. Она, цепляясь за туфельки и ботинки, колёса и обшивку механизмов, слепила датчики и, в конечном счёте, повредила часть коммуникаций столицы, нарушив работу Системы.

Такая погода весьма способствует медитации.

— Я сломала калейдоскоп, твой подарок, — сказала Нина Северину.

— А я потерял собаку, которую подарила мне ты.

— Значит, квиты, но бездомного пса жаль.

Нина подолгу просматривала новости, Мик же переживал период поганого настроения — ему не нравился Порт-Калинус — угловатые архитектурные формы и прохожие псионики, которые смахивали на одержимых.

— Мне жутко, — в конце концов признался он. — Логика места мне непонятна. Суди сама, приехал я, наверное, нарушив законы, но документов никто не спрашивает, работы нет, деньги скоро кончатся. Я — сомнительный тип, но всем на это наплевать.

— У этого места есть логика, если вспомнить про трансмутацию. Твои мозги открыты всем, так что частной жизни нет и не будет. Если следовать букве правил, тебя следовало бы выставить обратно в Иллиру, но и независимой Иллиры больше нет. По здешним меркам ты ментальный инвалид, то есть не псионик.

— Так меня ещё никто не оскорблял.

— Утешься. Несмотря на потуги на превосходство, никто из здешних мутантов не берётся меня защитить. Ты единственный спаситель.

— Смеёшься?

— Нет. Безмерно благодарна. А по поводу остального — запомни, хотя по нашим меркам, они тут все чокнутые, но это просто так кажется. В столице несколько мистических конгрегаций. Это очень серьёзные ребята, если поссоришься, могут и отлупить за недогадливость.

— Спасибо за предупреждение.

— Ага. И ещё имей в виду... Все здешние псионики понемногу срастаются душами, исключая, конечно, заведомых психопатов. Они не

совсем люди, хотя и нелюдями в обычном смысле их не назовёшь. Они ни то, ни сё.

— И ты точно такая же?

— Нет. Но у меня почётное каленусийское гражданство.

— За что? — искренне изумился Северин.

— За помощь в спасении их социума от Большого Медного Таза. Он мог всё накрыть, но не накрыл. Мне было тогда двенадцать лет, и, по правде сказать, я почти ничего не делала, только сопровождала папу. В тот день началась трансмутация. Причина была в суперкибере, который сломался. Говорили, что он был экспериментальным и занимал там высокий пост в правительстве.

— Машина что ли пост занимала? — с унылым недоверием спросил Северин.

— Ага, можешь не сомневаться. Он был способный и бескорыстный малый, который выдвинулся во время гражданского конфликта. Одним словом, кибер не пил, не сосал таблеток, не трахал секретаршу, не брал мзду, пошёл в гору и командовал он какой-то стратегической разработкой. Позже оказалось, что кибер сошёл с ума и тайком сделал машину, которая должна была уничтожить столицу, но что-то у него сорвалось. Кибера ликвидировали, проект закрыли, но по недосмотру уцелела ещё одна его дочерняя машина — совсем малюсенькая, из-за которой и пошла трансмутация — и странсмутировали все — большие боссы, их секретарши, бомжи, домохозяйки, рабочие в порту, медсестрички в больнице.

— Это болезнь?

— Наподобие. Внезапное пробуждение способностей. А, может быть, их приобретение.

Северину сделалось холодно, ливень за окном тому способствовал.

— Слабые погибли, — очень спокойно добавила Нина. — Выжившие сделались теми самыми ребятами, которые тебе не нравятся.

— Я почти не видел в городе настоящих стариков.

— Из мало. Выживали здоровые и относительно молодые. Год или два в Конфедерации стоял ад.

— Я почти не знал об этом.

— Никто не решался сунуться на их территорию, пока работала машина. А когда она отработала своё и выдохлась, было уже поздно — связываться мутантами стало опасно. Хотя, говорят, Оттон Иллирианский пытался это сделать.

— Я знаю, что у него не получилось.

— Про эту заваруху нам рассказывал Джури.

— Вот-вот. А теперь объясни, что ты и я тут позабыли?

— Я тебе говорила о конгрегациях?

— Это те самые парни с перстнями на пальцах.

— Вроде того. В Каленусии в братство Разума охотнее вербуют мужчин, в Иллире сестринство Разума состояло из женщин. Это было древнее и очень приличное сообщество, в нём состояли порядочные леди. У сестёр имелось влияние и деньги, но конгрегация плохо слушалась Оттона и сестёр понемногу теснили, пока не разогнали совсем. Говорят, архивы конгрегации монашки передали братьям в Порт-Калинус. Я хочу увидеть записи, касающиеся меня.

— Зачем?

— Хочу понять, насколько точно моё предвидение.

Северин сильно расстроился.

— Мне кажется, ты ввязываешься в здешние интриги. Тогда хотя бы используй транс и посмотри, чем всё это кончится. Возьми меня с собой.

— Понадобится огонь.

Кибер охотно изобразил костёр на экране. Он постарался вовсю, в медленном пламени сгорали и корчились виртуальные мошки, искры с треском летели во тьму, блики огня плясали, освещая нечто позади костра, хотя позади не было ничего — только тонкий слой пластика и хрупкая вязь микросхем.

...Северин грезил и видел местность в горах. Невидимая Нина находилась неподалёку. Подтачивая горы, монотонно гремел водопад. Сам Мик держал пистолет и целился в спину человека, который орудовал ниже по склону. Человек сильно хромал, время от времени скидывал руку, чтобы отереть лицо. Юлий Келлер?

Северин дрогнул и очнулся. Поддельный костер на экране уже догорал. Пророчица молчала, багровые блики медленно перемещались по её гладким щекам.

— Видела человека, похожего на Келлера?

— Да.

— Что это значит?

— Может быть, просто подсказка, следует поискать информацию среди старых знакомых.

...Утром из коридора доносились голоса — болтали на чужом языке. Ментальный обмен, если и существовал, оставался незаметным.

Сломанный джип пришлось оставить в гараже. В автобусе Северин устроился на заднем сиденье — это позволяло избавиться от чужого внимания. Две девочки поблизости играли в бесконечную игру. Одна набирала на клавишах уника незнакомое слово, вторая, удив его из сознания подруги, проверяла результат. Игра затянулась, но выражение сосредоточенных лиц почти не менялось — обе походили на серьёзных маленьких кукол.

«Я чужой здесь, — подумал Мик. — Мне никогда не приспособиться. Меня никто не понимает. Я неделя за неделей бреду навстречу опасности и могу только пожелать, чтобы она стала явной. Я устал от неизвестности».

Он выскочил из автобуса первым и помог замешкавшейся Нине.

— Куда теперь?

— К одному старому другу. Он много знает. Пошли.

Тротуар упирался в калитку, охранный устройств не оказалось или они имели непривычную форму. В саду хрупкие стебли желтели меж камней альпийской горки.

— На нас не спустят злую собаку?

— Её тут нет. Не бойся, я уже позвала хозяина мысленно.

Северин нехотя остановился на широких ступенях крыльца, с внутренним неприятием ожидая результата. И он его дождался.

Незнакомец был старше Мика и Нины. Крепкого сложения, очень светловолосый и коротко стриженный.

— Здравствуй, Марк.

Светловолосый молчал, рассматривая гостей.

— Здравствуйте, заходите, — сказал он после затянувшейся паузы

— Мик Северин, мой сводный брат, если можно, говорите по-илириански, иначе он вас не поймёт.

— Марк Беренгар, хозяин этого дома и пси-философ.

Северин пожал чужую твёрдую руку.

Изнутри дом оказался очень удобным, начинённый специальной техникой, он ловил невысказанные желания гостей. Чуть ярче сделался свет (так хотелось Мику), заиграла музыка, любимая Ниной.

«Интересно, как система дома согласует противоречивые желания людей?»

— Она старается не причинять вреда и дискомфорта. В особо сложных случаях может отключиться. Но у меня редко бывают гости, а у жены такие же пристрастия, как у меня.

«Его жена наблюдает за нами из другой комнаты»

— Нет. Лола уехала на побережье... Не бойтесь, я не буду читать ваши мысли. Если хотите, можете взять в шкафу защитный шлем. Очень хорошая модель. Не подделка.

— Шлем не понадобится, я не боюсь.

— Я в этом и не сомневался. Устраивайтесь, как хотите. Если будете пить или есть, достаточно подумать — киберы вам принесут. Не надо стесняться. Вы надолго в Порт-Калинус?

— Не знаю, — мрачно сказала Нина. — Я даже не знаю, что сказать. У меня просьба, которую выполнить сложно. Если вы... если ты, Марк, не сможешь мне помочь, то скажи сразу. Это не будет обидой.

— Что-то случилось?

— Видела свою смерть.

...Кибер, который вынырнул словно бы ниоткуда, принёс Северину сигареты.

—...Вот так вот, — через полчаса закончила Нина. — Пожалуй, мне больше нечего сказать. Ты удивлён?

— Я-то? Да. А что предложил твой отец? В его руках большие возможности.

— От этого мне не лучше. Любая помощь, которую мне там оказывают, только усиливает опасность. Поначалу предвидение было смутным. Потом, как только я рассказала всё отцу, картина окрепла, оформилась, и стала чаще появляться во сне. Как только я посоветовалась с теми, кто разбирается в предсказаниях, сценой моей смерти стал заканчиваться каждый третий транс, и эта идея, в конце концов, стала подавляющей. Ты понимаешь меня?

— Да. Ты сбежала?

— Можно и так сказать.

— Ты поступила опрометчиво. Пусть тебя не могут убить нигде, кроме Арбела, и не раньше, чем в будущем году, но страх и перегрузка, жара, дискомфорт, болезни или ранения весь этот год будут постоянными. Есть хороший принцип... Не увеличивай страданий. По крайней мере, для себя.

— Я консультировалась... в Порт-Иллири. С независимым экспертом. Он сказал, что я стала жертвой реальных фактов и самовнушения. Нужно идти навстречу страху, тогда он не сумеет победить меня.

— Как звали специалиста?

— Келлер.

— Никогда не слышал. Наверняка он просто любитель.

Нина сложила руки, её поза с точки зрения Северина походила на позу молящейся.

— Скажи, во что мне верить? В других? В себя? В пророчество? Если бы я знала, что моя смерть неизбежна, я бы прожила оставшиеся месяцы так, как хочу — с пользой для близких, с риском для себя. Я бы отгорела дотла и ушла бы в вечную ночь так, как уходят засидевшиеся гости. Но я не знаю. Если дальше пойдёт по-старому, этот год мне не выдержать. Что ты знаешь о природе пророчеств?

— В принципе, знаю многое. Если есть желание слушать...

— Такое желание есть.

— Предсказатель имеет дело с физическими процессами, в точности, как любой другой специалист, наделённый талантом. Существует дополнительное измерение, если человек имеет ненулевое значение ментального индекса он, в теории, способен к наблюдению будущего, поскольку его тело имеет не одну проекцию на временную ось. Вы поняли меня?

Как ни странно, но Северин понял. «Келлер дал нам совет рационалиста — бороться до конца. Беренгар дал консультацию теоретика — как это выглядит на модели. И что же теперь делать?»

— Как ей жить?

— Сбывается только настоящее предвидение. Видения Нины могли быть её иллюзиями, такое тоже случается.

— Как отличить одно от другого?

Беренгар заметно смутился.

— Это сложно, — наконец нехотя сказал он. — Хотите жасминового чаю?

— Кибер мне не предлагал.

— Потому что вы не хотели, а не хотели, потому что о нём не знали.

— Значит, выход, возможно, существует, мы просто не знаем о нём.

— Собираетесь встретиться с людьми из Конгрегации? Я могу вас познакомить.

— Попозже. А пока расскажите, каким образом вы столкнулись с трансмутацией? Что вы чувствовали при этом? А что испытывали до неё?

Беренгар сухо хмыкнул.

— Я был тогда заносчивым мальчишкой, перед которым открывались замечательные перспективы. Был псиоником, но в меру. Семья была состоятельной, я мог сделать почти любую карьеру на выбор. Мешало только одно — тогдашнее законодательство требовало от меня пройти реабилитацию, своего рода уничтожение природных паранормальных способностей. Но мне стать обыкновенным казалось

горше смерти, и я плюнул на социальные возможности, после чего подался в бега. Меня поймали на третий день, и система обернулась ко мне не румяным лицом, а неухоженной задницей. То есть, я получил ту же самую вакцину, но только ждал её не дома у мамы, а за колючей проволокой, в отстойнике для таких, как я, негабаритных бунтарей. Дальше я был как все, жил, как все, маялся тоже, как все — сначала работал, потом попал в некрасивую историю и сбежал. Нашлись ребята, которые уклонения от реабилитации поставили на широкую ногу. Я случайно встретил такого человека. Мы были одногодки, он был сильный псионик, да что там — сильнейший. Естественно, не реабилитированный и нелегальный. В конце концов, мы оба оказались причастными к началу трансмутации. У меня была довольно бурная жизнь в юности, — сказал Беренгар полушутливо, но с явной грустью. — Говорят, кибер, который затеял всё это, дизайном походил на свинью. Скорее, впрочем, на бультерьера, хотя я сам его не видел. Кибер Максим служил секретарём у тогдашнего президента Юлиуса Вэнса. Потом работал в закрытом ведомстве. Там он и устроил своеобразный мятеж искусственный систем. Сразу после уничтожения кибера мы не догадывались, какое наследство он оставил. Одним словом, «сначала было некогда, потом оказалось поздно». Мои способности восстановились. Мой друг наполовину потерял свои.

— Где он теперь? — спросил Северин.

— Не знаю.

— Разве человека сложно отыскать?

— Сложно. У трагедии собственные законы. Хотите знать, Северин, как выглядел первый день трансмутации? С утра небо над бухтой заволкло тучами. Кибер находился на островке посреди залива, аномальная зона тянулась до самого побережья и захватывала часть города, там остались сплошные руины, но это ещё не была трансмутация, только обычная паника и психоз, вызываемый аномальными зонами. Ваш, Нина, отец, его превосходительство Алекс Дезет... мне говорить дальше?

— Да.

— Он разговаривал с кибером Максом, и был единственным человеком на Геонии, не чувствительным к пси-эффектам. Нулевик. Дезета подобрали в заливе через несколько часов, он был жив, но зол и не очень разговорчив.

— Это он уничтожил кибера?

— Нет, он пытался сломать его, но не сумел. Такое уничтожение

оказалось технически невозможным. Кибер погиб в тот же день при странных обстоятельствах, которые списали на неизученный информационный эффект. В последнее время меня посещает ещё одно подозрение — не была ли история уничтожения Макса выстроена самим Максом от начала и до конца?

— Вы о чём?

— Макс умер только потому, что хотел умереть. Он сознательно отдал своё существование (я не могу признать за технической системой жизнь) ради идеи. Трансмутация была им задумана и подготовлена. Сейчас мы имеем дело с последствиями. Я не могу однозначно оценить их ни как хорошие, ни как плохие. Может быть, все мы научились лучше понимать друг друга, но некоторым это знание стоило душевного равновесия.

— Спасибо. Вы можете извлечь из этого что-нибудь, что способно помочь Нине?

Беренгар, по-видимому, колебался между приязнью к дочери Дезета и нежеланием влипать в «историю». «От бывшего бунтаря мало что осталось», — ехидно решил про себя Северин.

— Есть одна зацепка, — как бы не вполне охотно отозвался философ. — Но использовать её следует толково. Вы слышали о матери Наан?

— Это монахиня, которая воспитывала меня в Иллире, — тут же откликнулась Нина. — Когда она заболела, меня не пускали лазарет — боялись неизвестной заразы, но я всё-таки подобралась снаружи к окну. Пришлось подставить ящик, он скрипел и качался у меня под сандалиями, а я всё цеплялась пальцами за подоконник. А она лежала на кровати — такая прямая, неподвижная, белая-белая, какими бывают только статуи. Она даже не стонала и совсем никому не жаловалась. Мне кажется, старуха до конца оставалась в сознании.

Беренгар судорожно кивнул.

— Да, это звучит сильно. Несколько лет спустя, но ещё до трансмутации, здесь, в Каленусии, мой друг попал в беду. Его задержали на запретной территории, без документов, и, вероятно, забили бы до смерти, но кто-то им запретил доводить дело до конца. Он отлёживался в госпитале и видел там её.

— Наан?

— Так старая леди обозначила своё имя. Она была кем-то вроде сестры милосердия. Он ничего не знал о смерти старухи в Порт-Иллири, а по-каленусийски она разговаривала без акцента. Позже моему товарищу отказали в новой встрече.

— Ложное известие о смерти — скептически предположил Северин. — Или создан двойник, или киберклон.

— О, нет, там всё интереснее. У Наан есть сестра. Не близнец, но похожа. Имена немного отличаются. Наан и Нэн. Легко перепутать. Обе сестры, вплоть до смерти старшей, как могли, поддерживали связь.

— Устроишь встречу с младшей?

— Попытаюсь. Старуха не здорова, к тому же прошла трансмутацию и чудом выжила. Я свяжусь с монашкой прямо сейчас. Если она настроена благосклонно, подброшу вас на собственной машине.

— Спасибо, Марк.

Нина, не чинясь, поцеловала пси-философа в щёку.

— Будет славно, если бабка не совершенно выжила из ума, — хмуро сказал Мик. — Впрочем, в любом случае я ваш должник.

— Смотрите внимательно, — подсказал Беренгар уже в машине. — Начинаются интересные места. По кварталам города хорошо заметно, где и как прошла трансмутация. Если много деревьев примерно десятилетнего возраста — тут обитают любители заимствовать энергию у зеленых форм жизни. Славные люди, которым растительный образ жизни заменяет амбиции. К счастью или к сожалению, их немного. Если фонари побиты, и реклама не горит — ищи поблизости обиталище телекинетиков.

— О!

— Когда полно злчных мест, ищи любителей пси-наводок. Воображаемый рай любому желающему, за сходную, конечно, плату. А если рай приелся, можно испробовать пекло. Шик.

— М-мать! (Прости, сестричка!)

— Я уважаю братьев из Конгрегации активных действий, они, по крайней мере, пытаются мешать обывателю ускоренным темпом скотиниться...

— В какой обстановке живёт Нэн?

— В почётном и комфортабельном приюте для престарелых. В Каленусии очень мало стариков, поэтому они в цене. Даже те, которые круглые сутки сидят в подгузниках и ничем не отличаются от растений. Считается, что наличие старых людей придает социуму стабильность. У нас тут много всего, но душевной стабильности мало.

— Это и есть дом престарелых?

Здание выглядело роскошно и походило на дворец. Фонтан сложной конструкции феерическим образом разбрасывал воду.

Беренгар подманил кибера и быстро переговорил с ним на упрощённом языке.

— Нэн уведомили. Леди ждёт, постарайтесь общаться с нею побережнее. Вы даже не представляете, какая это замечательная старуха.

Под куполом застоялась больничная атмосфера — скрыть её не помогала даже роскошь. Угасание мерцало на лицах.

— Направо, пожалуйста... Пожалуйста, налево... Спасибо за понимание, вот апартаменты — вежливо бормотал кибер.

Нэн ждала в кресле, неестественно прямая для своих лет, худое тело терялось в ниспадающих складках балахона.

— Что ж, заходите, раз пришли, — голос неприятно дребезжал, хотя в нём ещё оставалась частица былой силы. — Садитесь, молодые люди. И ты, юноша, у которого нет дома, и ты, девочка, чей отец в душе атеист... Я знаю, у вас обоих хорошее зрение, так что моя старость и болезнь не секрет. Если хотите спрашивать, спрашивайте прямо сейчас. Завтра можете опоздать. Я понятно выражаюсь?

— Вы проживете ещё долго.

— Не надо лицемерия. Каждый новый день — лишние колики в печени. Пора мне на биологическую свалку.

Старуха дала мысленную команду киберкреслу, оно плавно и вплотную подъехало к Нине.

— Поддай мне руку. Говорить ничего не нужно. Просто подумай о делах и людях, которые привели тебя сюда.

У Мика шевелились на затылке волосы. Жёлтые совиные глаза Нэн остановились на Нине, лишь вскользь задев Северина.

— Я вижу сухую равнину, — хрипло, с одышкой сказала старуха. — Равнину, полынь и стоячие камни. Маленькую девочку, которой страшно. И ещё... других людей. Взрослых. Их много, они спасаются бегством. Враги совсем близко.

— Всё это правда, но случилось двадцать лет назад.

— Я вижу ту же самую девочку, много позднее, на веранде большого дома, рядом её отец, мачеха и чужой подросток.

— Это Вэл, друг Марка.

Нэн дёрнулась, белёсые, почти птичьи веки опустились, скрывая яркую желтизну глаз. Но тут же поднялись снова.

— Мне тяжело, завеса... Не вижу... Тут какая-то беда.

— Да, через несколько месяцев после утра на веранде люди террориста Ральфа Валентина штурмовали нашу загородную резиденцию в Арбеле. Моя мачеха была ранена, не поправилась до конца и умерла через четыре года от энергетического истощения. Её звали Джулия, она любила меня как свою дочь. Ральф убил её. Мне очень жаль, что Ральфа прикончила не я.

— Кто прикончил Ральфа? — быстро спросил Северин у монашки.

— Я вижу комнату, где много книг, библиотеку — пробормотала Нэн. — Высокого мужчину с чёрной аурой, которая уже угасает и отчаявшегося мальчика с оружием в левой руке. Правая висит неподвижно, она сломана. Это Марк!

Птичьи глаза сестры Разума раскрылись ещё шире — так, что исчез ободок пронизанных сосудами белков. Она дышала хрипло, голова запрокинулась, жилы выступили на морщинистой шее.

— Видите что-нибудь ещё?

— Камень в степи, шакалов и хромого человека. Женщину, которая песнями добивается странной власти над людьми.

«Менгир, Келлер и певица из ресторана, — с неожиданным уважением к пророчице подумал Северин. — Это не шарлатанство, она не могла угадать, если только... не вытащила информацию прямо из моих мозгов. Для псионика такое не трудно. Нужно задать ей вопрос, на который я сам не знаю ответа»

— Чем сейчас занят мой отец?

— Он умер, умирает или скоро умрёт, — чётко и жёстко ответила Нэн. Она не смутилась, и даже не повернула лицо в сторону Мика.

Старуху одолели судороги, кости грозили вот-вот вывернуться из суставов.

— Всё черно, плохо вижу.

— Опасность реальна?

— Не вижу... Вижу чуть-чуть. На Нину открыта охота. Там туман, ручей, длинные бараки в маленькой долине. Мужчины. Много. Хотят твоей смерти.

— Но я же ничего плохого не сделала.

— Ты сделала, — хмуро сказала Нэн.

Иступление уже покинуло монахиню. Она перестала быть пророчицей и сделалась просто разбитой старухой.

— Ты сделала, дочка, — ворчливо и грустно сказала она. — Может быть, и сама не знаешь, что ты натворила. А если не натворила, то натворишь в будущем. Они знают. Пророчество доступно не только тебе.

— Я хотела бы увидеть иллирианские архивы матери Наан. Беренгар сказал, что записи оказались у вас.

Нэн скрипуче, наполовину с кашлем, рассмеялась — как будто вскрикнула больная сова.

— Всё, что осталось от Наан, больше десяти лет как забрали власти в Порт-Калинусе. Мне не пришлось даже распаковывать посылку.

Не желей. Ты пророк, девочка, мне это видно без подсказок...

— Вы расстроены? — спросил Беренгар уже в машине.

— Вполне удовлетворён, — сардонически ответил брат Нины. — Мне сообщили, что я только что сделался сиротой. До гибели моей сестры осталось менее года. Это, конечно, сущие пустяки по сравнению с Разумом и Вечностью.

— Замолчи! — грубо сказал Нина.

— Не сердитесь, ребята, — примирительно сказал философ. — Старуха склонна изображать события драматически. «Смерть» иногда следует толковать только как «опасность», а «опасность» как «неприятности».

Так сказал Марк Беренгар и ничего не говорил всю оставшуюся дорогу.

Возвратившись домой, Мик закрылся в своей комнате и попытался связаться с виллой в Порт-Иллири. Связи не было, тогда он настроил уником и послушал сухие сообщения о «хаосе в иллирианской столице». Потом лёг спать, но проснулся среди ночи.

Трудяга-кибер шелестел, сообщений пришло не много — реклама компании связи, присланная наугад проповедь Конгрегации активных действий, заманчивые предложения адвокатской конторы в Порт-Калинусе, заблудившееся, старое сообщение от Прокла Риордана, и отдельным письмом маленький странный файл, возможно, компьютерный вирус.

Сообщение Риордана Мик прочёл немедленно:

Здравствуй, паскуда, сукин сын Мык Сывырыныч.

Извени за ашибки, затем што я немнога пьян и агарчении, што ни магу вмазать тибѣ в рыло, чиво ты, без самненья, стоѣшь. Дила у нас так сибѣ, паскольку эликтричества нет и, чтобы паслать это письмо, я полчиса крутил гиниратор, так што даже идва ни протризвел, што абидна, патаму как вытйвки вздаражали.

Слышал, што ты удачно устроился у врагофф, но сильно тибя ни асуждаю, потому шта у нас плоха стала с жратвой, а ты всигда бил худащавый. Твой дом стаит пустой, што с тваей мамой, я ни знаю, гаварят, што лазарет периехал в правинцию, но письма отуда ни ходят. Здравья у нас паршивае — дипрес. Лика, Мика и Гермiona шлют тибѣ привѣт, а Соня и вовсе ни шлѣт, патаму што балъна дриснѣй и не вылазѣт из дома. Напаследак агарчу тибя, саабцив, что папа твой сделал ноги и отбыл падалышы и от тваей мамачки и ат тибя, так что встрѣтитись вы идва ли.

*Астаюсь с самыми искренними приветами и очин хорошими паже-
ланиями,
Твой друк Риардан.*

Несмотря на невероятные ошибки, все запятые стояли на месте. Мик трясущимися пальцам вытащил сигарету, распахнул окно, что-бы запах не потревожил квартирную хозяйку и выпустил струю дыма в ночь.

«Медик придумал, как обойти цензуру. Все послания или уничтожаются или проходят кибер-контроль, но машина ищет профессиональные шифровки, а этот текст не был зашифрован. Зато искажённые слова и имена мешают автоматическому анализу смысла. Я понятия не имею, кто такие Лика, Мика и Гермiona, но, очевидно, что в Порт-Иллири плохо с провизией, энергией и водой».

Главная новость, предельно осторожно сформулированная хитрым магистром, касалась отца. «Вы никогда не встретитесь» могло означать смерть или бесследное исчезновение. Нелепый текст на целую страницу преследовал единственную цель — понадежнее донести предупреждение до Мика. Возвращение в Иллиру оценивалось Риорданом как крайне опасное.

«Вот и всё».

Мик машинально взялся за похожий на вирус файл.

— Кибер, проверь уровень угрозы и расшифруй содержимое.

Он ждал результата, закрыв глаза и с неловкостью понимая, что готов заплакать.

«Я размяк, нельзя поддаваться. Мы с отцом уже несколько лет как отдалились друг от друга. Из-за него едва не погибла мама».

И всё же Северин не мог справиться с собой, главным образом потому, что находился в одиночестве.

Нина беззвучно спала за стеной.

Кибер прошелестел, расшифровывая то, что оказалось вовсе не вирусом. Мик вытер скулы кулаком, веки — тыльной стороной ладони и прочёл:

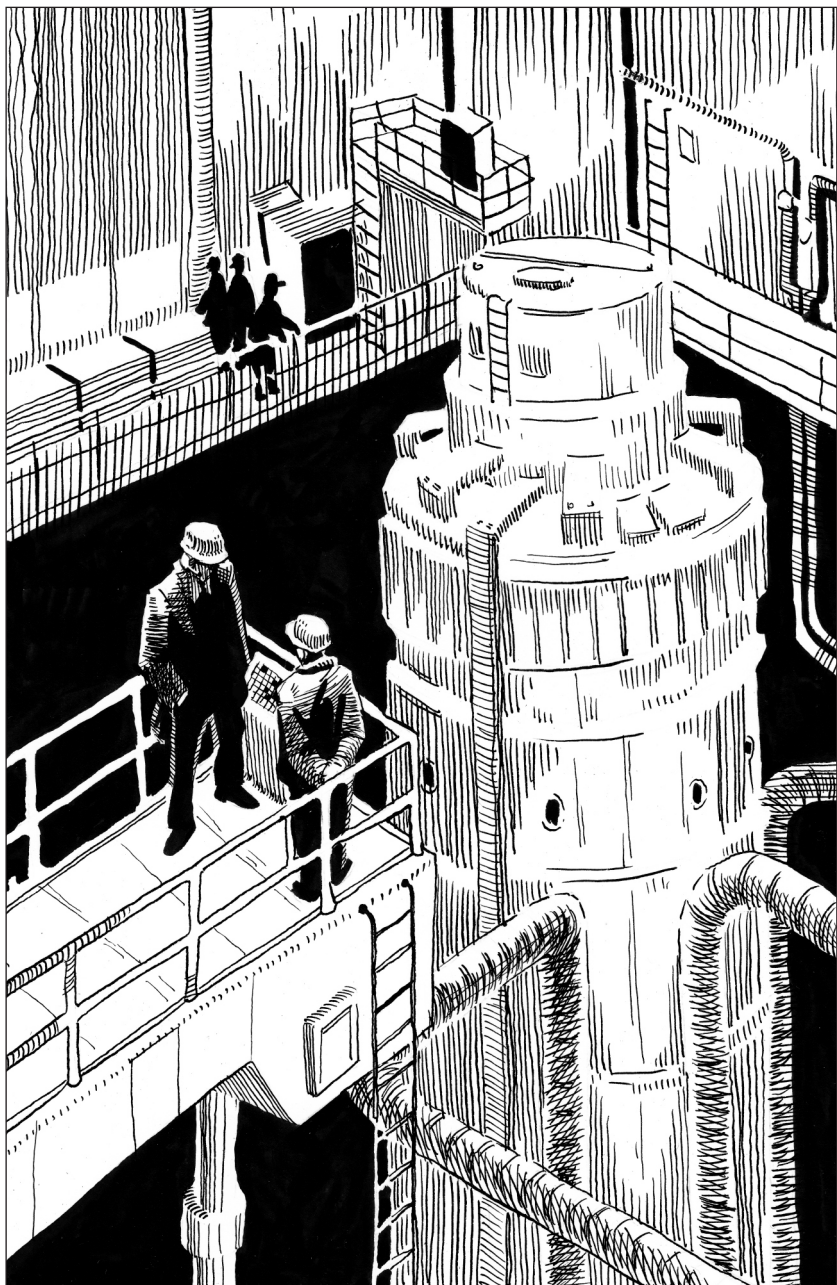
Привет, сынок!

Пользуюсь возможностью послать тебе последнее сообщение.

По всей вероятности, завтра меня не станет. Я сам предпочёл вариант действий, который не оставляет другого выхода.

Наследства не жди.

Никого в этом мире не жалею, меня тоже.

Информации, полученной из третьих рук, не верь. В ближайшие несколько лет постарайся просто выжить.

Твой отец, С.

«Это может быть подделка, чья-то злая игра», — со слабой надеждой подумал Мик, но непрощенная боль утраты уже пришла.

Часть души, которую раньше занимал отец, стремительно пустела, и Мик долго сидел у окна, вспоминая всё — выражение лица Северина-старшего, его интонацию в споре, профиль, манеру вести машину.

«Папы больше нет, и я никогда не узнаю правду... Никогда. Никогда»

Тусклый и неуверенный, занимался над городом рассвет. В проём окна потянуло осенним холодом.

Глава 7. Два месяца назад, Порт-Иллири

— Господин директор! Я очень прошу вас, применяйте наушники.

Гремело с органом величием, но безо всякого склада. Стены заметно подрагивали — низкий звук работающей машины заставлял вибрировать прозрачную перегородку.

Гай Северин принял наушники у инженера, Линдер уже надел свои — разговаривали через миниатюрные уникимы, прицепленные к лацканам.

Близость источника энергии вызывала иррациональное беспокойство. Линдер морщился, тёр виски, его телохранитель терпел. Наёмный инженер-оператор, тот самый, который предлагал Северину-старшему наушники, пробежал длинными пальцами по клавишам пульта.

— Можно уменьшить посторонний шум?

— Простите, нельзя, — раздался в наушниках угодливый голос инженера. — Если не возражаете, я мог бы объяснить господину регенту правила работы...

— Только коротко.

— Неприятный звук идёт от обычной турбины, сама паста сгорает вон там, — инженер указал рукой в сторону котла. — Употребляется совершенно бесшумно, но выделение тепла колоссальное. Если, конечно, учитывать израсходованную массу. Система труб проходит внутри установки, там образуется перегретый пар, он попадает

на лопасти, и дальнейшее ничем не отличается от обычного получения электроэнергии. Нестандартно только топливо.

Линдер благожелательно кивнул. Инженер стушевался, он боялся Линдера, и ничего не мог поделать с собой — проклятая угодливость накатывала помимо воли.

Северин-старший тем временем искоса рассматривал лицо премника Оттона, пытаясь догадаться — понял ли тот хоть что-нибудь.

— Сколько пасты сейчас в котле?

— Около полукилограмма.

— Как часто пополняются запасы?

— По мере расходования.

— Не считайте босса глупее себя, эта уродливая установка работает три дня, я хочу спросить — сколько пасты сожгли?

— Система контроля имеет погрешности, но убыль массы — пять грамм.

— Пойдёмте отсюда, мои уши устали от поганого скрежета, а мозг — от нечётких объяснений.

Директор сделал вид, что не замечает грубости правителя.

В тихом кабинете, в другом крыле здания, Линдер неловко рухнул в кресло, выправка моментально исчезла, зато бледное лицо «потекло» от усталости так, как это бывает у худощавых людей — заострился нос, впали щёки, обвисла кожа у подбородка. Круглые глаза новоиспечённого регента казались большими из-за тёмных кругов.

— Это вещество радиоактивно?

— Нет.

— Ядовито?

— Тоже нет, хотя у нас не было времени для полноценных исследований.

— Я выделяю добровольцев для проверки на людях.

У Гая Северина напряглись челюсти.

— Я поговорю с медиками компании, — сказал он, подавив гнев.

— Мне нужны все материалы, которые касаются нового топлива. Понимаете? Твёрдые копии отчёта, техническая документация и гарантии, что электронных копий не осталось.

Северин вежливо склонил голову, стараясь держать ладони ослабленными. «Никаких сжатых кулаков, никаких возражений, эмоции — роскошь для дураков».

— Вы можете уничтожить их лично, используя мои права доступа.

— Ваш оператор в курсе дела?

Директор Северин заставил себя посмотреть прямо в зрачки Лин-

дера, добиться такого взгляда позволяло только отточенное практикой искусство общения с опасными людьми.

— Оператор не химик. Он не очень сведущ. Разумеется, несчастные случаи приключаются, хотя и редко. Придётся выплатить компенсацию семье.

— Не надо! — нижнее левое веко Линдера задергалось. — Гай, вы меня порой шокируете. Я ничего такого не говорил.

— Простите, я перестарался.

— Хорошо, прощаю, но никакой жестокости без моего приказания. Насколько трудно организовать промышленную добычу пасты?

— Пока не знаю. Этот кусок — фрагмент, подобранный рабочими компании в аномальной зоне. Он экономит нам кучу топлива, но только для отдельно взятой установки. Если в аномальных зонах отыщутся залежи этого... вещества, то такой подарок судьбы решит многие проблемы.

— Что?

— Рынок энергоресурсов будет уничтожен, — спокойно сказал Гай Северин, — Миллионы людей разорятся. Возможно, произойдёт что-то ещё.

Линдер кивнул, его левое веко продолжало подергиваться.

«Что-то у наследника Оттона с нервами неважно».

Правитель прочистил горло, но сделал это ловко и незаметно — лишь чуть-чуть дёрнулись бледные уши.

— Сейчас неподходящее время для новых потрясений. Я ценю вашу деликатность. Гай, вы не упомянули про войну на спорных территориях. Если я не ошибаюсь, аномальная зона именно там?

— Да.

— Насколько вероятно, что мутанты-оккупанты быстро разберутся в деле?

— Если сколько-нибудь значительного количества пасты там нет, то их неосведомлённость продлится долго. Но если дело обстоит противоположным образом, то разберутся очень скоро.

Было тихо, но Гаю Северину показалось, будто Линдер солдатски ргнулся. «Уж не телепатия ли меня одолела?»

— Могут ли я действительно надеяться на вас, Гай?

— Ответ может быть только один. Да, господин регент. Вы можете полностью на меня полагаться.

— Верьте мне! Верьте, даже если ваша совесть... тьфу, то есть ваша логика против.

— Прикажете свернуть эксперименты?

— Только на время. Топливо придётся изъять из установки, как только она остынет. Упакуйте всё в герметичный контейнер, я забираю образцы с собой. К сожалению, моё рабочее время расписано на месяцы вперёд и я не могу гостить у вас до вечера...

— Но...

— Мы найдём способ возместить убытки компании. Вы, как её со-владелец, не понесёте никакого урона.

— Мои компаньоны могут потребовать объяснений. От меня. Что прикажете говорить, когда это случится?

— Со временем они получают любые разъяснения. Или, по крайней мере, достаточные. Свяжитесь со мной напрямую, как только возникнут трудности. Не провожайте, я хочу отдохнуть, пока груз готовят груз к отправке. Апартаменты уже стерилизованы?

— Самым тщательным образом. У нас лучшие специалисты по уборке.

Линдер приободрился и вышел за дверь — прямой, подвижный, спины не сгибающий.

«Дурак, — с досадой решил Гай. — Дезинфекцию дверных ручек ему подавай. Куда Линдеру до покойного старика Оттона. Тот был мерзавцем, но хотя бы заразы не боялся, умел держать людей в кулаке, а, главное, не лез в технические вопросы».

Гай остался один, он рассматривал пейзаж за окном — холмистую, но сильно изменённую техникой пустошь, прорезанную тонкими и изящными, как струны гитары, ограждениями.

«Если победят враги Линдера, конец моему бизнесу, если он победит, мне предстоит общаться с ослом. Но если придут мутанты с севера, они подведут черту и сделают всё по-своему, а я окажусь попросту лишним».

Гай закрыл окно. Миниатюрный кибер, настроенный на поиск подслушивающих устройств, поработал с полчаса и отнёс двух найденных «жучков» в утилизатор.

— Джури... — приглушённо позвал директор.

Полированная стенная панель отъехала в сторону. Высокий парень в хорошо отстиранной, но сильно выгоревшей одежде, криво ухмыляясь, выбрался в открывшийся проём.

— Приветствую, босс, — довольно развязно буркнул он и без приглашения бухнулся в кресло, лишь недавно покинутое правителем, а затем потёр свои беспальные ладони. — Устал я ждать, словно в клетке сижу. Мой охотничий кобель и тот, гляди, взбесится.

Пёс, добродушного вида существо с висячими ушами, принялся шумно чесаться, изгоняя блох. Потянуло псиной. Гай Северин едва заметно сморщил нос, больше на замкнутом лице не отразилось ничего.

— Если пёс вам мешает, определим его в питомник. Хотите избавиться?

— Нет. Этот шельмец — мой талисман. Его зовут Лотер. Я подобрал собаку в степи, она хорошей породы и стоит больших денег.

— Замечательно. Вы можете ещё раз описать то место, где подобрали... не собаку, а образец?

— Уже описывал и показывал на карте — там пустошь и шакалы, больше ничего.

Джури ухмыльнулся и продолжил.

— Поначалу принял эту штуку за сухой экскременты животного. Она была... в общем, похожа видом и пахивала. Но, в отличие от нормального дерьма, не сгорала, хотя и давала пламя. Меня тогда сильно лихорадило. Ночью в пустошах холодно. Днём приходится кипятить воду, иначе сдохнешь от болезни, которую разносят сурки.

—...Всё это я уже знаю, — прервал рассказчика Гай Северин. — Вы скрылись из Ахаратауна, прятались в степи и наткнулись на остатки экспедиции Варула. Я имею в виду, разумеется, только вещи, но не людей. На образец обратили внимание потому, что он никак не мог сгореть в костре. Я знаю всё это. Информация не стоит запрошенной суммы, а ваше упрямство начинает меня раздражать.

— У компании были любые возможности проверить, говорю ли я правду.

— Ни один детектор, ни живой, ни технический не может уличить вас во лжи. Однако есть кое-что посущественней — мой опыт и практическое знание людей. Вы недоговариваете.

Джури опять шумно вздохнул.

— Я не хочу рассказывать о том, что не относится к делу.

— Что относится к делу, решать буду я.

— Ладно, только не злитесь, если я не ужогу. В лагере Варула, пока горел костёр и варилась похлёбка, ко мне подсел человек, и я не чувствовал его ауры.

— Как выглядел?

— Маленький, белёсый. Полный. Невзрачный. Молодой, лет двадцати пяти.

— Сможете составить фоторобот?

— Если кибер мне поможет.

— На каком языке изъяснялся этот человек?

— Он молчал. Я хотел прикончить парня на всякий случай, но потом мне показалось, будто он раздумывает, не прикончить ли меня. Его мозг был непроницаем, и я понял, что меня в ментальном смысле посылают подальше.

— Как вы расстались?

— Он просто встал и ушёл первым, а я не настаивал на знакомстве. Лихорадка выматывает, когда нездоровится, разумно не лезть в драку.

«Ты и сейчас болен», — с несвойственной ему жалостью подумал Гай Северин.

— Что ж, деньги вам переведут. У нас не принято обманывать партнеров.

— Я хочу побыстрее убраться прочь. Мне нужен отдых и комфорт.

— Денег хватит, чтобы купить любые удобства столицы...

Когда Джури ушёл, Гай первым делом вызвал врача. Тот пришёл очень быстро, но держался спокойно.

— Его состояние безнадежно?

Медик подтвердил. Он был одет в стандартную форму работника компании, и походил скорее на техника, чем на врача, но дело своё знал отменно.

— Он заразен?

— У него так называемая «медленная чума». Не беспокойтесь, для окружающих не опасная. С настоящей чумой мало общего, возбудитель можно получить от грызунов, но нельзя предать человеку. Антибиотик только оттянул исход.

— Сколько времени ему отпущено?

— Последняя стадия — пять-шесть дней. Сейчас больной испытывает беспокойство, потом подскочит температура. Смерть наступает внезапно.

— Спасибо. Когда он умрёт, на всякий случай сделайте дезинфекцию.

Кибер уже справился с реконструкцией внешности «степного незнакомца», Гай спрятал картинку подальше, потом проводил кортеж Линдера, посетил душ и долго мылся, сменил бельё, не пожалел и дорогого костюма, смятые тряпки сунул далеко в жерло утилизатора. Потом отослал водителя и сам погнал кар в сторону города, наслаждаясь скоростью и мягким осенним пейзажем.

Вестей от Мика больше не приходило. Армия мутантов, как и положено нелюдям, действовала не по-человечески — она не особенно

рвалась к Порт-Иллири, без необходимости застряв где-то на северных территориях. Гай, не имея возможности переменить обстановку, старался не думать о трансмутации. Химическая компания, как заведенная машина, продолжала действовать, выполняя военные заказы, полученные из Канцелярии Дворца.

... Он заехал в госпиталь. Госпиталь не был переполнен — или в это заведение не помещали раненых, или этих раненых не оказалось совсем, что делало догадки насчёт мутантов особенно страшными.

«Им не нужны ни наши ресурсы, ни наша смерть, возможно — наши души?»

...Марго не спала, она ждала, прислонившись хрупкой спиной к специальной подушке для выздоравливающих. С лица сняли повязку, совершенные черты женщины, восстановленные лучшими хирургами Порт-Иллири, всё-таки изменились. Гай не знал, в чём заключалась перемена, пока не понял — исчезла привычная мимика. Капризное раздражение больше не хмурило лба, щёки стали гладкими, как у девушки. Шрамы рассосались, но вместе с признаками возраста исчезла и прежняя суть. Марго теперь носила маску, пусть созданную из её же плоти. Душа, хоть и покалеченная, продолжала жить в выздоравливающем теле, но окно, через которое эта душа выглядывала в мир, сделалось совсем узким.

— Здравствуй, — сказала Марго тихо, но отчётливо. — Я рада тебя видеть.

Никакой радости не отразилось в её глазах, хотя Гай не сомневался, что жена не лжёт.

— К концу месяца, если доктор разрешит, уедем вместе домой. На вилле тебе будет веселее.

— Что сообщает Мик?

— С ним всё в порядке, — великодушно солгал Гай. — Варул уговорил Мика погостить. Оба они на южном побережье, там ещё можно купаться, вчера приходило сообщение.

Марго опустила бледные, совершенной формы веки.

— Где моя дочь?

— Нина вместе с братом у Варула, — продолжил лгать он. — Пророчества больше её не посещают. Как только север очистится от врагов, девушка вернется к своему отцу... Думаю, вы ещё увидите. Она любит тебя.

— Чтобы сделать её счастливой, я согласилась бы умереть заново.

Характер у Марго был не шёлк, но её преданность дочери оставалась неизменной и почти ужасала Гая.

— Я пообщаюсь с врачами и узнаю, когда они отпустят тебя, — обтекаемо пообещал он.

Предстояло возвращаться в пустой дом. Он подъехал к воротам в сумерки, в саду было тихо, сухие, не тронутые метлой листья скопились на пороге. Гай бережно сдвинул их ногой и вошёл в дом — там стояла особая тишина, свойственная лишь временами обитаемому жилью.

— Хороший вечер...

Гость сидел у огня, шуруя кочергой в камине. Отблески огня почти не окрасили ни бледное лицо, ни бесцветный ёжик коротко стриженных волос. Он был молод, не старше двадцати пяти, но толстоват и манеры тоже не вязались с молодостью.

Гай не испугался, скорее уж, почувствовал раздражение.

— Что вам нужно? Воруете? Забирайте добычу и проваливайте.

— Вы даже не спросили, как я сюда попал.

— Понятно, как — через окно на кухне. Не стесняйтесь — весь дом к вашим услугам. В сущности, он не нужен никому. Я всё чаще обитаю на работе.

— Мне дом не нужен, я вас ждал.

— А что в офис компании не пришли.

— Не могу. Я потусторонник.

«Сумасшедший», — понял Гай.

— Хорошо, господин потусторонник, но сегодня я очень устал. Завтра буду в лучшей форме, мы встретимся и обсудим дела.

Существо, проявив неожиданную силу и ловкость, ухватило директора за лацканы пиджака, придавив шею. Белёсое лицо вплотную придвинулось. В серых глазах совсем не отражались блики огня.

— Сейчас. Или я убью вас.

Гай Северин не испытывал паники, но этому способствовала не храбрость, а лишь душевное оцепенение.

— Если вы меня убьёте, то ничего не добьётесь. Приходите в офис.

— Отдайте образец, который я потерял, и мы сейчас же расстанемся.

Потусторонник уже выпустил чужой воротник и убрал подальше толстые как сосиски пальцы. Он даже слегка смутился и не прочь был немного загладить грубость.

Директор повертел помятой шеей, аккуратно поправил галстук.

— Вы опоздали, дорогой друг. Образец у меня отобрали. Обращайтесь к регенту Иллиры. Опасаюсь только, что он очень рассердится.

Теперь Гай Северин с хладнокровным злорадством наблюдал все стадии чужого бешенства. Потусторонник чуть ли не шипел как кот.

— Вы сами не представляете, что вы держали в руках!!!

— Источник энергии нового поколения. Странную штуку, на которую не действуют физические законы. Что ещё?

— Дурак, — невежливо пояснил потусторонник, употребив более уничижительное слово, — Неделок, право слово. Ну да ладно, оставляю вас при ваших заблуждениях.

Толстый блондин ловко скользнул к выходу. На пороге он обернулся.

— Вы бы присмотрелись получше к Линдеру... — ехидным голосом посоветовал он. — Ваш босс скоро разберётся, что к чему, а потом наделает опасных глупостей.

Потусторонник исчез почти мгновенно, но вовсе не растаял в воздухе, а лишь включил маскирующее устройство.

Гай отдышался, вместо водки принял транквилизатор, вытянулся на диване и довольно быстро отключился. Сквозь забытие он явно слышал, как скрипит на ветру незапертое окно...

Утро субботы выдалось солнечным и сухим, несмотря на осень. Конец недели день Северин решил провести за городом — в том самом месте, где длинные волны восточного моря омывают плоский участок каменистого побережья. Он вытащил из багажника корзину и сам сервировал складной столик, собрал и подпалил обломки дерева. Космы дыма, серые и рваные, уносил в сторону бриз.

Миниатюрный уникон пискнул за ухом.

— Вы в порядке? Нам со своей машиной переместиться поближе? — спросил вызванный с утра телохранитель. В его голосе опытный Северин различил хорошо контролируемую тревогу.

— Спасибо, Мариан, я немного посижу в одиночестве. Вам меня видно?

— Да. Никаких проблем, босс.

Вздумай потусторонник заявиться снова, его назойливость прекратили бы насильственным путём. «Как это было глупо — из-за навратившей депрессии отказываться от охраны». В скалах, вроде бы, кричали, и Гаю это не понравилось — отвлекало от ласкового покоя, который ненадолго воцарился в душе.

— Мариан! Приём. Пошли кого-нибудь проверить раздвоенный камень.

— Уже сделано, босс.

— Что они там нашли?

— Травмированный человек. Туристы, мать их, забираются во все щели. Не наш профиль. Мои люди вызвали медиков.

— Я хочу посмотреть. Там безопасно?

— Безопасно, но неинтересно.

Гай, которого разогрела выпивка, всё же подобрался ближе по лобастым и скользким, в клочьях гниющих водорослей, камням.

Парень, одетый в спортивную куртку с капюшоном, сидел на земле, придерживая вывихнутую лодыжку. На загорелом мальчишеском лице выделялись очень ясные глаза — но не мутантские, а вполне человеческие, зелёные, немного потемневшие от боли. Щёки сплошь покрывали мелкие веснушки.

Подросток больше не кричал, только часто кусал нижнюю губу.

— Бригада будет через пять минут.

— Терпеливый мальчик, — одобрительно сказал Мариан.

— Слабенький, совсем без мускулов, — сказал второй телохранитель, который был массивным, но при этом невероятно подвижным парнем.

— Это девушка, — безо всякого выражения сказал Гай.

Капюшон раненого свалился, открывая густые пепельные кудри. Врач и впрямь появился скоро, бегло осмотрел лодыжку, вытер салфеткой руки.

— Из-за нашествия с севера всё вверх дном — грустно и стоически сказал медик. — Если у леди есть деньги, я заберу её в больницу. Там сустав поправят за пять дней. Если наличности нет, будет лечиться дома, может остаться хромота. Я сочувствую всем сердцем и советую больницу, но конечный выбор за ней.

— У меня нет денег.

— Я заплачу, возьмите мою визитку, — неожиданно для себя предложил Северин.

Врач вскинул на директора блёклые глаза.

— Ну что ж, похвально. Милосердие и всё такое.

Незнакомку принялись укладывать в машину.

— Спасибо! — звонко крикнула она, но Гай смутился своей бессмысленной щедрости.

«Всё бесполезно. Нет смысла спасать девушку от увечья, через пару-тройку месяцев оккупанты осадят Порт-Иллири, а там начнётся трансмутация, и нам всем конец».

— Эй! Меня зовут Дина, я работаю в баре возле арки Свободы...

Через день Северин-старший забыл об этой истории.

Люди Мариана караулили директора круглые сутки.

Дина появилась через неделю — пришла в городской офис, записавшись у кибер-секретаря. Гай удивился, но виду не подал. Девушка была красива — тонкая, быстрая и ловкая, с крепкой грудью и отважным, загорелым личиком.

Она искренне благодарила Северина и пригласила его на день рождения — ей, как оказалось, «стукнуло двадцать». От приглашения директор отказался, но пообедал с новой знакомой в ресторане, снова под бдительным присмотром людей Мариана.

Они встретились несколько раз — в довольно приличном заведении возле арки Свободы, в котором девушка действительно работала. Гай подъезжал к концу смены, заказывал коктейль, а потом подвозил Дину в другой район, но так и не понял, на какой улице Порт-Иллири она живёт. Постепенно они подружились, но осторожный директор всё же держал дистанцию.

— Почему ты не хочешь спать со мной? — однажды, словно бы в шутку спросила Дина. — Ты меня совсем не любишь?

— Люблю как дочку, — слукавил Гай, — а потому не хочу обижать неудачным романом. Увы, я женат и женат удачно, на хорошей и верной женщине, которая помогает мне в делах.

— Дурак! — сказала Дина. — Я вовсе не просилась замуж. Никто не заставляет тебя жениться.

— Ты очень хороша и достойна лучшего парня, а не старого циника вроде меня.

На самом деле Дина очень нравилась Гаю, но мешала круглосуточная охрана. Проклятый потусторонник сначала напугал, а потом невольно испортил директору мимолетное удовольствие. Несчастная Марго всё ещё болела в клинике, и оскорблять её открытой изменой не стоило.

— Знаешь, больше не приходи, — сказала однажды Дина. — Ты разбиваешь мне сердце.

— Как пожелаешь.

Они и вправду не встречались почти неделю, Гай много работал, в свободное время скучал, навёл справки через Систему и убедился, что Дина не значится в картотеке полиции. Потом он позвонил ей, не выдержав, первым.

— Я был не прав, прости. Встретимся завтра, в одиннадцать вечера, у меня дома.

Накануне Гай подстригся, вечером отпустил охрану и переоделся в костюм, который подчёркивал его всё ещё подтянутую фигуру.

Девушка пришла в назначенный час, выскользнула из темноты и тесно прижалась к Гаю.

— Ох! Я так боялась, что мне даже дверь не откроют.

— Тут холодно. Пойдм наверх.

Наверху Дина щёлкнула зажигалкой и одну за другой запалила свечи.

— Я принесла вино, открой его.

Гай с удовольствием, в эту минуту почти платоническим, рассматривал профиль Дины, которая наполняла бокалы.

«Это приключение необходимо, подумал он. — Нужно стряхнуть оцепенение и потом, освободившись, отыскать выход — для себя, для Мика, для тех, кто зависит от будущего компании».

— За тебя, Дина.

Вино горчило — смолой и ещё чем-то пронзительным.

— Ты восхитительна, — признался он, а потом поцеловал девушку в кудрявый висок, в щеки, в губы, в оголившийся изгиб плеча.

— Всё остальное лучше, — сказала она с намёком.

Когда Гай поднял Дину на руки, она оказалась не тяжелее овечки. В спальне мерцал красноватый ночник. Мерцание почему-то вызывало тревогу.

Директор влез на кровать, но почему-то завалился на бок. Сильнейшее головокружение увело стены в сторону. Гай хотел встать, но упал ничком, уткнувшись в ещё не тронутую подушку.

— Готов. Заходите, ребята.

Он краем глаза видел Дину, а она, закутавшись в красный, под цвет ночника халат, смотрела на директора как на отработанный материал.

— Успел тебя трахнуть? — спросил один из пришельцев.

— Нет, но оставалось уже недолго. Лекарство слабовато.

— Зато он не уснёт, только ослабеет.

Вспыхнула большая лампа.

— Одевайтесь, — буркнул один из вошедших парней. — Нечего сиять голой задницей.

Гай одевался неловко, и чем сильнее торопился, тем хуже получалось, руки слушались едва-едва.

— Козёл откормленный, — сказал кто-то в углу.

— Извините, я не знал, что девица оказалась сукой, — за хорошо сформулировал ответ Гай Северин тут же получил пощёчину.

— Думаешь, я сохла по тебе? Мои мама и папа работали в твоей компании, они там заболели и умерли.

— И вправду? Искренне сожалею. Надо было обратиться в суд, а не заманивать меня в постель.

— Хватит болтовни, — сказал коренастый, плотный парень и его лицо не предвещало ничего хорошего. — Пора заняться делом.

— Давайте, торгуйтесь, — с глухим отвращением ответил Гай, стараясь смотреть мимо напряжённого личика Дины.

— Торгов не будет, будет казнь пособника тирана.

— Да хватит уж врать. Ваша цель не убийство, а вымогательство. Пожил я хорошо и довольно много, потому смерти не очень боюсь — это так, к сведению. А вы сами кто — каленусийские шпионы?

— Шпионы? Ну, нет. Мы честные борцы и нас интересует новое оружие Линдера, которое он хочет обратить против народа. Любая информация, прямо сейчас.

Гай Северин потёр наболевший затылок.

— Ну, не знаю. Если бы вопрос касался энергетики или химии, я мог бы мог удовлетворить ваше любопытство. Чисто механические устройства не по моей части. Всё, чем мы занимались для армии регента, не ново, хотя довольно эффективно. Вас устраивает ответ?

— Врёт, — быстро сказала Дина. — Он врёт, за эти недели я хорошо изучила его глаза. Покажите ему фотографии Джури.

У Гая напряглись скулы. Беспалый на фотографиях был мёртв. Снимали в незнакомом месте, в разных ракурсах — голую спину, распухшую шею, лицо крупным планом. Смерть, без сомнения, наступила от «чумы», которую описал врач.

— Я не знаю этого человека.

— Врёт.

— Вспомнил! Это провинциальный сотрудник нашей компании — мелкий геолог из Ахара.

— Тот, который привёз тебе образцы нового вещества?

— Только один образец. Случайный. Довольно экономичное топливо, но не более. Залежей мы пока не нашли. Проект закрыли как невыгодный.

— Врёт наполовину.

— Прекратите вступать на каждом слове, иначе не узнаете вообще ничего. Регент уже забрал единственный образец.

— Твой сотрудник, Джури, умер, потому что подержал это в руках. Ты не препятствовал экспериментам на человеке.

— Джури умер, потому что оскотинился, жрал в степи мышей и сурков, у него развилась чума, по крайней мере, так сказал мне медик.

— Хватит!

Коренастый подошёл вплотную к Гаю. Он пока не дрался, но директору сделалось страшно. «Если они решат, что ничего не добьются, то в раздражении попросту забьют меня насмерть».

— Не сейчас, Рекс, — сказал Дина. — Не сразу.

— Я ничего не знал про опасные свойства вещества, — быстро заговорил Гай. — Во всяком случае, нам не удалось их обнаружить. Кроме того, образец долго находился в топке. Горение — отличная дезинфекция.

— Он говорит правду, — неприязненно и бесстрастно подтвердила девушка. — На этот раз.

«Про потусторонника лучше не упоминать».

Мятежники вышли в столовую, чтобы посоветоваться, с Гаем остались сторожа, один из них — флегматичный и долговязый, второй — худой, гибкий парень, который то и дело бросал неприязненные взгляды.

«Они молоды, такие же, как мой Мик. И наверняка дураки-идеалисты».

Директор решил не предлагать заговорщикам деньги, он понимал, что подкуп не поможет, разве что усилит в этих людях презрение.

— Можно мне хотя бы закурить и пересесть на табурет? Я не люблю договариваться, сидя на постели.

Ему молча дали сигарету. Зажигалка щёлкнула, выбросила голубоватое пламя.

«Драться с ними бесполезно и смешно — меня поколотят скопом. Нужно думать и при том думать быстро. Вещество не заразно и не токсично в обычном смысле, но может создавать неизвестный мне поражающий фактор... Джури умер, но Линдер, видимо, знал об опасности заранее, поэтому устроил стерилизацию и привёз с собой герметичный контейнер... Значит, у него есть ещё один образец».

— Эй, как вас там?! Рекс, что ли? Я хочу кое-что сказать.

Коренастый, которого звали Рекс, вернулся из столовой очень быстро, Гай дрогнул душой — парень держал излучатель.

— Говорите, только быстро и правдиво.

— Я подумал и не исключаю, что оружие есть. Просто его держат не на территории нашей компании. Я не виновен. Этим проектом занимаются другие специалисты.

— Кто?

В безумной спешке Гай перебирал варианты. Прошло несколько секунд, за это время излучатель мятежника медленно переместился и упёрся Северину в лоб.

— Экспериментальная лаборатория в горах юго-восточнее столицы. Излучатель опустился. Гай вздохнул и потёр отпечатавшийся на лбу кружок.

— Это всё? — спросил Рекс.

— Пока всё, что вспомнилось. Далось вам это новое оружие, право слово. Если Линдер вздумает травить атакующих врагов, вас лично это не коснётся.

— Он будет травить не врагов, а нас.

— Ерунда. С чего вы взяли?

— Он хочет остановить трансмутацию.

— О, боже... Вы всё это придумали.

— Нет, у нас хорошая разведка. Лучше мёртвый, чем мутант — вот такая у регента идея. Мы не пошли бы на смерть, если бы имели выбор. Нужно уничтожить все контейнеры с образцами.

— Вообще-то сюда идут суперпсионики. Скоро нам всем конец.

— Нужно хотя бы попытаться спасти невинных.

— В этом мире невинных не бывает. Кроме того, я не сумею добраться до образцов.

— Вы близкий Линдеру человек. А насчёт невинных — врётё.

— Мне тошно слушать, — неприязненно, вмешалась Дина. — Я его изучила достаточно. Он попросту торгуется и виляет. Рекс, пообещай ему что-нибудь стоящее. Только, конечно, не меня.

— И впрямь, не её. Лучше я возьмю с тигрицей.

— Где ваш сын?

— Пропал без вести. Жена искалечена.

— Кем?

— Не знаю, может, такими, как вы.

— Мы не трогаем невинных.

— Даже так? Значит, вам нечего мне предложить — только мою жизнь. Но это слишком неравная сделка.

— Ладно. Посмотрим с другой стороны. Если удастся изъять образец у Линдера, можете забрать его себе. Под честное слово, что не будете использовать вещество как оружие против народа.

«Разум милосердный, — подумал Гай. — Они точно идеалисты, раз поступают так. Кто бы ни сидел на иллирианском троне, новая энергетическая технология будет очень выгодной. Пусть эти дураки и дальше верят, что моя жадность перевесит все другие мотивы. Если я притворюсь, будто почти согласен, появятся варианты. Нужно потянуть время и хотя бы немного прийти в себя. Ещё лучше — под любым предлогом связаться с инженерами, с охраной, с кем

угодно, кто может меня спасти... А технология всё равно великолепна».

— Допустим, я соглашусь помочь и выкрасть образец, но у вас нет нужных навыков. Разумнее не рисковать и привлечь обученных профессионалов.

— Нет, мы вам не доверяем.

— Это повысит вероятность успеха.

— Нет.

— Давайте, чтобы совсем честно — хочу полчаса на размышление.

— Валяйте.

Гай Северин курил, стряхивая пепел на ковер, и думал, думал... К этике он стал равнодушен — с некоторых пор хватало логики. Близкие перестали зависеть от Гая, они ушли: Мик в свою частную жизнь, Марго — в иллюзорный мир чахнувшего существа. Гай отдал им всё, что имел, и не пытался дать большего. Замысел Рекса выглядел надёжным, но отказ неизбежно приводил к смерти. Новая технология сулила колоссальную выгоду, но представляла серьёзную угрозу. Энтузиазм и самоотверженность мятежников не могли заменить подготовку. Регент же, напротив, был силён, но безумен и шёл навстречу гибели, в которую собирался вовлечь и других. «Этих ребят можно грамотно использовать, это более-менее уравнивает шансы».

Гай, вспомнив обычай, вытащил денарий нового образца, подобрал, проследил за звонкой монетой, нагнулся и поднял.

— Решка! Так и быть, я поучаствую в вашем проекте.

«Но потом заставлю вас, щенки, заплатить за все мои унижения», — подумал он. Дина вздохнула, и директор решил, что одна, без сообщников, девушка не опасна.

— А теперь слушайте меня внимательно, господа сообщники. Никаких лихих налётов, никаких самоубийственных решений. У меня есть доступ к закрытым каналам Канцелярии. Он — результат взлома и оформлен на фиктивную личность. Я подберу вашим людям документы реальных агентов и сотрудников. Внешнее сходство будет не полным, но вполне достаточным, чтобы избежать быстрого разоблачения. С девушкой возникнут сложности, женских документов у меня нет, вам придется или оставить её в городе или выдать за заключенную.

У Рекса окаменело лицо. Гай заметил, что парню страшно, но не жалел его, как не сочувствовал он и Линдеру, которого не любил за заносчивость и непредсказуемый нрав. «Линдер меня надул и списал вместе со всеми. Что ж, он успеет осознать ошибку. Я или выиграю всё, или уйду, но так, что память останется долгая».

Гай Северин успокоился. В поступках снова появилась логика.

— У нас три дня на подготовку. Нужен список оборудования и оружия. Деньги я дам. Жить можете здесь, тренироваться в подвале или в глухом месте на берегу. Времени мало, так что придётся постараться.

Напоследок директор отправил письмо Мику — в слабой надежде, что сообщение не затеряется среди цензурных фильтров Системы. Потом перевел доступные ему средства на анонимный счёт в Арбеле.

* * *

К югу от Порт-Иллири, в горах, следуя контурам ущелья, тянется серая дорога. Бывшее русло реки давно закатано под толстое полотно. В ущелье всегда голо, сумрачно, а в дождливые сезоны — влажно. Дорога упирается в запертые ворота и неприветливый, без окон, фасад.

Осенним утром микроавтобус, в котором разместились все шестеро, катил по этой дороге и только что миновал первый пост. Кроме Рекса, Дины, и самого Северина в акции участвовали ещё трое — гибкий, вёрткий и, видимо, опасный парень со странным именем Лик, техник по прозвищу Барабанщик и толстый псионик-врач. Барабанщик уже снабдил всех купленной на деньги Гая маскировкой, которая мешала подробной телепатии, смазывая сложные образы до состояния смутных картинок. Выглядела она как крошечное колечко и вставлялась глубоко в нос.

Возле ворот центра Гай выбрался из машины, небрежным жестом поправил плащ и посмотрел на солнце — роскошное, жёлтое как золото, ещё яркое, но уже не жаркое солнце возможно последней в его жизни осени. Они двигались к воротам именно так, договорились заранее — первым сам Гай, потом Лик и Рекс которые волокли за локти скованную наручниками Дину. Барабанщик нёс портфель, сенсостолстяк шёл последним.

— Чётко и ясно мысленно произнесите свой номер, — сухо подсказало переговорное устройство.

«Интересно, как скажется на чёткости команд ментальная защита?.. Про защиты лучше не вспоминать, я буду думать о погоде. Прекрасная стоит погода — мягкая. Листья опали, это грустно и красиво. Мой сад стал прозрачным насквозь, Марго... Нельзя думать про Марго... Код два-семь-восемь-шесть-зеро-пять-четыре-один-один-девять-два-семнадцать. Гамма-три-шесть».

— Цель посещения?

— Транспортировка груза по письменному приказу регента Линдера.

— Разверните приказ и держите его на виду.

«Вот оно, началось». Дину не притворно трясло. Лик и Рекс держались превосходно, но чуточку переигрывали. Лучше всех вел себя Барабанщик, он вошёл в роль — служащий за работой, да и только. Молчаливый сенс ни во что не вмешивался.

Ворота открылись, кибер-проводник бойко покати́л вперёд, показывая дорогу. Несколько раз расходились и сходились автоматические перегородки, бесстрастный преторианец ждал в пустой комнате с едва заметной скукой на лице.

— Доброе утро, директор Северин. Доброе утро, господа. Приказ регента Линдера понятен, но короток, и я хотел бы внятных объяснений.

Дина дернулась пару раз, её тут же поволокли прочь охранники в чёрной униформе. Рекс, выдавая себя, в бессильной ярости смотрел им вслед.

— Девушку проводят в бокс. Остальных приглашаю погостить. Попрошу ничего не трогать и не ломать — у нас активирована система защиты.

Гай так и не понял, пойман он или приглашён к дружескому общению.

— Присаживайтесь. Вы нам чертовски помешали, — брюзгливо сказал преторианец. — Всё это не по правилам. Сегодня не работает связь, канцелярия Линдера не отвечает. Мы пустили чужаков в здание, но ваши люди пройдут проверку. На формальности будут потрачены почти сутки, так что вам придётся задержаться.

— Меня ждут в офисе. Вы ломаете мне планы.

— Сожалею, но придётся. Объясните подробнее цель визита.

— Девушка, которую я привёз, попалась на краже информации. Она была моим доверенным лицом, теперь я опасаюсь серьёзной утечки. Нужно, чтобы её допросили при мне. Регент разрешил такое отступление от правил.

— Слишком мелкое дело для нас. Впрочем, как хотите. Можете пока отдыхать, мы подготовим оборудование. Когда всё закончится, задержанную оставите здесь. Надеюсь, она вам больше не нужна.

— Абсолютно.

— Замечательно, с нею проблем не будет. Только зачем вам понадобилось везти с собой референта, техника и врача?

— Референт нужен, чтобы вести записи, техник обслуживает кибера, врач — лично для меня. После покушения на жену я нездоров. Бывают нервные срывы.

— Сочувствую. Идите, отдохните, вас проводят в апартаменты для гостей.

Охранники ловко обыскали Гая, к счастью, ментальную защиту не нашли, и теперь вежливо, но твёрдо подталкивали его куда надо. «Апартаменты» не заслуживали пышного названия, но всё же оказались не камерой — комната была с мебелью как в дешёвом отеле, душ помещался в закутке.

Гай бросил плащ на стул, снял ботинки и лёг на неразобранную кровать, рассматривая металлический потолок.

«Интересно, сохранил ли сейчас Рекс свой апломб?»

Так он лежал некоторое время, пока у виска не загудел крошечный ментальный комарик. Голос толстого псионика раздавался на грани чистой мысли и механических вибраций внутри уха. Гай дотронулся до лица, выключая защиту, слова сделались чётче и яснее.

«Вы в порядке?».

«Пока что да».

«Я просканировал планировку помещения. Снимите, пожалуйста, вентиляционную решетку и лезьте прямо в проход. Через десять метров повернёте направо. Выбьете вторую решетку и прыгайте вниз. Не забудьте снова включить защиту. Неподалёку от выхода часовой, аккуратно пройдите мимо. Доберётесь до лифта и ждите там остальных».

«Можете убрать часового ментально?»

Гай мог бы поклясться — врач-псионик ответил с мягкой иронией.

«Я никого не убиваю, я сострадатель. Именно поэтому мне не вкололи противодействующий наркотик».

Гай подёргал закрытую дверь и прислушался — по ту сторону ни звука. Тогда он поставил стул на стол и дотянулся до отверстия, отвинтил крепления и аккуратно убрал решётку. Из отверстия поддувало. Оно было широким для воздуха и узковатым для человека. Директор, мысленно ругнувшись, полез в пыльную дыру.

* * *

...Рекс расслабил онемевшие пальцы. Было жарко. Преторианец валялся рядом, словно кукла со свёрнутой шеей.

«У них остались другие паранормалы?»

«Этот был единственный, — отозвался под черепом приглушённый до состояния шелеста голос толстяка Риордана. — Разве ты не мог просто его оглушить?»

«Извини, не получилось».

«В двух шагах от тебя датчики сигнализации. Обычные, так что постарайся нагнуться и проползти пониже луча. Не забудь взять у покойного оружие».

«Где они заперли Дину?»

«На нижнем ярусе, возле лабораторий. И ещё — помощи директору, возьми на себя часового около лифта...»

* * *

Барабанщик сидел на стуле — очень прямо, боясь пошевелиться. На столе валялся его распотрошённый портфель, бумажки, яркие в своей бессмысленности, походили на конфетные обертки.

— Очень интересные рекламные проспекты, — мягко сказал преторианец. — Только не стоило их тащить в эту даль. Вы мне опять не про то и не про это... Лучше скажите сразу, зачем пришли. Ну не ради того ведь, чтобы впятером доставить малахольную девку...

Барабанщик любил технику и не любил слова, он не был находчив, а поэтому предпочитал молчать, разглядывая сложную конструкцию стены напротив.

— Техник, по рукам вижу, — доброжелательно улыбнулся преторианец. — Мы вас обыскивали, обыскивали и остальных. Вроде, нету ничего. А я душой чувствую, что есть. Куда вмонтировали жучки — в кишечник, в зубы?

— Зубы мы вам удалим, — чуть попозже добавил он, специально пугая. — И закатим пятилитровую клизму — всё оборудование выскочит...

Барабанщик засмеялся. Он смеялся долго, не обращая внимания на преторианца. Тот, распознав истерику, подошёл и закатил «гостю» пощёчину.

— Да успокойтесь вы.

Барабанщик отмахнулся, он почти не умел драться, но случайно задел противнику глаз. Офицер растерялся лишь на секунду, но её хватило для автоматической активации защиты.

Опомнившись, преторианец осмотрел убитого — парня расстрелял кибер-телохранитель, скрытый в той самой стене, которую Барабанщик разглядывал всего несколько минут назад. Ментальная защита, задетая пулей, вышла из строя, но в луже крови осталась незамеченной. Тело вынесли. Кибер-уборщик навёл порядок. Преторианец ушёл за перегородку и там втайне принял транквилизатор — непонятная тревога уже несколько часов выводила его из равновесия.

— Кажется, я забыл о главном... Но о чём забыл?
Он так и не сумел вспомнить.

* * *

«Защита Барабанщика не работает. Ауры тоже не чувствую».

«Что?»

«Барабанщик погиб».

Лик плохо понимал мыслепередачи толстяка-сострадателя — их темпераменты слишком расходились.

«Надо пробиваться к лифту, — подумал он, надеясь, что Прокл Риордан всё-таки его поймет. — Я приду и выгашу тебя, с охраной справлюсь, не беспокойся. Скольких ты видишь?»

Ответ оказался неразборчивым.

...Врагов оказалось пятеро, слишком много по любым меркам. Уклоняться от схватки значило бросить Риордана. Лик мгновенно сократил расстояние и достал первого преторианца ударом в переносицу, второго — в тонкую косточку, в висок. Потом подался в сторону, не позволяя себя окружить.

«Никогда не прижимайся к стене. Никогда не допускай, чтобы враг зашёл сзади».

Он крутился в разные стороны, атакуя и отражая чужие атаки, пока теснота не позволяла преторианцам стрелять. За короткое время их растерянности он успел сделать невозможное — свалил ещё двоих, пятый, и последний, получив простор, разрядил в противника обойму, а затем некоторое время стоял в изумлении над расстрелянным.

«А совсем шуплым оказался парнишка».

Он повернулся к врагу спиной, чего делать не следовало, получил подсечку, а потом удар в горло. Лику это не помогло, позже он всё равно умирал, лёжа на загаженном полу и видел над собою иступленно-несчастное лицо толстяка Риордана. Тот сначала пытался вмешаться как врач, потом просто плакал. Риордан больше не ловил ничьих мыслей, не передавал приказов — в импровизированном эфире на некоторое время воцарилась тишина...

* * *

...Рекс справился с часовым, но сделал это крайне неудачно для себя. Директор понял, что парень умер быстро. Глаза Рекса спокойно, без удивления и страха смотрели пустоту. Гай быстрыми бесшумными шагами вернулся туда, где оставалась раненая Дина. Она сидела,

руками придерживая живот. Укол сделал своё дело, боль отпустила её, но кровь продолжала по капельке сочиться на пол.

Лицо девушки сильно подурнело.

— Рекс придёт попозже, — успокоительно сказал Гай.

— Он ранен?

— Нет, просто задерживается. Вот увидишь, твой друг нас догонит.

— Ладно, если не врёшь. Мне очень страшно было одной.

Дина уткнулась подбородком в колени и свернулась клубком — голова бессильно повисла.

«Милосерднее всего прикончить её выстрелом в голову, как раз удобно сидит», — подумал Гай, вместе с тем понимая, что не сумеет ткнуть стволом в этот кудрявый затылок.

— Жди меня, я скоро вернусь и тогда отведу тебя к Рексу.

Он отошёл к лифту так, чтобы девушка не увидела его лица.

«Эй, сенс, ты меня слышишь?» — мысленно спросил Гай.

«Слышу», — шелестящим скорбным шёпотом отозвался толстяк.

«Кроме неё, сколько нас ещё осталось?»

«Только вы и я».

«Есть ли противники поблизости?»

«Один невооружённый человек, судя по ауре — умница».

Гай разжал мёртвые пальцы Рекса и прихватил трофейный пистолет, потом на маленьком пульте возле двери быстро набрал код. Дверь отворилась.

Незнакомый плешивый коротышка выпрямился, равнодушно глядя в чёрное дуло.

— Вы за мной?

Гай смотрел мимо — он видел только контейнер.

— Значит, ещё один идиот нашёлся, — ворчливо сказал коротышка. — Таких, как вы, покупают и платят хорошие деньги. Мы думаем, будто счёта в банке хватит на годы, а вместо курортов и любовниц получаем красивую могилу.

Директор не слушал. Пришла его победа. Она лежала здесь — в небольшом, герметично закрытом ящике. Рекс ушёл навсегда, а вместе с ним истаяло неприятное прошлое. Письмо, отправленное Мику, оказалось преждевременным, Гай понял, что сумел остаться в живых, денег, переведённых в Арбел, хватит, чтобы уладить проблемы. На худой конец, можно жить и трансмутантом. Он прикинул, куда он денет пасту — в горах полно укромных мест, контейнер не поддается гниению, его можно унести далеко и до поры спрятать в скалах.

Плешивый, видимо, очнулся от минутной задумчивости. Сделал

было движение, чтобы оборонить контейнер, но потом с равнодушием дёрнул птичьим плечом.

— Забирайте, — холодно сказал он. — Всё равно сдохнете.

— Все мы умрём когда-нибудь, — примирительно предположил директор. — Вы, должно быть, большой учёный?

— Я был им, — сказал плешивый с гордостью. — Пока не увяз в проекте Линдера, я точно им был.

— Вам досталась сложная работа?

— Холерски сложная. На другую меня просто не нанимают.

— Что-нибудь нашли?

— Да, кое-что, но результат скорее опасен в эксперименте, чем полезен на практике. Линдер искал новый токсин, а вместо этого получил открытие, от которого, впрочем, мало толку.

— Почему? — почтительно спросил Гай, который уже решил всячески потакать собеседнику.

— Это вещество не токсично, не радиоактивно и не может взорваться. Впрочем, оно может гореть довольно долго, без видимой убыли массы, но это только видимость горения.

— Безумно интересно, — сказал Гай. — Я всего лишь практик и жалкий дилетант перед вами. Так что же это такое?

— Информационный распад. Бывают вещества, которые усиливают распад химических соединений. А этот образец вызывает информационный распад.

— Вы хотите сказать, он стирает накопители и проделявает тому подобные штуки с данными?

Плешивый поднял на Гая воспалённые глаза.

— Не смейте считать меня дураком. Вы уже знаете ответ на свой вопрос. Да, конечно, оно понемногу стирает данные киберов, но не в этом. Медленно, но верно, исчезает любая информация, в первую очередь внутренняя информация живых организмов — сначала распадаются нервные связи, потом разваливается генетический код. До последней стадии вы, впрочем, не доживёте — всё равно остановится сердце.

— Да, впечатляет. Вы-то сами не боитесь?

— Уже нет, — отрезал плешивый. — Когда я понял основной принцип, то испугался, но теперь страх умер, как умрёт и всё остальное. Это не больно, скорее, интересно. Хотите присоединиться?

— К чему?

— К последнему пиру перед гибелью. Вы, должно быть, заметили, что охрана ведёт себя странно? Ребята сегодня напутали

с диверсантами и чудят — их тоже коснулось информационное разложение. Я же не собираюсь метаться, устроюсь в кресле и с интересом прочувствую все фазы агонии до конца. Это как хорошая выпивка, только пьяница уничтожает себя годами, я управлюсь в час-полтора. Хотите?

— Чуть попозже.

— Возможно, у вас высокая сопротивляемость, — с некоторым уважением предположил плешивый. — Тогда сегодня не умрёте... Вы умрёте завтра, — добавил он и широко улыбнулся.

Северина затошнило. «Теперь понятно это странное горение, которое я сам по наивности показывал Линдеру — разрушался не образец, разрушалась информация внутри заводской установки, должно быть, металл котла и все агрегаты, здания, коммуникации, люди и я сам изнашивались с колоссальной скоростью. Теперь понятны преторианские проблемы со связью».

Гай до сих пор не испытывал никакого дискомфорта, кроме естественного, вызванного стрессом и схваткой, но Джури умер, а Линдер, пожалуй, стоял на пороге смерти.

— Какой у штуки радиус действия?

— Что?.. — плешивый поднял лицо, оно расплывалось в бессмысленной улыбке. — ...Сейчас около километра, и по периметру действие ослабевает, но радиус постепенно растёт. Только теперь всё равно. Достаточно одного контакта и ваша песенка спета.

«Пора уходить... Эй, псионик, ты меня слышишь?»

«Слышу», — слабо донеслось откуда-то.

«Всё понял? Боишься?»

«Боюсь».

«Он сказал правду?»

«Не ведаю».

«Тогда беги, уходи один через горы. Я сам займусь девушкой. Уйдёшь?»

«Уйду, спасибо».

«Тебе спасибо за содействие, если выживу, компенсацию ты получишь, только найди возможность напомнить о себе».

Гай взял контейнер. Хотя люди Рекса вышли из игры, он собирался довести дело до конца, не из маниакальной честности, просто образец до сих пор представлял ценность.

Когда Северин вернулся к Дине, та подняла кудрявую голову, с круглого личика смотрели мутные от боли, но всё ещё зелёные глаза.

— Когда мы пойдём к Рексу?

— Он будет ждать тебя в горах, нужно лишь выбраться отсюда. Не бойся, я тебя не брошу.

Девушка без сил висела на Гае, хорошо хоть, почти не хныкала. Сейчас он мог отомстить ей за обман, но не хотел. Кошки иногда царапают, девицы — обманывают. Эти циничные соображения нравились Гаю, хотя в основе его действий лежало обычное сострадание. Он жалел Дину, но ни за что не признался бы в этом. Она оказалась обычной жертвой — использованная в деле, сломленная и почти уничтоженная.

Охрана попряталась или разбежалась. Директор предпочёл не думать о причинах бегства, он нёс девушку к выходу, закинув её руки себе за шею и ориентируясь по знакомым приметам коридоров. Иногда Дина слабым голосом давала советы. Под открытым небом обоим сделалось легче. Директор словно сбросил непомерную тяжесть — здание Центра больше не давило на плечи.

— Когда мы пойдё к Рексу?

«Никогда», — подумал Гай, но он промолчал и унёс девушку к скалам — туда, где подъём был не таким крутым.

Он оставил её внизу, поднялся вместе с контейнером, спрятал ящик в камнях, вернулся обратно, с огромным трудом повёл раненую наверх, в обход шоссе. Он знал, что таким способом не сумеет уйти далеко, но испорченные уникомы персонала давали небольшую надежду. В конце концов Гай выбился из сил и сел отдохнуть, слушая стук собственного сердца.

— Где Рекс?

— Он уже близко.

— Врёшь ты всё, — холодно и грустно сказала Дина. — Рекса убили, я тоже скоро умру.

— Глупости, — отрезал директор довольно убедительно. — Твоя рана совсем маленькая, денег хватит, чтобы заплатить хорошему врачу. Ты ещё проживёшь лет сто.

— Не хочу. Противно жить некрасивой старой ведьмой.

Девушка уже сейчас была очень некрасива — воздействие наркотика уменьшилось, зазорное когда-то личико сделалось свинцово-бледным

— Ты всегда будешь молода и прекрасна, — милосердно солгал Гай.

— Врун. Понятно, что мне конец, но, может, это и к лучшему. Знаешь, Великий Разум, может быть, существует. Пусть он заберёт меня к себе, так будет лучше. Устала я что-то, совсем сил нет...

Гай больше не слушал девушку. «Интересно, сказал ли плешивый правду? Если образец вызывает распад информации, последствия вот-вот скажутся на мне. Контейнер с виду цел, наверное, он разрушается, просто медленно.

Гай опустил веки, прислушался к своим ощущениям, но ничего необычного, кроме тахикардии, не заметил. Частое биение сердца легко объяснялось стрессом.

— Дина, какого цвета моя рубашка?

— Тёмно-синяя.

Она ответила не задумываясь, и ответила правильно, Северин слегка успокоился, но не надолго. Он вспомнил десятки мелочей — странное поведение плешивого, болтливую заносчивость высокопоставленного преторианца, относительно слабое сопротивление охраны и снова ужаснулся в душе. «Когда мы пришли, они уже умирали».

Он уложил Дину так, чтобы рана поменьше беспокоила её. Потом задумался о ближних последствиях всеобщего толка. Скептик в душе, Гай Северин никогда не стремился примкнуть к беспокойной породе спасителей человечества. Мессианские замашки оскорбляли его врожденное чувство вкуса. Но едва ли образец мог уничтожить Геонию, судя по бормотанию плешивого, у распада была фиксированная зона действия, причём небольшая.

«Отсюда до Порт-Иллири километров сто. Врёшь, тварь, ты не дотянешься. А у меня, возможно, иммунитет. Плешивый говорил, что такое бывает».

Директор приободрился. Он спрячет контейнер в скалах, вернётся в Центр и угонит машину. Заберёт Дину и переправит её в город, отыщет неболтливого врача и пригласит его пожить на вилле, занимаясь лечением раненой родственницы. Придётся договориться с Марианом насчёт охраны и объяснить своё отсутствие, скрыть опасность от Марго, но, благополучно пережив самое страшное, Гай знал, что легко справится с мелкими препятствиями.

Трансмутация надвигалась, но она больше не вызывала панического отторжения. «Что ж, можно жить и с этим, — решил для себя Гай Северин. — Лишь бы не смерть разума. Только бы не окончательное уничтожение...»

Он некоторое время сидел, полной грудью вдыхая горный воздух и бездумно подставляя лицо вечернему солнцу. Дина затихла. Он снова уложил девушку поудобнее и лишь тогда заметил, что её руки холодны как лёд, а выражение страдания на лице исчезло. Гай

пальцами открыл левый глаз, зрачок, на который падало солнце, не двигался.

«Вот и всё». Женщина, которая причинила Гаю Северину столько неприятностей, умерла тихо и незаметно, без последних, докучливых, жалоб, как будто возвращая долги.

Гай испытывал некоторое уважение — он впервые осознал бесконечную меру физического терпения Дины. Потом встал, и отряхнулся. «Придётся бросить тело здесь. Я не повезу в город мёртвую девушку с пулей в животе».

Он тщательно осмотрел одежду, чтобы уничтожить следы крови, но на чёрной ткани он не заметил ничего, и лишь спустя время вспомнил, что рубашка была синяя.

«Странно, у меня нарушилось восприятие цвета». Директор покачнулся, не желая признавать начало распада, поймал потерянное равновесие, поднял контейнер и оглянулся назад. Возле здания Центра копошились люди. Сверху они казались мелкими, словно муравьи.

«Придётся уходить пешком. Но ничего, я в хорошей физической форме, и к утру выберусь из скал в обход дороги...»

Рубашка продолжала оставаться чёрной, Гай забыл её прежний, насыщенно-синий цвет. Ему казалось, будто он шагает быстро и уверенно, на самом деле директора мотало на каждом шагу.

...Ночь Гай встретил в одиночестве. Он сумел забраться далеко и теперь лежал на спине, равнодушно разглядывая сияющий беспорядок созвездий. Контейнер Гай бросил рядом, он больше не боялся, информационное разрушение зашло слишком далеко, постепенно вызывая паралич тела и остановку сознания, но мысли гасли так легко и незаметно, что директор совсем не замечал их ухода. Он лишился воли, потом — отчётливой цели, некоторое время цеплялся за воспоминания о сыне, но через минуту обнаружил, что больше не знает имени Мика. И тогда Северин ненадолго погрузился в похожий на мир ребёнка, уже почти лишённый личности, он без мысли переживал свой гнев, страх, и восторг, а надвинувшийся хаос преобразил эти эмоции новыми красками...

Он утомился, краски пожухли. Оставались смутные образы детства. Забылось имя матери, но он видел её руки, слышал голос, и собственной маленькой ладонью трогал поток пепельных волос...

Но и это не был конец. Тело директора дёргалось, пытаясь реагировать на холод, но он не чувствовал холода, Гай корчился от боли,

но при этом ничуть не страдал, потому что потерял представление о страдании. Светало, шёл мелкий дождь, он стекал по до неузнаваемости переменившемуся лицу человека.

«Разум!» — он нашёл это слово и позвал, но почти мёртвым сознанием не умел разобрать ответа, зато ненадолго вспомнил, где находится. Поднял руку, и рука послушалась. Превозмогая паралич, подтянул ящик поближе к себе, перевернулся ничком и прижался грудью к твёрдой крышке.

Как хорошо, что распад, удовлетворившись его плотью и нервами, не коснётся воздуха и лениво парящих сверху птиц... Директор так и остался лежать, в неловкой позе, прижимая контейнер к груди. Птица, которая давно наблюдала за человеком, села, сложила бурые крылья и косыми скачками переместилась поближе. Это оказался обычный падальщик — уродливое существо, но Гай больше не думал о птицах.

...Он всё время шагал по гладкому шоссе, неведомым образом подвешенному в пустоте. Подъём был крут, а директор объединённой компании сильно устал. «Ещё немного осталось».

Гай так и брёл в бесконечность — одинокая фигура на одинокой дороге, и вокруг не было ни дождя, ни дерущихся стервятников, ни осклизлого, испачканного нечистотами камня.

Дорога оставалась чистой. Постепенно Гай приободрился. «К вечеру как раз доберусь», — решил про себя он.

Часть третья. ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Глава 8. Крысоловка

Зима в Порт-Калинусе была в самом разгаре, хотя снега почти не выпало, только пожухла на газонах трава. Мик и его сестра сидели в широкой крытой галерее большого магазина за одним столиком. Нина пила коктейль, Северин пытался читать каленусийские тексты.

— Полный бред. Буквы как будто пляшут.

— Я чувствую приближение Риордана. Того толстого смешного парня, который делала генетический анализ в Порт-Иллири.

— Ерунда, тебе показалось.

— Вовсе не ерунда — сам смотри!

Медик, добрый, смущённый протолкался поближе. Он плюхнулся на стул с таким видом, будто не провёл два месяца в осаждённом городе на юге, а ненадолго выходил покурить.

Мик притянул к себе добряка и крепко обнял его.

— Говори всё, что знаешь, можешь меня не беречь. А Нина и так догадается, вы с нею одной породы.

Риордан молча сглотнул, не зная, с чего начать.

— Мама жива? — первым нашёлся Мик.

— Да. Как только началась трансмутация, я забрал её из клиники и увёз за город, в санаторий. Возьми адрес. Если повезёт, изменения скажутся на ней постепенно.

— Что ещё?

— Регент Линдер исчез, говорят, умер первым. Многие болели и умерли, то ли от трансмутации, то ли от чего-то ещё.

— Как умер мой отец? Его убили?

— Нет. Если хочешь, я расскажу всю правду, мне кажется, что ты имеешь право знать... Только здесь, в Порт-Иллири, все твои знания считает любой прохожий.

Мик сдвинул волосы, показывая защитный обруч.

— Мы в безопасности. Говори. Нас никто не слушает, они тут постепенно отвыкают от нормальной речи.

Риордан улыбнулся, но довольно грустно, с точки зрения Мика добряк словно поблек. В нём мало оставалось от прежнего любителя вечеринок с выпивкой.

Сильно сокращённая медиком история гибели Северина-старшего уложилась в полчаса.

— Твой отец умер как герой, — глухо добавил Риордан. — Он спас город.

— Ну, не знаю, — жёстко ответил Мик. — Я знаю своего отца, если он начал вдруг геройствовать, значит, его заставили или обещали что-нибудь. Может быть, угрожали... Хотя нет, он никогда не поддался бы шантажисту. Кто эти люди, которые сражались вместе с ним?

— Из тех ребят, что восстали против Линдера. Хорошие товарищи и смелые. Хотя кое-какие их методы меня и не устраивали.

— Ты уверен, что мой отец погиб?

— Я не очень ловкий, но через два дня вернулся с хорошей ве-
рёвкой, влез наверх, искал в скалах целый день и нашёл. Лицо ещё можно было опознать. Но...

— Что?

— Я не стал его тревожить, просто заложил камнями и устроил что-то вроде маленькой гробницы. Вещество, из-за которого всё случилось, всё ещё оставалось при нём. У меня... не получилось разжать пальцы твоего отца. Потом... сам знаешь, я медик, и покойников не боюсь, но тут почему-то струсил. В общем, похоронил я его вместе с контейнером.

— Тогда почему ты выжил?

— Повезло. У меня оказался иммунитет к распаду.

— Значит, ты выбросил то, из-за чего умер мой отец и ещё четверо?

— Мик!

— Что, сестричка?

— Не смей грубить Риордану. Ты не был там и не знаешь, о чём говоришь.

— Ну да, конечно, я тут самый тупой, меня даже трансмутация не берёт, я не знаю ничего, и в принципе не способен понять. Подумаешь, у меня всего лишь убили отца...

— Не смей оскорблять Риордана.

— Ладно, ребята, — беззлобно отозвался медик. — Я сам знаю, что Мику плохо, я провинился тем, что жив, не все умирают героями. Удачи вам, леди Нина. До свиданья, Мик. Мне нужно вернуться в Порт-Иллири. Если будете когда-нибудь в наших краях, найдите меня через Систему. Я бы показал Мику могилу отца, но лучше не стоит, у него-то иммунитета может не оказаться.

Риордан встал и быстро пошёл прочь. Мик ошеломлённо провожал взглядом широкую, сутулившуюся спину.

— Что ты наделал! — раздражённо сказал Нина брату. — Ты обидел его, представляешь, какие трудности он преодолел, чтобы приехать сюда?

— Это сложно представить.

— Ты стал жестоким.

— Нет, только прагматиком, как мой папа...

* * *

Скорбь по отцу была мучительной, но довольно быстро прошла. Зима медленно ползла к середине, весна, которая ещё не наступила, обещала развязку истории с пророчеством. Северин предпочитал обходить опасную тему, потому что устал бояться за сестру, но не перестал верить в её пророчество. Он не чувствовал в себе никаких признаков трансмутации — то ли место было не то, то ли время неподходящее. В Иллире, судя по новостям, творилось нечто стран-

ное. Дни в Порт-Калинусе тянулись кое-как, деньги сначала кончились, потом завелись снова — Нина получала переводы из Арбела, но бездеятельная жизнь и постоянное ожидание сильно угнетали Северина.

«У меня один только талант — талант терпеть неудачи».

Изредка он виделся с Беренгаром, история с информационным распадом, рассказанная философу по большому секрету, произвела на Марка сильное впечатление.

— Может такое быть? — спросил его Мик.

— В теории может. Но ещё может статься, что ваш отец умер от естественной причины — допустим, от сердечной недостаточности, а Риордан под влиянием сильных переживаний поверил в легенду об аномальном веществе.

Мик немного успокоился.

Он решил потратить время с пользой и попытался учиться через Систему, но каленусийская образовательная программа ему не понравилась, а языковый барьер всё ещё никуда не делся. Тогда Северин приспособился в одиночку ходить по ночным клубам, для очистки совести подрабатывая на уборке улиц — добровольным мусорщикам платили очень хорошо.

Нину он оставлял дома.

Однажды вечером, в широко и скандально известной «Луне» Северин заметил Келлера. Бывший референт Оттона отнюдь не трансмутировал, он выглядел немного нервным, но встрече обрадовался:

— Нам, илирианцам, на чужой территории следует держаться заодно.

Певичка Кэтти снова состояла при Келлере и, очевидно, по своему процветала. Её артистическая карьера не стояла на месте, женщина чуть-чуть пополнена и, по мнению Мика, от зазнайства сделалась глупее. В целом время проводили приятно, но за неделю Юлий лишь один раз вспомнил о сестре Мика.

— Она всё ещё боится?

— Теперь уже нет, но Нина замкнулась и почти ни с кем не разговаривает.

— Это периодическое состояние пророка. Она ушла в себя и медитирует. Кстати, предайте леди Нине сувенир. Только не говорите, от кого, сделайте одолжение, скажите, что купили вещицу сами. Предмет антикварный и довольно дорогой, он ей понравится.

На дне футляра, в уютной ямке лежал калейдоскоп из матового металла.

— Я желаю Нине счастья, — очень серьёзно сказал Келлер. — Знаю, что вы оба в Ахаратауне позаботились о Кэт. У меня плохая репутация, особенно после краха экспедиции Варула, но, честное слово, пока другие со вкусом резали людей, я лишь смею ради попортил старый камень. Конечно, не бескорыстно, так что возьмите эту вещь-цу, чтобы порадовать славную девушку.

Северин передал игрушку сестре, она бесцветно сказала «спасибо» и спрятала калейдоскоп глубоко в ящик стола. Келлер о подарке больше не спрашивал. У Мика были свои причины злиться на бывшего референта, но они успели выветриться. В целом, Юлий жёсткого исхода не хотел — так, по крайней мере, казалось Мику.

Они пару раз напились вместе и вскоре сделались друзьями — временная и необременительная дружба импонировала Северину. Нина в компанию не допускалась и, по всей вероятности, не подозревала о её существовании. Мечты пророчицы витали вокруг тайных событий, а свои собственные мысли Мик ловко укрывал при помощи обруча.

Так приятно и полезно проходила зима, хотя помятый вид Северина-младшего сильно не нравился добропорядочному Беренгару.

— Будьте осторожны в развлечениях, — как-то посоветовал он. — Наши радости не очень-то рассчитаны на нормаментальных. Особенно не принимайте сомнительных препаратов, если не хотите проснуться где-нибудь на свалке обобраным и больным. Можете и вовсе не проснуться, а виноватых искать не будут, с точки зрения нашего закона вы «не такой». Дело спишет на ментальную слабость иностранца.

— Ну, спасибо.

Мик, однако, стал держаться осторожнее. Он из любопытства посещал храмы столицы, пока не обнаружил в одном из них старого знакомого — капеллана Лу. Тот поначалу не подал вида, что узнал Северина, они разговорились после службы, в маленьком баре неподалёку от церкви.

— Троицу мародёров, которая держала всех нас в плену, так и не поймали.

— А пытались?

— Мой командир, капитан Мирс, хотел захватить их и расстрелять.

— Понятно, — буркнул Северин.

Лори, Росену и Грине он несколько не сочувствовал, но и каленусийцев не любил. Лу был псиоником и отлично видел неловкость

собеседника, чтобы смягчить её, он рассказал легенду о волшебном фонаре, которая показалась Северину очень забавной.

— По-моему, такая штука хуже расстрела, — заметил капеллан. — Кстати, на вас лично я зла не держу, хоть вы и не разбираетесь в ситуации. Если почувствуете признаки трансмутации, свяжитесь со мной — я научился помогать в подобных случаях.

Мик сказал «спасибо» и ушёл. Трансмутации он по-прежнему не чувствовал. В следующие дни подолгу бродил в толпе — не такой, как все, глухой к тонким оттенкам мира, которые, кроме него, были тут доступны всем и каждому.

Однажды вечером Мик безо всякой цели уединился на пустом берегу — пляж, закрытый на зиму, был гол и неприветлив, лёгкие стулья и навесы исчезли, дул пронзительный, с примесью льда и соли, ветер. Сидеть на перевёрнутой лодке было холодно, но Северин долго не уходил, завороченный ритмичным шевелением прибоя. Чтобы согреться, он понемногу отхлебывал из плоской бутылочки и, в конечном счёте, очутился в пограничном состоянии между лёгкой расслабленностью и сильным опьянением. Ещё один праздный наблюдатель, крепкий сухой старик выразительной внешности прошёл мимо с пренебрежительным видом аристократа. Пара охранников — мужчина и женщина, как пришитые, потянулись следом.

— Интересно, правда, такого встретить?

Мик вздрогнул. Невесть откуда свалившийся Юлий Келлер оказался рядом. Он тоже присел на плоское дно перевернутой лодки, для начала безразлично потрогав её рукой.

— Смотрите как следует, это Вэнс, — тихо, но с долей иронического восхищения сказал он. — Тот самый человек, который по недоразумению начал трансмутацию. Кстати, он мой тезка, тоже Юлий. Или Юлиус, как они тут говорят. Вон то здание на самой оконечности мыса, это его вилла. После отставки старик живёт один и допускает к себе только охрану. Когда сомнительно ошастливишь человечество, приходится всю жизнь держаться начеку. Хотя — кому он теперь нужен? Боюсь, высокомерный хрыч переоценивает свою славу.

Не по возрасту прямая, узкая спина Вэнса всё удалялась и удалялась в предположительное бессмертие.

Мик поёжился.

— Он вас знать не знает и знать не хочет, — успокоительно добавил Келлер. — Вы для него ноль и даже меньше. Чего не скажешь о вашей несчастной сестре. Консул Арбела и Вэнс встречались не раз и при всяких обстоятельствах. Наверняка, старикан видел дочь Дезета,

хотя тогда она была почти ребёнком. Носились непроверенные слухи, будто он присвоил копии архивов леди Нэн.

Мик сплюнул в стильный песок и сунул под лодку опустошенную бутылочку.

— С Вэнсом можно договориться как с человеком?

— Нет. Я же сказал, вы для него никто. А вашей сестре лучше к нему не приближаться. Я не пророк и не могу предсказать последствий. Хотя...

— Что?

— Есть идея. Охрана у него состоит при персоне. Парень профессионал высокого класса, девка — ментальный боец, особа с норовом и неприятная. Оба женаты, чтобы исключить посторонние постельные контакты. Это условия контракта, старик нанимает только супругов. Парочка та ещё, оплачивается высоко, у них одна забота — чтобы какой-нибудь психопат, заболевший от трансмутации, не врезал Вэнсу по самое не хочу. Охрана информации попросту не их специальность. Если вскрыть материалы аккуратно, ни он, ни она не заметят следов. Хотите попробовать?

Мик всё рассматривал спину каленусийца. Она удалилась и стала совсем маленькой.

— Хочу. Но это противозаконно.

— Вовсе нет, — Келлер заметно воодушевился. — Закон нарушил Вэнс, прикарманив информацию. Мы не станем проделывать никаких самоубийственных трюков, напротив, дождёмся, пока старик в компании своих громил отбудет на зимний курорт, и посетим пустую виллу.

— А вам-то что за интерес?

— Я добываю и продаю интересные данные. Заметьте, по здешним законам, частных данных не существует. В принципе, каждый может читать чужие мысли, если сильно захочет, а иногда и против желания своего. Знаете, что происходит? Личная тайна попросту теряет смысл. Закон охраняет только конфедеральные информационные сектора Системы — то, что принадлежит государству. Поэтому всё, что мы собирается учинить — не преступление. Для меня бизнес, для вас — шалость и необходимость. Хотите?

— Хочу, — сказал полупьяный Мик, которого сильно задел высокомерный вид Вэнса.

— Я свяжусь с вами. Сестре ничего не говорите. И постарайтесь поменьше напиваться. Такие дела надо вершить на трезвую голову.

Келлер быстро ушёл. Мик сидел на перевернутой лодке до тех пор, пока не пришёл в себя.

«Лезть к Вэнсу опасно», — понял он, протрезвев, но отказаться уже не мог — пугали скупые и меткие насмешки нового друга.

Встретились они завтра, на квартире у самого Келлера. Кэтти не показывалась, Юлий надел ментальный обруч, не такой, как у Мика, а потолще и помощнее.

— Я буду краток, так что слушайте меня внимательно. Дом самый обычный, если не считать того, что на окнах решётки — они из очень твёрдого дерева, если резать, уйдёт много времени, если жечь излучателем — поднимется вонь. На двери замок механический, внутри помещения никаких пси-датчиков, ни управляющего кибера, ни сигнализации, ни автоматической горничной, ни системы экономии энергии — всё просто, как в сарае, хотя и роскошно. Архив у старика — ты не поверишь — бумажный. Это нам на руку.

— Почему?

Келлер с удивлением воззрился на Мика.

— Я хотел спросить, почему он отказался от охраняющей техники? — пояснил, смутившись, Северин.

— Есть разные объяснения, но, говорят, у Вэнса была разумная машинка — искусственный секретарь, который сошёл с ума и поднял мятеж. С тех пор старик не терпит разумных машин. Пишет только на бумаге. Он даже дверь закрывает железным ключом.

Мик вспомнил рассказ Беренгара, но Келлеру его передавать не стал. Юлий, между тем, продолжил:

— Время значения не имеет, ночь ничем не предпочтительнее дня — местным темнота не помеха. У грабителя-трансмутанта в момент преступления пси-излучение довольно сильное, его не скроет даже обруч. Мы, нормаментальные, так сильно не светимся, и случайный наблюдатель успокоится, решив, что ты и я — просто работники Вэнса, которые потеряли ключ. Вот и всё. В бездарности, друг мой, заключена великая сила.

Мик уже понял, что делает глупость, но архивы Нэн могли освободить его сестру от предопределения. Для взлома выбрали утро, тот спокойный, не слишком ранний час, когда пустеют улицы и наполняются офисы, а витрины умываются зимним дождём. Северин встал, оделся, по привычке настроил защитный обруч и попытался на цыпочках проскочить мимо комнаты Нины.

— Ты уходишь? — сонным голосом спросила она. — Куда? Погоди, у меня было видение...

Дверь, приоткрытая на ширину ладони, качнулась и захлопнулась под воздействием сквозняка и тем избавила Мика от ответа. Он бежал вниз, застёгивая куртку, туда, где тончайший слой снега, выпавший ночью, на рассвете истоптанный миллионами ног, уже превратился в грязь. Келлер терпеливо ждал за рулем кара.

— ...Проклятые мутанты понятия не имеют о правилах движения, — сказал он через некоторое время. — И, заметьте, никогда не бьются. Но на меня не распространяется благодать Разума, так что осторожность — штука стоящая. Видите то здание?

— Пирамида из стекла. Департамент Обзора, в котором некогда работал Вэнс.

— Красиво, но мрачно.

— Всё правильно. Во времена мятежей, лет за пять-шесть до трансмутации, тут был штурм, перебили уйму народу с обеих сторон. Говорят, когда прибрали трупы и битое стекло, улицы вымыли и замостили заново. Осталось кое-что тонкое — то, что называется душою места. Б-р-р... Вы заметили, что вокруг совсем нет зелени? Впрочем, конечно, её нет, потому что сейчас зима. Но летом картина точно такая же. Кусты высаживают каждый год, потом они быстро чахнут...

Мик не слушал. Ему приходилось видеть места с не менее мрачной репутацией, но утопающие в листве и цветах — растения питались прахом.

Келлер тем временем мыслил прагматически:

— Лучше подыхать по запасному шоссе со стороны моря, — сказал он. — Так спокойнее будет работать. Машина из проката, номер я затёр грязью, хотя местным, пожалуй, грязь не помеха.

Пляж, припорошенный снегом, тянулся вдоль а бухты. Чем ближе к оконечности мыса, тем меньше становилось пёстрых домиков. Скользкая дорога выглядела пустынной, правый склон круто уходил вверх, там торчали разломы дикого камня, загаженные птичьим помётом. Парк сменился настоящим лесом, тёмной и полумёртвой от холода чащобой. С дороги можно было разглядеть обнажённые оползнем корни и скопище голых ветвей. Слева внизу беспокойно ревело открытое море. Чья-то яхта, красивая, как игрушка, моталась на волнах в миле от берега.

— Вы уверены, что в доме никого?

Келлер кивнул, прибавил скорости и мельком глянул на часы.

— Странное место, — сказал Мик. — Унылое и на отшибе.

— Кому как. Вэнс всю сознательную жизнь боролся с инакомыслием. Меры выбирал по своему вкусу, то есть, крутые. Очутившись

в шкуре сенса, он пережил потрясение. Ковыряться в его душе мне не хочется, но в том, что он живёт довольно уединенно, ничего странного нет.

— Вы говорили, сюда есть другая дорога?

— Да, через мыс. Там несколько заброшенных бунгало, маяк, домик смотрителя и коттедж лесника. Смотритель живет холостяком, у лесника большая и прожорливая семья. Они небогаты и все страшно любопытны. Ментальные мутанты, конечно. Поэтому я и выбрал окружную дорогу.

...Виллу Вэнса окружал довольно высокий, кованный забор с воротами, старомодно запертыми на замок. Сквозь решётку виднелись аккуратно стриженные кустики и клумбы в неряшливой шапке сохлых шафранов. То и другое не вязалось между собой.

— Кто-нибудь ухаживает за садом или домом?

— Раз в неделю приходит прислуживать жена лесника. Это она весной подстригла кусты, но старик приходит в бешенство, есть трогают клумбы — ими он занимается лично и, кажется, любит перестоявшие цветы. Странная причуда, верно? Кстати, сейф у него не в банке, как у нормальных людей, а дома. Или что-то вроде сейфа... Сами увидите.

Келлер отогнал машину подальше и оставил её на небольшой площадке в том месте, где ограда виллы выступала углом. Несмотря на хромоту, он довольно ловко перемахнул через ажурную преграду, ковырнул замок отмычкой и прибрал инструмент в нагрудный карман толстой, зимней куртки. Внутри дома пахло пылью, просторный холл, застланный дорогим ковром, уходил в глубь и в темноту, по углам что-то пищало.

— Мышки, — почти ласково сказал Келлер. — Живые мышки. Наш объект к ним благоволит, не травит — вот ведь мерзавец!

Северин чуть не задохнулся. Виною тому была не только вонь мышиного помета. Мучительный излом трепетал в самой ауре виллы, в багровых и коричневых тонах отделки, в тяжеловесных плафонах и морёном дереве стенных панелей.

— Вам плохо? — участливо спросил Келлер. — Успокойтесь, пройдёт. Это мелочи — ментальный след Старика. Вэнс оставил нам свои воспоминания... Не самые приятные, конечно, зато имеют историческую ценность.

Широкие дубовые ступени успели слегка запылиться. Перила, тщательно отполированные, красивые, но слишком вычурного стиля, покрывал всё тот же тонкий слой пыли, как будто дом затронуло

преждевременное разрушение. Зато камин в кабинете стоял холодным и чистым. Кибера заменял секретер с откидной крышкой. Устроенная прямо в стене сейфовая дверь, внушительная, в рост человека, оказалась заперта.

Келлер ловко распотрошил утробу секретера, отобрал фотографии и разбросал их аккуратным веером.

На первой моложавый, похожий на школьного учителя Вэнс напряжённо и значительно глядел в зрачок объектива. Человек рядом с ним, более тяжеловесного склада, попроще и помрачнее, делал то же самое.

— Вэнс и его лучший друг, генерал Егерь. Вместе работали, но шефом всегда оставался Юлиус. Генерал, хоть и был моложе, не выжил после трансмутации... Судя по стеклянным отблескам на заднем плане, снимали внутри Пирамиды. Вот ещё одна интересная фотография, ваша сестра в двенадцатилетнем возрасте, дом совсем другой, но рядом шафрановая клумба, вроде той, которую мы видели во дворе. Без сомнения, она в гостях в Вэнса, ещё во времена его правления. Фото редкостное и нигде не публиковалось. Оно и не удивительно, ведь Арбел тогда числился мятежной провинцией Конфедерации. А что вы скажете про этого человека?

— Я его не знаю.

— Разве?

Незнакомо́го черноволосого мужчину, лет тридцати с небольшим, сняли в фас и профиль, как для досье.

— Илирианец?

— Точно. Фото старое, но нулевики меняются не сильно, так что узнать его до сих пор довольно легко. Сходство с вашей сестрёнкой не очень большое, но оно есть.

Мик, как замороженный, рассматривал фотографию.

— Это он?

— Точно! Консул Республики Арбел, отец леди Нины, Алекс Дезет, он же Стриж. Снимали давно, для судебного разбирательства в Порт-Калинусе, ещё не зная, сколько проблем он устроит Конфедерации.

— Зачем Вэнс хранит всё это?

— Это его жизнь. Может быть, единственная, имеющая значение для него. Я показал вам эти фотографии на всякий случай — вдруг да пригодится? Хотя едва ли...

Келлер помрачнел лишь на миг и снова принял деловитый вид человека на работе. Фотографии он одним движением смахнул в секретер, после чего добавил:

— Пора заняться делом. Замка, как видите, нет, но это не облегчает нам работу. Вы сколько весите?

— Семьдесят пять килограммов.

— Сойдёт. За портьерой два рычага, если мы прижмём их вместе, сейфовая дверь откроется. В открытом виде её заклинивает до тех пор, пока внутри сейфа не окажется дополнительный вес. Тогда дверь упадёт, и открыть её получится только изнутри, там есть точно такие же рычаги, как и снаружи. Вы поняли?

Келлера сорвал тяжёлое багровое полотно шторы.

— Помогайте, дружище, посильнее тяните за рычаг. Скорее закончим, скорее домой уйдем.

Сейф отворился, скрежет указывал на чисто механическую природу устройства. Дверь замерла в верхнем положении.

— Прошу входить.

Келлер безо всякой опаски вошёл первым. Мик ступил сразу же за ним, и дверь с лязгом упала за их спинами, референт включил фонарик, любезно, словно экскурсовод в катакомбах, подсвечивая по сторонам. Внутренне помещение тайника оказалось тесным. Одинокий пластиковый ящик аккуратно стоял в углу.

— Если копии отчётов Нэн находятся здесь, это замечательно. Если их нет, то ничего уже не изменишь. Погодите, не надо хватать добычу. Сначала возьмемся за рычаги. Готово?

Дверь с лязгом отворилась — она ползла вверх медленно, очень медленно, словно одушевлённое, крайне ленивое существо. Мик видел, как на лице Келлера проступило еле сдерживаемое нетерпение.

— Готово. Уходим.

Как только Северин выпустил рычаг, дверь с лязгом упала на прежнее место, и бывший референт Оттона выругался.

— Держите оба рычага. Держите их как следует, Северин. Я выйду первым и выпущу вас снаружи.

Мику тянул так, что хрустели суставы. Дверь опять с лязгом поползла вверх. Келлер с ящиком выскочил наружу, как раз в тот момент, когда его товарищ поневоле разжал пальцы. Дверь вернулась на место, и Северин остался в полной темноте. Сильный приступ клаустрофобии охватил его.

— Откройте!

— Пытаюсь, — сердито отозвался Келлер снаружи. — Ради самого себя, помолчите. Мне кажется, сюда идут... Нет, показалось. Вот дерьмо!

— Что?

— Внешние рычаги слишком далеко друг от друга. Одному человеку их не сдвинуть. Я всё соображал — в чём тут подвох, в чём... а подвох — вот он, пожалуйста, свеженький и наготове. Открыть дверь снаружи могут только двое, и, как ни крути, один потом остаётся в клетке. По иронии судьбы это вы, а не я.

— Сделайте что-нибудь! — неистово заорал Северин. — Пожалуйста!

— Не могу.

— Вызовите полицию.

— Зовите сами.

— Мой уником не работает, стенки сигнал блокируют.

— Но не могу же я доносить сам на себя, — рассудительно возразил бывший референт Оттона.

— Вы же обещали, что мы не нарушим каленусийские законы.

— В смысле кражи бумаг у Вэнса — конечно, нет. Но я не уверен, что нас похвалят за сломанный замок — это уничтожение частной собственности. К тому же я, в отличие от вас, на подозрении.

— Я тут задохнусь. Не оставляйте меня одного.

— Без паники. Не задохнётесь, слышите? Пошла в ход вентиляция. Вэнс в своем роде шутник, но не убийца. Через час я буду у себя, через два часа — съеду с прежней квартиры. После этого свяжусь с полицией и вызову к вам кого-нибудь. Положитесь на меня, Северин, я вас не брошу.

— Где я могу вас потом отыскать?

— Нигде, — твёрдо сказал референт Оттона. — Нигде, дружок, я не хочу, чтобы меня арестовали. Сохраняйте спокойствие и ждите. Может быть, когда-нибудь ещё увидимся, хотя, скорее всего — никогда.

Мик остался один в темноте. Он пробыл в этом положении довольно долго и успел распробовать все стадии отчаяния. Экран уника слабо светился, судя по всему, прошло почти три часа. В сейфе сделалось жарко. Дом поскрипывал, как будто по старой лестнице бродили хоть и мистические, но вполне весомые тени...

Когда часы уника показывали почти полночь, по ту сторону двери задвигались ловко, уверенно и неотвратимо.

— Келлер?

На шёпот никто не ответил. Пространство между дверью и железным косяком озарилось оранжево-багровым.

— Вылезайте.

— Не могу.

— Сейчас, сможете.

Заскрежетал рычаг, дверь опять медленно поднялась, как только лаз принял подходящие размеры, Северин пулей вылетел на свободу.

— Ни шагу дальше.

Он остановился.

Потеплело. Горел камин. Двое мутантов — мужчина и женщина стояли возле окна, продолжая удерживать рычаги замка. Юлиус Вэнс — прямой, худощавый, похожий на учителя в отставке неподвижно сидел в глубоком кресле, и Северин разглядел его вплоть до мелких деталей.

Вэнс был без шляпы. Редкие, седые волосы оказались коротко стриженными. Нос заострился, запали тщательно выбритые щеки. Особо неприятным оказался взгляд — слишком равнодушный, чтобы его можно было назвать циничным, но жутковатый в своей цепкости.

Чёрный плащ старика доходил ему до щиколоток.

— Присядьте, а то упадёте.

Шансы удрать Мик оценил как нулевые. Радужки женщины-охранника походили на кошачьи, и, как от кошки, от неё исходила нервическая энергия атаки. Мужчина уже бросил рычаг и без затей держал на виду излучатель. Возможно, он и не пустил бы оружие в ход, чтобы не испортить интерьеры нанимателя, но без труда догнал бы Мика и свалил бы его на пол...

— Снимите, пожалуйста, обруч с головы, — с плохо скрываемым нетерпением попросил Вэнс.

Мик нехотя подчинился.

— Расслабьтесь и не бойтесь, мы не собираемся вам вредить.

«Как бы ни так».

Худшего всё же не произошло. Нечто вроде касания перышка под черепом...

— Такого раздолбая, как вы, молодой человек, не часто встретишь, — несколько мягче, но и без особой симпатии заявил старик. — Зачем вы молча сидели в сейфе? Там не долго и с голоду умереть. Я вернулся вечерним рейсом и собирался сразу улечься спать, если бы ни нашествие мышей, которое вызвало у меня отвращение, и не ваши следы в пыли, сидеть бы вам тут очень долго.

— Чего вы от меня хотите?

Голос Северина предательски дрогнул.

— Ничего. Я узнал всё, что собирался узнать. Тем, другим, займётся полиция, а вы подберите себе друга получше. Я проучу вас тем, что

лично свяжусь с леди Ниной — путь она приедет и увезёт непутевого брата домой. Что касается архивов матери Нэн, то у меня их нет. Думаю, бумаги, украденные господином Келлером, его разочаруют.

— Это что... шутка? — Мик ткнул подбородком в сторону «сейфа».

— Западня... для мышей. Хотя, скорее, для крыс, — с чуть заметным отвращением объяснил Вэнс. — Говорят, у этих созданий имеются свои парии и свои аристократы. Парий стая посылает вперёд, когда нужно оценить опасность — проверить незнакомое место или попробовать яды на вкус. Работа не престижная, но бывает, что и человек берется за то же самое. Крысу гонит вперёд страх перед более сильными, а таких, как вы — простодушие дурака. Идите, молодая крыса, и больше не попадайте впросак, а не то и на вас отыщется пожилой, хорошо натасканный пёс.

От стыда у Северина пылали уши. Он не мог скрыть своих мыслей от Вэнса. Хуже того, он не мог скрыть ни единой мысли даже от громилы, даже от его жены — этой женщины с душою ловчей кошки.

— Передайте мой привет очаровательной леди Нине, — услышал он последнюю реплику старика. — И пусть она поосторожнее прикасается к пророчествам. Я долгие годы работал с информацией и точно знаю — то, что внешне имеет один вид, для опытного глаза принимает совсем другой.

Мышиный помёт в холле успели выкинуть. Затхлый запах рассеялся. Мик вывалился в ночь, машины он не нашёл (её увёл Келлер), и сел возле ограды, подставляя пылающую голову под пронзительный морской холод. Полчаса он ненавидел весь мир. Потом попытался придумать подходящую месть Юлию, но бывшего референта и след простыл, и Северин сполна осознал тщетность своих усилий.

«Вэнс супермутант. Он видит и понимает меня без усилий. А я человек. Чтобы узнать правду, я вынужден ошибаться и обязан думать, мне приходится думать больше, чем ему. Ещё не известно, что в конечном счете лучше».

Сработал уником на пояс.

— Нина? Ты уже собралась? Не нужно приезжать. Я в порядке и сам вернусь утром... Нет, со мною ничего особенного не случилось. Вэнс? Нормальный старик, хотя и с чужинкой. Спи спокойно и ничего не бойся. Завтра будет время поговорить.

Стояла глухая ночь, но на востоке уже появились неясные проблески. Чужая яхта скрылась, море смолисто чернело, от камней

доносился сильный шум прибоя, маяк на скале в рваном ритме поливал окрестности сполохами.

Мик застегнул куртку до самого подбородка и один пошёл по пустому шоссе в сторону Порт-Калинуса. «К утру как раз доберусь», — решил он про себя.

Глава 9. Побег

— Рассказ о фонаре добра меня заинтересовал, — сказал Мику Беренгар. — Выберу день и поближе познакомлюсь с этим капелланом Лу. Что касается Келлера — я уже навел справки. Он авантюрист. Трансмутацию не прошёл — что-то у него в мозгу не склеилось. Образован хорошо, но для специалиста по искусству слишком жёстко держится. Некоторое время служил секретарём у Оттона Иллирианского, потом при неясных обстоятельствах покалечился и получил отставку. Где родился, никто не знает. Семьи нет, законного дохода нет. В Конфедерацию приехал по документам, которые, скорее всего, подделал. Содержит какую-то певицу, тоже странную. У парня хорошие манеры, отлично подвешен язык. С прежних времен хромает, но двигается довольно свободно. Ваше счастье, Северин, что вы с ним больше не встретитесь.

Беренгар помрачнел и добавил:

— Он беспринципное опасное дерьмо. Прощать людей дело похвальное, но необязательное.

— Да ладно, всё хорошо кончилось.

— Сказать правду? От ярости Вэнса вас спасло только родство с Ниной. Когда-то он действовал жёстко, теперь не то, чтобы подобрел, но с возрастом стал нетороплив. Старого злого мутанта дразнить не стоит. Чуть попозже напишите ему официальное письмо с извинениями... Только не усердствуйте и не указывайте, за что конкретно извинились, напишите просто «за невежливость», чтобы он не мог использовать ваши признания против вас.

— Спасибо.

— Я обдумую историю с Келлером. Пока негодяя ловит полиция, наше дело — понять его мотивы. Он брал с вас деньги?

— Нет.

— Значит за все его действия, связанные с пророчеством леди Нины, платит кто-то другой. Вы сами подставились проходимцу, когда пришли к нему за помощью Порт-Иллири.

— А что мне оставалось делать?

— Не знаю, но то, что вы сделали, было ошибкой, — твёрдо сказал Марк. — Ладно, не вините себя, ошибки случаются у всякого. Забудем на время о Келлере. Меня удивляет другое. Допустим, кое-кто хочет смерти леди Нины. Зачем — другой вопрос, но если требуется убрать дочь консула Дезета, это можно сделать в Арбеле или заманить девушку в Иллиру под предлогом встречи с матерью... Существуют крайне изощрённые технологии тайного убийства, которые я не стану описывать. Найдутся и такие, о которых я даже не подозреваю. Скажите, леди Нина, на вас покушались в эти месяцы?

— Нет.

— Не покушались, хотя имели обширные возможности — вы ездили и ходили везде, одна или в компании брата, который... ну-ну, не обижайтесь, Северин, вы смелый парень, но опыта у вас нет. Одним словом, никто не атаковал девушку ни разу, несмотря на её незащищенное состояние. Вы уже догадываетесь, к чему я клоню?

— Её предсказание — самообман?!

— Возможно и так. Но возможно, что её смерть необходима только в определённом месте и только в определённое время.

— Какое объяснение верно?

— Не знаю. Может, оба они неправильные. Сейчас зима, а времени у нас осталось до начала лета...

Времени оставалось гораздо меньше, поскольку однажды утром в дверь комнаты Мика довольно резко постучали. Он, ещё сонный, вышел в коридор.

Двое мужчин, разных, но похожих манерами, с пренебрежительной полувежливостью обратились к нему по имени. Нина стояла тут же — хмурая, закутанная в тёплую кофту.

— Это мои соотечественники из Арбела. Они приехали по приказанию отца.

— Ты совершеннолетняя и имеешь право остаться.

— Да. Но я уже решила, что уезжаю.

Северин стиснул кулаки, однако драться с арбелианцами на глазах у сестры было глупо и бесполезно.

— Вэнс подставил нас. Он, старая развалина, отправил сообщение в Арбел, консулу, твоему отцу.

— Возможно, но я тоже написала отцу. Прости, Мик, я это сделала. Наше путешествие затянулось. Тебе пора заняться собственными делами.

От этих слов острая обида охватывала Мика, но мысленно Нина говорила совсем другое — он явственно ощущал её грусть, сочувствие и раскаяние, и эти, другие слова стирали обиду, так же, как весенние дожди смывает последнюю слякоть зимы.

«Она уезжает, чтобы отвести опасность от меня».

— Я вернусь в Иллиру, — твёрдо пообещал Северин. — Чтобы там ни творилось, я отправлюсь к нашей маме как можно скорее. Но я вернусь и к тебе. В Арбел, в Порт-Калинус, в любое другое место — только скажи, куда. Если ты меня позовёшь, я брошу все дела и приеду. Если не позовёшь, я всё равно приеду, как только моя жизнь в Порт-Иллири определится.

Мик дождался, пока сестра соберёт свои вещи.

— Не провожай меня, — сказала она. — Я не люблю сентиментальные расставания.

Он согласился, но дома не остался, а взял такси и, незамеченным, сквозь толстое стекло зала наблюдал, как пророчица идёт к самолёту. Двое телохранителей следовали за ней.

Потом Мик вернулся в опустевшую квартиру и там безуспешно попытался напиться. «Муташка», местная водка с добавкой, противно горчила. Мик отпил немного и без сожаления выплеснул остатки странной жидкости в унитаз.

Ещё один день Северин провёл в попытках добиться приёма в Департаменте Перемещений. Огромная очередь заполнила зал, кибер-организатор вертелся, блестя пластиковым тельцем, и выдавал посетителям буклеты. К живому чиновнику удалось пробиться только под вечер. Пожилой супермутант глядел устало, но пытался оставаться корректным.

— Снимите, пожалуйста, защитный обруч, — сухо попросил он. — Иначе у меня возникает ощущение разговора с глухим.

Мик обнажил голову.

— В чём состоит ваша просьба?

— Хочу вернуться на родину, к своей семье.

— Понятно. Своевременное решение. Ваш вид на жительство в Каленусийской Конфедерации с завтрашнего дня аннулирован по запросу полиции. Вы обязаны покинуть нашу территорию или отправиться в тюрьму.

— Не надо. Лучше я вас покину.

— Хорошее решение, но въезд в Иллиру тоже временно прекращён. Новая временная администрация Иллирианской Империи должна разрешить ваше возвращение.

— Вот как... И в чём здесь трюк?

— Регент Линдер умер, ваша новая администрация пока не сформирована.

— Моя мать тяжело больна, я не могу ждать.

— Сожалею, ничем не могу помочь. Кстати, я уже сказал, что оставаться на территории Каленусийской Конфедерации вам отныне запрещено.

—! — не выдержал Мик. — И выезд запрещён, и оставаться нельзя. Куда же, по-вашему, я должен деваться?!

— Обращайтесь в представительства третьих стран. Быть может, вам разрешат въезд в Республику Арбел.

Северин пошёл прочь и, охваченный бешенством, хлопнул дверью. Он не сомневался, что его сегодняшние проблемы — изощрённая месть Вэнса. Впрочем, по слухам, границу с Иллирой так и не перекрыли, хотя попытки предпринимались с переменным успехом. На остатки денег Северин кое-что собрал в дорогу, вконец измотавшегося кибера бросил квартирной хозяйке, стерев ему напоследок память.

* * *

Следующие сутки он провёл во временном лагере перемещённых лиц, почти у самой границы с Ахара. Здесь было чуть теплее, чем в Порт-Калинусе. Уникомы опять не работали. Палатки оказались переполнены — хныкали дети, их матери, красивые, но рано постаревшие крестьянки, готовили похлёбку на кострах, переговаривались или, чтобы занять себя, пели заунывные песни. Полдюжину людей неясной внешности — то ли иллирианцы, то ли каленусийцы раздавали пакеты с консервированной едой. Из-за провизии пока не дрались, но атмосфера понемногу накалялась. Равномерный шум лагеря не стихал до вечера — молились, бранились и попросайничали на двух языках и на полудюжине диалектов.

Смеркалось медленно, но, в конце концов, полностью стемнело. Девушка, немного похожая на Нину, задетая трансмутацией, кричала и плакала, мать для умирения туго завернула её в простыню. Остальные обходили «бесноватую» палатку стороной. Мик лёг спать в машине, опасаясь в палатках подхватить заразу.

В полночь кто-то тихо поскрёбся в стекло. Человек был один и Северин без опаски выглянул наружу. К его изумлению, гостем оказался экс-мародёр Гриня, который сильно изменился — ещё больше похудел, нос заострился, глаза лихорадочно бегали. Мик, который

в лагере уже приобрел привычку не церемониться, толкнул парня в грудь, собираясь его отлупить. Гриня тут же безвольно осел на утрамбованную землю.

— Погано мне немного, — безо всякой злобы пожаловался он. — Там что-то есть... — он ткнул указательным пальцем в небо. — Глядит на меня... И тут... — Гриня растопыренной ладонью провёл по тощим рёбрам, выпирающим сквозь футболку. — Тут болит.

Куртку он, если и имел, то давно потерял.

«У него не ломка, а трансмутация, — с тоской в душе осознал Северин. — Через день-два состояние перехода затронет и меня. Это плохо. Я могу забыть обо всём, даже о том, что должен добраться до Порт-Иллири и найти маму».

Он подхватил Гриню, лёгкого, как полудохлая птица, оттащил в сторону и положил головой на сухую кочку.

— Ты теперь мутант, верно? Чувствуешь большой пси-детектор?

— Шею пусти, не царапайся, чёрт, больно...

Гриня дёрнулся, мотнул головой, несмотря на холод, прозрачные капли пота потекли по вискам.

— Он... близко. В пяти километрах западнее, — спустя минуту буркнул он.

— Нацелен на нас?

— Не вижу... Нет, не нацелен.

— Спасибо. Хочешь, я возьму тебя с собой, когда убегу?

Гриня обмяк, глаза его закатились, Мик подумал было, что парень навсегда отбегался, но тот вдруг очнулся как ни в чём ни бывало.

— Лучше останусь здесь. Не бойся, я тебе не наврал. Просто при палатках иногда можно достать... кое-что. Думаю, что поправлюсь понемногу. Давай, вали отсюда скорей, пока они не развернули излучатель...

Мик активировал защитный обруч, потом завёл мотор, вынул из лагеря и погнал машину в ночную степь. Гудел ветер за приопущенным стеклом. Дороги не было, но твёрдая почва, ещё не знавшая весенних дождей, неплохо заменяла дорогу. Грозный пси-детектор оставался где-то за спиной, словно был гигантским глазом, который в любой момент готов сморгнуть и размазать мошку-человека. Мик прибавил скорости, хотя и рисковал поломкой из-за крупных кочек.

— Мама!

Издалека донёлся беззвучный ответ, в котором звенело предупреждение.

...Большой излучатель ударил через полминуты. Горела, испуская горький запах, мёртвая от холода трава. Ходовая часть джипа потрескивала, заднее колесо спустило, хотя резина тут же сама заклеилась, скорость всё же упала, и луч прошёл поверху, едва не задев крышу. Впереди факелом вспыхнул куст.

— Мама, я еду к тебе!..

...К утру джип перегрелся, несмотря на холод. Северин слишком устал, чтобы бояться. Он остановил машину, проспал несколько часов, пришёл в себя, когда солнце стояло высоко, и понял, что этой ночью проскочил опасную зону.

На севере и на юге, в голубоватой дымке зимнего утра выгибался горный хребет. Впереди оставалось свободное пространство, степь сменилась холмами, близость моря давала тепло, казалось, даже повеяло весной. Нетронутый разрушением домик поблизости сверкал зелёной крышей.

Дверь оказалась не заперта, и Мик вошёл внутрь. В гардеробе до сих пор висели женские платья. На кухне одинокая пустая кастрюля оставалась на холодной плите, но бельё с кровати в спальне содрали.

Хотелось пить. На заднем дворе, возле искусственного пруда, грязного и высохшего, россыпью валялись перья зарезанных уток. Ржавый ручной насос поддавался туго, желтоватая вода на вкус отдавала ржавчиной. Мик на всякий случай обшарил кладовые, но отыскал он только упаковку высохшего печенья. В тёмном закутке между кухней и овощным складом дышало непонятное существо величиной с собаку.

...Существом оказалась не собака, а мальчик лет десяти, с ярким, характерным для мутантов взглядом. Он, сидя на корточках, рассматривал Северина без опаски, но и без интереса — только с умеренной вежливостью. От присутствия ребёнка Мик расслабился, но тут же вспомнил, что он не видел в доме никакой еды.

— Ты голоден?

— Нет.

— Тебя кто-нибудь покормил?

— Нет, я просто не хочу есть. Совсем не хочу.

Бледное личико оставалось вполне человеческим, если не считать ненормально ярких глаз. Ребёнок улыбнулся, показав пожелтевшие нечищенные зубы.

— Ты один?

— Один.

— А где другие?

— Не помню, — сказал мальчик, нахмурившись. — Иногда приходит Август, но он не из наших.

— Ты давно... сделался таким?

— Это каким таким?

— Ну...

Северин смутился.

— Вы не болеете? — вдруг спросил ребёнок.

— Мне кажется, я здоровый парень.

Мальчик опять улыбнулся, сверкнул жёлтыми зубками, отдавая дань неуклюжей шутке взрослого.

— Вы очень молчаливый, — сказал он. — Я вас почти не слышу. Наверное, это от вашей болезни.

«Он хочет сказать, что я не телепат».

Мик испытывал жалость и страх одновременно. Одиноким маленьким псиоником, который не ест и не различает слова и мысли... Мальчик вёл себя тихо, не пытаясь ни убежать, ни приблизиться.

— Ты говорил про какого-то Августа. Кто такой Август?

— Он большой, как ты... как вы. Наверное, даже больше... («Старше», — понял Северин) Но он не болен и я слышу его хорошо.

— А твоя мама?

— Не знаю. Наверное, она ушла.

Мик тоже поторопился уйти, немного опасаясь встречи с неведомым Августом. Залив в джип воду, он вырулил на шоссе. Следы вторжения здесь оказались заметнее — пятна гари, воронки, сожжённые и сломанные машины на обочине. Каленусийцы не появлялись, возможно, они попросту отошли с территории, охваченной трансмутацией. Уником по-прежнему не действовал. Одна из вышек связи рухнула и теперь валялась в разобранном виде на боку — ремонт кто-то начал, но так не закончил. Возле ржавой конструкции стоял человек в потрёпанном длинном балахоне с капюшоном, опущенным на лицо.

Северин притормозил.

— Я бы подбросил вас, но не уверен, что нам по пути.

— Если ищите санаторий, то это как раз прямо. Могу показать вам то самое место.

«Он читает мои мысли без труда».

Капюшон свалился с головы. Мик почему-то ожидал видимого безобразия — бугров, шрамов, беззубых десен, но незнакомец был

всего лишь худ, русые волосы отросли, тёмные, близко посаженные глаза блестели характерным лихорадочным блеском.

— Вас зовут Август? — спросил Северин по наитию.

— Точно. Мой фургон сломался в километре отсюда. Поехали на вашей машине, буду показывать дорогу.

Август свободно говорил на чужом языке, хотя акцент исподволь проскальзывал.

— Я не солдат, а доброволец из гуманитарного корпуса, — охотно сообщил он. — Не удивляйтесь, глядя на мой потрёпанный плащ, другая одежда может вызвать интерес мародеров.

— Вы всё время один?

— Я не нуждаюсь ни в ком, по крайней мере, для защиты.

Мика передёрнуло.

— Тут поблизости живёт один голодный ребёнок...

— Всё, что нужно людям, есть в Порт-Иллири. Проблема только в том, что население, охваченное трансмутацией, почти не ест и не болеет обычными болезнями. Многие в грубой форме отказываются от еды. Они тянут довольно долго, во всяком случае, дольше, чем обычные люди, но потом всё равно погибают, если не оказать им помощь.

— Какую?

— Нужно научить их жизни в новом состоянии.

— Проще было оставить им прежнее состояние, — со злобой сказал Северин. — Я, конечно, против вас бессилён, но сейчас испытываю нестерпимое желание остановить машину и проверить ваше рыло на прочность.

— Обидно оставаться в биологическом меньшинстве?

— Что, хотите сказать — я совсем безнадёжен?

— Похоже, что у вас иммунитет к трансмутации, — грустно подтвердил Август. — Мне очень жаль, потому что состояние ваше в настоящий момент незавидное.

— Плевать. Значит, я останусь человеком.

— Место в мире найдётся для всех. Но вам будет труднее приспособиться.

— Не беспокойтесь, справлюсь.

— Кстати, тут дальше начинаются овраги. Вам придётся оставить машину.

Август выпрыгнул наружу и, несмотря на относительно хрупкое сложение, пошёл так быстро, так что Северин едва поспевал за ним.

«Только бы они ничего не сделали с мамой».

— Вы сами давно в таком продвинутом состоянии? — спросил он, чтобы отвлечься.

— С рождения. А проявилось лет в двенадцать. Мне пришлось скрываться, чтобы не угодить на опыты. С тех пор мир изменился, но существование не сделалось легче.

— Почему?

— Принадлежать к лучшему и гонимому меньшинству трудно, но красиво. Однако, приходит день, и ты — только один из большинства. Это как удар под дых. Причин для гордости больше нет, но остаётся привычка гордиться.

— Да уж, проблема...

— Вот именно. Никакое биологическое усовершенствование не способно сделать человека счастливым. Оно не поможет ему даже поладить с самим собой.

Северин решил не развивать скользкую тему.

Август быстро спускался по склону холма, огибая мёртвый виноградник.

— Мы пришли. Видите те обломки камня? Квадратная конструкция — бывший фундамент санатория. Госпиталь вывезли именно сюда. Картину полностью восстановить трудно, но видно, как стены после попадания луча заваливались вовнутрь...

Мик оцепенел. Он не верил глазам. Здание когда-то построили прочно — не из кирпича, а из красивого камня, сахаристо-белого на изломе. Сейчас от тяжёлых блоков осталось лишь крошево и отдельные фрагменты, крыша рухнула и сломалась, кора на молодых деревьях аллеи обуглилась, но очертания причудливой садовой планировки сохранились до сих пор.

— Мама там, под камнями?

Август молча кивнул. А, может быть, он почтительно склонил голову.

— Не может быть, — упрямо сказал Мик. — Я накануне слышал её голос. Он был настоящий. Она разговаривала со мной на расстоянии.

— Леди Марго наполовину прошла трансмутацию. Не исключено, что эта женщина прикоснулась к будущему — видела вас, одного, машине, в ночной степи... Мать попыталась предупредить сына об опасности. Вы слышали голос из прошлого, Северин. В ту минуту она уже была мертва.

Мик сел на сохлую траву, то ли погибшую от холода, то ли выжженную огнём пожара.

— Я вам не верю. Вы преднамеренно издеваетесь надо мной.

Август стоял рядом, близко, но не слишком, как будто боялся навязчивым сочувствием оскорбить чужака.

— Правда гораздо лучше неопределённости, даже болезненная правда.

— Уходите. Оставьте меня одного. Я вам не верю. Я доберусь до Порт-Иллири и сам наведу справки у властей.

Август успел придержать Северина, который под воздействием внезапной слабости опустился на землю.

— Вы на грани полного истощения. Вам нужен отдых. Выпейте пока что чистой воды, а не той дряни, которой хлебнули.

— Кто убил мою мать?

— Никто. Этот дом задела по ошибке.

— Она мучилась?

— Думаю, нет. Я виделся с леди Марго за два дня до её гибели. Она находилась в иллюзорном мире счастья и не нуждалась в утешении. В таком состоянии смерть не пугает, а страдания не ощущаются — это я по себе знаю.

Мик взял у Августа бутылку и осушил её до дна. Вода казалась солоноватой, но это был только привкус его собственных бессильных и потому постыдных слёз.

— Вы хорошо держитесь, — по-своему утешил его Август. — На самом деле одиночке всегда легче. Сейчас больно, потом пройдёт. Ваша классическая человечность — тоже талант. Быть может, со временем вы его разовьёте во что-то интересное.

— Какое,, мне дело до всего этого? Мои родители мертвы! Нина бросила меня!

— Ваша сестра? Её история ещё не завершена.

— Слушайте, кто вы такой?

— Считайте, что я прохожий, который пытается найти себе применение. Пожалуй, я бы умер, чтобы облегчить ваши страдания, но это не поможет.

Супермутант не двигался, убрав с лица капюшон, — опасный и вместе с тем какой-то наивный. Где-то в его давно отброшенном прошлом остались его прежняя сущность и личность, но Северин не хотел думать о них.

— Вы или псих, или святой, — сердито сказал Мик. — Хотя, наверное, это одно и то же.

— Не знаю.

— Люди так не делают.

— Может быть, — задумчиво сказал Август, — Но я, кажется, уже не человек...

Глава 10. История, рассказанная Беренгаром

Создавать записки утомительно, однако, иногда полезно, а потому начнём. Итак, запись с голоса, кибер, старт!

Эта история началась в самые сумбурные недели зимы, когда я, сильно устал от работы, и, получив отпуск, проводил его в состоянии душевного разлада.

Зима в Порт-Калинусе — паршивое время года. Моя жена уехала на каникулы к родителям, мой отпуск всё не кончался, знакомые погрузились в собственные дела. Начатая, но не оконченная книга теперь казалась набором ерунды, философия надоела, политика внушала отвращение. Ненадолго оставшись в одиночестве, я слонялся по развлекательным заведениям или проводил время за городом, гуляя и рассматривая беспокойное море.

Если ехать по шоссе в сторону мыса Звёзд и обогнуть знаменитую виллу Юлиуса Вэнса, можно попасть на симпатичный участок побережья, местами изрезанный бухтами, местами выходящий прямо на рейд. Местность здесь довольно глухая и только аккуратные деревни рыбаков нарушают однообразие неба, ветра, дюн и воды.

С одним чудачком из такой деревни я и разговорился. Он держал магазин предметов, выброшенных морем.

В тот день, когда мы встретились, он возился с маленькой лакированной моделью плоскодонки, внося в игрушку улучшения, понятные только ему самому. Этот торговец окинул сувенирами меня критическим взглядом.

«Скучаете?» — мысленно спросил он.

Я немного приоткрылся и дал ему почувствовать своё настроение. Лавочник скривился от сопереживания.

«Депрессия пресыщения, — тоже беззвучно, но весьма внятно произнёс он. — У вас есть всё — деньги, уважение умных людей, семья, здоровье, относительная молодость, опыт в прошлом, который вы успешно преодолели и усвоили. Ну вы и нахал, если хотите чего-то ещё...»

В мысленном общении невежливость более простительна, я ответил ему задорно и по-хамски. Лавочник в ответ только засмеялся.

Мы какое-то время мысленно ругались, к обоюдному удовольствию оттачивая навыки.

Потом он предложил купить сувенир на память. Я снова остановился у подсвеченных витрин.

Одну стойку занимали раковины, они делятся на два сорта — большие, с розовым или жёлтым гляncем внутри, и длинные, часто пёстрые, похожие на наконечник копья. Раковины были хорошие, но мне ещё чудились в них ауры убитых моллюсков, и я вежливо отказался от покупки. Другую витрину плотно заселили предметы, побывавшие в воде — куски статуй, до неузнаваемости изменённые морем, потерянные драгоценности, которые потом ищет на дне специально натасканный кибер, и тому подобная дребедень.

«Есть более крупные предметы из металла, нержавеющие обломки механизмов».

Я выбрал довольно тяжёлый на вид бесполезный цилиндр из серебристого сплава, намереваясь попозже выбросить его в утилизатор или подарить жертве, избранной из числа моих недоброжелателей.

Лавочник понял всё и развеселился. Так мы и распрощались.

* * *

Вечер и часть ночи я провёл в маленьком клубе за городом. Девушка, которая пела на сцене, оказалась нормаментальный и выглядела прекрасно. Её аура чуть светилась. Красавица носила необычные серьги — довольно крупные, каждая в виде двух перекрещенных стрелок... Лицо показалось немного знакомым, хотя я мог бы поклясться, что раньше мы не встречались.

В Порт-Калинус я вернулся поздно вечером, мой полумразумный домик, в котором каждая мелочь выверена и настроена, встретил хозяина, как полагается. Купленный цилиндр оттягивал карман и я забросил его в ящик стола и, придавленный внезапной усталостью, завалился спать.

Над крышей завывал ветер, порождённый циклоном с севера. Возможно, что выла и генетически модифицированная собака соседа — разницы я не заметил. В самый глухой час ночи кто-то принялся ломиться в двери моего дома, хотя «ломиться» это сильно сказано — пришельца заметила охранная система, хотя он по самые уши натянул свой обруч ментальной защиты.

Как оказалось, «в гости» явился Келлер, а, когда имеете дело с преступником, никакая мера предосторожности не покажется вам излишней. Словом, я встал, и, как мог, быстро оделся.

В стенах своего жилища я мог прикончить незваного гостя без каких-либо неприятностей для себя — каленусийские законы разрешали мне это, а охранная система беспристрастно фиксировала каждый шаг проникновения. Я находился в хорошей форме,

в юности прошёл службу в пси-жандармерии, и совершенно не боялся. Однако, несмотря на все эти преимущества, а, может, и благодаря им, меня мучило любопытство. Денег и архивов в доме я не держал, следы Мика Северина уже затерялись где-то на юге, а его сестра, если Келлера интересовала именно она, ещё до моего отъезда переехала в Арбел.

Вторжение выглядело абсурдным.

Следить за Юлием было не трудно — я легко читал если не его мысли, то, по крайней мере, его настроение.

Сущность гостя показалась слепленной из несовместимых частей, как будто рука Создателя захватила кусок чернильной темноты и смешала его с яркими точками раскалённых углей. Впрочем, возможно, этот эффект создавала ненадёжная пси-маскировка.

Он в нерешительности потоптался у входа в кабинет, держа наготове излучатель. Мысль насчёт испорченных стен и сгоревшей мебели определённо мне не понравилась, и я телекинетически подпортил чужому оружию запал.

— Выходите, достаточно прятаться.

От Келлера повеяло сложной гаммой переживаний — сразу облегчением и досадой. Он вошёл и, не спрашивая разрешения, бухнулся в кресло. Излучатель всё так же держал наготове, не подозревая о моих манипуляциях с этим устройством.

— Простите за ночное вторжение, — сказал он довольно нагло. — Я испугался, что вы откажете мне во встрече днём.

Логика его, как ни странно, не читалась ни в какую.

Я подошёл вплотную к гостю и с трудом вытащил излучатель из его сильных пальцев. Мне показалось, что от неожиданности Келлер попытался придавить спусковой крючок, но оружие, конечно, не сработало.

— Снимите обруч с головы, — вслух сказал я. — Или, если собрались драться, не тяните, начинайте прямо сейчас.

— Мой обруч — только защита от ментального извращения.

Келлер видимо, пришёл не для убийства, а для разговора, потому что он нехотя сволок свой обруч и положил на стол, но его мысли не сделались для меня яснее — читались только эмоции.

— Что, не получается? — с иронией спросил он.

Я кивнул и ответил вслух:

— Частичный иммунитет. Ничего, бывает, и не так уж редко. Я не могу до конца вас понять, не хватает способностей, зато могу в два счёта скрутить ментально. Останавливает лишь нежелание калечить

разумное существо, путь это существо и отказалось от принятой в обществе морали.

— Скажите пожалуйста, какой гуманист нашёлся! — с иронией отозвался Келлер. — У меня нет ваших талантов, зато мне не нужны сверхспособности, чтобы вас понять. О морали вы заботитесь не больше, чем другие, а не калечите меня, потому, что вас любопытство разобрало. Скучаете вы, господин Беренгар, скучаете, как все псионики-полубоги.

Крыть было нечем — он оказался прав. Но я не обиделся, а только посмеялся.

— Вас ещё не допрашивали в полиции? — в качестве небольшой мести спросил его я.

— Если вы имеете в виду ограбление засранца Вэнса, то вашими стараниями полиции нечего доказать. Это ведь вы косвенно надумили Северина уехать.

— Остался ментальный след.

— Я работал в защите.

Мне хотелось сказать всё, что я думаю об этих полужульнических обручах, но, пожалуй, стоило немного придержать информацию. Келлер, казалось, забыл про свой излучатель. Он ссутулился и вид имел нерешительный.

— Жаль, что убить вас мне не по силам, — с откровенным разочарованием заметил он. — Тут, в Порт-Калинусе, вы мне пакостили, как могли. Сначала свели Северина и его сестру с леди Нэн, после чего у них ослабел интерес к каленусийским архивам. Потом вертелись неподалёку и мешали мне с ними общаться. Наконец, вы донесли отцу девушки, что её круг общения оставляет желать лучшего, и Дезет срочно вызвал любимую доченьку домой. Из-за вас Северин вернулся в Иллиру, мне же туда возвращение заказано — я не такой счастливчик, чтобы совать голову в огонь трансмутации. Вот так.

— Зачем вам понадобились архивы конгрегации Разума?

— За них заплачено вперёд, — с хладнокровным цинизмом отозвался Келлер. — Причём много. Меня не устраивает положенная неустойка.

— Мстить пришли?

— Как бы ни так! Просто поругаться хочу и отвести душу.

...Он врал напропалую. Я, как любой развитый псионик, легко замечаю ложь. Келлер, конечно, мыслей читать не умел — не позволяли способности. Зато он жадно следил за каждым моим движением.

Я понял свой главный промах слишком поздно. Юлия не интересовала мои слова — он наблюдал за моими инстинктивными движениями. Не следовало поглядывать на ящик стола, но я сам не понял, что уделяю этой части мебели слишком пристальное внимание.

Он двигался быстро — очень быстро, гораздо стремительнее меня, несмотря на хроющую ногу. Скорее всего, заранее принял краткосрочный допинг. Я мог наводкой выжать его, словно тряпку, лишить сил, но не успел. Он ударил меня в лицо кулаком, и я не защитился, потому что за десять лет трансмутации привык чувствовать себя неуязвимым.

Пока я валялся на ковре, мерзавец выдвинул ящик, сунул металлический цилиндр в карман, забрал свой испорченный излучатель и скрылся, не оглядываясь, хотя разумный дом, как мог, чинил ему препятствия — угрожающе хлопал дверями и даже выключил в холле свет... Что делать, хороший дом не умеет нападать, он способен только заботиться или растерянно защищаться...

* * *

Я пришёл в себя довольно быстро, но пришёл не вполне — внутри черепа стрекотало, по кабинету порхали иллюзорные, тончайшие комарики. Врага, понятно, и след простыл. С таким бесстыдным и, на первый взгляд, бессмысленным ограблением, я ещё не сталкивался. Пришлось вставать и тащиться до дивана. Я лёг и попытался расслабиться, настраиваясь на подходящий лад, чтобы найти сбежавшего иллирианца.

Прикосновение к ментальному эфиру — удивительная штука. Оно действует на меня как море. По соседству с колоссальной массой воды кажутся мелкими собственные неурядицы. Точно так же, погружаясь в коллективное сознание Порт-Калинуса, лечишь царапины на самолюбии и растворяешь в этой субстанции своё пустое беспокойство. Впрочем, есть одна забавная разница. Наше море довольно плотно заселено. Там легко встретить таких же, как я, полуночных бродяг. Одни грезят наполовину, будто плещутся наугад, другие действуют довольно целеустремленно, словно хищные рыбы на охоте.

Словом, я отлёживался в полусне и одновременно тащился куда-то, ступая по дну. Ещё один человек появился внезапно, пристроился рядом, и я с удивлением узнал в нём смутный образ капеллана Лу.

— Понесло же вас шарить в воде, — недовольно заметил мой знакомый. — Там и не такое выловишь.

— Да ну?

— Вы купили священный фонарь добра, а если гложут сомнения, то можете их успокоить — именно я выбросил приборчик в залив.

— Выбросить источник добра — странное решение.

— Добро там в очень переносном смысле, так что, после долгих колебаний...

Я не стал слушать рассуждения капеллана, а вместо этого доходчиво объяснил, кто такой Келлер, и Лу заметно встревожился.

— Может, этот человек решил испробовать фонарь на себе? Это решило бы его проблемы с совестью.

— Не надо иронии, она у вас горчит.

— Хорошо, не буду. Вы обращались в полицию?

— Не успел.

— И не надо, — настроение у капеллана стремительно портилось, в нашем иллюзорном мире я не видел толком его лица, зато легко разбирал оттенки эмоций.

— Убей вас Оркус! — неприлично для сана выругался он. — Пожалуйста, Беренгар, не начинайте нового дела в полиции.

— Можно подумать, что начало дела от меня зависит.

— Без вашей официальной жалобы расследования не будет, а моя конгрегация не заинтересована в открытом скандале вокруг святого фонаря.

— Вы предпочтёте, чтобы прибор начал «вольное странствие по свету»?

— Хотя бы и так. В конце концов, прибор всего лишь уменьшает эгоизм человеческий, — в иллюзорном голосе Лу была заметна настоящая тревога, но я не сомневался, что мой приятель быстро оправится. — Или, если хотите, мы вдвоём отыщем Келлера и заберём у него вещичу. Едва ли она вышла за пределы Порт-Калинуса.

...Признаться, мне следовало бы ему отказать, но скука повторяющихся дней гнала меня на опасные приключения, а новая стычка с Келлером могла оказаться интересной. Я и Лу сговорились встретиться наутро, а остаток ночи использовать для поиска следов илирианца.

После этого капеллан исчез, а я продолжал грезить, стараясь всячески освободиться от гнетущего воздействия, производимого сонмищем других людей. Через некоторое время мне полегчало. Я уже не двигался пешком в вязкой субстанции, а летел, при этом причудливая иллюзия подарила мне большие перепончатые крылья нетопыря. Город оставался внизу и выглядел как россыпь огней, но не электрических — там беспокойно мерцали искорки чужих сознаний.

Охота на человека, кем бы он ни был, занятие увлекательное, к тому же Келлер напал первым, тем самым разрешив мне любые ответные действия. Я не собирался ни убивать его, ни отдавать в руки правосудия Конфедерации. Корыстного человека можно наказать гораздо проще — отнять у него желаемое и оставить ни с чем.

Мои поиски продолжались достаточно долго, перепончатые крылья устали, но я не заметил ничего подозрительного — ни одна из бесчисленных точек не говорила мне об опасности. На некоторое время я отвлекся, наблюдая за абстрактной игрой огоньков — то белых, характерных для работающих полуночников, то красных, обозначающих сексуальный накал. Наконец, ярко-изумрудная искра задела моё иллюзорное зрение.

Сигнал не мог приходить от Келлера, но выглядел интересно — в нём была утонченная женственность, я оставил в памяти координаты и выскочил из своего полусна.

После таких манипуляций пришлось отдыхать до полудня. Мой подбитый Келлером глаз сильно заплыл, но для задуманного дела это значения не имело.

Уником сработал ровно в час пополудни.

— Вы нашли его? — нетерпеливо спросил меня Лу.

— Нет. Но я нашёл женщину, которая ему помогала.

— Вы с нею знакомы?

— Я позаимствовал образ у друга, который в Иллире встречался с Келлером и его сообщницей.

(«Другом» была Нина Дезет, но мы с Лу в эту минуту мыслями не обменивались, и я, чтобы оставить Нину в стороне, нарочно употребил слово, которое создавало представление о «друге» как о мужчине.)

— Место отыскать сумеете?

— Да. А вы не передумали?

— О, нет!

* * *

...Моя жена Лола внезапно позвонила в пять часов вечера и застала меня врасплох. Она интуитивно угадала неприятности и собиралась приехать в конце недели, так что времени оставалось в обрез — следовало разобраться с Келлером до её возвращения. Я собирался, проверяя и аккуратно раскладывая на столе необходимые вещи. Под куртку поддел бронежилет, два перевязочных мини-пакета рассовал по карманам, в основном для себя и (на всякий случай) для Келлера,

потому что на капеллане всё заживало как на гидре. Уником я выбрал миниатюрный, из тех, что приклеиваются под челюсть или за ухо. Хороший обруч пси-защиты тоже лежал на столе, но смущал побочный эффект — в таком устройстве делаешься не только защищённым, но и малоактивным. Я всё же взял и его, свернув восьмёркой, и сунул в задний карман брюк.

Смеркалось. Если мой противник обладал привычками других людей, через несколько часов он обязан был уснуть. Украденный фонарь мог завтра ускользнуть на сторону, словом, действовать полагалось смело и решительно. Подвижный силуэт появился из-за дерева во дворе, им оказался капеллан Лу, экипированный почти в точности, как и я.

«Вы понимаете, что мы затеяли самосуд? — мысленно спросил я сообщника. — Никакое расследование не признает это самообороной».

«Ерунда. Не знаю, как вы, а я не собираюсь его калечить, помните, наша цель всего лишь без огласки забрать свою собственность».

Он был прав в теории, но мы оба знали, как трудно бывает удержаться от нанесения увечий, если находишься во взвинченной дракой мужской компании.

Здание, в котором скрывался Келлер, оказалось первым с краю в длинном ряду многоквартирных домов, довольно новых, но с радикальной, словно паутина, планировкой, непривычной для меня. Это здание не пользовалось популярностью и наполовину пустовало. Я и Лу спустились в гараж и там отыскиали вход в лифт, по-видимому, лифтовая шахта как ось пронизывала все этажи. Совсем молодой парень с длинной чёлкой, сброшенной на глаза, дремал в одиночестве, полусидя на полу и прислонившись спиной к замаранной коричневой краской стене. На лице застыла блаженная улыбка поклонника иллюзий.

«Нам на самый верх, Келлер сейчас на месте».

Я и Лу, втиснувшись в узкий лифт, непонятно на кого рассчитанный — наверное, на киберов или пакеты с покупками. Свет погас сразу же, как только лифт пополз вверх, но мы оба безо всякого труда ориентировались без света. Именно в эту минуту первые признаки трагического беспокойства затронули меня. Это не был ни страх темноты, ни волнение от близкой драки, ни естественное нежелание получить рану. Ещё минуту назад я надеялся на себя и был в хорошей форме. Теперь посторонняя сила вмешалась в самую природу событий...

Уверенность истаяла. Я стоял, зажатый в тесном пространстве, беспомощный и неподвижный, потерявший представления о времени, душа моя корчилась, понемногу лишаясь накопленных сил. Это не было настоящим пророчеством (безнадёжно мне недоступным), но сомнений не оставалось: жёсткая схватка неизбежна, и за нею последует смерть одного человека. Я не знал, кого выбрало проведение — Лу, Келлера или меня. Нечто смутное — невидимое, но осязаемое, твёрдое и холодное поджидало нас в темноте. И темнота та была не поверхностная, которую легко преодолевает мысленное зрение, я бы назвал её тьмой кромешной, если бы не хотел уклониться от избитых сравнений.

Ненадолго мне показалось, будто Лу исчез, и я один стою в коробке лифта. Вязкая субстанция медленно подползала сбоку. Среди обрывков мрака копошились её щупальца...

Лифт встал. Толчок очень кстати вывел меня из транса. Несмотря на зимний холод, рубашка под курткой насквозь промокла от пота. Капеллан замкнулся, я не смог понять, затронуло ли его моё видение.

— Ещё не поздно вернуться, — вдруг сказал он с кривоватой усмешкой и я понял, что видели мы примерно одно и то же.

— Вернёмся, как только заберём фонарь.

— Да, холерски грязное место.

В определённом смысле Лу был прав — коридор носил явные следы запустения. С большей части дверей ещё не сорвали запечатавшие их бумажные ленты, однако, штукатурка местами уже слегка осыпалась, её серые крошки пачкали покрытия пола. По стенам расползались высохшие потёки, правда, пока не крови, а только воды.

Мы с капелланом, не сговариваясь, остановились, чтобы передохнуть, я вытер мокрый лоб и попытался сориентироваться.

...Щупальца больше не показывались, зато присутствие Келлера теперь сделалось явным. Он был совсем один не только в комнате, но и на этаже и, очевидно, испытывал острое беспокойство...

Наверное, в том несчастье, которое дальше произошло, сыграла роль наша привычка, полагаться на не зрение, а на пси-способности. Ни мне, ни капеллану не пришло в голову проверять помещение визуально, и мы сразу занялись Келлером — нажали мысленно, призывая противника к подчинению.

Враг побарахтался и отключился — скорее всего, заснул.

Лу вытащил складной армейский нож и с ловкостью на грани изыщества поддел язычок замка.

— Проход свободен.

Я вошёл первым.

Комната была почти без мебели. Келлер сидел на единственном стуле. Он, оказывается, не спал и мог адекватно оценить происходящее. Меня поразило выражение на его лице. Страх это реакция на обстоятельства, ненависть есть ненависть, но Келлер, насколько я мог судить, не испытывал страха. Он если и ненавидел, то, скорее, обстоятельства, чем меня. Кажется, он пытался что-то сказать, но мои с капелланом усилия лишили его способности связно ворочать языком.

Я без церемоний обыскал неподвижного врага, но фонаря так и не обнаружил. Под ногами путалась дорожная сумка — открытая, только что перерытая и мною, и капелланом. Пепельница, полная старых окурков, стояла прямо на полу. Единственная женская вещь — изогнутая металлическая шпилька, видимо, забытая Кэтти, торчала в щели косяка. В целом комната выглядела точно так, как может выглядеть временное, на две-три ночи, пристанище беглеца, которое не имеет смысла приводить в порядок. Спущенная надувная кровать Келлера комком валялась в углу. Скорее всего, он был тут не первым, ещё раньше комнату облюбовали бродяги. Изначально белая дверь в ванную оказалась изрядно захватанной. За нею было пусто и довольно погано, — я почувствовал эту скверну и поначалу не стал заглядывать внутрь, брезгуя прикасаться к липкой дверной ручке.

И всё-таки обыск был неизбежен, хотя Лу упорно возился возле Келлера, пытаясь что-то узнать, но тот лишь мотал головой словно пьяный, явно преувеличивая своё недомогание. Не могу сказать, что мысли проходимца совсем не читались — кое-что мерцало, но картины получались сомнительные и посторонние.

— Воздействуйте на него как-нибудь, — попросил я капеллана. — В конце концов, устройте ему лёгкую реморализацию.

Лу неодобрительно вздёрнул подбородок.

— Я не умею это делать, а если бы и умел — не стал.

Таким образом, нормаментальный Келлер продолжал дурачил двух не самых слабых псиоников Порт-Калинуса, а мы не могли сидеть с ним ничего. Я не занимался рукоприкладством лет десять, но, не выдержав, всё же закатил бывшему референту Оттона хорошую пощёчину. Тот сделал единственное, что мог — плюнул в меня, но я прочитал его реакцию и успел отшатнуться, но по инерции шагнул внутрь ванной комнаты.

Внутри было темно.

Чужого присутствия я не ощущал. Не было ни тяжести, ни яркости, ни враждебного сигнала — собственно вообще ничего, кроме

вони нечистого места... За одним исключением — там дышали. Это лёгкое сопение различал даже обычный слух.

В следующий миг я второй раз за двое последних суток получил кулаком в лицо, но на этот раз не от Келлера.

Противник ударил меня и пустился наутёк. Он был толст, коротконог, я черпнул энергии из запретного резерва, догнал его одним прыжком и без церемоний ударил в затылок.

Враг рухнул, но тут же встал, ткнул меня под дых и развернулся к Лу. Капеллан тоже приступил к практическим действиям — саданул противника в подбородок. С таким же успехом он мог долбить мраморную статую — тот даже не охнул, хотя брызги его крови испачкали и меня и священника...

Не стану подробно описывать драку. Она началась неожиданно, а продолжилась в силу привычки отвечать ударом на удар. Через очень короткое время я вдруг понял, что успеваю только защищаться. Мы оба с капелланом, оказались в одинаково отчаянном положении, потому что не справились с коротышкой сразу же. Он, казалось, не чувствовал никакой боли и не испытывал усталости, хотя выглядел вполне телесным. Стыдно признаться, но на ментальном уровне я по-прежнему не видел никого. Если бы я выказал свою растерянность, он убил бы меня.

Лу от чужого пинка отлетел в угол и там осел на сплюсненную надувную кровать. Келлер всё ещё не мог пошевелиться, однако, он с лихорадочным интересом наблюдал за дракой. Ситуация становилась критической — я был жив лишь потому, что поддел под куртку бронежилет, от головы отводил удары руками, левая пострадала больше правой и почти потеряла чувствительность, но я не сразу обратил на это внимание.

...Меня приковывал его глаза. Глаза напавшего на меня существа. Тусклые, белёсые, как иногда бывает у неопределённых блондинов. Невыразительные. Страшные своим стылым взглядом. Враг оставался недоступен для мысленной атаки и, в равной мере, не пытался мысленно атаковать меня.

...Вместо этого он ткнул пальцем в моё горло и промазал лишь на ширину пальца. Длинные ногти, острые, словно у зверя, оставляли глубокие царапины...

Казалось, что схватка продолжается уже долго, но на самом деле всё закончилось в считанные минуты. Лу, роясь в складках резиновой койки, отыскал там излучатель Келлера. Какое-то время он не стрелял, опасаясь задеть меня, потом не мог справиться с испорченным

запалом, но в итоге выпустил в нападавшего половину заряда.

Понесло палёным, тлела обшивка стен, дымилась пробитая одежда белоглазого. И всё-таки он продолжал нападать, хотя его движения отчасти напоминали механические судороги испорченной машины. Мы оба, капеллан и я, оказались свидетелями неопишемого зрелища — человек, которому по всем правилам полагалось сделаться покойником, продолжал жить и сопротивляться.

Конец агонии положил тот самый парень с длинной чёлкой, которого мы полчаса назад видели в гараже. Несомненно, он был замаскированным агентом тайной полиции. Наблюдатель вломился и действовал вполне профессионально — стрельнул белоглазому в голову. Мне кажется, в ход пошла разрывная пуля. Келлер, который уже в значительной степени пришёл в себя, воспользовался заминкой и пустился бежать прочь. Старательный работник сыска выстрелил и ему вслед, потом выскочил в коридор и продолжал палить по Келлеру, но каждый раз мимо, мне кажется, что бывшего секретаря Оттона выручала хромота и происходивший от неё неровный и непредсказуемый бег. Обозлённый агент понёсся вслед за добычей, а Лу показал мне фонарь, извлечённый из складок резиновой кровати.

— Через несколько минут наблюдатель вернётся. Отделаемся от прибора поскорее.

...Мы сделали то, что могли — нашли в ванной утилизатор и сунули священный фонарь в полузаросшее грязью отверстие. Потом отыскиали угол почище и перевязали друг друга. Лу пострадал очень сильно, но, как бывает при его варианте трансмутации, держался бодро. Парень с чёлкой и впрямь вернулся, к тому же крайне раздосадованным — Келлера он упустил, фонаря не нашёл, а потому напористо принялся за нас и для начала потребовал показать документы...

* * *

...Всё это имело последствия, растянувшиеся примерно на месяц. Наши отношения с властями не улучшились, но и не испортились окончательно, а тайна уничтожения реликвии Разума так и осталась со мной.

Я долго размышлял, почему предчувствие чьей-то гибели оказалось ложным (оно не могло относиться к убитой агентом твари). Сомнения разрешились в тот самый день, когда меня, безо всякого предупреждения, в последний раз посетил Келлер. Я был дома и очень удивился.

— Я ненавижу вас, — без околичностей сказал он.

— Вы пришли сообщить мне об этом?

— Да. Не будь вы высокомерным мутантом, вы бы не полезли вершить справедливость в деле, которое вас не касается. Не будь вы, к тому же, растяпой, вы не притащили бы за собой агента.

— Ну и что?

Келлер махнул рукой.

— После этого мой контракт с нанимателями сорвался, а за небрежность в работе полагается наказание. В такие дела нельзя вмешиваться ради развлечения, а если уж вмешались, следовало довести работу до конца.

— Как?

— Убить меня, а не мяться.

Он, странно скривившись, положил на стол коробочку. Я не притонулся к ней.

— Откройте, — приказал он. — Это мне подбросили вчера.

Тогда я выполнил его желание и отковырнул плоскую крышку.

Внутри, на бархатной подушечке, бледное и округлое, как раковина, лежало женское ухо. Серёжка в виде двух скрещенных стрел до сих пор ещё оставалась в мочке. Я узнал это украшение и вспомнил девушку из клуба, как будто сложились в правильном порядке фрагменты головоломки.

— Эта побрякушка принадлежала Кэт, — хрипло сказал Келлер и вытащил серёжку. — Возьмите и считайте трофеем.

Он спрятал коробку с кусочком мертвой плоти, а блестящее украшение швырнул мне прямо в лицо.

— Ухо я похороню, — зачем-то пояснил он.

— Нужно заявить в полицию.

— Поздно, мутант недоделанный, — сказал мне бывший секретарь Оттона, употребив вместо «недоделанный» весьма неприличное слово. Он, сторбившись, ушёл, а мой дом проводил его молчанием.

Вот, собственно, и всё.

Серьгу я оставил на память. Мне очень жаль, хотя с годами и опытом способность жалеть притупляется. Одно время я верил, что несчастная девушка жива. В конце концов, последствия стресса можно вылечить, а отсечённые ткани легко реконструировать. Я многократно входил в транс, пытаясь отыскать её в ментальном эфире Порт-Калинуса, запросил Систему, надеясь получить достоверные сведения о пропавших без вести иллирианках, потом уговорил своих влиятельных знакомых заняться этим делом. И всё равно не нашёл никаких следов.

Ближе к весне я снова оказался на побережье и посетил магазин морских сувениров. Лавочник показал мне весь свой набор новинок, но интересной оказалась только одна.

Серьга в виде двух скрещивающихся стрелок была немного погнута, замочек сломан, но стиль и качество выдавали работу мастера.

— Откуда это?

Он удивился до такой степени, что попытался залезть в мою голову, но встретил жёсткий отпор и отступился ни с чем.

— Откуда? — переспросил коллекционер в некотором раздражении. — Ну что за вопросы... Мой кибер выловил это на глубине, — уже успокоившись, равнодушно ответил он.

Глава 11. Возвращение Риордана

В заброшенном доме Северинов обосновался зимний холод. Мебель мародёры вывезли подчистую, исчезли даже крючки для полотенец. Уцелело только самое тяжёлое — искорёженный, но так и не вскрытый сейф и массивный дубовый стол отца. Изрезанный ножом, этот стол нёс на себе короткое ругательство. Били стёкла снаружи, били их и изнутри, поэтому осколки теперь лежали по обе стороны окон. Сквозняк нагнал в комнаты мелкого мусора.

Мик устроился на ночь в разграбленной гобеленовой мастерской, не раздеваясь, прямо на полу, там было тоже пусто, но почище. Ближе к утру в дом вломились, не спрашивая согласия, но это были не мародёры. Равнодушный офицер-каленусиец курил и ждал, пока оператор водил детектором возле висков Северина. Судя по лицам, результат обескуражил их обоих. Гости ушли так же неожиданно, как и появились, видимо, сочтя Мика не опасным. Он уже не смог уснуть и до утра раздумывал, где теперь искать Риордана.

Уником толстяка-сострадателя не отзывался, не было уверенности, что магистр медицины находится в Порт-Иллири.

Оторванные от паркета досочки хорошо горели в камине. По словам соседей (робких, перепуганных и с признаками начальной трансмутации на несчастных лицах) гражданских авиарейсов на Арбел не было уже давно, едва ли не со времени таинственной гибели регента Линдера.

Новое утро сильно походило на предыдущее за одним только исключением — пошёл обильный дождь, предвестник близкой весны. Мокли голые кусты в саду, мок затоптанный холмик, под которым

покоилась овчарка Тэнку. Под окном скулила собака, но это была другая собака — с висячими ушами и клочковатой шкурой брошенного животного.

— Лотер?!

Это, и точно, был он. Северин сгрёб пса и обнял его мокрую голову. Вероятно, животное проделало путь на юг с кем-то из беженцев и уже в городе набрело на извилистый след Северина.

Эта встреча была чудом, но теперь Мик не знал, чем кормить собаку. Днём они гуляли вместе по изменившемуся городу. Жалюзи на окнах запертых магазинов напоминали бельма. Университет остался почти целым, если не считать раскуроченных дверей. Всё полезное из него вывезли. На площади Величия сизые голуби, нахохлившись, рядами сидели на статуях с отбитыми носами. Дворец, который принадлежал Линдеру, а до него и Оттону II, оказался уничтожен почти полностью. Мик смотрел на руины молча, поймав Лотера за ошейник. Он не знал, каким оружием это сделано, но каменные блоки распались в щебень, слои цемента словно испарились, грифоны, барельефы фронтона, теперь лежали на мостовой, они не просто сломались — детали сгладились так, как обкатывается кусок мыла от долгого употребления.

— Странное место, правда? — спросил кто-то из-за спины.

— А, это вы, Август.

— Я никогда не видел дворца Оттона в целом состоянии, хотя, если верить электронным изображениям, это крыло прежде смотрелось величественно. Когда наши солдаты вошли в Порт-Иллири, всё уже развалилось. Заметили странность? Это не взрыв. Немного похоже на действие мины-дезинтегратора, с одной только разницей — дезинтегратор вызывает химическую реакцию, которая быстро размягчает конструкции, а тут они не потекли, а, скорее, рассыпались в порошок...

— Могу я попросить вас о помощи? — без околичностей поинтересовался Мик.

— О любой помощи, которая не вредит третьим лицам.

— Нужно отыскать человека по имени Прокл Риордан.

— А хочет ли он этой встречи? Возможно, ваша встреча повредит этому человеку.

— Мы были друзьями.

Август заколебался с добросовестностью существа, привыкшего просчитывать последствия.

— Можно, я загляну в ваши скрытые от меня намерения? — с некоторым смущением попросил он.

— Вы достаточно сильны, чтобы сделать это, не получая никакого разрешения.

— Да. Но моя этика запрещает жёсткое вмешательство.

Доверие к этому каленусийцу оставалось под вопросом. Август мог отыскать магистра медицины своими методами — в этом не приходилось сомневаться. Но в распахнутом разуме Северина он легко прочитал бы историю о контейнере генерала Линдера и безымянной могиле отца в южных горах. Отдавая маленькую информацию, чужак получал большую, а Мик уже приучился ничего не отдавать просто так.

— Вы что, меня боитесь? — осторожно поинтересовался Август.

— Да, боюсь.

— Зря. Хотя... не имеет значения. Пойдёмте в сторону. Я не трону ваших секретов. Присядем вон на ту скамью. На меня можете не смотреть, зрелище не самое приятное.

...Мик все же не удержался от подглядывания. Сострадатель сидел длинный, прямой и застывший, похожий на восковую копию самого себя. Наконец, он ожил и даже слегка порозовел.

— Давайте, я покажу место на карте.

Место находилось очень далеко от обычной квартиры Риордана.

— Идите, — посоветовал Август. — Я чувствую, что вам сильно не терпится, но будьте осторожны. Я не пророк, так что на мои слова не следует полагаться всецело. Однако с вашим другом не всё ладно. Не исключено, что болен или боится. Я бы пошёл с вами, но знаю, что вы мне не очень доверяете...

«Совсем не доверяю...»

Мик оставил мутанта на скамейке и долго плутал по лабиринту прежде знакомых улиц.

Дом, который он отыскал, выглядел необитаемым. Остатки сломанной мебели ещё громоздились в изуродованном проёме окна. Ненужная больше рама скалилась осколками. Дверь оказалась грубо заколоченной, а дворик был густо усеян голубиным помётом. Запущение присутствовало и внутри дома — ободранная мебель показывала рёбра арматуры, женская рубашка, забытая, уже полинявшая, свесилась с табурета на пол.

Картину дополнял размеренный звук, похожий на натужный шелест. Звук ненадолго прекратился, потом повторился опять — ритмичный и свистящий, как будто за стеною пытались играть на испорченной детской флейте. Мик не сразу понял, что это значит.

— Риордан!

Медик лежал в соседней комнате — навзничь, в одежде, на голой

раскладной кровати. Крупный, даже тучный, он дышал медленно и со свистом. Хотя заражение произошло много недель назад, инфораспад ещё не затронул круглого добродушного лица.

«От судьбы не уйдёшь».

Мик сел на скрипучую койку. Извинения, запоздалые и никчемные, ничего не меняли. Единственный друг уходил навсегда. Оставалась только смута в душе и горькое осознание собственной вины.

— Прощай, старик.

Возможно, Мик просто ненадолго отключился, потому что, пропустил момент появления в комнате второго человека. Им оказался всё тот же супермутант Август.

— Вы уж извините, что я пришёл следом, — смущённо сказал он. — Меня разобрало любопытство. Это и есть ваш лучший друг?

Август взял безвольную ладонь магистра в свои худые пальцы.

— При таком ранении выживают.

— Что?

— Лёгкое не задето. Его перевязали, прежде чем положить здесь.

Август осторожно расстегнул куртку и рубашку на Риордане. Повязка пропиталась бурой кровью и засохла.

— Его привезли с простреленным боком, перевязали и переодели, чтобы скрыть ранение. Вот в этих местах — тут и тут — одежда надрезана, чтобы её легче было надеть. Скорее всего, раненый уже тогда был без сознания. Он лежит тут около суток.

«Это не инфораспад, — с облегчением понял Мик. — Риордан выкарабкается»

— Помогите ему, вы ведь умеете...

— Я это и собираюсь сделать. Посидите спокойно, я разберусь, как помочь и не навредить. Кстати, стреляли из каленусийского армейского пистолета. Я не поручусь, что ваш друг не связан с нелояльными властям элементами столицы.

— А разве такие есть? — ехидно спросил Северин.

— Да, — коротко ответил Август. И добавил: — Как ни странно, но в основном местные паранормалы. Их не касается трансмутация, поэтому у них есть время подумать. А где мысли, там и ненависть, тем более, что формальных поводов более, чем достаточно.

— Что будет с моим другом?

— Ничего. Я, конечно, не донесу на него, хотя и должен.

Северин не стал спорить, но не поверил.

Август тем временем действовал ловко и обстоятельно — срезал повязку, достал личную аптечку и обследовал рану.

— Ваш дом в Порт-Иллири цел? Если цел, заберите раненого туда. При нормальном уходе он поправится довольно скоро.

Мик нервничал, пока не расстался с псиоником. Потом ещё раз оценил обстановку. Магистр медицины весил немало и оставался в беспамятстве. Ожидание на месте выглядело опасным, а поездка по городу ещё опаснее. Лотер заскулил, напоминая хозяину о себе. Мик обошёл заброшенное здание, но не заметил ничего подозрительного. Во всех остальных комнатах залежался многодневный слой пыли. Северин устроился на картонных ящиках, которые перенёс в ту самую комнату, в которой находился Риордан. Дыхание раненого сделалось ровнее. Он, действительно, дремал, приведённый в это состояние вмешательством Августа.

Следующую ночь взвинченный Мик провёл без сна, он лежал в темноте на коробках рядом с собакой и пытался понять логику событий. Судя по прошлым рассказам Риордана, все его друзья погибли вместе с отцом Мика, следовательно, не имели к тайным действиям и ранению магистра никакого отношения.

«Риордан должен очнуться. Он сам обо всём расскажет».

* * *

Утро началось с того, что зарычал Лотер. Незнакомый мужчина — белёсый, полный, с бесцветными глазами, сидел на пустом ящике, нелепо подтянув колени к подбородку. Незванный гость с безразличным интересом изучал Северина.

— Нет, вы мне не подходите, — сказал он наконец. — Я хотел предложить сделку, но вы слишком слабая тварь.

— Знаете что, уберите-ка в задницу, — заявил до конца проснувшийся Мик, его страх на время исчез под натиском злости. — Если вы не владелец здания, а что-то мне подсказывает, что вы просто наглый бродяга, то следует понимать, что место уже занято. Поищите себе угол в каком-нибудь подвале.

— Ладно. Вы ничего не поняли, ну и славно. Оставайтесь по-прежнему в заблуждении.

Белёсый исчез внезапно, но и не так загадочно, как тают привидения. Мик успел заметить движение, смазанное скоростью, уловить порыв сквозняка и услышать прощальный хлопок дверей. Пришелец оставил после себя ауру мерзости — не той, которая присуща обычному, физическому безобразию или болезни — гость был неказист, но и только. Мерзость была особого толка. Можно было не сомневаться — ни страх, ни этика, ни отвращение не помешают

странному совершить любой поступок. Любой, который он сочтёт целесообразным.

Мик сплюнул вязкую слюну. Тихо и угрожающе рычал Лотер.

Риордан охнул и заворочался.

— Пить хочешь? — спросил Мик.

— Выпил бы пива, но боюсь, что стошнит. По крайней мере теперь я знаю, что этот кругленький тип — не моя иллюзия.

— Ты с ним виделся раньше?

— Да. Он нашёл меня сам и интересовался образцом. Тем самым, который достался твоему отцу. Мы говорили недолго и немного на повышенных тонах. Он понял, что я знаю об инфо-распаде и не собираюсь искать контейнер в горах. Может быть, он понял что-то ещё.

— Когда тебя подстрелили?

— Тем же вечером, но это был кто-то другой. Белёсый тип мог бы убить меня голыми руками — мы оба толстяки, но он очень быстрый.

— Тогда кто стрелял?

— Не знаю. Не могу даже толком вспомнить, как я тут оказался. Вроде бы, привезли в фургоне. Ты что ли?

— Нет, не я. У тебя остались друзья в Порт-Иллири?

— Никого.

— Может быть, родственники...

— Забыл что ли? Я мальчик из приюта.

То ли лечение Августа помогло, то ли магистр оказался довольно крепким, но ему, видимо, полегчало. Риордан даже попытался сесть.

— Больно, зараза, — печально охнул он.

— Двигаться сумеешь?

— Да.

— Тогда я подгоню джип и отвезу тебя к себе домой. Вдвоём мы сумеем оттащить того, белёсого. Кроме того, у меня есть хорошая собака, хотя она ещё не обучена...

Риордан замотал головой, но, не отрицая, а пытаясь развеять наваждение, а потом покорно согласился. Этим же вечером они вдвоём с Миком сидели возле камина, подбрасывая в пламя новые маленькие досочки, оторванные от паркета.

— Я неудачник, — мрачно сказал Риордан. — Когда-то, в прошлой жизни, у меня были друзья. Мы тайно боролись с тиранами — сначала с Его Величием, потом с тем, другим...

(Мик понял, что речь идёт о Линдере.)

— Всё пошло прахом, — с покорным фатализмом добавил сострада-
тель. — Тираны перемерли без нашего вмешательства, а в Порт-

Иллири пришли чужаки, для которых мы — то ли дети, то ли животные.

Риордан кашлял и, наводя беспокойство на Мика, крупными глотками отхлёбывал из мутной бутылки. Самогон (по словам магистра, «для дезинфекции») заранее купили на «чёрном» рынке, в уплату пошла серебряная вилка для кексов. Дощечки паркета в камине горели, горели, и догорели, разваливаясь мутно-серым порошком.

— Мы тут сами виноваты, — глухо говорил магистр. Он был сильно пьян, это сказывалось в движениях, в печальной поволоке глаз, но способность мыслить всё ещё оставалась острой. — Мы не стали сопротивляться и сдались мутантам без боя, решив, что Линдер — главное зло. Теперь регент мертв, но стало только хуже.

— Ты о чём? — спросил ословевший Мик.

Риордан вздрогнул, нагнулся пониже к Северину и проворно зашептал ему прямо в ухо: — Супермутанты с севера знают кое-что, это же кое-что знал и Линдер. Они, должно быть, хотели договориться с регентом, но что-то там сорвалось. Каленусийцам нужен был экспорт их мутации. Они хотят, чтобы все сделались такими же изменёнными засранцами, как и они сами. Заметь, это говорю я, который и так отличается от них не намного.

— Они могли продать свои технологии нашему императору или, по крайности, подарить. Я не понимаю, зачем надо было стрелять в людей...

— Есть подарки, которые принимать опасно, а отвергать ещё опаснее. И Оттон, и Линдер дураками не были. Они понимали, что общая трансмутация разрушит основы.

— А зачем всё это каленусийцам?

— Не знаю.

— Как всё это повлияло на судьбу моего отца?

— Пожалуй, самым прямым образом. Твоего отца убил образец, но образец появился именно тогда, когда это было кому-то выгодно.

— Технология северян?

Риордан покачал головой.

— Им это не выгодно, — твёрдо отрезал он. — Им нужны были живые и похожие на них мы, а не мёртвые и распавшиеся... Знаешь, я мог бы вернуть контейнер в город и отправить на тот свет пару-тройку тысяч оккупантов, а заодно и в двадцать раз больше своих сограждан, которые допустили всё это...

— Вернёшь?

— Нет.

Риордан допил бутылку и забросил её в угол.

— Если нет другого выхода, пускай живут все. В конце концов, я сострадатель.

— Как Август?

— Какой Август?

— Тот парень из гуманитарной миссии, который лечил тебя.

— Я его совсем не запомнил. Знаешь... я до сих пор ещё человек, а он, возможно, уже нет...

Магистр медицины вскоре отключился. В таком состоянии он утратил все свои способности и выглядел совершенно беззащитным.

Мик, сидя на корточках, рассматривал корчи умирающего в камине огня.

«Что бы ни говорил Риордан, но тот белёсый шустрик сильно похож на убийцу».

Длинно и зло зарычал Лотер. В глубине дома коротко хрястнуло, трещала рама кухонного окна, из задних комнат потянуло сквозняком. Шаги оставались неслышимыми, выдавал пришельца не звук, а ворвавшийся следом холод мокрого снега и запах мёртвой листвы из сада. Мик понял, что нужно спешить. Он бесшумно скользнул в кабинет, на панели помятого сейфа набрал дату рождения леди Марго, но замок не сдвинулся.

— Риордан, проснись!

— Что такое?

— Помоги, нужно открыть сейф. Считаю ментальный след моего отца.

— Зачем? Ладно, я стараюсь... Пока ничего. Сейфом давно не пользовались.

Лотер теперь лаял испуганно, с тоскливым подвыванием.

Мик представил себе профиль Нины, густые ресницы, особенно нижние, тёмную прядь, заведённую за ухо, беззащитный висок. «Если меня сейчас пришибут, я не успею вмешаться и она...»

Пятая комбинация оказалась почти правильной. Внутри сейфа звякнуло, хотя звук получился едва различимый.

— Поправь четвёртую цифру, — посоветовал Риордан. — Это должна быть восьмёрка.

Рукоять замка казалась мокрой и холодной как подтаявший лёд, щёлкнуло, и дверца открылась. У задней стенки чернел длинный контур излучателя. В тот же момент лай пса оборвался коротким визгом. Пришелец с бесцветными глазами стоял в дверном проёме.

— Добрый вечер, — чуть презрительно сказал он.

Северин, не тратя времени на ответ, придавил кнопку. Луч прошёл по одному косяку (задымился декоративный пластик), пере-сёк провал двери и полоснул по косяку другому, рассекая проход, словно бутерброд ножом, но толстяк гибко присел и сразу же метнулся на противника. Его быстрота выглядела неестественной, а силуэт — расплывчатым. Мик принял удар в подбородок, отлетел навзничь на пол, не выпуская излучателя. Луч второго выстрела чиркнул по обманчиво грузному телу материализовавшегося «белесого».

На этот раз противника зацепило. Распалась рубашка, канавка ожога глубоко ушла в тело, страшно вато запахло пригорелым бифштексом, но белёсый продолжал двигаться, как ни в чём не бывало, так что Мик едва успел откатиться в сторону.

— Стреляй ему в морду! — истерически орал Риордан. Судя по другим звукам, медик, цепляясь за стены, и спотыкаясь, пытался добрести до кабинета.

— Ударь его по мозгам! — в ответ просил Северин.

— Я уже пробовал — не получается.

Мик получил ещё один сокрушительный пинок, на этот раз перехватило дыхание, он кашлял, лежа на полу и прикрывая собой излучатель. Белёсый зацепил беспомощного противника ногой, чтобы перевернуть на спину.

Следующий выстрел пришёлся в чужую голову, и всё же невредимые бесцветные глаза смотрели прямо в зрачки Мика, губы на изуродованном лице шевелились:

— Не старайтесь, не выйдет.

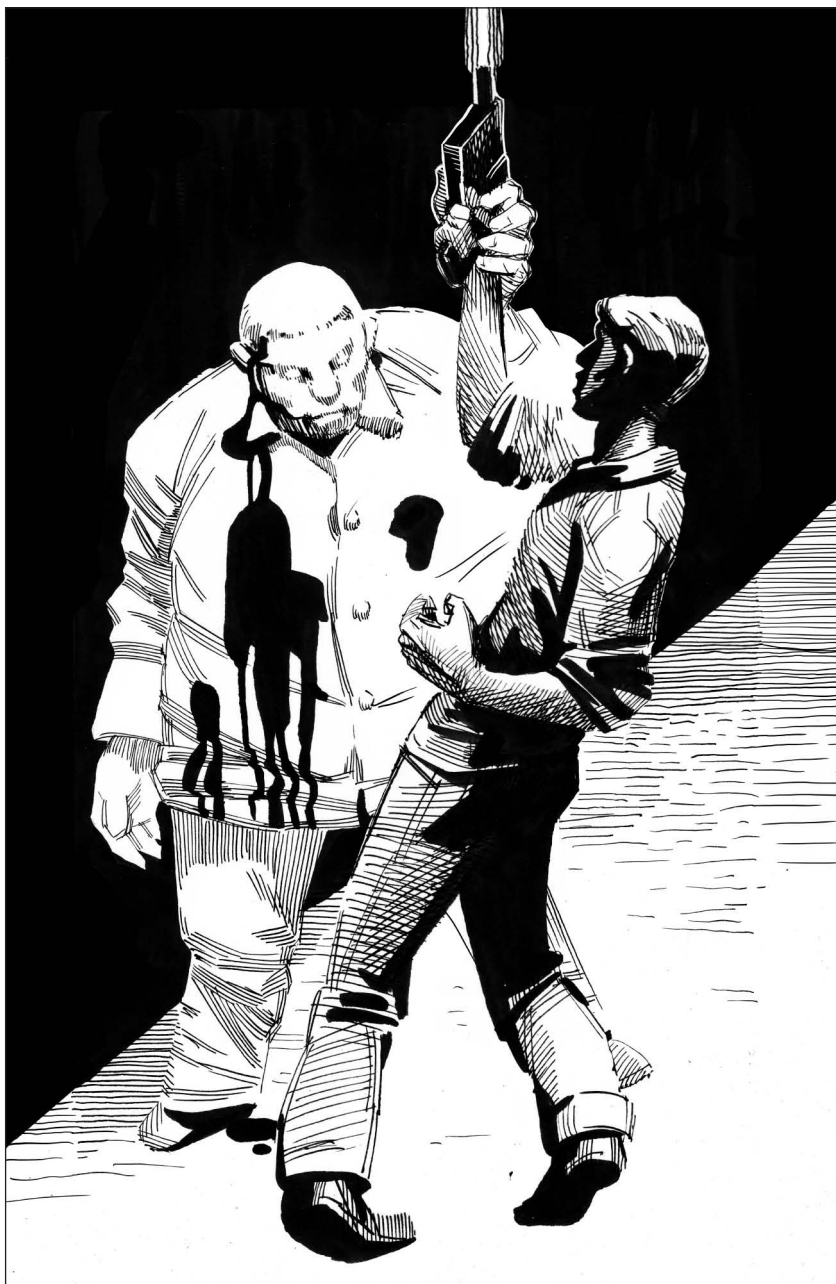
Белёсый приблизил к Северину оплавившееся лицо. Он некоторое время рассматривал человека с холодным интересом — как вещь, потом силой разжал его пальцы и забрал излучатель.

— Меня интересуете не вы. Глупо было сопротивляться.

Он прижал ствол к шее Северина, но так и не выстрелил. Ещё не веря в спасение, Мик приоткрыл зажмуренные глаза...

Поодаль стоял мутант Август. Он был каменно неподвижен, но вокруг словно бы металась смазанная тень, и растерянный Северин не сразу понял, что происходит.

Тенью был белёсый. Он пытался ударами и пинками достать противника, но раз за разом отступал, словно натываясь на невидимый барьер. В конце концов тени сгустились и уплотнились, сложившись в толстую фигуру. Монстр повернул морду в сторону людей и вздохнул, как это делают животные, потом мягким и неохотным

шагом ненасытившегося хищника вышел из комнаты. Смертельные на вид раны не мешали ему. Северин поймал себя на том, что не может справиться с дрожью.

— Добрый вечер, — очень вежливо поприветствовал Август.

Он подобрал оброненный чужаком излучатель, поставил на предохранитель, брезгливо вытер носовым платком и сунул оружие в карман.

— Я не вполне справился с ситуацией, хотя и помешал ему, — бесцветным голосом уставшего человека сказал каленусиец, — Удивительное существо. Моих возможностей хватило только на защиту.

— Как вы отыскиали нас?

— Да всё тем же способом... Для меня найти человека в городе вообще не проблема.

— Этот блондин — кто он?

— Мы называем таких потусторонниками. Кажется, они и сами себя так называют, хотя оттенки смыслу добавляют оригинальные. Убить его сложно, но можно, мне случалось наблюдать вскрытие трупов.

— Он человек?

— Да, вероятно, но искусственный.

— Кто его создал?

— Для вас не имеет значения.

— Риордан!

— Я тут.

Раненый магистр сидел, привалившись широкой спиной к стене, и поглаживал ушибленного, плачущего пса. Он вскользь посмотрел на Августа и отвернулся, вроде, не собираясь произносить благодарностей.

— Я, пожалуй, отправляюсь по делам, — не очень уверенно сказал каленусиец. — Ваш враг долго не вернётся, — ободряюще добавил он. — Я уже сказал, что потусторонника трудно убить, но боль он всё-таки чувствует.

— Это гость уже приходил вчера утром.

— Выжидал. Ему нужны были не вы, Мик, а Риордан. Причём, живым и более-менее целым. Он убедился, что Риордану оказана помощь, и сегодня вернулся, чтобы забрать своего пленника.

Магистр кивнул.

— Ловля на живца, — пробормотал он. — Потустороннику нужен образец. Тот самый. Он хотел получить его от меня. Ты просто мешаешь ему, друг Северин.

— Потусторонник хочет не допустить трансмутации на иллирианской территории, — быстро сказал Август. — Если укрыть контейнер где-нибудь в столице, допустим, в разбитом здании или в канализационном коллекторе, то через недолгий срок живых в Порт-Иллири не останется.

— Линдер собирался сделать то же самое.

— Неизвестно, являлся ли потусторонник Линдеру, — возразил Линдер. — Может быть, они поладили, но не до конца, ведь покойный регент честностью не отличался. Если бы преторианцы точно знали о свойствах контейнера, они бы не позволили боссу пустить его в ход. Никто в секретном центре умирать не собирался. Просто их учёные поняли правду слишком поздно, когда уже начали сходиться с ума.

— Зачем он противостоял трансмутации? — спросил ошеломлённый Северин.

— Потусторонник сам по себе ничто. Хозяину потусторонника не выгодно усовершенствование человечества, невыгодно до такой степени, что он пойдёт на любые жертвы и затраты.

— И это говорите вы?! — вмешался Риордан. — Вас, мне кажется, жертвы тоже не смущают.

Августа передёрнуло.

— Они меня смущают. Просто иногда приходится выбирать меньшее зло. Я не могу приблизиться к контейнеру и унести его, потому что умру, и, хотя, смерть меня не особенно пугает, брошенным предметом воспользуется кто-нибудь другой, по злему умыслу или по неведению — без разницы. Но можно оставить образец в горах, в безопасном месте, о котором никто не узнает.

— Поэтому вы решили убить последнего свидетеля, меня? — снова спросил магистр.

Мутант не ответил, но Мик понял всё.

— Вы прочитали мои мысли, моё прошлое, историю гибели моего отца, ещё там, в степи?

— Да.

— Вы вернулись в Порт-Иллири и попытались уничтожить моего друга, единственного, кто знает, где спрятан контейнер и который может взять его в руки безо всякого вреда для себя?

— Да. Сначала я хотел ограничиться наводкой забвения, но понял, что не смогу справиться с вашим приятелем. Тогда я использовал пистолет.

— Ну вы и сволочь.

— Я сострадатель. Мне очень трудно кого-нибудь убить. Но тысячи... сотни тысяч погибших... Поймите, Мик, он, Риордан только один. Я верю в его порядочность, но не доверяю его стойкости. Вас заботят друзья и родные, а меня — только человечество. Каким бы злым и бестолковым оно ни было, я люблю людей как вид и готов сделать всё для их выживания.

Ни медик, ни Северин не нашлись, что ответить.

— Почему вы не довели дело до конца? — спросил, наконец, медик.

— Сначала мне помешал настырный потусторонник. Он забрал раненого и спрятал, хотя и не надолго. Потом я не решился стрелять на глазах у Северина.

— Вы ещё раз будете меня убивать? — поинтересовался Риордан.

— Нет, — ответил Август очень серьёзно. — Кое-что нужно или делать сразу или не повторять никогда. Поэтому я ухожу и не прошу извинений. В конце концов, удачное спасение одного человека компенсирует неудачное убийство другого.

Он встал и удалился, прямой, правильный, добрый и беспощадный, словно охваченный холодным ветром.

Мика вывела из задумчивости яростная брань медика. Тот ругался самозабвенно и долго, поминая древних демонов и полузабытых богов.

— Вот за это я и не люблю таких как он ребят, — под конец брюзгливо заключил толстяк. — За благо человечества они размажут тебя как кашку. Я рад был забыть место тайника, но не могу. Неплохо было бы иметь сговорчивого товарища — неболтливового, тупого, к тому же невосприимчивого к пси-распаду, чтобы он перепрятал проклятый образец в такое место, о котором я уже и знать не буду. И что же? Таких людей нет. Умерли все, кто имел дело с контейнером, а первым умер тот отморозок, который продал эту штуку твоему отцу. Помню, над телом парня выл пёс, почти такой же масти, как твой. Джури привез своё животное из Ахара, он говорил, что подобрал ничейную тварь в степи, они везде ходили вместе...

Риордан всё говорил и говорил, но Северин уже не слушал друга.

— Я знаю такого товарища — не болтливового и, как ни странно, невосприимчивового. Он пробыл близ контейнера и всё-таки остался жив.

— Кто? — сердито спросил магистр.

— Разгадка была близка, мы просто не замечали её... Я даже не знал, какое странное существо устроилось рядом со мной.

— Да кто же? — повысил голос Риордан, встряхивая за плечо заторможенного Мика.

— Общая собака, моя и Джури, эта самая собака Лотер...

Часть четвёртая. ХРОНИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ЗИМЫ

Глава 12. Пророк обязан умереть — 1

Восточный сектор Конфедерации, затем Арбел.

Путь до границы с Арбелом Келлер проделал в одиночку на купленном каре. Поддельный конфедеральный жетон выглядел безупречно, подозрения могла вызвать только норма-ментальность водителя, но он купил шлем и не снимал его даже на ночь.

Приграничный берег Таджо белел заносами, в окулярах бинокля как пупки торчали сторожевые вышки. С этого момента шлем грозил сделаться бесполезным и даже опасным — потревожить какого-нибудь штатного пророка охраны, но выбросить единственную защиту у Юлия не поднималась рука. Он ограничился тем, что выдал из височного гнезда блок питания и сунул его в рюкзак, на дно, положил туда же шлем, обернув оба предмета плёнкой. Машину пришлось загнать в овраг и там оставить. Это увеличивало годовой долг самого Келлера, однако он решил не думать о неприятностях раньше времени. Два дня прошли почти без толку. Мёрзлая река блестящей полосой тянулась на север. Голое ледяное поле просматривалось насквозь. Там, где ключи впадали в основное русло, лед истончался до тёмного провала полыньи. По ночам совсем близко фыркали одичавшие пони. Временами их табун появлялся у воды, полумразные животные позволяли трогать себя, но при попытке сесть верхом лягались и отбегали в сторону. Поломанный наст подсказывал, где кормится табун — на противоположном берегу, в Арбеле. Юлий потратил часть пищевых концентратов, задабривая жоака.

Даже в самые глухие часы ночи южную сторону горизонта окрашивал всполохами огней Мемфис. Там было физически комфортно, но опасно.

Келлер в Мемфисе не сунулся, он остался на пустоши, для укрытий выбирал густые, хоть и безлиственные от холода заросли, часто меняя место, каждый раз сооружая шалаш из веток. В остальное время думал, ждал и грел пальцы возле спиртовки, бесстрастно наблюдая, как убывает запас горючего.

Решение сложилось само собой, в то самое утро, когда иллирианец разглядывал полосу странно истончившегося снега. В летние месяцы самый внимательный наблюдатель не понял бы ничего, но кабель, зарытый поздней осенью, выдавал себя этой полосой.

Келлер не поддался соблазну перерезать медный нерв сигнализации... Он начал действовать, лишь отоспавшись и отогрев пальцы — сначала долбил мёрзлую почву, понемногу обнажая кабель, потом аккуратно вспорол плотную оболочку ножом. Крошка-кибер впился контактами в сердцевину линии, замыкая её на себя. Келлер выждал, не грянет ли тревога, но стояла тишина — лишь уныло свистела метель. Вчерашняя видеозапись пошла в систему, создавая ложный сигнал: образец сонного зимнего спокойствия...

Очень жаль, но кибера пришлось оставить возле кабеля. Садиться на пони верхом Келлер не решился, но шаг коротконогих лошадей позволял человеку не отставать.

«Теперь всё зависит от того, замаскирует ли их аура мою».

Животные не торопясь переходили реку по льду. На фоне белёсого неба зимы ясно выступили силуэты вышек, там, в специальных коконах, грезят в полусне чужие пророки...

Над суевериями можно смеяться, но не считаться с ними нельзя. Референт Оттона никогда не сомневался в проницательности священников Разума, да и в беспощадности тоже. Над мохнатыми спинами пони клубился лёгкий пар. Речной лёд кончился, сменился кочкам чужой земли, верхушки вышек скрылись за цепью пологих холмов, и Юлий успокоился — самое опасное место он уже проскочил. Через полчаса (слишком поздно), с конфедерального берега донёсся унылый и бесполезный сигнал тревоги.

* * *

На отдых Келлер останавливался, где придётся, обычно — в маленьких крестьянских хуторах Арбела. Цивилизация мало коснулась этих мест, хозяева избегали прямых вопросов, а заглядывать в чужие мысли запрещает религия луддитов. Выключенный шлем отлёживался на дне рюкзака, под консервными банками и запасной одеждой. Иллирианца мог выдать лёгкий акцент, но акцент он приспособился маскировать под притворным заиканием.

К концу первой недели напряжение и холодные днёвки сделали своё дело — боль в колене беспокоила всё сильнее. Приём допинга оборачивался такими видениями, что Юлий подумывал, не выбросить ли в снег две-три оставшиеся дозы. Он всё же использовал одну по назначению, и во сне увидел лабиринт. Туда не проникало солнце, но призрачный, неведь откуда взявшийся свет позволял увидеть бетонные плиты стен и угловатые силуэты чужаков. Несмотря на странность, место вовсе не выглядело иллюзорным...

— Ты кричишь во сне не по-нашему, — сердито сказал очнувшегося гостю хозяин.

— Моя мама была иностранка, — не без тонкой иронии ответил бывший референт императора, и фермер-псионик, способный самоучка, не искушённый в словесной игре, увидел правильность утверждения и сразу успокоился.

Келлер же не стал испытывать судьбу и ушёл рано утром, как только посветлела полоска неба на востоке.

...Маленький хутор поначалу выглядел безопасным. Глухая баба равнодушно ткнула локтем в сторону сарая. Вечером она доила коз — Келлер хорошо слышал посвистывание автоматической доилки. Крестьянка сидела на перевёрнутой корзине и наблюдала за вознёй маленького кибера, её веки совсем не дергались, как будто заодно она грезила наяву. Дочь хозяйки, грудастая деваха с влажным ртом лениво обрывала с низких кустов гроздь почти перезимовавших, в тонкой коже ягод.

Ужина гостю не предложили, пока он не показал гинею. Монета была каленусийской, но, по счастью, такие деньги ходили и в Арбеле.

Ночью Келлер проснулся, потому что услышал дыхание девушки, ощутил быстрые прикосновения рук. Она всю шарил в его карманах. Псионичка почувствовала пробуждение гостя, и круглое лицо сложилось в пренебрежительную гримасу.

— У тебя нет излучателя, — насмешливо сказала она. — Ты ничего мне не сделаешь. Только попробуй, и я испорчу твою голову.

Шлем на дне рюкзака девушка не заметила или не поняла назначения странного предмета.

— Не будем ссориться, — примирительно предложил Келлер. — У меня есть деньги. Если это тебя устроит, можешь забрать их все.

— Я заберу, что понравится, но после того, как мама тебя убьёт.

Она не торопилась, наслаждаясь властью.

Иллирианец прикинул, сумеет ли женщина прочитать чужие мысли. По поведению получалось, что едва ли.

— Не сердись, пожалуйста. Я выполню всё, что ты прикажешь. Если ты не против, подарю тебе ещё кое-что и научу этим пользоваться. Эта вещь у вас вне закона. Дорогая электроника, которая доставляет удовольствие. Ты можешь оставить её себе или, если не боишься, продать любителю в Арбеле...

— Я не боюсь ничего, — довольно наивно ответила крестьянка. — Но мне не нужны эти ваши Разумом проклятые штучки для грешников.

Помешать девушка, впрочем, не пыталась. Он, не вставая, подтянул к себе рюкзак, на ощупь вдавил в гнездо блок питания, вытащил шлем и, заставляя себя держаться невозмутимо, надел его и застегнул у подбородка.

— Вот, смотри, как это действует...

Грабительница отреагировала быстро, но не моментально, что подтвердило догадку Келлера — девушка никогда не видела запрещённых в Арбеле пси-шлемов.

Бывший референт, не опасаясь ментальных неприятностей, стукнул её кулаком в висок. Ведьма рухнула без крика, словно узел с тряпками. Её глухая мать ждала снаружи. Старуха не могла слышать шагов мужчины, но приближение его почувствовала. Из оружия у неё оказались только вилы, Келлер увернулся, острия ткнулись в трухлявые доски сарая, он же, отобрав опасный предмет, треснул противницу рукоятью по темени.

...Обыск дома ничего не дал — только домашняя утварь, поношенные платья, немного техники, ни книг, ни писем, ничего интересного. Крестьянский вид женщин мог оказаться маскировкой. Вероятно было и другое — мать и дочь попросту промышляли разбоем. Всё же Келлер не стал жечь ферму в отместку. Он связал бесчувственных пленниц и оставил их в сарае, спешно собрал свои вещи и сбежал окружным путём, долго путая следы и прислушиваясь к нарастающей боли в колене...

...На следующий день позёмка усилилась. Холод стоял нешуточный, Келлер поправил рюкзак, натянул на озябшие пальцы рукавицы, хотел было убрать бинокль в рюкзак, но передумал и прицепил на пояс — на каменистых плесах предгорий заросли редели, позволяя следить за оставленной позади равниной. Сейчас равнина была пуста и чиста, никаких признаков погони.

Две последние пачки пищевого концентрата искрошились, под тонкой оболочкой шуршало, Келлер из осторожности решил не разводить костёр, он, не снимая рукавиц, разорвал упаковку и тщательно разжевал содержимое. Осторожности ради, пустую упаковку не бросил, а оставил в кармане.

Недолгий отдых только усиливал усталость — ледяющим ветром прохватывало насквозь. Скалы местами выглядели так, как будто их резали гигантским ножом.

— Эй!

Человек в маскировочной куртке появился из ниоткуда. Скорее всего, он давно следил за пришельцем, но держался не угрожающе,

даже показал пустые, без оружия руки, хотя характерный блеск глаз выдавал в нём псионика.

— Я проводник, — широко улыбнувшись, сказал парень по-каленусийски и скороговоркой добавил условную фразу.

Не считая изменённых мутацией радужек, у проводника была простая и здоровая внешность сельского жителя. Он не принадлежал ордену, а лишь помогал адептам, получая от людей командора умеренную плату. Возможно, он даже не подозревал, что нарушает законы Арбела, хотя сам Келлер в людскую наивность не верил.

Проводник шёл бойко, следуя ему лишь понятным приметам. Тропа петляла вокруг утёса, понемногу спускаясь в долину. Тут гремел маленький водопад, прозрачная вода текла в резервуар, скользкий и обледенелый по краям.

Проводник указал на хижину-развалюху. Её дощатую дверь на пол локтя занесло снегом. Долина сильно походила на место, в котором прошло детство Келлера, но на земле Иллиры климат гораздо мягче, и вместо одинокой хижины там тянулись ряды бараков, а купол храма загораживал виды на ручей...

— Я пошёл, — пробормотал парень и вытер рукавицей мокрый лоб. — Мне велено проводить вас только в одну сторону.

На прощание они обменялись рукопожатием, Келлер выждал, пока чужая спина скроется за уступом скал и сапогом отгрёб от двери снег. В единственной комнате стояли потёмки. Кроме грубого стола на козлах и самодельной табуретки — никакой другой мебели.

Он сел и потрогал распухшее колено.

«Почему сейчас? Что с нами будет?»

Келлер опустил веки, и в тот же миг сработал телепорт. От резкого искажения реальности иллирианца едва не стошнило.

...Когда он открыл глаза, комната исчезла. Исчезло всё, что напоминало о затерянном местечке в стране луддитов, кроме старого табурета. Табурет выглядел чужеродным среди блестящего металла и чистого пластика.

— Добрый день, посетитель.

Гид был синтетический и говорил на внутреннем языке ордена.

— Следуйте вдоль светящейся линии, посетитель.

Келлер встал и пошёл, из самолюбия стараясь не хромать и понимая, что зря старается, — всё равно заметно.

— Не сворачивайте, — посоветовал всё тот же безжизненный голос.

Белая полоса вела к стене, при приближении иллирианца перегородка раздвинулась, за этим проёмом открылся просторный зал,

выдержанный в тёмно-синих тонах. Особое покрытие пола глушило звуки шагов.

— Садись на скамью.

Длинный худой человек, сказавший это, устроился на возвышении, лицо скрывала маска с отверстиями для глаз и рта. Поддельные губы не двигались, но легко пропускали голос. Ещё двое незнакомцев в точно таких же тёмных масках замерли в креслах по обе стороны от высокого.

— Имейте в виду, ваши настроения отслеживаются, насколько это позволяет возведённый при вашей же подготовке барьер.

— Я могу увидеть командора?

— В просьбе отказано. Зенон сам решает, кого ему принимать.

— Я должен объяснить ему причины провала в деле со священным фонарём.

— В таких объяснениях нет необходимости.

— Я сделал всё, что мог.

— Да, ваши способности не позволяли сделать большего.

Страх коснулся Келлера.

«Если они сочтут меня бесполезным, то уничтожат немедленно, и сунут тело в утилизатор. Или того хуже — лишат меня разума и используют как материал для ритуалов».

— Кое-что вам можно поставить в заслугу — например, изменения, сделанные в надписях на менгире судьбы. Работа не сложная, но выполнена добротно.

Человек в маске одобрительно кивнул. Он выглядел не злым, но и не благостным, а, скорее, равнодушным. Равнодушие искусственно создавалось пластиковой личиной, но могло оказаться истинной чертой характера.

— Перейдём к делу, — сказал высокий, и илирианцу показалось, будто в изменённом маской голосе неприятно завибрировала ирония. — Не будем тянуть время. Мы помним, что некогда вы оступились. Орден проявил снисхождение. Вы получили свободу действий, хоть и не даром, потому что любое благодеяние требует возмещения...

Келлер хорошо помнил «возмещение». Пальцы непроизвольно коснулись повреждённого колена, но человек в маске держался так, как будто не видел этого жеста.

— ...В последнее время вы всё же сделали для нас многое. Но, к сожалению, некоторые посвящённые подозревают вас в саботаже. Особенно это касается изъятия «священного» фонаря. Женщина, которая работала вместе с вами, была наказана нашим тамошним резидентом, но лишь постольку, поскольку он не сумел добраться до вас.

— Она ликвидирована? — как можно спокойнее спросил Келлер.

— Нет. Она жива, а ухо не сложно реконструировать. Наш человек поспешил с решением, но его не следует порицать — ваш старый проступок многим внушает антипатию. Эта антипатия распространяется и на ваших помощников.

«Я не должен показывать заинтересованности в чьей-то судьбе, кроме, разве что, в своей собственной. Но разве мои мысли для них не понятны? Эти люди искушены в понимании движений души, особенно тёмных и мучительных».

— Ваша склонность к недовольству и возражениям для нас не новость, — с оттенком некоторого раздражения добавил высокий. — Советники считают ошибкой решение о вашей независимости. Признаться, у нас не так много вариантов. Вы прошли через телепорт и знаете слишком много. Основания для уничтожения всегда найдутся — хотя бы ваши старые проступки против доктрины. Мы могли бы бросить вас снаружи на произвол судьбы, но и такой образ действий многие считают неправильным. Есть третий вариант — полноценное возвращение в орден.

— А такое возможно?

— Да. Если вы докажете свою благонадёжность. Способ вам подскажут.

«Хочу ли я возвращения? Ещё вчера сказал бы себе «нет», но после недель бегства и опасности попасть в такое место многое значит. Потерять будущее глупо, но ещё глупее не вернуть его хотя бы отчасти... И всё же Зенон... И Джено. Между нами никогда не будет ни забвения, ни примирения».

— Командор Зенон не вечен, — равнодушно произнёс человек в маске. — Когда-нибудь он навсегда уйдёт в Великую Пустоту. Место займёт преемник, который ценит верность. В том числе такую, к которой пришли через размышления.

Внешний смысл этих слов лежал на поверхности — не поймёт разве что дурак. Но был и второй смысл, тайный.

«Или эти трое в оппозиции к Зенону, или меня настойчиво испытывают. Стоит ошибиться хоть на волосок, и я сделаюсь трупом».

— У вас есть приказания? — прямо спросил Келлер.

— Пока только вопросы. Вы знакомы с дочерью консула Арбела?

— Да.

— Насколько тесным является ваше знакомство?

— Оно только косвенное, через её брата. Девушка — стихийный пророк, по признакам пророк довольно сильный. У неё были ви-

дения фатального толка, касающиеся её самой. Я не берусь судить, насколько они правдивы, её брат, Северин, обратился ко мне за помощью, потому что знал меня как сведущего человека, бывшего чиновника администрации Оттона.

— Расскажите о своих действиях в её отношении, совершённых по приказу командора.

«Зачем он спрашивает? Проверяет меня на искренность или пытается интриговать против старика. Возможно и то, и другое вместе».

— Я действовал только в рамках предписанного и разрешённого орденом. Пытался найти записи монахинь Разума, которые бы подтверждали способности девушки, но не нашёл их ни в официальных архивах, ни в закрытых от других секторах Системы, ни в частном бумажном архиве Юлиуса Вэнса.

— Что вы можете сказать о самом Вэнсе?

— Он относительно стар, и, хотя внешне находится не у дел, он до сих пор опасен и влиятелен.

— Вернёмся к дочери консула. Вы сообщали ей какие-либо сведения или дарили предметы?

— Только калейдоскоп, переданный по прямому указанию командора Зенона.

— Девушка приняла подарок, значит, она относится к вам с доверием?

Юлий колебался лишь долю секунды.

«Меня сейчас видно насквозь. Следует отвечать максимально точно и искренне».

— Нет. Она испытывает ко мне умеренную неприязнь, и это связано с порчей менгира судьбы и неудачным вмешательством в дела её брата.

— Она подозревает, что вы действовали по приказанию ордена?

— У меня нет никаких оснований так считать. Она не упоминала ни орден, ни даже возможность его существования. Она не задавала вопросов, которые выдали бы её интерес.

— Насколько интересны её пророчества?

— Они сильны, ярки, но отрывочны, в основном касаются её самой или людей ближнего круга.

— Кем она вас считает?

Келлер не посмел улыбаться, хотя ответ он точно просчитал заранее:

— Авантюристом. Бывшим приспешником тирана Оттона. Человеком, ради денег берущим сомнительные заказы. Последнее

в известной мере справедливо, я работал за солидную плату с частными клиентами в Порт-Иллири и в столице Конфедерации. Вы должны знать об этом, поскольку отчисления шли ордену.

— Как она поведёт себя, если увидит вас в Арбеле?

— Не знаю. Псионики — существа непредсказуемые.

— Вы сумеете встретиться с ней?

— Да, если вернусь обратно. Элита Арбела живёт относительно открыто. Моих возможностей хватит на одну встречу. Но если дочь консула не захочет поддерживать знакомство, мне придётся подчиниться и отойти.

Человек в маске кивнул.

— Вернитесь через телепорт в Арбел и уничтожьте её при первой же встрече. Как только вернётесь, орден рассмотрит вашу просьбу о восстановлении в правах. Получите даже большее.

— Я сделаю всё, — ответил Келлер, изо всех сил стараясь подавить беспорядочное биение мыслей.

— Тогда идите. Вас проводят в помещение для гостей. Необходимое снаряжение получите у младших послушников.

— Да, но...

— Что, вы опять сомневаетесь?

Келлера пробирала дрожь, но он загнал её поглубже, теперь смятение скользким червячком крутилось под рёбрами. Он знал, что не может позволить себе ошибиться, потому что растратил много сил и не перенёс бы неизбежных последствий.

— Не сомневаюсь ни в чём. Но необходимы формальности — приказ должен исходить от самого командора Зенона.

— Ваше желание будет исполнено.

Один из спутников высокого медленно стянул маску и смял её в кулаке. Владыка Зенон почти не изменился, то же полустарческое-полуюное, странным образом лишившееся возраста блёклое лицо и сухощавое, подтянутое тело.

— Я слушал внимательно. Приказ моего заместителя остаётся в силе. Займись делом, и, если время позволит, я дам тебе аудиенцию перед отправкой в телепорт...

Келлер почтительно склонился и ушёл, снова следуя светящейся полосе. Отведённая «гостю» комната выглядела простой до аскетизма: голые пластиковые стены, откидное место для сна, умывальник и унитаз за раздвижной перегородкой. Ни стола, ни стула, но надобности в них не возникало — послушников кормили в общей столовой, а делать записи в такой ситуации стал бы разве что дурак.

Келлер встретил вечер, валяясь на жёсткой койке и рассматривая идеально гладкий потолок. Он прокручивал мысли словно видеоряд, стараясь не упустить важной детали, и, чем дальше, тем больше убеждался в безнадежности миссии, взваленной на него Зеноном.

«Мне придётся иметь дело с ведьмой. Она умна, но её поведение не логично. Использовать защиту нельзя, шлем меня скорее выдаст, чем сохранит. Вдобавок придётся обойти лучших телохранителей Арбела. Не может быть и речи о том, чтобы стрелять в упор, но даже при атаке с большого расстояния мои шансы уцелеть ничтожны. Я никогда не видел Дезета в лицо, хотя знаю о нём достаточно. Если я не погибну в первую же минуту, он не отступится. Меня вытащат из-под земли. Перекроют не то, что шоссе и дороги, а даже тропы. У них каждый крестьянин — провидец и телепат. А Зенон... Зенон, конечно, не может не понимать правды».

Неконтролируемая паника едва не овладела иллирианцем.

«Командор берёт Кэтти в заложницы и швыряет меня в авантюру, но при этом позволяет увидеть и запомнить место телепорта. Или здесь обман держится на обмане, или я умру, как только выполню приказ, а убийца будет стоять за спиной. Быть может, тяга к смерти вмонтирована в нас изначально. Достаточно условного сигнала — символа, слова, жеста...»

Но он не чувствовал тяги к самоубийству, напротив, жить Келлеру очень даже хотелось.

«Зачем это преступление ордену? С точки зрения обывателей, Нина довольно неприятное существо, но не более того, а Зенон далеко не обыватель».

Фантазировать на основе скудной информации не стоило. То ли эйфория кратковременной безопасности повлияла, то ли привычка к послушанию сказывалась, но ситуация понемногу перестала казаться Келлеру безнадежной. Он обдумал дело и уснул спокойно, но проснулся поздно, чувствуя себя физически разбитым.

— Вы пропустили завтрак, — ехидно звякнул кибер-администратор.

— Брысь. Я не голоден.

Недомогание, похожее на простуду с жаром, всё нарастало. При помощи зеркала для бритья Келлер осмотрел своё лицо и шею, но сыпи не обнаружил. В бегстве не трудно было поймать тиф или кое-что похуже, где-нибудь на маленькой грязной ферме, среди скота и его хозяев.

— Мне нужно к врачу.

— Ступайте в коридор и далее — по белой полосе, — ответил невидимый кибер-администратор.

«Интересно, донесёт ли кибер руководству, что я, возможно, инфицирован? Вот бы и вправду заболеть на время».

Келлер уже не надеялся отвертеться от рискованного плана, а покорно шёл вперёд и старался запомнить дорогу, но сбивали с толку пресечения одинаковых, без окон и указателей коридоров.

«Насколько велико это строение? И где оно — под землёй?»

Юлий представил себе тяжесть и холод этой толщи.

«А с чего я взял, что вокруг земля, а не море?»

Воображение тут же услужливо нарисовало слепые морды глубоководных чудовищ, но сооружение казалось слишком большим для того, чтобы поместить его на глубину.

Мысленные эксперименты прервал чужой голос, на это раз не синтетический, а человеческий:

— Плохо? — заботливо спросил он. — Разгул воображения, знобит, лихорадит, чешется кожа? Жаром обдаёт? Мерещатся стихии и животные?

— Ага.

— Тошнит. Блюете часто?

— Нет пока.

— А, не берите в голову. Никакой инфекции. Побочный эффект телепорта, случай ясный. Впрочем, проходите в лабораторию и присядьте, я на всякий случай возьму у вас анализ крови.

Келлер последовал за врачом, в чистом до блеска отсеке опустился на пластиковую табуретку, закатал рукав.

— Хорошая вена — подбодрил медик, орудуя иглой. — А с коленом у вас что? Старая травма? Должно быть, много ходили в последнее время, а чтобы справиться с нагрузкой, принимали наркотик. Вот и результат! Причина гнездится в вашем мозгу. Многие лекарства не совместимы с телепортацией.

— Надолго эта трясучка?

— На день-два, потом само пройдёт. И впредь не доверяйте фармацевтике и технике слепо. Я дам вам средство от аллергии.

Медик Келлеру понравился, он, как и проводник-крестьянин, был свежим человеком со стороны.

«Все простакки ловятся одинаково. Причина — нехватка денег или карьерная неудача. Сначала, выгодное предложение вербовщика, щедрый контракт, вроде бы неправительственная гуманитарная организация, и пачка золотых обещаний в придачу. Потом парень полу-

чит стерильный отсек, койку и паёк послушника, а из штаб-квартиры выйдет только в виде праха, обработанного в утилизаторе».

— Вы посидите намного один, я проверю анализ, — сдержано попросил врач.

Он ушёл в соседнюю комнату и замок за собою запер. Келлер прогулялся по отсеку, потом на всякий случай пошарил в столе, но не нашёл ничего интересного — ни бумаг, ни электронных носителей, только реактивы непонятного назначения. Ещё один выход вёл в короткий коридор-тупичок.

— Можешь открыть засов? — спросил оттуда дребезжащий голос.

— Могу, но не хочу. Говорите через дверь.

— А через дверь я не хочу. У меня, между прочим, есть достоинство.

— Врач будет недоволен, если я помешаю вам лечиться.

— Он не узнает.

Запертый человек засмеялся.

«Психопат, должно быть, — не без основания решил бывший референт Оттона. — Нервные срывы у нас не редкость, есть в обычаях ордена нечто такое... Одним словом, то, что способствует».

— Я к вам зайду, но не надолго... И не вздумайте шалить, а то мы подерёмся.

Придуток, с виду человек в годах, близоруко рассматривал чужое лицо. Потом ухмыльнулся, как будто узнав гостя.

— А, это тот самый... Забыл имя. Много забываю в последнее время. Говорят, провалы происходят из-за телепорта, но я совсем не хожу наружу. Даже цвет неба забыл.

— Давно в больнице?

— Только неделю. Не пройдёт и месяца, как меня переведут отсюда, не важно, поправлюсь я или нет, потому что некому работать в оранжерее. У этих недотёп ничего не растёт... Здесь много желающих пожрать, а поэтому нужны свежие фрукты... Тебя ведь правду разжаловали из старших адептов?

— Да.

— За что?

— Я нарушил приказ командора.

— Мы все так делаем, когда никто не видит.

— Не все.

— Зенон — такой же кусок самолюбивого мяса, как и любой из нас. Чем он лучше меня? Чем он лучше тебя? Знаешь, как был создан орден?

— Хватит, мне пора.

— Нет, послушай... Тебе говорили...

— Да, мне много чего говорили, как и любому ученику. Мы — древняя организация, часть планетарной традиции.

Адепт разозлился, цепкими, как когти беркута пальцами ухватил Келлера за отвороты куртки и с неожиданной силой прижал его к металлической стене.

— Не смей повторять брехню! — бешено заорал он. — Ты одно время работал на Оттона, так вот, всё главное произошло, когда он только-только забрал власть. Ты, малыш, тогда ещё не сиделся на горшок — тебя просто не было. А я был молодым парнем, без видов на большую удачу, но здоровый и с кулаками, приставленными куда надо. И моя башка не теряла мысли на ходу...

— Сейчас придёт доктор. Или, ещё лучше, я позову ребят из охраны.

— Зови. Но потом издохнешь от досады, что не услышал правды.

«Я-то знаю, что везение случайным не бывает, оно бывает только идеально организованным. Никому не попадаются говорливые психи, если, конечно, их не посылает... Зенон!»

Келлер оторвал от себя рассерженного информатора, слегка толкнул его на койку и, выскочив наружу, поспешно задвинул засов.

— Дур-р-рак! — раскатисто доносилось вслед.

Иллирианец вернулся назад и остановился в растерянности — медицинского отсека на прежнем месте не оказалось. Реальность снова предательски изменилась, вместо круглой комнаты и столов доктора Келлер видел только тесную площадку, которая венчала винтовую лестницу. Лестница убегала в полутьму нижнего яруса.

«Иллюзия или я перепутал переходы?»

Против версии с иллюзией свидетельствовала добротная, хоть и неприглядная реальность — пыль на арматуре, островки облупившейся краски на металлических выступах ступеней. За лестницей, вдоль тёмного коридора тянуло техническим сквозняком, горячий воздух провонял металлом и дезинфекцией, горечью и неживой активностью машин. Потягивало и виварием. Коридор заканчивался тупиком, перегородку (гладкую и едва ли не влажную на ощупь) поставили совсем недавно, смонтировав из новых пластиковых листов. Слишком аккуратная разметка выдавала работу киберов. По другую сторону охрипший человек монотонно тянул и тянул незнакомую мелодию. Слов не было, но ритм выдавал нечто походное.

Келлер, ругнувшись в душе, повернул назад. Дверь над винтовой лестницей не подавалась. Скорее всего, запор, устроенный по другую сторону створки, сам захлопнулся от сквозняка.

— Доктор! Отоприте, чёрт возьми! Я выходы перепутал! — заорал бывший референт императора Иллиры.

Бесполезные крики глушил хриплый хохот старого адепта, запертого в палате для умалишённых.

«Дурацкое положение для такого человека, как я».

Келлер потащился обратно и у временной перегородки и сел прямо на пол, размышляя, как выбраться из ловушки, не роняя себя окончательно.

— Есть тут кто живой?

Кто-то, определённо, там был, певец продолжал тянуть свою монотонную и тоскливую мелодию, сопровождая пение ритмичным постукиванием по металлу. Иллирианец вытряхнул из карманов мелочь, выбрал самую мелкую монетку с изображением грифона и её ребром открутил монтажный болт перегородки, проделал то же самое с остальными и, аккуратно отделив лист пластика, поставил его к стене.

В образовавшееся отверстие можно было протиснуться боком. Пение сразу же прервалось. Свод коридора задевал макушку, как будто проход предназначался не для людей, а для обслуживающих машин.

— Вы — техник? — спросил Келлер у замолкшего певца по-иллириански. — Если техник, объясните, пожалуйста, как отсюда выйти.

Неопределённый силуэт возник в сумеречном боковом проходе. Тупик отгораживала решётка из толстых прутьев. Чужое лицо приблизилось. Запертый человек сидел совсем близко, обмякнув мешком и привалившись к прутьям плечом. Он не пытался дотянуться до иллирианца, а лишь рассматривал его с непонятной смесью радости и отчаяния.

— Вы кто?

Незнакомец был одет в потрёпанные брюки и футболку армейского образца и казался старше Келлера. Он до сих пор оставался крепким и, скорее всего, ещё недавно имел квадратное, решительное лицо с волевым подбородком, но заросшие щетиной щёки опали, под яркими глазами залегли синюшные круги.

— Я — псионик, а что толку? Киберы колют мне наркотик, так что практической пользы от способностей никакой.

— Судя по акценту, вы — каленусиец.

— Капитан армии Конфедерации Мирс. Вы как попали сюда?

— Я наёмный работник.

— Тогда бегите, покуда можете.

— У меня тут жена.

— Что ж, считайте, вам отчасти повезло, — безо всякой вежливости буркнул каленусиец. — Есть хотя бы намёк на выбор — удариться в бега и чувствовать себя вольной сволочью или продолжать мучиться, чтобы вам когда-нибудь вернули жену, которую вам никогда не вернут.

— Я сам отыщу её и незаметно уведу через телепорт.

Мирс хрипло засмеялся; безуспешно, но сильно, так что, посыпалась тонкая труха ржавчины, потряс решётку.

— Не выйдет, дружище, отсюда не убегают. Меня самого подловили в степи и так обработали, что одна только мысль о драке вызывает сильный мандраж. Это у меня-то! С моим послужным списком. Аппарат для укрощения походил на фонарь. Я думал, мне просто светят в лицо. Если бы я знал, в чём тут загвоздка, лучше бы умер на месте. Забавно, они проверяют свою технику на собаках? Слышите лай? Тут виварием воняет. А как они поломали вас?

— Я от рождения мирный человек, — без запинки соврал Келлер.

Мирс без одобрения воззрился на собеседника:

— Тогда ваша песенка спета.

— Хотите дать мне совет практического толка?

— Никаких советов. Впрочем... Ваша супруга хороша собой?

— Да.

— Тогда она не пропадет, мне кажется, у орденских заправил в дефиците смазливые бабы. Впрочем, если ваша женщина больна или некрасива, то наверняка уже убита. В любом случае — бегите и скройтесь, как только они вас выпустят. С такими глупостями, как мирный нрав, вы тут ничего не измените.

— Хотите, я попытаюсь сломать решётку и освободить вас? Если, конечно, вы согласны рискнуть.

Мирс задумался, но потом махнул крупной рукой, решительно, хотя и с явным сожалением.

— Спасибо. Оставьте тухлую идею.

— Почему?

— Инструменты только у киберов, они часть их конструкции и спрятаны в самой глубине, под кожухом. Вы понимаете? Люди сами сюда не ходят. Меня кормят машины, моют машины, караулят машины, они же убирают дерьмо. Люди явятся, если им понадобится моё мясо для ритуалов или остатки моего сознания — на обмен. Хотя, скорее всего, я сдохну здесь, потому что псионик...

«Теперь понятно, почему неудачу с фонарем мне простили так легко, — тоскливо подумал Келлер. — Ещё одну копию отыскал

кто-то другой. Мирс был материалом для экспериментов, его воля сломлена, он не может сопротивляться никому, хотя мысли и остались прежними. В том-то и тонкость. Намерения у него боевые, да на реализацию не хватает пороха».

— Я заблудился и не знаю, как выбраться на верхний ярус, — почти искренне пожаловался иллирианец.

— Приложите руку к киберу, машина считает ваш сигнал и запросит хозяев. Получит приказ и выведет наружу.

— Спасибо.

— Эй! — закричал каленусийский капитан уже вслед.

— Что?

— Не забудьте, что меня зовут Мирс.

— Запомню.

— Не воображайте, будто я растёкся лужей и поверил в вашу доброту. Этими сказками про баб-заложниц меня не проведешь. Вы самый обычный информатор, такой же орденский сукин сын, как и все остальные...

— Вы ошибаетесь, — как можно спокойнее отозвался иллирианец. — Я такая же жертва, как вы.

— Врите больше. Но пока остается хоть один шанс из тысячи, я собираюсь воспользоваться им. Если выберетесь отсюда, если ваша проклятая продажная совесть вам позволит, сообщите в Порт-Калинусе, что я ещё жив. Меня зовут Мирс. Пусть меня вызволят. Вы запомнили? Мирс! Но если я тут задержусь, то забуду собственное имя. Я Мирс! Вы-то не забудете?

...Референт Оттона побыстрее убрался прочь.

«Получить бы назад свой статус».

Кибер, к которому он прикоснулся, и впрямь, потрусил в сторону и вывел адепта через служебный ход. Остаток дня пришлось провести на койке, в ознобе и депрессии, преодолевая «синдром первой телепортации». После ужина пневмопочта выплюнула контейнер с посылкой от врача: лаконичную успокаивающую записочку «ИНФЕКЦИИ НЕТ» и плотно запечатанную упаковку мелких, желтоватых таблеток. Записку Юлий сохранил для отчёта, с таблетками рисковать не стал — распечатал, имитируя приём, раздавил пальцами пару колёсиков, порошок выбросил в унитаз и тут же залил водой.

«Интересно, как теперь поживает Джено?»

Бывший наставник Келлера, в отличие от Зенона, не показывался.

— На вечернюю службу! — гнусаво протянул невидимый кибер-администратор.

Келлер сменил куртку на другую, форменную и почище, которую нашёл в нише и присоединился к веренице спешащих адептов, стараясь ничем не выделяться среди других. Храмовый зал был огромен. Ступени шли полукружностями: ряды возле стен выше, потом пониже и тем ниже, чем ближе к святилищу Оркуса. Алтарём служила призма из камня, по виду из базальта — нечто тёмное, шлифованное и тяжеловесное. Келлер остался в задних рядах так, чтобы без помех изучать людей, но изучать удавалось только спины. Окрашенный чёрным купол колыбался живою тьмой — был то психический эффект или искусная оптическая иллюзия, разобрать не получалось, но зияние пустоты и близость огромного провала понемногу завораживали. Адепты почтительно молчали. Служба Оркусу тянулась своим чередом — Келлер машинально взял у служителя лезвие, так же, как и другие, сделал надрез на тыльной стороне собственного запястья, капля упала в чашу, на дне уже скопился слой быстро густеющей крови. Человек в маске, худой фигурой напоминающий командора Зенона, действовал у алтаря, но Мирса не привели, должно быть, Оркус оказался сыт и собирался ограничиться чашей. Келлер давно не участвовал в ритуалах, из осторожности он избегал их, войдя в число приближенных императора. Преуспевающий чиновник Канцелярии Дворца считал, что окончательно потерял вкус к мистике зла. Сейчас Юлий понял, как ошибался.

...Чёрное небо в редких точках тусклых звёзд, неотвратимо притягивало. Несмотря на замкнутость помещения, холод бесконечного пустого пространства веял извне. Пустоту пронизывало физическое присутствие Оркуса. На этот раз он явился в форме медленного, насмешливо наблюдающего существа, если в нём и мерцала толика безумного веселья, то веселье это оставалось неуютным как пустота космоса. Казалось, будто взгляд Оркуса шарит по крошечным фигуркам адептов. На секунду внимание коснулось самого иллирианца.

Экстаза от контакта не наступило. «Ты атеист», — некогда бранился Джено. «Ты небрежен, словно ребёнок», — бесстрастно укорял Зенон. Это были только слова. От Оркуса струились холод и отвратительная тоска. Иллирианец, как мог, попытался избежать прикосновения. Он искал поддержки в самых ярких воспоминаниях, но воспоминания как на подбор пошли мучительные — мёртвый Викки, Тася с искажённым лицом, Кэт, ненавистный Джено, Оттон, опять Кэт — такая, какой он её запомнил в Ахаратауне, потом госпиталь в Порт-Иллири, недавнее бегство по холодной равнине.

«Знаешь, иногда мне хочется просто мести».

В толще мирового зла и отрицания шевельнулась искорка циничного интереса. «Действуй, малыш». Так бродяга, отдыхающий в лесу, направляет соломинкой приглянувшегося муравья. Страх уже поблёк. Явилась нечистая радость. Веселье и зло смешались в единое целое. Это не был экстаз, зато обострилось воображение и укрепились логика, оставалось только использовать новое состояние. В конце концов, то ли Оркус напомнил насчёт неизбежной расплаты, то ли эхом прозвенели собственные мысли Келлера.

Наваждение кончилось, помятые и ошарашенные адепты сгруппировались у выхода, собираясь разбредиться по комнатам. Усталость разом навалилась на людей, словно куча песка.

— Командор вас ждёт, поспешите.

Толстяк неопределённо-белёсой внешности, посмотрел иллирианцу в лицо, развернулся и пошёл, пряча широкие ладони в длинные рукава. Прихрамывая и ругаясь в душе, Келлер едва успевал за текучим, быстрым чужим движением. Пару раз силуэт провожатого смазался и поплыл, но существо опомнилось и остановилось, поджидая подопечного.

— Командор у себя в покоях.

Зенон и впрямь ждал, измождённый, анемичный, как будто крови у него поубавилось. Прозрачный многогранник, с маленькой молнией, заключённой внутри, бросал сполохи на костлявые руки властителя, на его острое, старо-молодое лицо, на длинную хламиду и чёрные полированные подлокотники кресла. Курилась смола в чечанной чаше. Кибер, вздёрнув манипуляторы, держал круглый поднос. Командор время от времени отхлёбывал из каменного кубка, а потом аккуратно возвращал посудину на подставку. Разглядеть, что там налито, не удавалось, хотя лёгкий парок подсказывал, что жидкость сильно разогрета.

— Садись, Юлий. Вот так вот, лицом к лампе на этот табурет. В кресле мне удобно, а если ты останешься стоять, командору придётся задирать голову. Такая поза не пристала старику.. Я разрешаю говорить, почему ты молчишь?

— Мы долго не виделись.

— Знаю. Ты сильно переменился.

— Я устал.

— Ты устал сопротивляться естественному ходу вещей. Нельзя оставаться в Ордене и находиться вне его. Когда-нибудь придётся выбрать окончательно.

— Я уже выбрал.

— Испытание делом покажет... — заметил Зенон, кибер, повинувшись стандартному жесту, долил хозяину горячего напитка. — Знаю, что работа трудная, поэтому я выбрал тебя. Ты способный, смелый, легко ладишь с людьми. Ты не похож на других, в нашей ситуации это большое достоинство. Оно перевесило многие твои недостатки. Не так уж часто в ордене используют отступников.

— Я не...

— Не спорь.

— Вы простили меня?

Зенон промолчал, он снова отпил горячей жидкости, рука старика дрогнула и одинокая капля задержалась на гладко выбритом подбородке.

Капля была почти чёрной. Келлер постарался смотреть мимо.

Оркус ушёл окончательно, испоганив напоследок душу.

— Пока не решил, — ответил командор. — Как тебе это место? Говори правду, свежий взгляд многое замечает.

— В госпитале содержится умственно больной старик, имени я не знаю, но его рассказы сомнительны.

— Не смотри в сторону, Юлий, только мне в глаза. Он коснулся важных вещей?

— Я не стал слушать до конца, но легко понял, что речь идёт о призыве к неповиновению.

— Очень хорошо, мы проверим. Что-то ещё?

«Про Мирса говорить не стоит, Мирс не обязан ордену лояльностью, и его брань не поставят мне в вину».

— Больше ничего. Вы звали меня, и я пришёл.

— Времени на медленную подготовку нет. Послезавтра ты войдёшь в телепорт. Акция в Арбеле опасна, но я в тебя верю. Деньги возьми наличными — трать и не стесняйся. Любое оборудование...

— Нужен способный и деликатный помощник с притягательной внешностью. Я предпочитаю девушку, в паре с которой работал в Порт-Калинусе.

— Ту самую певицу-иллирианку? Зря. Но раз ты просишь, её выпустят. Не стану обманывать — в случае измены женщина пострадает раньше, чем даже ты, бегство не спасёт.

Зенон продолжал говорить бесцветно, не угрожая, а только констатируя:

— Я вовсе не пытаюсь ослабить и запугать тебя, Юлий. Ты очень умный и довольно опытный, так что и в верности, и в отступничестве неплохо знаешь систему расчётов.

— Я вас не подведу, — пообещал Келлер, стараясь подавить ненависть. Подавить не смог, зато загнал её подальше в душу.

— Мы дадим тебе и второго помощника, на этот раз по выбору ордена. Он будет всецело подчиняться тебе и присматривать за ситуацией. Это хороший помощник — сильный и надёжный.

Келлер знал, что отказаться от соглядатая он не сможет.

— Спасибо.

— Пожалуйста. А теперь уходи. Я искренне желаю тебе удачи.

* * *

Иллирианец опять брёл вдоль светящейся полосы, понапрасну пытаясь придумать спасительный финт. Оркус ушёл окончательно, испоганив напоследок душу.

«Беда не только в том, что задание Зенона за пределами сил человеческих. Самое плохое — верить никому нельзя, старик не расплатится».

— Джено?

В проходе замер невысокий, но пропорционально сложенный силуэт. Адепт совсем не изменился — такие же редкие брови, тонкие губы, слабая улыбка, которая (Келлер это знал) ничего не значила.

— Я помню тебя.

— И я тебя не забыл, дрессировщик людей.

Келлер прошёл совсем близко от бывшего учителя, он даже уловил запах вивария, которым пропитался балахон Джено.

Разминувшись, оба они не оглянулись.

А в тёмной комнате Келлера часто, испуганно дышали.

— Кэтти?

— Да. Только не включай лампу.

— Мне нужно на тебя посмотреть. Ты точно в порядке?

Лампа вспыхнула сама собой, видно, бытовой кибер среагировал на появление нового человека. Стало заметно, как похудела Кэтти, свои тёмные волосы она густо начесала на уши. К счастью для Келлера, женщина не плакала, наверное, выплакалась раньше.

— Не трогай! Не смотри, тебе будет противно.

— Это из-за меня. Я очень виноват.

— Нет! Я была плохой помощницей, Юлик. Часто мешала. Пожалуйста, не мсти им, иначе они тебя...

Келлер, который опасался прослушивания, зажал Кэтти рот, и она покорно замолчала, но когда он убрал руку, губы иллирианки

всё-таки задрожали от плача. Тогда Келлер ласково погладил её тёмные волосы.

— Ложись спать, котёнок. Мне дали денег, и дали много. Сделаем тебе регенерацию. Вот увидишь, в будущем всё сложится замечательно.

Она утихла, но не вполне успокоилась, почти осязаемо излучая тревогу.

— Чего требует этот страшный старик?

— Зенон? Ничего особенного. Я опять должен встретиться с Ниной в Арбеле. Ордену нужен архив Наан, — быстро и убедительно солгал он.

— Тебя убьют люди консула.

— Хватит! Брось говорить глупости, иначе я разозлюсь. За что убьют? За простой разговор с его дочерью? Закончим работу, уедем на западное побережье Конфедерации. Там мягкий климат, красивые места и много людей, среди которых легко затеряться. Документы я тебе сделаю.

— А если ничего не выйдет?

— Тогда к чёрту архив!

— Только постарайся пожить подольше. Я-то знаю, что мне крышка. Из прежних знакомых никто про меня и не вспомнит. А если вспомнят, то плохо скажут, — моталась, мол, по свету такая потаскушка. А ты не забывай меня, Юлик, пока помнишь, вроде бы, и я не умирала.

— Ты меня ещё в два раза переживёшь.

— Я совсем не хочу пережить тебя.

— В один и тот же день умирают только в сказке.

* * *

Он проснулся на исходе ночи. Было очень тихо. Женщина беззвучно дышала рядом.

Частицы головолмки сложились окончательно.

Келлер понял свою возможную судьбу и настоящий смысл пророчества Нины.

Эта догадка опалила его как огнём.

«Лучше всё забыть немедленно. С такими идеями далеко не уйдёшь и ничего толком не сумеешь. Колебания — вот что опасно для меня. Колебания — это конец».

Но он уже знал, что забыть не получится.

Иллирианец, стараясь не потревожить женщину, бесшумно встал, нашёл на дне рюкзака шлем, развернул слои пластика, вернул на место блок питания и проверил устройство.

Глава 13. Пророк обязан умереть — 2

Столица Арбела, конец зимы.

Верховые лошади каурой масти перешли на шаг, капюшон лисьего меха сполз с головы Нины, её темно-русые волосы, ровно стриженные до середины шеи, свободно растрепались от ветра.

— Расскажи мне всю правду, что с тобою произошло.

Её брат по матери Мик Северин шурился в сторону засыпанных снегом холмов.

— Что говорить? Опоздал я тогда безнадежно. Мама умерла в больнице. Мой друг в Порт-Иллири, сейчас борется с оккупантами. Лотер нашёлся, я оставил его Проклу Риордану в подарок. Мы оба с Проклом видели настоящего беса, хотя я до сих пор считаю, что бесов не бывает в природе. У меня новый знакомый — сострадатель Август, который спасает человечество. Ещё я очень соскучился по тебе и первым же самолётом, к которому меня подпустили, прилетел в Арбел.

— А бес был настоящий или просто так?

— Вполне натуральный.

— Какой он?

— Белёсый, толстый, очень быстрый, и рыло противное. Я угостил его выстрелом из отцовского излучателя, и он, придерживая отвалившуюся рожу, поскакал прочь.

— Роскошно сочиняешь.

— Иначе не стоит. Ты-то как?

— Хорошо. Мне снится наша мама. Иногда снится моя мачеха, леди Джу. Вместе они не приходят, только по очереди. Психолог сказал, что ничего страшного.

— А пророчество?

— Папа недоволен моими разъездами. Он не очень ругался, но вид у него такой, что ещё один отъезд добром не кончится. Ты, наверное, заметил, что за мною всюду таскается охрана. Видишь тот джип?

— А пророчество?

— Вчера приходил зануда Бейтс, наш шеф безопасности. Прочёл нравоучение и объяснил, что я мешаю функционировать государству. Мне приказано выбрать себе дело, лучше всего, в офисе, любые сомнительные зелья под запретом, горничная за мной шпионит, водитель тоже.

— Ты ничего не сказала про пророчество.

— Чем больше думаю, тем сильнее уверена, что видела неправду. Мой мозг меня подвел.

— А как же тогда Нэн?

Северин так и не получил от сестры связного ответа. Нина выглядела здоровой, двигалась легко, много времени проводила на свежем воздухе, и рассуждала как будто бы здраво, но избегала всяких разговоров о будущем. Северин любил сестру, но иногда ему казалось, будто рядом с ним — чужая, почти незнакомая девушка.

Зато столица луддитов понравилась Северину. Любое место, населённое людьми, естественно принадлежит или провинции, или столице, и только столица Арбела напоминала столицу и провинцию одновременно.

Мику импонировали и неяркая, но величественная природа, и спокойный, комфортабельный город. Беспокойство доставляли только холод, и (иногда) его превосходительство правящий Арбела консул Дезет.

Правитель и его «пасынок» виделись очень мало, этот порядок незаметно, но настойчиво ввёл сам Стриж. На приёме, который Нина устроила в честь приезда брата, консул держался с ним приветливо, но от частной беседы ловко уклонился. Чуть позже Северин, засев в углу, рассматривал знаменитого правителя луддитов. У него были такие же, как у Нины, серые глаза. Чёрные волосы на висках тронула проседь. Было и что-то ещё. Это скрытое всерьёз пугало Мика.

«Папа просто недоступен для пси-контакта», — беспечно объяснила Нина, но её брат остался при своем мнении, его отношение к консулу застряло где-то между уважением и неприязнью. Зато шеф безопасности Бейтс много и охотно общался с гостем.

— Вы совсем не понимаете силы формальностей и закона, — с добродушным смехом объяснял он. — Допустим, вы, Мик, де-факто существуете во плоти, но с точки зрения документации вы покамест никто. Родство между вами и дочерью моего босса подтверждает генетический анализ, сделанный почти год назад пьяным медиком в столице не очень-то дружественной нам страны. Документы и вид на жительство я вам выдал лично, но только потому, что так приказал консул и снял с меня всю ответственность. Родители ваши числятся пропавшими без вести, вы говорите, они погибли и ссылаетесь на показания всё того же медика-пьяницы, да ещё на каленусийского сострадателя, у которого знаете только имя, то есть, скорее всего, на шпиона конфедератов.

— Идите вы в пекло.

Бейтс совсем не обиделся, но Северин знал, что чиновник Арбела говорит сухую правду.

— Пусть ваши псионики меня проверяют на благонадежность.

— Собственно, уже проверили, потому что Нина — едва ли не лучшая среди них.

Мик перестал спорить и вернулся к своей иллирианской привычке гулять верхом. Сестра всегда выезжала вместе с братом, к этой паре мгновенно присоединялась охрана. Все попытки Северина переселиться с виллы в город, в наёмную квартиру, подальше от насмешника Бейтса, мягко, но решительно пресекались.

А всё же исход зимы был хорош, формальное уважение и удобная жизнь без забот давали передышку и весьма скрашивали ситуацию. Так продолжалось около месяца, потом меры безопасности стали ещё жёстче, и Миком овладела беспросветная скука.

«Я посажен в позолоченную из вежливости клетку».

Сначала подтаило, потом подморозило, но с первой оттепелью без объяснений прекратились прогулки в холмах. Нина не выходила за ограду ни под каким видом, даже не приближалась к ней.

Она часто медитировала на веранде и возвращалась, забирая с собою брезентовую складную табуретку. По вечерам из окон Мик видел тонкий, синеватый дымок, — жгли вырубленные в окрестностях, уже сухие и мёртвые кусты.

«Эти кусты загромождали обзор», — объяснил Бейтс.

Северин забирал свободную машину в гараже и один на полдня уезжал в Арбел. Там бесцельно бродил по улицам, лавкам или храмам луддитов. Система запретов и разрешений, принятых в столице, сильно забавляла его. Прикасаться к чужому разуму нельзя — признак близости или оскорбление (смотря по обстоятельствам), однако защитные устройства вне закона. Можно завести кибера, но без ментального ввода. «—Почему? — Машина не должна командовать человеком. — А разве такое было? — В Каленусии, в тот год, когда началась трансмутация, разумный кибер устроил мятеж. — Разве? — Об этом знали в узком кругу, теперь знаете и вы».

По мнению Бейтса система этих правил мешала деградации обывателя...

По вечерам местные жители, не боясь деградации, вперемешку заполняли кабаки. Мик заказывал местное вино, которое, похоже, гнали из ягод. Однажды, в радужной дымке, вызванной лёгким опьянением, он неожиданно увидел Келлера.

— Холера! Опять вы, что ли?!

Мик прикинул, не запустить ли в обманщика стаканом.

— Он самый, — хмуро сказал бывший референт Оттона. — Хотя гордиться мне нечем. Я узнал, что вы в Арбеле и пришёл извиниться за дело с ограблением Вэнса. Моя попытка вам помочь обернулась безобразно. К тому же я поссорился с заказчиками, на которых работал, и всё потерял.

— Вы тогда смылись и, как последняя сволочь, бросили меня.

— Да. Это было подло. Можете дать мне по морде, и я не отвечу тем же. Бейте, если хотите, но я ведь не брат Нины Дезет.

— Что?

— Вас конфедераты пожурили и отпустили, а меня при тех же обстоятельствах они выслали бы из страны, хорошо, если в Арбел, а если в Иллиру? Я не хочу общаться ни с оккупантами, ни с Соппротивлением. Меня воротит и от тех, и от других.

Мик отметил, до чего озлобился референт Оттона.

— Кэтти заболела — у неё нервный срыв, — тут же пояснил Юлий.

— Очень жаль.

— Какой-то пьяный подлец после вечеринки в клубе полоснул её ножом по уху. Это было в Порт-Калинусе. Я не видел, как всё случилось, но это ухо мне потом прислали по почте. Такая бессмыслица, такая жестокость...

Северин очень расстроился. Кэтти зримо представилась ему — напуганная, больная и несчастная.

— Если нужны деньги на лечение...

— Бросьте. Мне не нужен ваш кошелёк. Как поживает сестра?

— Она в порядке.

— Берегите Нину как следует, — мрачно посоветовал Келлер. — Этот мир — штука жестокая и непредсказуемая. Иногда несчастья случаются раньше срока. И держитесь подальше ото всяких авантур. Поверьте человеку опытному, приз того не стоит.

— Обдумаю совет на досуге.

— Кэтти хочет встретиться с дочерью консула. Я ей не советовал, но...

— Что-то серьёзное?

— Мы тут оба на птичьих правах. Сказать откровенно, нелегальные иммигранты. Мне всё равно, но ей нужно лечение и нормальный дом. Ещё документы, права, немного позднее возможность работать на сцене. Поэтому она собирается попросить помощи у Нины. Не денег, только содействия. Идея мне не нравится, но никакой другой не предвидится. Это нужно не для меня.

— Я поговорю с сестрой.

— Если что-нибудь подвернётся, приходите прямо сюда. Я буду ждать вечерами в конце каждой недели.

— Знаешь что, — сказала Нина, выслушав рассказ Северина. — Юлий никогда не попал бы в такую историю, если бы сам не наврался.

— Конечно. Но девушку-то жалко.

— Её лучше всего забрать в миссионерский госпиталь луддитов. Подальше от такого друга она будет в большей безопасности. И, конечно, следует убедиться, что он не наврал. Совсем хорошо будет, если Кэтти приедет одна — без него. Ты согласен?

* * *

Вечером Мик видел звездопад. Метеоров было много, они скопом валились в темноту, в ту самую, которая в сумерках собирается у земли и копится в холмах. Северин пытался считать, но быстро сбился...

С Келлером они встретились всё в той же распивочной, но референт Оттона был трезв, говорил мало, слушал внимательно и охотно соглашался.

— Я пришёл попрощаться, уезжаю один, пока ещё не выбрал, куда. Кэтти оставлю на попечении Нины, а мне больше нечего делать в этой стране.

Северину вдруг сделалось страшно — тем самым запоздалым и бессмысленным страхом, который происходит от уже миновавшей опасности. Келлер заметил это и криво ухмыльнулся.

— Бросьте, вам показалось, нервы, нервы... — малопонятно объяснил он и двинулся к выходу, едва заметно хромя.

Подвижный блондин-толстячок в куртке с поднятым воротником, тот, что сидел, уткнувшись в пивную кружку, поднял крупную шишковатую голову. Его почти прозрачный, красноватый круглый глаз стрельнул взглядом в спину уходящему. Через минуту блондин поднялся и вразвалку двинулся следом. Пока Мик кашлял, подавившись содержимым собственной кружки, толстяк тоже исчез. Он не был точной копией раненого потусторонника в Порт-Иллири, но цветом, телосложением и подвижностью крепко походил на него.

«Нечисть водится повсюду».

* * *

Два дня прошли как обычно, Кэтти явилась только на третий. Такси развернулось и, размётывая подмокший снег, отправилось назад в город. Расстояние скрадывало черты лица, но осанка

и манера держать голову не оставляли сомнений — приехала именно подруга Келлера. Силуэт в голубой куртке задержался возле караульной будки.

«Её сейчас пустят внутрь и обыщут. Для этого в охране держат нескольких женщин. Занятно, но я никогда не встал бы просителем у чужих ворот. Уверен, что и моя сестра не стала бы. Подруга Келлера ни чем не хуже нас обоих, она талантливее меня и в глазах многих привлекательнее Нины. Но ведь стоит. И вздрагивает на ветру, покорно ждёт обыска и проверки. И вид у неё, как у робкой собаки, из тех, которым на ошейник хозяева вяжут нелепые бантики».

Мик, который наблюдал за сценой с веранды, почему-то разозлился и едва не пропустил появление собственной сестры. Чтобы встретить иллирианку, она против правил подошла к самим воротам. Обе девушки сблизили головы и о чём-то разговаривали, взявшись за руки. Вдалеке бело-серая линия холмов смыкалась с дымчатым небом северных территорий.

В эту минуту Мика повторно уколол страх. Тот самый, запоздалый сигнал близкой угрозы...

* * *

...Келлер промедлил лишнее мгновение, и силуэты обеих девушек совпали в прицеле. Сам иллирианец лежал на куске брезента, его серая одежда сливалась издали с грязью и подтаявшим снегом.

— Смотрю-ка, у вас опять проблемы наметились, — ехидно сказал потусторонник.

— Моя проблема — это ты. Наблюдение наблюдением, но я не люблю, когда толкают под руку. Или хочешь помочь?

— Я близорук, — сказала существо и обнажило кривоватые свиные клычки. — Близорукость — небольшой дефект нашего вида. Поэтому и предпочитаем рукопашную.

— Тогда вылезай из укрытия, спускайся с холма и устрой им драку у ворот. Я с удовольствием посмотрю, как охрана виллы раскатает тебя в лепешку.

Потусторонник хихикнул.

Келлер, потеряв драгоценное время, снова принял к прицелу. Он хорошо видел профиль охранника и затылок Кэтти, но только край плеча дочери Дезета.

— А ещё кого-нибудь подстрелить сумеете? — спросил любопытный демон.

— Ты зря раскатал губу, приятель. Ворота на пределе дальности,

если мерить от холмов. Чтобы ударить по самой вилле, понадобится оружие посерьёзнее, но у меня его нет под рукой. К тому же, я не пойду против указаний Зенона. Он сказал — только девушку.

— Я просто пошутил. Но вы работаете неловко.

— Заткнись! Если не успокоишься, всё закончится провалом.

— Извините, босс. Я только стараюсь ради пользы дела.

Келлера безумно раздражал изменённый, он, конечно, был представлен не для помощи, а для слежки.

Лёгкие фигурки девушек уже разошлись, но не стояли на месте, норовя опять совместиться.

— Интересно, как вы собираетесь вытаскивать свою подружку, когда та, другая, содохнет от пули? — мечтательно спросил бес.

Келлер заметил, что дочь Дезета развернулась, подставляя под выстрел голову и незащищённую шею.

— Давайте быстрее, — шепнул потусторонник, который не мог видеть всю сцену, но интуитивно поймал удобный момент. — Вмажьте ей. Кончим и побежим отсюда обедать.

— Подожди.

Девушка опять повернулась. Келлер перевёл прицел пониже, в область сердца.

«Нина всё равно обречена своим же пророчеством. А так она умрёт легко, и я не стану уродовать лицо».

Он плавно нажал спусковой крючок и довёл его между двумя удами сердца.

— В голову надо было, в лобик, — тихо взвизгнул белёсый.

Келлер не слушал его. Он видел оцепеневшую Кэтти, скомканное пальто Нины, холмик её тела на истоптанном снегу.

— Наверное, прямо в сердце попали, — одобрительно сказал бес. — Остались патроны-то?

— Для тебя хватит.

— Я не про то. Может быть, подождём и ещё кого-нибудь завалим? Вон там, вроде, люди бегут.

— Ты ещё жаловался, что близорукий.

— Мне озарения заменяют зрение.

Келлер отбёр те части винтовки, к которым прикасался, бросил её в снег, убрал платок в карман, надел и застегнул заряженный шлем, проверил, на месте ли карманный излучатель и, насколько позволяла скованность в колене, перебежками, бросился в холмы.

Несмотря на грузный облик, потусторонник опережал его — монстр нёс рюкзак и катился как мяч, ловко успевая ещё и болтать на ходу.

— Вы, хозяин, малоинициативны. Вашими промахами заинтересуются наверху.

— Доноси, если не терпится. Но я не хочу, чтобы меня поймали с поличным.

Вертолёт — длинный, хищного силуэта, — низко пролетел над холмами.

— Прикройся серой курткой. На расстоянии она сойдёт за грязь.

Юлий ненадолго упал плашмя. Снеговая жижа сразу пропитал одежду холодом. Машина уже пролетела, скрылась за холмами, но лай псов заметно приблизился.

— Что толку прятаться от двуногих, если вас чуют собаки? — ворчливо сказал потусторонник.

— Собираешься остаться и прикрыть меня?

Монстр только хихикнул и прибавил ходу.

— Стой!

— Я и так стою, босс.

Он неохотно задержал шаг и уставился на Келлера прозрачными, с красноватым отливом буркалами:

— Слишком близко... от них. Учуют пророки.

— Зато пока не слишком поздно. Давай сюда рюкзак, идиот.

Келлер вытащил маленький телепортер. Он не испытывал уверенности, несмотря на инструкции и пробное использование под присмотром техников ордена.

Потусторонник устроился рядом на корточках, раздувая ноздри короткого носа.

— Перебросьте нас далеко-далеко, в уютную маленькую долину, босс, — мечтательно попросил он. — Там так славно, а в домике можно укрыться и покушать.

— Олух.

Радиус действия устройства ограничивался стандарт-километром. Об это знали оба — и монстр, и Келлер.

Иллирианец прижал окуляры к глазницам, наболевшим под пронзительным ветром и, хоть был готов ко всему, дрогнул — частая цепочка людей и собак перемещалась прямо в сторону беглецов, на восток.

— Мы их обогнем, — посоветовал потусторонник. — Давайте, переместимся за спины врагов, босс, никто не додумается искать нас в тылу.

Прямая линия, которая в воображении Келлера соединяла его и виллу, продолжалась на запад. Там местность существенно менялась — вместо открытого поля начинались заросли густого, но невы-

сокого кустарника. Кое-где на голых ветвях с осени ещё держались остатки сухой листвы... За невидимой, но близкой рекой Таджо лежала чужая Арбелу Конфедерация.

— В кустики, поближе к границе — облизав тонкие губы, шёпотом попросил монстр. — Полегоньку, потихоньку, не промахнитесь. А то и вы, достопочтенный, и я, окажемся на равнине как говёшки на блюде.

Келлер холодными пальцами подкрутил настройку. Сейчас он остро чувствовал равнину, мёртвые корни погибших растений, людей, собак, угрозу и нечистое присутствие демона.

— Давайте, босс.

Реальность дёрнулась и поплыла, короткий приступ головокружения метнул обоих на снег. Келлеру привиделось падение с высоты, но «приземлился» он удачно — на маленькую прогалину, в стороне от камней, отгороженный от людей плотной завесой чёрных веток.

— Сделано! — выдохнул бес, который грузно ворочался рядом. Ликование проступило на круглом, почти человеческом лице.

— Ай, босс, ай да молодец! Аккуратная работёнка. Нас ищут на востоке, а мы подались на запад. Пусть теперь здешние святоши сожрут себе локти до костей.

Келлер перевёл телепортер в режим восстановления, но не убрал его в чехол. Потом достал бинокль и навел его на виллу.

— Вы что собрались сотворить? — с тревогой поинтересовался бес.

— Забрать свою помощницу.

— Телепортироваться туда?

— Туда, а потом обратно вместе с Кэтти. Ты останешься и подождёшь нас на месте — устройство троих не потянет.

— Чокнулись, босс?

— Я в здравом уме.

— Вы рухнете во двор, словно с неба свалитесь. В лучшем случае сразу убьют, в худшем — арестуют.

— Нас сейчас ищут в холмах на востоке. Никому не придёт в голову наблюдать за садом.

Потусторонник тонко подвывал от огорчения. Его губы раздвинулись, снова обнажая острые, нечеловеческие клычки.

— Помешались, босс... Я донесу.

— Доноси, если захотелось. Или попытаешься убить меня прямо сейчас?

— Я бы убил, если бы не запрет командора.

— Но ты этого не сделаешь.

— Нет, — грустно сказал потусторонник. — Хотя мне обидно видеть, как совершается величайшая глупость человеческая. Хотите, помогу?

— Чем?

— Я не похож на вас, меня не ищут. Я быстро двигаюсь и не имею запаха. Я могу улизнуть от собак. Пустите меня на виллу, я заберу вашу помощницу и вернусь обратно.

— Хорошо, — сказал Келлер. — Ты сделаешь всё, как надо, и я буду ждать тебя на этом самом месте. Полчаса. Если получится, я твой должник.

— Получаса мне хватит.

Потусторонник вцепился в прибор, его красноватые глазки жадно сверкнули.

— Прыг-скок! — дурашливо пропел он перед тем, как исчезнуть.

Келлер приник к биноклю, пытаясь разглядеть то, что творилось возле виллы. Он увидел снег — истоптанный, но без пятен крови, чью-то потерянную перчатку, вдавленную в грязь каблуком, крупный силуэт и стриженный висок незнакомого охранника. Появление потусторонника проглядел, зато видел, как подъехала машина службы безопасности — тупорылая и с тонированными стеклами.

— Кэтти! — мысленно позвал он, не надеясь, что женщина услышит, и в ту же секунду заметил потусторонника.

Тот стоял у входа на веранду, в расслабленной позе, из-за толстого животика и круглого лица бес смахивал на безобидного, разевшегося повара. Руки он прятал в карманах, телепортер, должно быть, поставил на землю.

— Кэтти! — опять мысленно позвал Келлер, и тут он увидел её. Иллирианка шла к машине. Она переставляла ноги так медленно, как будто находилась в вязкой, сопротивляющейся каждому движению среде. Так бредут больные в своих кошмарных снах или бездомные навстречу сильному ветру. Двое мужчин по сторонам то ли тащили её, то ли поддерживали.

— Ну же!

Толстая фигура потусторонника переместилась.

«Десять-пятнадцать секунд. Дерзость невероятная, но времени ему хватит».

Бес выкатился из своего укрытия.

Юлий видел его прыжок так ясно, словно тот был чередой застывших изображений. Обманчиво грузное тело, которое перемещается в сторону женщины и двух мужчин. Медленный (бесконечно медлен-

ный) разворот охранника, его изумлённое лицо, выпученные глаза тщетно пытаются сфокусироваться на смазанном изображении дьявола. Рука человека (слишком поздно) вскидывает излучатель. Второй охранник не двигается, он не чувствует ничего, кроме внезапного порыва ветра, пришедшего не с той стороны. Потусторонник вплотную к застывшей троице. Рука, уже вынутая из кармана, в когтистом движении, которое никто не признал бы человеческим. Заострённые пальцы касаются шеи женщины. Она успевает оглянуться — тёмные глаза в пол-лица. Фонтанчик крови из сонной артерии, яркие капли ещё не долетели до холодной земли и будут падать туда целую вечность. Выстрел излучателя (проходит мимо), почерневший, разжиженный пластик стекает с перил веранды. Кэтти запрокидывает голову, Келлер больше не видит её глаз — только глубокий надрез на шее и белый вздёрнутый подбородок. Ещё один выстрел, который приходится в истоптанный снег. Катящийся клубок — движение исчезающего беса.

Слабая рябь — сработал прибор для телепортации.

Всё.

Иллирианец уронил бинокль, поднял и положил в пересохший рот льдинку. Потусторонник не появился, он телепортировался в другое место — севернее или южнее.

«Зачем Зенону понадобился я? Командор мог послать монстра и тот легко уничтожили бы дочь Дезета. Он сделал бы это так же просто, как сейчас убил Кэтти. Бедная Кэтти, беззащитная и с вечным чувством вины. Нас обоих подставили, но к чему все эти сложности? Зенон ничего не делает просто так...»

Длинная, угрожающего вида летающая машина, развернулась над холмами и теперь двигалась на запад, в сторону беглеца. Судя по легкому покалыванию в висках, защитный шлем работал исправно.

«Я не сдамся никому — не доставлю удовольствия ни тем, ни этим. Только бы найти потусторонника и взять у него телепортер... Хотя, зачем его искать? Мне не справиться с чудовищем. Нужно попасть в столицу, пока люди консула не настигли меня. На окраине я сниму шлем и легко затеряюсь среди местных».

Келлер уходил от погони, ориентируясь по компасу, встроенному в браслет, стараясь экономить силы — сто быстрых шагов и сто очень быстрых, и снова сто, и опять с начала.

Псы лаяли всё ближе, с треском ломались промерзшие ветки кустов, цепочка преследователей неумолимо гнала беглеца к реке, туда,

где пророки в постоянном полусне следили за землями конфедератов.

Келлеру вдруг захотелось сделаться камнем и провалиться в холодную воду — в ту самую реку, которую он несколько недель назад переходил по льду.

«Надо было не трусить и не тянуть, застрелиться ещё в Иллире, когда меня заставляли подчистить менгир судьбы».

Собаки хрипели, от высунутых языков поднимался прозрачный пар, но Келлер не оглядывался, он уже не сохранял силы, а бежал, не жалея себя, и старался держаться таких мест, которые считал неудобными для погони. Так продолжалось, пока он не споткнулся и не упал щекой и правым боком в неглубокий снег. Колено сместилось, кость ударилась о камень, перед глазами сверкнуло алым, а потом ненадолго сделалось темно.

...Он очнулся, но не заметил, что кровь из разбитой губы стекает на подбородок. Потом в ничем не оправданной надежде трогал руками изморось, пучки мёрзлой травы, жесткие стволы кустов, камни и клочья мусора, занесённые на пустошь ветром — как будто пытался искать потерянное. Земля немного подалась, мир исказился и поплыл, как случается при телепортации, но иллюзия погасла, и ничего не изменилось. Тогда Келлер кое-как сел, устроил покалеченную ногу, вытащил излучатель и приготовился стрелять по собакам.

* * *

...Когда Нина упала, полдесятка снежинок запуталось в её темно-русых волосах. Кэтти оцепенела над её телом. Шапочка сползла набекрень. Нижняя губа отвисла, открывая полоску зубов. Женщина правильно истолковала неподвижный взгляд Северина:

— Нет! Это не я. Душой клянусь, что не я...

— Это он.

— Нет! Юлий тоже не виноват, он на такое не способен...

Иллирианку увели, оттеснили в сторону. Северин приподнял голову сестры. У неё были соразмерные, красивые черты, такие же, как у их общей с Северином матери. Застывшие. Пуля ударила под левую грудь, но в центре гладкого лба розовела ещё одна ранка — обычная ссадина, след удара о землю.

— Пропустите врача, — попросил кто-то сзади.

— Поздно.

Врач всё-таки пришёл. Он действовал с профессиональной ловкостью. Потом посторонился, чтобы пропустить носилки.

— Ей было очень больно?

— Под пальто поддет бронежилет. Он не пробит, так что максимум, что мы имеем — ушибы ребер. Не раскисайте, молодой человек. Ваша сестра выжила, сейчас она в трансе, такое иногда бывает с пророками. Помогите её уложить. Если девушка останется на снегу, то застудит себе лёгкие.

Северин послушно помог, облегчения он не испытывал, пророчество не исполнилось, но могло исполниться завтра, послезавтра, через месяц, этим летом или немного позднее. Спасение оказалось не избавлением, а только очень ненадёжной отсрочкой. Мик ушёл в дом и долго оставался там в одиночестве, не думая ни о чём...

Схватку между потусторонником и службой безопасности он проглядел, про смерть Кэтти узнал только на следующий день, от горничной, которая убирала комнаты.

...Бейтс пришёл через два дня — умный и ловкий, как всегда. Он умел спрашивать, умел и говорить.

— Всё позади, — доброжелательно объяснил он. — Убийцу мы поймали, Нина спасена.

— Она всегда была такой выдержанной, спокойной, никому не причиняла вреда. За что?

— «Ищите, кому выгодно».

— Мне необходимо переговорить с сестрой.

— Не сейчас. Наши сострадатели сказали, что её душа восстанавливается. Девушка слишком остро чувствует мир. Ни вам, ни мне, нормальному и бездарному, не понять такие тонкости до конца.

— Юлий как-нибудь объясняет то, что натворил?

Бейтс слегка наморщил тонкий прямой нос.

— Вам лучше не впутываться в эту заваруху, — откровенно посоветовал он. — Во всяком случае, я не заметил, чтобы он особенно убивался по кому-нибудь, кроме, разве что, самого себя...

* * *

С утра шёл густой, обильный белый снег — едва ли не последний в конце уходящей зимы.

Дезет наблюдал в окно, как хлопьями заваливает ещё не проснувшийся сад. Холод мог продержаться день, от силы два, но не более.

«Сколько лет я здесь живу? Больше пятнадцати, наверное».

Первое время, проведённое на равнине северо-востока, он скучал по морю, мягкому климату, по яркой суете Иллиры. Потом отвык. Помогла прежняя привычка к частым переездам.

Отчёт Бейтса лежал на столе — тонкая, но плотная стопка листов, ровные строчки убористого шрифта: «Факты и выводы по делу о неотвратимом пророчестве — срочно, конфиденциально, изготовлено в одном экземпляре».

Нина сидела в кресле напротив отца — она тоже рассматривала снег.

— Ты хочешь знать, что случилось потом?

— Нет, — ответила Нина, и консула болезненно поразило её равнодушие.

«Она уже сейчас жива только наполовину».

— Нужно встряхнуться. Всё самое неприятное прошло. Не стоило уезжать прошлой весной и искать помощи у чужих людей. Ты должна полагаться только на меня. Здесь, в Арбеле, мы легко можем контролировать ситуацию...

— Я больше не боюсь.

— Знаю. Но я-то всегда боюсь за тебя — ты моя единственная дочь. Если бы ты не запаниковала тогда и не сбежала в Порт-Иллири, то не встретила этого Келлера, убийцу. Он был бы отделён от тебя незнанием, принятыми условностями, двумя границами и, что ещё важнее — нашей охраной. Его женщина никогда не явилась бы сюда, они не сыграли бы на твоей жалости и...

— Знаю, я поступила как глупый ребёнок. Но прошлое больше не имеет значения. Не тот, так другой. Мне ещё повезло, что он неважно стреляет...

Стриж не сумел повлиять на неё, но решил, что состояние дочери пока не безнадежно. Через день, отправляясь в Арбел на встречу с Бейтсом, он увидел у ворот знакомый силуэт.

— Ваше превосходительство!

Тот, которого звали Северин, топтался в проходе, намеренно заступив консулу дорогу. Опыт позволял Стрижу оценить напряжение охраны и опасность, которая сейчас грозила парню.

— Такое поведение у нас не принято. Отойдите в сторону, Мик.

— Я не отойду, пока не поговорю с вами лично. Секретарь ловко выставил меня и предложил записаться на приём.

— Зайдите через неделю и всё устроится.

— Через неделю будет поздно. Этот человек... Дело в том, что мы трое были знакомы. Он часто встречался с моей сестрой и каждый раз имел возможность в неё выстрелить. Но никогда...

— Вы насчёт убийцы?

— Да.

— Ещё что-то?

— Нина разговаривала с ним в Порт-Иллири. Он держался довольно естественно и не агрессивно.

— Вы ошибались в оценках.

— Может быть. Но я знал его несколько лет.

— Что ж, а теперь забудьте всё, что знали. Считайте, что такого человека больше нет.

Северин отвел глаза.

— Я попытаюсь, — холодно сказал он. — Но пророчество исполнилось не в срок, значит, моя сестра до сих пор находится в опасности.

— Она вам «сестра» меньше года, а моя дочь — с рождения. Уйдите с дороги!

— Ищите тех, кто остался в тени. Пока не найдёте, ничего не изменится.

— Обещаю, мы отыщем всех злоумышленников.

— Мне кажется, Юлий нарочно стрелял в броню, а не в голову.

— Он не знал о бронежилете. На меткости вашего друга сказалось нервное напряжение. Запутались в себе? Не расстраивайтесь. Между преступником и дураком существует принципиальная разница. За преступления казнят, за дурость — нет.

«Оправданный» таким образом Северин замолчал. Стриж обогнул парня и двинулся к машине. Кар развернулся и проскочил в автоматически открывшиеся ворота. Стычка с гостем странным образом охладила консула, он смотрел на пролетающий мимо пейзаж, на плавные холмы под рваной пеленой подтаявшего снега, на крыши и цветные стены Арбела.

«Я зря сорвался. Парень — растерянный чужак, странник на непонятной ему земле. Очевидно, к делу не причастна ни Конфедерация, ни её подсадное правительство в оккупированной Иллире. Моя дочь для миссионеров-мутантов бесполезна, но она же им и не вредна. Старый враг Ральф давно мёртв, к тому же этот Келлер упорно отрицает, что имел контакты с недовольными в Арбеле. Он утверждает, что работал по контракту с организацией, о которой нам ничего не известно. Нужно интуитивно-логическое исследование деталей — как держался его работодатель, во что был одет, откуда явился и куда исчез потом. Аналитики прежних времён считались мастерами в таких вопросах, но где теперь эти аналитики? Нету их. Остались одни пророки».

Стриж вышел из машины. Под аркой министерства безопасности застоялся туман ненастного утра. Систему ментальной проверки он

не заметил, да и заметить не мог, зато обратил внимание на хмурые лица охраны и усталость, которая налетом лежала на всем облике Миши Бейтса. Стриж пожал руку друга, ладонь оказалась твёрдой и холодной.

Карниз над стеной облюбовали серые голуби. Они ворковали, не обращая внимания на людей. Из-за зрелища глухой кирпичной кладки и потому, что в квадратном дворе не росли деревья, близость весны не ощущалась, несмотря на воркование голубей. Вымощенный двор выглядел очень чистым — точь-в-точь как будто его за ночь вымыли с мылом.

— Этот человек сейчас способен говорить?

Бейтс кивнул.

...Хотя внешние стены строили из кирпича, но дерево на обшивку внутри пустили дорогое. Доски лежали плотно, сохраняя естественный рисунок. Тихо и красиво, как в частной библиотеке.

— Не туда, Алекс. Он внизу, в изоляторе.

В лифт вошли троём — консул Дезет, сам Бейтс и молчаливый внимательный телохранитель. Подземный этаж отличался разительным, он был выкрашен серой краской.

— Келлера следовало бы отправить в лазарет, — нехотя заметил Бейтс, — мы придержали его ещё на трое суток. Если окажется, что арестованный бесполезен, нет смысла напрягать медиков, а потом судей.

— Он сильно покалечен?

— Не очень, наши люди, которые ловили его, специально не применяли излучатели. Несколько ссадин и собачьих укусов. Ещё возобновилась старая травма колена. Такие ранения суставов довольно неприятны.

— Но говорить он может?

— Ему вводят обезболивающее — небольшую дозу, иначе он зазнёт.

Стриж пошёл в комнату, перегороденную металлической сеткой пополам. Свистела вентиляция, но, несмотря на это, запах сырой плесени и страха, упрямо не выветривался.

— Откройте замок.

— Лучше поговорите на некотором расстоянии.

— Он что, сенс?

— Для вас что сенс, что не сенс — всё едино не опасно, но у Келлера и впрямь нет никаких псионических способностей. Просто он

в раздражении, от еды отказывается, и приходит в себя полностью только для брани или плевков. Парень знает, что обречён, стремится напоследок оскорбить кого угодно, особенно будет рад обратить свои наклонности против вас.

— Меня это не волнует, а вам, Миша, не стоит лишний раз мёрзнуть среди сырости. Откройте замок и подождите меня наверху.

— Как хотите, ваше превосходительство. Но помните — я предупредил, что зрелище довольно отвратное.

Бейтс почему-то чуть обиделся, но всё же повернул ключ и открыл зарешёченную дверь.

— Я буду ждать вас в кабинете.

Бейтс ушёл, телохранитель остался в коридоре, а Стриж вступил в отгороженную часть комнаты.

Келлер не лежал, а сидел в специальном кресле, неподвижно, откинувшись и запрокинув голову. Причиной неестественной неподвижности оказались захваты, которые удерживали предплечья бывшего референта притянутыми к подлокотникам. Правую, прокушенную руку охватывала повязка. Пластырь прикрывал ссадину над бровью. Тёмные блестящие глаза, ещё более тёмные от сильно расширившихся зрачков, отрешённо смотрели вверх. В углу треснувшей губы запеклась кровь.

— Вы слышите меня? — спросил Стриж по-иллирански.

В ожидании ответа он отыскал в углу табурет и сел напротив пленника, на расстоянии вытянутой руки.

— Нет, — прошептал тот.

— Значит, слышите.

Келлер выпрямил шею и сфокусировал взгляд на посетителе.

— А, это консул? Мне плохо. Я неважно понимаю каленусийскую речь. Иллирианскую почему-то тоже. Всё, что собирался сказать, я уже сказал. Уйдите и предоставьте мне подышать.

— Вы кое о чём умолчали.

— Разве? Я не отвечу больше ни на один вопрос. Возьмите протоколы у вашего цепного пса.

— Как хотите. Вас отправят в госпиталь прямо сейчас, дождёмся выздоровления, начнём сначала, и я задам свои вопросы столько раз, сколько понадобится. Следствие продлится очень долго. Хотите?

Келлер внезапно рванулся так, что зазвенели захваты на предплечьях. Это движение причинило бывшему референту Оттона сильную боль, очутившись на грани обморока, он снова обмяк в кресле и закрыл глаза.

— Не могу больше ждать, — невнятно пробормотал он, но Стриж легко понял смысл слов.

— Хотите смерти?

— Да.

— Обычно люди цепляются за существование.

— Не на половинной анестезии.

— Если дело только в этом, вы получите укол. Хотите прямо сейчас?

— Хочу, конечно. Чтоб вас размазало, ваше превосходительство.

Стриж набрал код на браслете и подождал, пока подойдёт медицинский брат. Он пришёл, молоденький светловолосый парень, должно быть, практикант, и в нерешительности остановился по ту сторону решётки.

— Отдайте бикс, что нужно, я сделаю сам.

Медик скрылся, радуясь в душе, что не придётся прикасаться к пациенту.

Стриж сломал головку ампулы, наполнил шприц и ввёл содержимое под кожу илирианцу.

Несколько минут Келлер сидел, расслабившись, насколько это позволяли захваты, когда же открыл глаза, зрачки его заметно сузились, а взгляд принял более осмысленное выражение.

— Спасибо.

— Спать не хотите?

— У меня немного изменённый метаболизм, так что пока не хочу. Если собираетесь спрашивать, начинайте прямо сейчас. Хотя, что я могу добавить к сказанному? Делал своё дело в интересах нанимателей, не забывая, понятно, и себя. Незаконные акции — моя профессия. Я был хорош, но вы подловили меня. Никто не в силах изменить свою сущность, та, которая ещё теплится во мне, враждебна Арбелу, вам же лично желает зла. Когда ошибаются такие, как я, специалисты высокого уровня, расплатой за неловкость служит смерть. Для себя лично я ничего другого и не желаю. Убейте меня.

— Это всё?

— Нет. Если вы оставите меня в живых, я найду способ вам навредить.

Стриж сунул пустой шприц в отверстие утилизатора. Прибор загудел. Эхо заматалось в тесном пространстве подвала. Консул вернулся к креслу Келлера и снова опустился на табурет.

Пленник старался смотреть в угол и наискосок. Анестезия, сделав своё дело, попутно одурманила его и лишила одной ценной способности. Наркотик не заставлял илирианца говорить

правду, но мешал ему правдоподобно лгать. Теперь всё попытки превратить факты в нечто иное ясно читались на лице бывшего референта Оттона.

— Ну-ну. Давно спутались с Оркусом? — ровным голосом спросил Стриж.

На этот раз Келлер не рванулся в своих путях, только слегка вздрогнул.

— Зачем спрашиваете, если и сами всё знаете?

— Хочу проверить, правдивы вы или нет.

— Сорок лет назад.

— Ложь. Вам всего-то с хвостиком тридцать.

— Понимаете, я родился с этим. Мать посвятила меня ещё до рождения. Она взяла деньги и дала клятву, что отдаст им ребёнка.

— Кто провёл посвящение?

— Адепты ордена.

— Ваши незаконные операции в Иллирианской Империи, Конфедерации или Арбеле всегда заказывалось ими?

— Иногда да, иногда нет. Помимо заданий ордена я брал криминальные заказы и делал то, чего хотел. Да, за деньги, но одобрение Оркуса тоже имело значение.

— Вы говорили об этом ещё кому-нибудь?

— Этому атеисту, шефу безопасности Арбела?

Келлер расхохотался и смеялся, пока слёзы не покатались по серо-бледным скулам.

— Есть хорошее правило, — добавил он, успокоившись. — Говорить людям только то, что они в состоянии понять. Ваш друг в любом потустороннем явлении видит только подрывные действия врагов. Я пересказал ему голые факты — то, что близко его менталитету. Оркус Бейтсу не по зубам.

— Тогда зачем открылись мне?

— Я чувствую, что вы уже сталкивались с этим, поэтому более сообразительны, чем другие. Я не хочу умирать никем не понятым.

— Разве Оркус не спасает друзей?

— У него нет друзей, только слуги. Он само небытие и даже хуже. Это время наизнанку, перевернутая эволюция, Моё разрушение для него не зло, а благо, как и разрушение любого другого человека.

— Или как естественная смерть?

— Чушь! Смерть от старости — часть закономерного хода вещей. Преждевременное изъятие объекта куда интереснее Оркусу. Напротив, уничтожение личности накануне её полного расцвета.

Келлер замолк. Он дышал медленно и глубоко, но не спал, а разглядывал стену, всю в грязных разводах старой побелки. Где-то капала вода.

— Вы знаете адреса других адептов в Арбеле?

— Нет.

— Не правда.

— Не хотите — не верьте. Можете проверять меня любыми способами. Хотите, ломайте мозги, хотите — кости. Давайте, не церемоньтесь.

— Вам нужны допросы следующей степени?

— Так я быстрее умру.

Стриж задумался.

— Ладно, адептов мы сами найдём, — сказал он наконец. — А насчёт прочего... Из вашей биографии стремление к смерти не следует. Вы всегда старались выжить сами, а других убивали редко и по необходимости. Так что, если и работали на разрушение, то служили ему чрезвычайно паршиво.

Стриж встал с табурета и пошёл к выходу.

— Погодите!

— Что, опять нужна анестезия?

— Если это не приказ извне, тогда почему я так сильно хочу умереть?

— Спросите у психиатров... Ладно, не дергайтесь. У вас покалечено колено, и сильная посттравматическая депрессия. Не сомневайтесь, пройдёт.

— Вы мне не верите? — тускло спросил иллирианец.

— Насчёт Оркуса, пожалуй, верю. Насчёт ваших мотивов — однозначно нет. Претензии на нечеловеческий образ мыслей не подтверждаются вашими действиями. Что, по-прежнему очень хотите умереть?

— Да.

— Тогда я попробую продлить вашу жизнь, насколько получится.

— Я собирался застрелить вашу дочь.

— Да, и действовали непрофессионально.

Стриж уже уходил. Он обернулся с порога.

— Как консул Арбела я сделаю так, как будет выгодно Арбелу. А как частное лицо я прощаю вас, и меня не волнует, что вы этого не хотите.

Келлер вслед выругался по-иллириански, а Стриж, ухмыляясь, вышел из клетки. Бейте в нетерпении ждал консула этажом выше, в кабинете.

— Добились того, чего хотели?

— Да, Келлер утратил равновесие. Отправьте его в госпиталь, Миша. Когда сможет двигаться, пусть проследят, чтобы парень не повесился.

— Он не станет нам помогать.

— Время покажет. По словам Келлера, адепты Оркуса — не легенда.

— Он великолепный лжец.

— А как же Ральф Валентиан?

— Покойный Валентиан был обычным мятежником, он только прикрывался оккультными ритуалами.

— Всё верно, здесь та же ситуация. Не нужно путать абсолютное зло и его относительных приспешников. Они или расчётливые преступники с корыстными мотивами, или мистики, которые решили, будто слушаются голоса извне. Оркусу слуги безразличны, они лишь топливо для костра Армагеддона...

* * *

...Юлий проснулся в лазарете. Руки были свободны от захватов. Он пошарил вокруг, но не нашёл ни химикатов, ни острого предмета, чтобы перерезать вены. Колено болело поменьше.

«Как мне теперь поступить? Кэтти, подскажи!»

Её не было, не было нигде и ни в какой форме, ушла даже та тончайшая сущность, которую принято называть душой — кого мог винить в этом Келлер, кроме самого себя?

Он вспомнил своё детство. В обители теневого дома вставали рано. В тусклых сумерках он шёл к ручью с пластиковым ведром, в низине клубился влажный туман — белый и густой, словно дым, но без горечи и тревоги, присущей настоящему дыму. Воду из ручья могли качать насосом, но чтобы занять послушников по утрам, установ-ку так и оставили в сарае не распакованной.

Такой порядок вещей как нельзя больше устраивал самого Келлера. Туман охватывал и прятал его от опасности. За пределами обители она была везде — в ежедневных упражнениях на ножах, в пристальном взгляде учителя Джено, в зашифрованных письмах, которые приносил курьер. Их было всего пятнадцать — нынешних послушников и будущих адептов внутреннего круга, но о себе рассказывали только трое. Викки в обитель привели родители. Луций избавился таким способом от нищенства. Третьим был сам Келлер, которого Джено подобрал на улице после похорон матери и двух суток блужда-

ния в лабиринте неприветливых улиц. Тогда, в день похорон, он был слишком мал, чтобы во всей полноте ощутить горе. Потом — слишком занят, чтобы задумываться о нём. Рукотворный ад, устроенный в обители, не позволял Келлеру расслабиться.

«Я буду лучшим здесь или подохну».

Умереть было легко, наставник Джено жизнь не ценил, в особенности чужую. Учил он хорошо, одобряя в том числе и абстрактные знания, если они могли пойти на пользу делу: «Вы обязаны любым способом приносить ордену пользу». Келлер узнал цену этим словам, когда, отпущенный на трое суток в столицу, метался в поисках двух сотен денариев. В конце концов он выбрал в предместье тихую виллу, разбил окно и влез внутрь. Сейф выглядел неприступным, но это не имело значения — тонкая пачка денег валялась в резном ящике стола, в кабинете. Скорее всего, эти деньги отложили на домашние расходы, Юлий взял оттуда две сотенных купюры, остаток вернул на место. «Никогда не совершай излишнего». Этого правила Джено не озвучивал, но Келлер, незаметно для других, выучился думать сам за себя. Умный Джено, который уже тогда чувствовал подвох в манерах неопита, не стесняясь, пускал палку в ход. «Упрямая скотина», — говорил он, но Келлер внешне не был упрям, он старался существовать как течёт вода в ручье — не бороться с препятствием, а огибать его, понемногу стремясь к собственной цели. Целью был статус адепта первого круга и последующая месть Джено. Быть может, другие возможности и существовали, но он ещё недостаточно вырос, чтобы осмыслить их до конца.

Однажды Келлер попался на воровстве. Офицер уголовной полиции, который занимался делом, рассматривал подростка с брезгливым сомнением. Документов у Келлера не было, родственников тоже. Он записался под вымышленным именем, и через три дня сбежал, ловко и ко времени имитировав эпилепсию.

Джено сначала похвалил ученика за сообразительность, а потом избил за неудачу. К тому времени Келлер научился давать сдачи почти любому противнику, но на схватку с Джено ещё не решался. Наступало очередное лето — яркое, ласковое, в горах таял снег, как будто сползала со склонов белая пелена. Туман возле ручья почему-то появлялся всё реже. Вместе с этими изменениями, менялся сам Келлер. Смесь жесткости и послушания, маска, которую он избрал для себя, оказалась удачной, его колотили не часто, а доверяли всё больше, хотя Джено всё равно обмануть не удавалось — ученик и учитель от души ненавидели друг друга. Чтобы гасить конфликты, Юлий уходил

в храм. Прямо обращаться к Оркусу он не смел, для таких нужд существовал всё тот же Джено, но находиться под главным куполом не возбранялось никому.

Там, наверху, стояла тьма. Во тьме горели искусственные звёзды. Они шевелились, рисунок складывался полужнакомый, как будто кто-то по извращённым правилам переделывал привычный небосвод. Келлер знал, что колышущееся небо Оркуса лишь техническая имитация, но имитация выглядела совершенно-зловещей.

Иногда под небо Оркуса приходил Викки. Они с Келлером сидели бок о бок, болтали и курили по очереди дозволенный наставником слабый наркотик, но транс у Келлера не наступал никогда.

«Не нравится мне это место. Говно этот наш орден».

С опасным мнением оба соглашались охотно. Внешний мир не нравился тоже, хотя бы потому, что обращался к послушникам не лучшей своей стороной. Луций к тому времени уже переселился в барак для старших.

Пожалуй, Викки мог считаться другом Келлера, но эта дружба не имела продолжения — приятель погиб в самой середине того лета. Огонь под куполом храма вспыхнул ночью. Воды в цистерне не оказалось, насосная установка за несколько лет так и заржавела в сарае, с неё обильно сыпались рыжие хлопья трухи. Джено командовал и орал, но треск огня мешал разобрать слова. В бараке для младших мальчиков вопил перепуганный ребёнок. Келлер, в то время уже сильный, как взрослый мужчина, стоял в цепочке людей, работая как автомат и передавая наверх полные вёдра, ледяная вода плескалась ему на рубашку и руки. Викки исчез. Позже ходили слухи, будто он смылся к родителям, а отец переправил парня на север, но Келлер ночью влез в окно морга и сам видел белые носилки, длинный предмет под простынёй и чёрную, обгорелую до костей руку. На лице Джено с неделю держалась кислая гримаса. Потом он успокоился и покркивал как всегда.

Оставалось только строить догадки, зачем Викки ночью приходил под купол и почему он там остался во время пожара.

«Не умничай», — раздражённо сказал Джено, хотя Келлер благо-разумно молчал. Они много раз и со смыслом встречались взглядами — лучший, самый дерзкий ученик и ненавидящий его учитель. В конце концов у наставника не выдержали нервы. «Проваливай в Порт-Иллири», — однажды сказал он. Ненависти своей Джено не скрывал, она полыхала в слишком холодных глазах адепта. «Тебя научили многому, место в университете легко получишь. Условия

прежние, размер ежемесячного взноса ты знаешь. Перестанешь платить — убью».

Это была свобода, хотя и купленная за деньги. Келлер взял фальшивые документы, собрал вещи и уехал, он почти не верил, что отделался так легко.

Школа, пройденная в обители, в Порт-Иллири пригодилась на все сто — там, где другие от принуждения впадали в депрессию, он чувствовал себя словно рыба в воде. Деньги для Джено можно было добывать, не нарушая иллирианских законов, Келлер предпочитал вечернюю и ночную работу. Учиться помогала усвоенная дисциплина и развитая память, хотя известности он не искал и потому старался не очутиться среди первых отличников. Девушек предпочитал симпатичных, покладистых, без претензий и в меру глуповатых. В конце первого семестра он остановил выбор на пухлой блондинке по имени Тася. Подружка была наивна во всём, кроме физических проявлений любви.

С Джено он больше не виделся, деньги переводил на анонимный счёт. Время было яркое и беззаботное, очень счастливое. Ещё через несколько лет Келлер расслабился до такой степени, что всерьёз поверил — о нём забыли, и стал подумывать о самовольном переезде в северо-западную провинцию — подальше от обители и поближе к каленусийской границе. Экзамены он сдал играючи.

...В середине лета, со свежим дипломом искусствоведа и авиабилетом в кармане, он уже укладывал вещи в дорогу. Уником зазвонил резко и внезапно. Потрескивали помехи, собеседник упрямо выжидал, поэтому Келлер с лёгкой душой придавил клавишу отбоя. Пустой случай в череде пустых случаев, но полученное через день сообщение предписывало оставаться на месте, и бывший адепт понял, что отнюдь не забыт. Призрак Джено маячил за спиной ученика, который уже безнадёжно отвык от послушания.

Келлер продолжил жить в комнате, которую они с Тасей уж полгода как снимали на двоих. Блондинка понемногу становилась обузой, и Юлий надеялся, что, не дождавшись обручального кольца, она без скандала уйдёт, чтобы найти себе другого.

В тот вечер он в одиночестве возвращался домой. Было тихо и удивительно спокойно. Пустовал чисто выметенный дворик, не лаял даже соседский дог, солнце — багровое и огромное — медленно садилось за крыши. Хлопала на сквозняке незапертая дверь, что само по себе ничуть не выглядело странным. Келлер взялся за дверную ручку и инстинктивно отдернул пальцы — они моментально покрылись липкой жидкостью...

В комнате не было никого, хотя любимое платье Таси, короткое и декольтированное, одиноко розовело на кровати. На заношенной ткани виднелось большое, величиной с тарелку, бурое пятно. В центре этого пятна словно матовая ракушка, лежало маленькое, с не вынутой серьгой, отделённое от головы женское ухо.

...Полицейский офицер не скрывал своих подозрений, арестованный Келлер получил положенную порцию пощёчин, провёл под замком три месяца и оказался на свободе, когда дело без улик развалилось.

Мёртвое тело Таси так и не нашли. В обители Юлия уже ждали, что-то переменялось в политике организации, даже язвительный Джено выглядел притихшим и обескураженным. Келлер прошёл мимо бывшего учителя, не утруждая себя приветствием. Оба по прежнему ненавидели друг друга и хорошо знали об этом.

Командор Зенон посетил восстановленный храм и оказался сухощавым, но ещё крепким, приличного вида стариком. С послушником поговорил наедине и благожелательно. О методах Джено упомянули вскользь и без подробностей, но с осуждением, Келлер легко сообщил, что «учитель» безнадежно попал в немилость.

Самому Келлеру шёл тогда двадцать третий год.

«Ты не должен иметь привязанностей», — мягко посоветовал ему Зенон, и Юлий, дезориентированный хорошим приёмом, охотно согласился — он и так привязанностей не имел.

«Ты теперь настоящий адепт. Не второго, а сразу первого круга».

Келлер почему-то не обрадовался, хотя новое положение обещало многое, в том числе, со временем, месть ненавистному Джено.

«Нам нужны образованные, молодые, активные люди. Пора подумать о светской карьере в столице».

Он согласился опять, потому что суровые порядки и скудный образ жизни в обители оркуситов казались ему обременительными. Порт-Иллири обещал комфорт и яркое времяпрепровождение, а нежелание быть на виду со временем прошло. Способности требовали применения, а применённые способности вызывают жажду успеха.

В храм он пришёл глубокой ночью, но не один — в числе двенадцати адептов, допущенных к запретным ритуалам. Искажённый небосвод как всегда медленно вращался по кругу. Где-то играла музыка, глубокие, низкие звуки выворачивали наизнанку душу: «У-ом-м!»

Идея Оркуса, альтернативного начала, восставшего против заведённого рутинного порядка Вселенной, слегка импонировала независимому по натуре Келлеру, но практика орденских дел сильно

расходилась с таким идеализмом. В Зеноне он интуитивно почувствовал человека, способного протолкнуть его, Келлера, в высшие слои Порт-Иллири. «При такой поддержке я сумею достичь большего». Садист Джено теперь казался ничтожной пешкой на аккуратно разлинованной доске большой игры...

Под искажённым искусственным небом Келлер снова попытался войти в транс, но контакта с потусторонним миром как всегда не получилось. Он снова убеждался, что мистиком ему не бывать, но никакого огорчения от этого не испытывал. В Порт-Иллири уехал на следующий день, с рекомендациями и уверенностью, что его имя навеки исчезло из полицейской картотеки Порт-Иллири.

«Не пытайся сделать карьеру в претории», — твёрдо приказал напоследок Зенон.

«Почему?»

«Они чересчур тщательно проверяют кандидатов и чересчур следят за своими. Лучше постарайся устроиться в бюрократическую систему канцелярий. Там нужны специалисты по искусству. Правители приходят и уходят, но канцелярия, сын мой, вечна».

Юлий отнёсся к совету очень серьёзно, а место чиновника поначалу его устраивало. Разочарование наступило далеко не сразу — лишь с пониманием того, что драка за место под солнцем ведётся без правил не только у адептов Оркуса.

В дворцовых ведомствах пышно расцветали интриги. К счастью, сказывалась орденская выучка — Келлер умел придерживать язык. Он брался за любую неприятную работу, которой пренебрегали другие — разъезжал по Иллире, чтобы оценить предметы искусства, конфискованные у разозливших императора аристократов. Попадая на пустые виллы, он не встречался взглядом с безумными зрчками обречённых на смерть, а поэтому с завидным хладнокровием мог изучать живописную манеру и прикидывать стоимость рам из резного дерева. Келлер был корректен с вышестоящими и никогда не поддавался соблазну отложить какой-нибудь шедевр для себя. Его хоть и не очень любили, но терпели, а некоторые и побаивались.

Всё это время орден не требовал денег, ограничиваясь просьбами общего характера — обычно верховный командор Зенон желал информации, и протезе никогда не разочаровывал командора.

Материальное благополучие самого Келлера тем временем стремительно возрастало. В канцелярии платили мало, но торговля мнением искусствоведа приносила дополнительный доход, рекомендации влияли на рынок древних статуэток, и Келлер без стеснения

пользовался влиянием с выгодой для себя. Из прошлого опыта он сделал выводы и держался особняком, квартиру запирали при помощи ментального кода и никогда не оставлял женщин на ночь, предпочитая снимать для них отельный номер на час.

Через несколько лет он поднялся на уровень очень хорошего, по меркам Порт-Иллири, достатка, и тут сильная скука охватила Келлера. Иногда он жалел, что не выбрал для себя другую карьеру — тайна информации, перемещающейся по каналам Системы, неотвязно мариновала его.

Деньги водились, он втихомолку нанял учителя. Эскапист-программист старательно пополнил образование адепта Оркуса, а после исчез навсегда, затерявшись где-то в притонах Порт-Иллири. Вершин науки адепт не достиг, но кое-что усвоил, а усвоенное запомнил цепко и навсегда. По вечерам развлекался, где придётся.

Однажды вечером, в сомнительном квартале на Келлера наскокило трое. Грабителей сбил с толку лохотонный облик искусствоведа. Он сломал руку одному и без сантиментов выбил глаз другому. Третий незадачливый вор исчез, не дожидаясь развязки. Этот случай (хоть и кончился победой) выглядел предупреждением, и Юлий большую часть времени стал проводить «в приличном обществе столицы».

Приличный Порт-Калинус неистово развлекался вечеринками. Одни смотрели на продвинувшегося референта с завистью, другие не отказались бы от такого родства через брак. Об адептах Оркуса в столице почти не знали, интересовались ими ещё меньше, а то, что иногда оказывалось на слуху, считалось отвратительным извращением одиночек. Келлер с наслаждением представлял, как исказились бы физиономии отцов и розовые мордочки их дочек, узнай они истинную правду о нём. Корректный, хорошо одетый, умный и общительный, он ничем не походил на адепта абсолютного зла...

В тот год Келлер сделал первый шаг к финальному краху, и сам не заметил, как переступил роковую черту.

С Кэтти он познакомился на одной из вечеринок. Келлер пришёл на праздник довольно поздно, в тот час, когда опьянение затронуло всех, не исключая и женщин. Под бессмысленный смех мерцали фонарики в саду — кто-то ради шалости баловался с проводкой. Артистка, которая не обращала на эту возню никакого внимания, пела, подыгрывая себе на старинном инструменте. Он назывался странно и красиво — виолончель. Пение слушали невнимательно, на другом конце сада, у бассейна, разухабистые мужские голоса уже

затянули военный марш. Келлеру женщина очень понравилась — она была не столько красива, сколько оригинальна, будто чёрная лисица среди рыжих.

Он дождался конца выступления и подошёл, чтобы познакомиться поближе. В певичке мерцал эксклюзив, может быть, мелкие чёрточки, свойственные людям, которым судьба предопределяет трагическую роль. Он представился искусствоведом, подарил свою визитку, Катерина держалась холодно, и Келлер отступил, потому что не желал тратить на обольщение слишком много времени. Через неделю референт канцелярии забыл об этой встрече, потому что впервые встретился с императором Иллиры лицом к лицу.

* * *

Оттон оказался грузен, болен и стар, но сквозь дребезжание старческого баритона прорывалась нерастратченная воля. Статуэтка, ради которой вызвали искусствоведа, изображала медведя, который, стоя на задних лапах, в передних удерживал большую раковину.

Оттон откашлялся в платок, бросил лоскут прямо на пол, кибер-слуга подскочил и убрал изгаженную ткань.

— Что скажешь, сынок? Не огорчай старика, вещица обошлась мне в кучу денег.

Келлер, понимая, что точности ответа зависит вся его судьба, беззвучно вздохнул и ответил:

— Статуэтки такого рода хорошо известны, их делали вручную ранние колонисты. Сюжетов немного, все они описаны, и нестандартные изображения почти не встречаются. Подделать вещицу исключительно трудно, потому что ручная работа сейчас стоит дорого. Плохая подделка легко распознаётся, а хорошая обойдётся не дешевле оригинала. У этого экземпляра такое высокое качество, что трудно усомниться в его подлинности.

— Вещица настоящая?

— Простите, нет. Она сделана с великолепным качеством настоящей. Отличие всего одно — завиток раковины, которую удерживает в лапах медведь, повернут не в ту сторону. Он повернут правильно, как это бывает в природе. Но в подлинных изображениях завиток не такой.

Оттон помолчал. Потом пробормотал нечто энергичное про себя, беззвучно пошевелил сморщенными губами.

— Я так и знал. Приятно было убедиться, что ты тоже разбираешься в искусстве, — сказал старик вслух, и Юлий осознал, что главную проверку он выдержал.

Диктатор и адепт обменялись мнениями о древностях, Келлер поспорил (чуть-чуть), спор проиграл и постарался выглядеть только в меру умным. Оттон разглядел притворство, но счёл такую ловкость признаком почтения императору.

— Люблю правду, но редко её слышу, — добавил он под конец. — Мне нужен неофициальный секретарь-референт и хранитель моей коллекции. Толковый парень, знающий, воспитанный, здоровый, не болтливый, не склонный к политике и без родни, чтобы... (тут диктатор всхотнул) ... мне не пришлось награждать чинами его братьев и пристраивать перезрелых сестёр. Вы один?

— Я сирота.

— Это мне подходит. Пропуск вам выдадут в претории.

Келлер удалился. Он чувствовал себя победителем. Вызов на тайную встречу с Зеноном пришёл тем же вечером. Они встретились в предместье, в безликой серой комнате без окон. Псионик, должно быть адепт-телохранитель, окинул референта настороженным взглядом.

— Поздравляю тебя, сын мой, — сказал командор и сжал Келлеру ладонь, потом ссутулился и сложил на коленях бледные руки.

— Ты уже догадался — это мы подсунили Оттону ту статуэтку. Специально, чтобы он пригласил тебя и заметил.

— Спасибо. Что я должен сделать для ордена?

— Пока ничего. Никакого вмешательства в дела повелителя, никакого копания в его частных записях. Слышишь? Только работа, которую он тебе даст. На любое нестандартное действие тебе придется сначала получить мою санкцию. Мы слишком рисковали, продвигая своего человека в окружение Старика. Не подведите же нас, Юлий.

— Ваше слово — закон.

Келлер расстался с верховным командором, и виделись они редко. Собственное тридцатилетие адепт Оркуса встретил на вершине карьеры, недоступной для других. Работа на императора оказалась интересной и не очень обременительной. Келлер старался делать её как можно лучше, но допускал чётко отмеренное количество мелких промахов, которые позволяли Оттону наслаждаться своим превосходством.

— Ты совершенствуешься, сынок, — как-то сказал властитель и адепт согласился с ним в душе, хотя и по другой причине.

Коллекция хранилась в закрытой пустой галерее дворца — среди фресок, лепнины и барельефов с грифонами. Ментальным кодом владели только император и его доверенный секретарь — Келлер.

Уход за шедеврами, поддержание температуры и влажности, управление светильниками возложили на мобильных киберов, картотеку держали в личном вычислителе Оттона, к которому всё тот же Келлер имел ограниченный доступ. Он уже понял, что достиг потолка служебных возможностей, оставалось лишь плыть по течению и ждать...

Однажды зимним вечером, Келлер вернулся в свою слишком просторную фешенебельную квартиру в лучшем районе Порт-Иллири. Вход загораживала тёмная фигура, фонарь высветил блестящие волосы и очень бледную щеку.

— Вы?

— Да, это я. Я в беде и сломала свой виолон.

— То есть, вы оставили музыку?

— О, нет! Это музыка бросила меня.

Юлий с трудом вспомнил её имя. Женщина замёрзла и заметно дрожала.

«Должно быть, очередной содержатель выкинул несчастную на улицу».

Келлер твёрдо знал, что никогда не видел имени Кэтти на афишах. Он пустил её в квартиру — это сулило разнообразие в слишком устоявшейся жизни и неплохое развлечение, купленное по недорогой цене.

— Я читала про вас в новостях, а потом отыскала адрес.

— Зачем?

— Хочу сыграть — только я, вы и музыка ... О, не подумайте! Бесплатно, — жалко улыбнулась она.

— Вы только что сказали, что сломали свой виолон.

— Обойдусь.

Она достала из полупустой сумки флейту.

...Келлер сидел у камина и слушал. Кэтти походила на яркую куклу с раскосыми глазами — звезду театра марионеток.

«Это тонкая стилизация. Женщина воистину талантлива. — понял Юлий. — Ей не хватило только двух вещей — денег на рекламу и подходящего общественного настроения».

Он слушал печальную мелодию и снова видел туман. В тусклых сумерках мальчишка-адепт брёл к ручью с пластиковым ведром, в низине клубилась влажная мгла — белая и густая, словно дым, но без горечи и тревоги, присущей настоящему дыму.

— Спасибо, — отозвался он через час. — Я оценил ваше искусство. Оно выглядит достойно. Хотите поужинать?

Она согласилась с готовностью бездомного голодного человека,

и Келлер задумался, вести ли женщину в дорогой ресторан. Идею заказать ужин на дом она встретила с радостью, после ужина осталась до утра, а потом ещё на день. В конце концов Кэтти задержалась на неопределённое время. Она была похожа на тёмную лису или кошку, и, как кошка, оказалась привязана к месту. Её стремление не выходить на улицу воистину поражало.

«Ты самый замечательный во всех отношениях. Я бы умерла без тебя».

Обученный адепт Оркуса знал цену таким манипуляциям, но слушать всё равно было приятно. Он уже подумывал о том, чтобы потратить некоторую часть личных сбережений и дать женщине первоначальный толчок к славе.

Развязка наступила внезапно. Келлер просматривал документы канцелярии, и почти случайно наткнулся на короткий текст: «Дополнение к спискам лиц, объявленных вне закона на пятое февраля. Крис Миммиан — муниципальный рабочий. Тит Райт — финансист. Катерина Снег — женщина без определённых занятий...»

Теперь внезапное появление Кэтти и её нежелание выходить на улицу предстали перед Келлером во всей красе. Он явился домой в бешенстве, потому что сам лгал умело и, охотно прибегая ко лжи, не любил эту способность в других. Певица съёжилась, едва увидела референта, и её непритворный ужас немного остудил его.

— Я всё знаю.

— Тогда мне пришла пора убираться вон.

Она принялась укладывать сумку, без конца подбирая и роняя бельё и косметику (в основном подарки самого Келлера). Он ждал её ухода, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. Кэтти роняла вещи, подбирала их, плакала, роняла и подбирала. В конце концов Келлер не выдержал, хотя знал, что мельчайшая уступка жалости может привести к катастрофе.

— Что ты натворила?

— Ничего.

— Точно ничего, может быть, спуталась с кем-нибудь?

— Не угодила одному влиятельному преторианцу. Этот человек слишком торопился, был груб, и я его оттолкнула. Он был пьян, остушился и упал. Я не виновата, что он ударился виском!

— Больше ничего?

— Ничего, клянусь. Я испугалась и убежала, потом вспомнила про тебя. Прости. Надо было отправиться в полицию и сказать правду. Это просто несчастный случай. Я уверена, ещё не поздно оправдаться.

Референт диктатора промолчал. Кэтти тешила себя иллюзией. «Никто не поверит, что она не была подослана. Даже если бы и поверили чудом — документ с её приговором опубликован. Эта машина не имеет обратного хода».

— Ночью ты не уйдёшь. Поговорим завтра и не наспех.

Келлер закрылся в кабинете и долго смотрел в пустое и чёрное ночное окно. Утром он уехал на службу, пока женщина спала.

Оттон в музее не появлялся. Юлий продумал предстоящий разговор до мелочей, перепробовал десяток вариантов и каждый из них забраковал. «Всё бесполезно, — понял он с глухой ненавистью. — Мою просьбу о мести, допустим, о смерти подлеца Джено, Старик принял бы с пониманием. Но просить у диктатора помилования безвестной певички, полупроститутки, значит безнадежно уронить себя. Он убьёт Кэтти просто так, чтобы (в меру своих понятий) сделать меня свободным».

Келлер подержал в руках свою любимую статуэтку (фигурку цапли в полете), а потом вернулся в библиотеку. Терминал императора включился сам собой, словно давно ждал нового хозяина. Хвала давным-давно сбежавшему программисту — нужные навыки вспомнились сами собой. «Опубликованный список смертников изменять бесполезно». Келлер поступил гораздо тоньше — создал фиктивный список приговоров, приведённых в исполнение, и включил в него Кэтти. Потом поработал с картотекой жителей Порт-Иллири и заменил в её фамилии одну букву. Формально прежняя Кэтти была мертва и спасена на деле.

Юлий, как мог, скрыл следы взлома в системе и вышел из дворца в холодном поту. Уже из дома он позвонил в канцелярию: «Я болен, простудился, подхватил инфекцию». Кэтти плакала и обнимала ноги спасителя, но через час Келлер успел пожалеть о содеянном. Пути назад были отрезаны, оставалось только ждать последствий. Он охотно вышвырнул бы певицу под дождь, но не смог, потому что и впрямь заболел и нуждался в её помощи. Лёжа под одеялом, Келлер метался в лихорадке, а, очнувшись, видел красивое искажённое горем лицо.

Он вернулся к Оттону только через две недели, кое-как подлечившись. Император встретил референта приветливо и Келлер понял — на этот раз беда прошла мимо.

«Правильно ли я поступил, великий Оркус?»

В те смутные дни адепт впервые получил ответ.

«Попытка продлить существование преходящей биологической формы обернётся страданием для тебя».

Это были слова ритуального гимна, но Келлер воспринял их как ответ потустороннего существа.

Гораздо более определённый ответ референт получил через десять дней. Вызов от командора пришёл внезапно. В серой комнате, в сером предместье, старик с белыми руками спокойно сидел на табурете. Псионик (адепт и телохранитель) словно статуя замер в углу. Келлер не сомневался, что каждый вздох гостя просчитывается.

— Ты разочаровал меня, Юлий, — сухо сказал Зенон.

— Я думаю, что поступил разумно. Риска никакого. Я могу приносить вам пользу, применяя этот способ взлома.

Лицо командора выглядело бледным и иссушенным, словно личина мумии. Зенон мотнул головой, словно отбивался от ос.

— Сексуальная практика адептов меня не интересует. До тех пор, пока она не мешает делу. Но приказы следует выполнять. Тот, кто нарушил приказ ради женщины, рано или поздно оступится повторно. Я мог бы отдать приказ о твоей казни, но это слишком лёгкая расплата. И всё же непослушание не должно остаться безнаказанным.

Келлер пытался сопротивляться, но это помогло не надолго, — орудия металлическими прутьями, его сбили с ног. Больше всех усердствовал Джено. Это продолжалось довольно долго, Келлер охотно потерял бы сознание, но не мог — возможно, мешал сенс, который, не вмешиваясь в драку, молча стоял в углу.

Потом Келлер всё-таки отключился — после удара по голове, который нанес всё тот же увлечшийся Джено. Бывший учитель плюнул на бесчувственное тело бывшего ученика...

—...Юлик! Юлик!

Он пришёл в себя на удобной койке в дорогой больнице Порт-Иллири. Кэтти сидела в ногах и плакала — по её матовому лицу катились крупные и чистые слёзы.

— Прости меня, прости меня, пожалуйста, прости....

— Это не из-за тебя, дурочка. Тот, кто водится с фанатиками, должен готовиться к любому несчастью.

Она поначалу не поняла, но немного успокоилась. Келлер оценил потери. Больше всего досталось колену. Лечили по высшему разряду, но умеренная боль и некоторая хромота грозили остаться навсегда. «Ну что ж, для специалиста по искусству это не так уж и важно».

Следующее сообщение от командора не заставило себя долго ждать — разжалованному адепту приказали платить и называли сумму. Откупаться раз в полгода значило условно оставаться независимым.

Он принял предложенное, сохранив твёрдую ненависть в душе, но гораздо большим ударом стала записка из канцелярии императора Иллиры: «В связи со стойкой утратой здоровья считаем контракт с вами расторгнутым».

Келлер мысленно ругнулся, но виду не подал. Ему не хотелось пугать Кэтти и не хотелось больше встречаться с Оттоном. Деньги ещё оставались, даже после полной оплаты лечения. Позже Юлий задумался насчёт поразительной осведомлённости Зенона.

«Если сам Оттон не заметил моего вмешательства в файлы, то откуда о нём знать командору ордена?»

Ответ напрашивался сам собой — «я у них не единственный». Келлер больше не сомневался, что «теневого дом» продвигает и оплачивает технические проекты — быть может, теми деньгами, которые зарабатывают послушники.

«Адепты могут скрываться в рядах претории, кроме того, у специалистов Зенона есть свой, законспирированный выход в Систему».

Келлер запомнил эти соображения на будущее.

Он вышел из больницы и поначалу пользовался тростью. Потом выучился обходиться без подпорки, хотя это стоило многих болезненных ощущений.

На остаток денег открыл небольшую фирму, где под видом консультаций по искусству стал браться за любую работу. Приказы ордена приходили редко и касались одноразовых поручений, но деньги Зенону следовало платить регулярно, задержка грозила новым наказанием. Если заказчик выглядел надёжно, Келлер или сам выполнял подделку шедевров или служил посредником для фальсификаторов, иногда тайно входил в Систему и, пользуясь приобретённым опытом, делал то, что хотел.

Виртуальный способ, которым Зенон поймал его, Келлер изучил довольно скоро и больше не повторял старых ошибок. Сообразительный и способный от природы, он постепенно делался всё смелее. Заказы становились совсем небезопасными.

Иногда Келлер так отчаивался, что за деньги убил бы кого угодно. Иногда наступало просветление, тогда хотелось справедливости, но её безнадежно не существовало нигде. Он мог бы пристраститься к наркотикам, мешал лишь приобретенный в ордене частичный иммунитет.

«Знаешь, котёнок, иногда мне хочется просто мести».

Кэтти всегда охотно соглашалась, потому что любила Келлера и, в конечном счёте, всегда соглашалась с ним, даже если он был

раздражителен и оскорблял её. Келлер это ценил, заказал подделку старинного виолена и временами слушал её песни.

Песни защищали от страха. Он боялся, что однажды, повинуясь неосознанному желанию, убьёт себя сам. Быть может, эта тяга к саморазрушению, была незаметно заложена в душу учителями теневого дома.

«Они не прикончили меня, решив, что время пока терпит».

Келлер часто вспоминал мёртвого Викки под белой простыней. Злорадствующий Джено являлся ему во сне, он улыбался узкими губами, но глаза оставались по-змеиному неподвижными.

В эти месяцы Келлер снова ощутил мистическое присутствие Оркуса, потом оно сделалось частым и нередко мучительным. Разжалованный адепт ловил в ментальном эфире ответы. Одобрение мирового деструктивного начала значило, что очередная жесткая авантюра пройдёт удачно, в нейтральных ситуациях Оркус глумливо отмалчивался. На следы технических проектов ордена он наткнулся почти случайно...

* * *

— Юлик, Юлик!

Келлер вышел из забытья. Вокруг стояла тьма. Казалось, Кэтти находится рядом, хотя он твёрдо помнил, что женщина мертва. Она была не человеком и не призраком, но существовала как сумма воспоминаний самого Келлера и могла существовать в такой форме, пока не угасло сознание иллирианца.

— Спасибо, что вернулась утешить.

Он знал ответ, и этот ответ в его воображении легко сложился в слова.

«Вернулась до часа твоей смерти».

— Помоги мне осмелиться.

«Раньше ты решал за себя сам и никого ни о чём не спрашивал».

Она молчала, пока Келлер воображал шёлковый блеск её волос и плавный завиток пряди возле уха.

— Теперь ты только часть моих мыслей.

«Да, поэтому исчезну вместе с тобой. Как поётся в одной хорошей песне — навеки вместе».

— Я плохо позаботился о тебе, прости.

«Сделал то, что мог».

— Жизнь мне опротивела, сил нет.

«Поступай, как захочешь».

— А как же ты, милая?

Она ничего не ответила.

Келлер опустил веки, безуспешно пытаясь взять себя в руки. Мысль о том, что срыв и истерика фиксируется приборами наблюдения, погрузила его в состояние крайней неловкости, от которой иллирианец давно отвык.

«Для хитрого Бейтса я — фанатик-псих, а для прагматика Дезета — расходный материал в его политике. Утром видеозаписи посмотрят и сделают вывод, что я сломан и хочу рассказать всю правду про орден и цитадель. Но кому? Шефу безопасности? Мы ненавидим друг друга. Консулу? Я пытался убить его дочь. И оба этих человека не готовы к такой правде».

— Эй, медики, есть тут кто-нибудь?

Келлеру не ответили, должно быть, стражником и впрямь служил какой-нибудь примитивный автомат.

Он приподнялся и это ему удалось. Что-то упало в темноте, игла стрельнула из вены наружу, по сгибу локтя обильно побежало.

— Вот, подлюга, он сломал капельницу, — сказал кто-то за спиной. Голос был человеческий, и Келлер сильно обрадовался.

— Мне нужен Дезет. Это дело исключительной важности.

Вспыхнул свет.

— За такие штучки я бы дал пациенту в зубы, будь его состояние лучше, — добавил второй человек.

— Позовите консула, — снова попросил Келлер.

Решимость его ослабевала, как будто вытекала вместе с тёмной жидкостью из вены.

— Ночью что ли? Думаешь, он ждёт не дожётся твоего звонка?

Санитары захохотали.

«В госпитале мне не дожить до утра, — с тоскливой безнадёжностью понял иллирианец. — Не важно, что произойдёт. Умру сам, не сумею побороть впечатанного в меня приказа, или до меня доберётся потусторонник. Смерть будет в глотке воды, в шприце, в самом воздухе. А потом придёт Оркус и возьмёт своё — он всегда брал своё. Сейчас впопугу обрадоваться даже такому цинику как шеф службы безопасности».

— Позовите Бейтса.

— Мастер Бейтс спит.

— Разбудите.

— Сам буди.

«Издеваются, как это любят делать малозначительные люди в большой и влиятельной организации».

— Ну-ну, — холодно прокомментировал Келлер. — Как хотите, ребята. Система наблюдения записывает наш разговор. Рано или

поздно, но Бейтс запись послушает. Если сдохну раньше, вам не поправится.

— Твой акцент делает твою речь непонятной, иллирианец.

Двое ушли.

Келлер откинулся на подушку, ожидая результата. Ещё в обители он научился чувствовать биение времени, секунда за секундой, как пульс. Шеф безопасности пришёл примерно через час — совсем короткий срок для времени после полуночи.

— Вам просто повезло, что я ночевал в здании.

— Позовите консула Дезета, понадобится второй свидетель.

— У вас замашки не по статусу. Надеюсь хоть, сведения эту наглость оправдывают. Утром свяжусь с консулом и попрошу его о встрече.

— Сейчас.

— Да бросьте дёргаться, — устало отозвался Бейтс. — Ничего с вами не случится до утра. Охрана тут хорошая. Я тоже буду неподалёку, хотя вы мне противны и это чувство не без взаимности... Устроит?

— Да.

Келлер успокоился.

Он, закрыв глаза, вспоминал, как Кэтти пела. По какой-то необъяснимой причине, пока она делала это, потусторонник, Джено и Зе-нон оставались бессильны. Присутствие Оркуса тоже ощущалось — как сухое и враждебное веяние, но бог разрушения так и остался на грани восприятия.

«Ты была права, котёнок, я попробую ещё раз ради твоей памяти. Возможности бороться с орденом у меня нет, но я наконец-то нашёл тех, кто эту возможность имеет. Пусть трудным делом займутся Дезет и Бейтс».

* * *

(Из показаний Юлия Келлера, адепта культа Оркуса.)

...Этим я признаю и подтверждаю, что многократно участвовал в противозаконных акциях как по прямому указанию ордена, так и исходя из его одобрения подобных действий постфактум.

...Признаю и подтверждаю также, что, являясь членом «теневого дома», добывал информацию, как правило, путём тайных съёмок документов или путём подкупа чиновников в канцелярии дворца Оттона Иллирианского.

Точный и полный перечень нелегальных действий привести не могу, так как не помню его из-за значительной величины...

...Спрошенный на предмет структуры Ордена Оркуса, показываю, что он включает и зарубежные отделения, о которых точных сведений не имею. Так же признаю и подтверждаю, что Орден в течение пяти лет направлял незаконные доходы на исследовательские нужды — на разработку аномальной техники и биологические модификации. Местоположение телепорта и приблизительные схемы базы готов описать.

...Лично в названных экспериментах не участвовал, информацию получил путём взлома закрытого сегмента киберсети, принадлежащей Ордену Оркуса. О факте взлома тайную организацию в известность не ставил...

Записано собственноручно.

Келлер.

* * *

— Вас факты интересуют или мои частные выводы?

— Всё, — сказал Стриж, — кроме лжи.

Сегодня адепт выглядел значительно лучше. Он не корчился, сидел, спокойно расслабившись, не пристёгнутый захватами, и только осторожно придерживал колено. Келлеру, и точно, полегчало.

— Выводы соответствуют фактам. Судите сами. В личных архивах правителя Иллиры остались упоминания об эпидемии нестандартной чумы.

— Которого из правителей? Линдера что ли?

— Нет, конечно, Оттона. Так вот, если верить записям, инфекция не дошла до столицы, поэтому дело постарались замять. Чумных теснили на пустоши, лекарства не действовали, а риск для здоровых был огромный. Дело приключилось более полувека назад. Примерно в то же время специалисты претории экспериментировали с аномальной техникой. Считалось, что она поможет скрытно перемещать грузы. Проект потом провалился, и его свернули, потому что контейнеры исчезали в одном месте, но так и не появлялись в другом, а Его Величие Оттон в таких эпизодах был склонен видеть воровство.

— Ближе к делу.

— Мужчин и женщин выгнали из заражённых деревень, направили в какие-то двери, там они моментально потерялись. Никто, понятно, об этом не смел пожалеть. В цитадели я говорил со старым служителем, он сумасшедший, но именно этот человек когда-то, совсем ещё молодым сумел уцелеть в эпидемии.

— Вы всерьёз верите, что из таких высланных в никуда людей сложился ваш орден?

— Цитадель, то есть штаб-квартира, если её рассматривать изнутри, планировкой похожа на базы претории. Те же материалы и тот же стиль постройки. Если покопаться в архивах, думаю, можно найти упоминания о потерянной в аномалии и списанной лаборатории. Полвека — очень большой срок, если кто-то вложит в проект стоящие деньги.

— Что за «нестандартная чума»?

— Просто название. У заболевших распадались нервы, мозг. Некоторые обладали иммунитетом и не умерли. Куда делись, неизвестно.

— Возбудитель мог сохраниться?

— Если он вообще-то существовал, то мог. Но, возможно, это не вирус, а неизвестный физический фактор.

— Фантазии на шаткой основе.

— Есть косвенные доказательства. Командор обвинил меня в измене и едва не убил, как только я без его санкции прикоснулся к личным архивам Оттона.

— Почему вас не ликвидировали?

— Не знаю. Кто-то вмешался. Может быть, Оркус.

— Ладно, допустим, Зенон скрывал незавидное происхождение ордена и кое-какие делишки. Почему вам приказали застрелить мою дочь?

— На Зенона работают сильные пророки. Их в ордене немного, но приёмы пси-манипуляций у нас известны, разрабатывались даже средства противодействия. Я в подробности не посвящён, но кое-кто из пророков мог увидеть вашу дочь в опасном для неё контексте.

— В каком?

— Например, в одной связке с возможным уничтожением ордена. В качестве самого опасного фактора.

Стриж встал с табурета и прошёлся из угла в угол.

— Что ж, они допросились, — с очень характерной усмешкой сказал он. — Но вы же не дурак — зачем пошли на безнадёжное дело?

— А куда мне было деваться? Говорят, наше будущее вырезано на менгире судьбы. Я видел этот камень в степи и даже подчистил его — убрал запись, которую Зенон считал опасной для себя или организации.

— Зенон вам велел?

— Да.

— Похоже на суеверную чушь. И что там с этим камнем?

— А ничего. Кто-то уже после меня обставил дело попроще — взорвал этот монолит к собачьей матери.

— По вашему, пророчества лгут напропалую?

— Не знаю. Одно время я искал архивы матери Наан, но не сумел их обнаружить ни в Иллире, ни у Вэнса. Невозможно сказать, насколько ваша дочь способна предсказывать будущее. Мало того, вся история от начала до конца может оказаться сфабрикована Зеноном. Он мог предполагать, что я не справлюсь и буду схвачен.

— Зачем он выбрал такого исполнителя?

— Чтобы спровоцировать вас на месть, инициировать атаку на орден и заманить потенциальные жертвы в телепорт. Или чтобы посчитаться с конкурентами вашими руками.

— Слишком сложные мотивы.

— Я сказал то, что думал. Ваше дело — использовать мою информацию или нет.

— Если история с покушением — только ловушка, зачем командор снабдил вас знаниями и отправил прямо в мои руки?

— Возможно, он полагал, что, загнанный в угол, я покончу с собой, но дала сбой заложенная в меня программа суицида.

— Или вы добровольно участвуете в этой игре на стороне своего ордена.

— Нет. Если бы я лгал вам, то придерживался бы одной версии, попроще.

— Чего вы хотите за такие откровения?

— Совсем немногого. Возможности уйти быстро и безболезненно, перед этим увидев поражение Зенона...

* * *

— Изворотливый тип, — прослушав ещё раз запись, сказал Дезету Миша Бейтс. — Считаю, он лжёт и пытается нами манипулировать. У Келлера хорошая сопротивляемость к пси-проверкам. Наши специалисты поработали с ним и не пришли к общему мнению.

— В какой конкретно части истории он, по вашему, лжёт?

— Насчёт своих целей. На самом деле Келлер хочет жить и готов ради этого на всё — каяться, торговаться, рассказывать теории заговора. Следовало сразу казнить парня за попытку убийства и забыть.

— Не уверен. По-моему, он в основном правдив и до конца не сломлен. Впрочем, мне всё равно. Моя цель — защитить Арбел и жизнь моей дочери.

— Я сразу знал, что долгие разговоры добром не кончатся.

— Есть приоритеты поважнее. Если верить его показаниям, телепорт ордена устроен на нашей территории.

— Да, ваше превосходительство. Теперь, мне, пожилому усталому бюрократу, придётся повесить себе на шею ещё одно очень сложное дело.

Часть пятая. ИСКУШЕНИЕ

Интерлюдия. Третье везение Лу

Весна не приходила так долго, будто неладное творилось с календарём. Лу уехал на северо-восток по мокрой ленте новой дороги. В Мемфисе шёл снег, перемежающийся холодным дождём, отели совсем пустовали, и только съехавшиеся на свой конгресс члены братства Разума разнообразили ход событий.

Сестра конгрегации, энергичная рыжая женщина, говорила быстро и мыслила так же резко. Она только что вернулась с иллирианских территорий.

«Мы хотели, чтобы трансмутация охватила весь мир, стремились дать способности псионика каждому, вложили в этот проект деньги, души, жизни друзей — и что получили взамен? Иллирианцы вовсе не счастливы и не благодарны. Они нас ненавидят».

«Зато через пять-шесть лет геонийцы перестанут сильно отличаться друг от друга».

«Жертвы велики».

«Зато наши общие потомки выживут».

«Нет, нет! Нельзя спасать кого-либо принудительно».

У Лу не выдержали нервы, он покинул зал заседаний, предпочитая охладить голову на улице. Через некоторое время капеллан забрёл в маленькое кафе и сквозь стеклянную стену какое-то время равнодушно наблюдал за жизнью города.

— У вас усталый и скучающий вид.

— Разве?

Случайный сосед по столику, похожий на бульдога в человеческом варианте, с профессиональным интересом изучал брата Разума.

— Скука — проблема нашей цивилизации, — задумчиво сказал он. — Чем больше возможностей, тем меньше они радуют. Иногда хочется чего-нибудь этакого... чтобы эксклюзив. Будете пробовать?

— Нет, — буркнул Лу.

— Вы когда-нибудь теряли очень близких друзей?

— Да, на войне. Они там умерли. Иногда думаю — может, я зря их заводил. Терять слишком больно.

«Бульдог» смутился и задумался, не зная, с которого подойти конца. Он ничуть не сочувствовал Лу, а лишь пытался втравить его в какое-нибудь жульническое и дорогое развлечение.

— Может быть, у вас на примете потерянные родственники? — уже без особой надежды поинтересовался он. — Или, знаете, у каждого найдутся в прошлом утраченные возможности — приятель детства, который мог бы стать выгодным партнёром, красивая девушка, которую вы мельком видели на вечеринке...

— Мы быстро забываем.

— Я именно об этом — мы забываем, а позднее, если вспомним, обнаруживаем, что человек уже исчез...

— И что из того?

— Наша компания предлагает совершенно уникальные услуги — сидя в специально сконструированном расслабляющем кресле, вы лучше поймёте себя и проникните в чужие сны — сны именно тех людей, которые зацепили ваше подсознание и представляют для вас потенциальный интерес. Вы нуждаетесь в друге — мы отыщем вам друга. Сбежавшая невеста вернётся, руководство оценит ваши достоинства и...

— Я нигде не видел вашей рекламы.

«Бульдог» напоказ погрузился, вроде бы, даже обиделся.

— У нас ни в коем случае не притон. Лицензия — вопрос ближайшего будущего. Мы не идём против морали. Вы платите лишь за прокат оборудования.

«Решили подзаработать на чужой ностальгии», — сообразил Лу.

— Сколько?

— Пятьдесят. Не дёшево, но результат того стоит. Вас проводить?

Капеллан согласился, хотя уже представлял исход — получасовое блуждание по пыльным закоулкам собственных воспоминаний. Он мог войти в ментальный эфир Мемфиса и безо всяких денег найти похожее развлечение там.

— Я вас подвезу, — торопливо предложил «бульдог». — Если вы решитесь прямо сейчас...

— Прямо сейчас, — как зачарованный повторил Лу.

Он хотел всего лишь отвлечься от тяжёлых мыслей, пусть даже таким нелепым способом. Ментальный притон оказался аккуратно обустроенным угловым помещением в большом здании на городских задворках. Вывески не было, если не считать большого, старинного вида фонаря, источавшего зеленоватый свет.

Он заранее расплатился с девушкой, худенькой псионичкой с правильным овалом совсем ещё юного лица.

— Вы можете запереться в кабине изнутри. Не смущайтесь, вам не будет плохо. Вся процедура безопаснее душа.

Лу недоверчиво ухмыльнулся. Он вошёл и тщательно закрылся, не потому, что боялся ограбления, а чтобы отсечь чужое и ненужное внимание. Потом сел — затылок пришёлся на удобную подставку, металлические контакты даже сквозь волосы холодили голову. Кроме этих контактов, кресло ничем особенным не отличалось. Расслабления не было. Лу закрыл глаза и попытался настроиться на воспоминания, но не нашёл в них ничего приятного.

Сначала он видел годы своей учёбы, но потом сквозь безобидную часть прошлого проступила совсем другая реальность.

* * *

Было жарко. Раненый шакал скулил в овраге. Кустарник сбросил листву, эта листва бурым мусором валялась, где попало.

Человек в форме армейского капеллана сквозь стекло машины изучал двух незнакомцев. В этом наблюдателе Лу узнал самого себя — в полный рост, загорелого и усталого, с пятном бурой пыли на щеке.

— Два-три дня, и эти бездельники окажутся в столице, — с лёгкой завистью сказал Лу-который-был-во-сне.

Мирс легко согласился.

«Я внутри сна, который видит Мирс, — понял настоящий капеллан. — Это картина войны с Иллирой, тот самый день, когда мы встретили Нину».

Жаркая степь внезапно исчезла. Потянулись бесконечные переходы, стены, обшитые металлом и пластиком.

— Лу! — прохрипел сорванный голос.

Голос капитана звучал отчётливо, но сильно изменился, и оттого казался страшным.

— Лу, ты меня слышишь?

— Да. Мы давненько не виделись, Мирс. Ты где сейчас — в Порт-Калинусе? В Иллире?

— Нет, меня похитили! Капеллан, помоги, я сам не знаю, где нахожусь. Я не пьян. Если ты в Иллире, свяжись с нашей военной администрацией.

— Я на родине — выехал в Мемфис.

— У тебя хорошие связи. Добейся, чтобы меня нашли и освободили.

— Кто тебя удерживает? Иллирианцы?

— Нет. Какая-то новая секта, а, может быть, и старая, не поймёшь.

— Как называется место?

— Цитадель, — убитым голосом сказал Мирс. — Мне плохо, Лу, а будет ещё хуже. Они замучают меня. Я смерти не боюсь, но такая смерть не для солдата.

— Сделаю все, что смогу. А ты попробуй мысленно связаться с нашими парнями в Иллире. Они подавляют иллирианской сопротивление и могут помочь. Сколько врагов вокруг тебя?

— Много. Но я не могу ни с кем связаться, Лу.. Ты первый. Наверное, и последний. Мои сигналы глушат. Я знаю, что сплю. Наш разговор привиделся мне. И всё-таки, ради нашей прошлой дружбы, пожалуйста, попытайся...

Видение прекратилось, остался лишь образ тёмного, огороженно-го пространства и стен, сплошь покрытых нацарапанными строчками на двух языках.

Пот стекал по вискам капеллана и контактам устройства. В офисе бледная девушка с изумлением уставилась на перекошенное лицо клиента.

— Вы в порядке?

— Сколько стоит аппарат? А, впрочем, не важно. Я плачу пять тысяч, все свои свободные средства, и покупаю его. Мало? Если вы не довольны, можете жаловаться в полицию. И не смотрите на меня так. Я знаю, что ваш босс легко сделает другую машину...

«Гюри! Гюри! Вызови охрану», — пронзительно позвала девица. — «Гюри! Гюри! Надо ещё проверить, есть ли у этого подонка деньги...»

...Лу гнал машину в сторону столицы. Аппарат, разобранный и укутанный поролоном, ждал своего часа в багажнике.

«Что я могу? Что значу? Мы берёмся направлять судьбы мира, но не в состоянии оказать помощь ближним своим. Впрочем, кто для меня Мирс? Только бывший сослуживец. Возможно он просто спит у себя в палатке, а я лишь оказался свидетелем чужого кошмара».

Лу вернулся в столицу в тот же день и сразу встретился с Румиком.

— Новая секта? — брезгливо переспросил тот. — Каждый год, возникает не менее трёхсот новых негативных сект, примерно такое же количество распадается... Люди предаются ереси по глупости и прекращают предаваться от непостоянства. Налицо единственный мало-значущий факт — сон, который вы видели в притоне.

Румик злился, но всё же связался с Департаментом Регистрации. Мирс числился там пропавшим без вести, его семья получила все

положенные компенсации и уехала на юго-западное побережье. Лу решил не тревожить жену Мирса зря. Используя купленный аппарат, он попытался восстановить мысленную связь с капитаном, но раз за разом терпел сокрушительное поражение.

«Или я сразу обманывал сам себя?»

Теперь он проводил дни в городе, будто погружённый в вязкую мглу. Пророки, которые работали в Порт-Калинусе за деньги, все, как один, отказались от заказа, хотя суммы предлагались приличные, и Лу в конце концов отправился к Нэн. Он знал, что старуха больна, но выбрал день и, подъехав к роскошному фасаду приюта.

— Дама не может принять вас, — вежливо посочувствовала молоденькая администраторша.

— У меня важное дело. Клянусь, что буду очень деликатен.

— Ваша осторожность больше ни к чему. Леди Нэн умерла две недели назад.

«Как часто наши действия безнадежно запаздывают».

Капеллан ушёл. Румик уже смирился со странностью подчинённого:

— Как вы утомили меня, уважаемый брат, со своей выдуманной проблемой. Да, знаю, ваш друг пал жертвой негодяев, но это случилось на войне, когда люди там гибли как мухи. Риск для солдата — профессия... Ну, ну, не злитесь. Возьмите рекомендательное письмо. Нет, не чип, а именно бумажное письмо. Адресат большой оригинал и не любит киберов.

— Кто это?

— Экс-президент Вэнс, инициатор трансмутации.

Может ли один человек переломить ход событий? Лу не считал таким человеком себя. И всё же, он встретился с Вэнсом на его загородной вилле и постарался учесть все советы Румика.

Легендарный политик оказался худым сердитым стариком. Двое телохранителей (мужчина и женщина), не скрываясь, находились рядом с ним.

Вэнс, впрочем, выслушал гостя внимательно.

— Насколько неприятной должна быть смерть, чтобы испугать Мирса как следует? — спросил он гостя.

— Очень и очень мучительной. Капитан смелый человек.

— И всё-таки он просил о помощи и пытался дотянуться до вас, хотя не мог не понимать, что шансов почти не имеет.

— Что-то надломило его.

— Что?

Вэнс ждал, телохранители рассматривали гостя.

— Вы не знаете, что ответить мне, капеллан? Тогда послушайте кое-что напоследок. Техническая обработка сознания — чрезвычайно заманчивая штука.

— Нет, это аморально и это риск.

— Конечно, но подобные исследования всегда будут. Лаборатории можно закрыть, исполнителей наказывать, но идеи не перестанут носиться в воздухе, а их реализация...

— Да, я вас понимаю.

— Забудьте Мирса, — тихо посоветовал Вэнс.

— Вычеркнуть сослуживца из памяти?

— Да. В сущности, ваш друг уже мертвец.

— Простить врагов своих?

— Ни в коей мере. Просто предоставьте грязную работу специалистам.

— Вы навязываете мне ещё одну разновидность предательства.

— Нужно выбирать, кого вы погубите — Мирса или самого себя. Два раза вам, дилетанту, сильно повезло — первый раз в деле об исчезновении Тара Каэрти, второй раз — в деле с Келлером, но на третий раз всё может обернуться иначе. Вот вам совет опытного человека — уезжайте-ка на время из Порт-Калинуса. И побыстрее, пока ещё время есть.

— Спасибо.

Капеллан пожал сухую ладонь старика и вышел под хмурое небо.

Он вёл машину прочь, по сторонам дороги торчали камни, плескались о берег свинцового цвета волны, густой лес чернел на вершине холма.

У поворота незнакомый парень приветливо махнул рукой и плюхнулся на сиденье притормозившей машины. Мысли его не читались.

— Куда вас подбросить?

— Только до окраины...

— ...Тошнит, укачало, — через некоторое время смущенно признался пассажир. — Пожалуйста, остановитесь. Это всё вчерашняя вечеринка.

Он, и впрямь, побледнел и выглядел скованным.

Лу приткнул кар почти что к откосу.

— У вас не отравление? Я могу чем-нибудь помочь?

— Ничем, — ответил парень, и капеллан ощутил короткий тычок ножа под рёбра.

Он прикинул, в какой орган вошло лезвие.

Парень, повернувшись спиной, шумно шарил на сиденьях, под сиденьями и в карманах чужой, сброшенной куртки...

Когда капеллан очнулся, он видел небо, мокрое и унылое, это небо перемещалось рывками, по-видимому, убийца тащил свою «жертву» вниз по откосу. Кровь на боку свернулась, образовав жёсткую корку. Очень хотелось пить. Вода была рядом, но совсем не годилась для питья — это была горько-солёная влага моря.

Сброшенный в залив Лу медленно поплыл, лёжа на спине, словно распластавшаяся бабочка.

Убийца, видимо, не отыскивал то, на что рассчитывал, поскольку через короткое время он вернулся, вошёл в воду и брезгливо потянул казавшееся безжизненным тело к себе.

— Ух, как плохо. Небрежная работа, — посочувствовал капеллан.

Парень изумился всего лишь на мгновение, но и этого оказалось достаточно.

Чужой разум открылся во всех мелких, обыденных грязных подробностях, а Лу атаковал, лишь максимально усилив неприятные воспоминания.

Убийца рухнул в воду.

Капеллан нашёл чужую шею и придавил её, не позволяя противнику вынырнуть.

Они так и барахтались на мелководье, до тех пор, пока враг не прекратил сопротивление. Тогда Лу «выпустил» его и дал отдышаться, одновременно не позволяя парню восстановить мысленную защиту.

— Вы перестарались. Не следовало трогать меня. Если Мирс ещё жив, вам придётся вернуть его назад.

Противник, сидя по пояс в воде, некоторое время кашлял, а потом устался на капеллана с неподдельным изумлением. Сознание убийцы лежало как на ладони.

В выражении физиономии, как с запозданием понял Лу, не было ничего инфернального, мистического, вообще ничего, кроме чисто уголовного разочарования.

— Погоди, какой такой ещё Мирс? — хрипло выдавил схваченный. — Сутенёр из южных кварталов, что ли? Нет, тот точно был Бирс, его уже два года как пришили. А ты из которых придурков происходишь? Наверное, пальцы и уши умеешь отращивать, а всё ж попади я ножиком на два сантиметра повыше, был бы тебе конец. Вещички в машине хорошие, да только наличности не было. Не знаю я никакого Мирса.

Глава 14. Этика и технология тайной операции

Келлер ещё раз обвел контуры рисунка, потом сполоснул кисть, набрал на ворс немного тёмной краски и пометил точку телепорта. Закончив работу, отставил в сторону чашку с мутной водой и показал рисунок шефу безопасности.

— Хорошо получилось, — одобрительно сказал тот.

— Мазня. Я учился рисованию поверхностно, только для того, чтобы лучше разбираться в чужом искусстве. Дайте лучше карту или фотографию — я покажу это место.

— Я лишь хотел убедиться, что вы действительно были там, а не собираетесь тянуть время. Опишите местность возле телепорта.

— Захолустье, редкие деревни. Глушь, бедность, дорог нет, местами не проедет вездеход. Есть тропы, они сойдут для человека или для выючных животных. От предгорий на восток — хребет. Долину можно отыскать с воздуха, ещё можно нанять проводника из крестьян, он проведёт по скалам. Я лично так и сделал. В долине ручей, течёт с ледников, но деревьев нет, кругом только камни. Дом с телепортом маленький и нежилой. Окно покрашено, дверь обращена на юго-запад.

— Кто-то должен обслуживать установку.

— Всё делает автоматика принимающей стороны, нацеленная на пси-образ гостя.

— Ваш образ хорошо известен ордену?

— Меня сканировали два раза — первый раз, когда был младшим послушником, и позднее, в Порт-Иллири.

— А в последние годы?

— Нет. Для опознания достаточно старых снимков.

— Сколько человек постоянно живёт в цитадели?

— Я не знаю, — тихо сказал Келлер. Он машинально взял чистый лист и принялся рисовать на нём пересекающиеся круги. Бейтс заметил это и отобрал бумагу.

— Мне не нравится ваше постоянное «не знаю».

— Извините, я действительно точно не знаю. Вечерняя служба в храме там обязательна для всех, кто здоров и не занят срочной работой. Под куполом собиралось примерно пятьсот человек. Значит, в цитадели их около семисот. Может быть, тысяча, но едва ли.

— Эти люди должны кормиться и получать сложную технику извне. Понадобится одежда, лекарства и способ избавиться от мусора. Описанный вами телепорт, до которого даже вездеходы не добираются, не очень-то им подходит.

— Должно быть, есть и другие проходы.

— Где?

— Точно не в Конфедерации, а вот в Иллире — самое подходящее место. Кстати, я слышал, что в цитадели содержат мясных животных. Есть оранжереи с зеленью. Судя по тому, как кормят людей, некоторые концентраты могли синтезировать химически.

— Каким способом командор вызвал вас к себе?

— На уникам пришло анонимное сообщение с кодовым словом.

— Вы проходили через телепорт с грузом или налегке?

— Внутрь прошёл налегке, при мне был только рюкзак, в нём немного личных вещей. Обратный путь проделали втроём — я сам и двое помощников, мы несли продукты, сменную одежду, в том числе и для города, костюмы ментальной защиты, оборудование и винтовку с прицелом в разобранном виде.

— Вспомните общий вес.

Келлер потянул к себе листок, взял у предусмотрительного Бейтса карандаш, сложил несколько цифр и ответил:

— Вес троих людей и примерно триста норма-килограмм дополнительного груза. Довольно тяжело, но мой помощник — до неестественности сильное и выносливое существо. Я широко пользовался его модификацией. К тому же в деревне наняли лошадей.

— Чем платили?

— Только наличной валютой Арбела.

— Пойдёмте, прогуляемся, я вам кое-что покажу..

Келлер вставал с табурета медленно, осторожно, хитроумная механическая конструкция на разбитом колене позволял ему сносно двигаться и обходиться без каталки, но шеф безопасности не без догадки подумал, что травма сделала иллирианца неуклюжим.

...По соседству с ледником, в голой комнате, на гладком металлическом столе вытянулся мёртвый потусторонник. Раздетым дьявол сильно переменялся. Ногти рук и ступней оказались когтями, мышцы очо-ченели. Размозжённый выстрелом череп прикрывала непрозрачная плёнка, из-под которой скалилась широко разинутая слизистая пасть.

— Тот самый? — коротко спросил Бейтс.

— Да, это официальный наблюдатель ордена. Он же мой бывший помощник.

— Монстра ликвидировали два дня назад, на пустоши за городом, после серьёзной потасовки. Нашлась кое-какая оснастка, к сожалению, всмятку растоптанная. У вас там много было всякого?

— Винтовка, рюкзак, остатки денег. Маленький телепортёр.

— Кроме девушки и помощника, был с вами кто-нибудь ещё, четвёртый или пятый? Подумайте, как следует, ошибка вам дорого обойдётся.

— Не было никого, клянусь. Наши вещи и технический груз.

— Ладно, идите и отдыхайте. Охрана вас проводит.

Бейтс, не вполне удовлетворённый услышанным, покинул морг, поднялся к себе и, усевшись возле кибера, включил запрещённую приставку для мыслеобмена и, таким образом экономя усилия, принялся работать над документом, который занимал его последние несколько дней:

«...Цитадель находится вне доступных нам мест в Арбеле или за рубежом. Точки соприкосновения с реальными территориями (предположительно две или более) оборудованы так, чтобы не вызывать любопытства у местных уроженцев. Поскольку личность гостя проверяется автоматикой, а вес и объём перемещаемого груза ограничены, прямое военное вторжение извне не возможно, а случайная или неизбежная порча оборудования телепорта, вне всякого сомнения, вызовет...»

— ...вызовет то, что мы облажаемся, — пробормотал он не для записи и продолжил диктовать про себя:

«... вызовет его аварийную блокировку».

— Скорее всего, вся группа вторжения там и поляжет, — снова буркнул Бейтс и мысленно дополнил отчёт фразой: «Келлер крайне ненадёжен и является вероятным источником проблем, однако других людей, способных провести группу через точку перехода и обратно, нет».

— Кибер! Соедини меня с превосходительством. Двойное изображение ему на экран: моё лицо и отчёт крупным планом.

Дезет ответил с запозданием. Вид у Стрижа оказался недовольный.

— Что ещё?

— План готов вчерне. К несчастью, менять реальность я не умею, а реальность у нас оставляет желать лучшего. Двух-трёх добровольцев найдём, а наш пленник отказаться не посмеет, но он сбежит при первой возможности. Дело очень серьёзное, по исходу сомнительное и не ясно, стоит ли оно риска.

— Вы верите, что угроза ордена реальна?

— Единственные оформленные данные — это показания самого Келлера. Прикажете из-за этого начинать операцию?

— Только если мы получим сведения о настоящей угрозе.

— Не получим, — сухо сказал Бейтс. — Мы их не получим до тех пор, пока угроза «ордена» не превратится в агрессию.

— Агрессия одной тысячи людей против всех геонийцев. Звучит странно. Им помогает кто-то ещё? Каковы их цели?

«А разберётся при таких-то скудных сведениях», — подумал шеф безопасности, а вслух выразился иначе:

— Мы собрали все сведения, какие могли. Если вы считаете, что угроза ничтожна, я могу заморозить это дело. Решать вам, ваше превосходительство.

* * *

...Стриж оставался в нерешительности ещё несколько часов. Со стороны веранды было заметно, как Нина, отодвинув штору, сидит, облокотившись на раму окна, и остановившимися глазами смотрит на непогоду.

Она не двигалась так долго, что встревоженный консул, вернулся в дом и сразу вошёл в комнату дочери.

— Опять экспериментировала?

— Мне кажется, кое-что подвинулось в будущем.

— Не трать силы зря, скоро я разберусь с ситуацией.

— Прежде чем разбираться, ты должен кое-что увидеть.

Нина переставила масляную лампу из ниши на стол, щёлкнула зажигалкой, приложила трепещущий язычок пламени к основанию фитиля и бросила шарик из сосновой смолы прямо в разогретую керамическую чашку.

— Ты готов, папа?

— Сейчас, только сниму куртку и устроюсь в кресле. Этот в последний раз, больше уговорить меня не получится.

Некоторое время не происходило ничего. Дезет скептически наблюдал за витой струйкой испарений, которая, скручиваясь в штопор, поднималась к потолку. Несло дымом — горелой полыньёй и чужим для весенней ночи, тревожным и выматывающим душу запахом сухой степи. Оранжевое мохнатое солнце уже скрылось в дыму пожара. В перегретой мгле надрывались цикады.

Консул попытался стиснуть подлокотники кресла, но в ладонях материализовался приклад. Впереди и так до самого горизонта, тянулась раскалённая неприветливая равнина. Руины фермы чуть в стороне торчали в сторону неба тёмными горелыми стропилами. Там копошились люди, но, что они делали, разглядеть не удалось.

«Я лишь в собственных воспоминаниях, — понял Дезет. — Это долина Ахара двадцатилетней давности. Здесь разгадки не найти».

Он миновал ферму, не останавливаясь. Ещё один человек, каленусийский капитан в потрёпанной пыльной форме спал, вытянувшись на траве. Консул Арбела присел рядом и потрогал его за плечо. Незнакомец привстал, но его медленные движения заставляли подумать, что где-то в реальном мире этот парень продолжает дремать.

— Ты не из этих?

— Нет, — наугад ответил Стриж.

— Откуда?

— Иллирианец.

— Так ты точно не из Цитадели?

— Из какой цитадели?

Признаки сильного отчаяния и одновременно надежды проступили на обветренном лице парня.

— Сейчас я у них в тюрьме, на самом нижнем ярусе. Когда проснусь, окажусь всё в той же камере.

— Когда проснёшься, попробуй сбежать, ты же ничего не теряешь.

— В этом ты прав, иллирианец. Надо попробовать, но что-то сил совсем нет. Ничего в голове не держится.

Чужак попробовал встать и снова рухнул на траву.

— Они ждут... — задыхаясь, бормотал он, — ждут какого-то своего часа, и как только нужный момент настанет, мне конец. Я Мирс. Мирс. Капитан Мирс, третий каленусийский экспедиционный корпус. Если получится, расскажите правду моей жене.

Капитан лёг плашмя.

— Я тут, пожалуй, останусь, подремлю немного, — равнодушно объяснил он.

— Не спи, сопротивляйся.

— Не хочу. Только не пытайся меня тащить. Попытки сбежать во сне всегда кончаются ничем.

Стриж выпустил руку каленусийца.

— Орден Оркуса существует?

— Да.

— В Цитадель можно проникнуть снаружи?

— Меня вам всё равно не спасти, а, впрочем — да, можно проникнуть, если сильно рискнуть и дорого заплатить. Распоряжайся правдой по собственному усмотрению, иллирианец...

Мираж поплыл, и Стриж открыл глаза. Содержимое керамической чашки растаяло, Нина, скрестив руки на груди, наблюдала

за последними струйками дыма, который медленно и бессильно таяли под потолком.

— Ты в норме, дочь?

— В норме. Пока ты спал, твой уникам звенел. Посмотри, кто это был.

— Из-за границы, Вэнс.

— Он оставил тебе сообщение?

— Пришло описание встречи с неким Лу из Конгрегации Разума. Если верить капеллану, орден Оркуса собирает людской материал. Ловят, кого попало и где попало.

— Вэнс наш противник, зачем пишет?

— Он не противник, а конкурент. Ты понимаешь разницу?

— Нет.

— Когда-нибудь поймёшь. Посиди немного и не мешай мне.

Несмотря на поздний час, Стриж соединился с квартирой Миши Бейтса в Арбеле. Судя по голосу, хозяин не спал, подкрепляя себя очередной чашкой кофе.

— Покушение на мою дочь уже получило огласку? — быстро спросил консул.

— Не всё сразу. Дайте хоть подумать немного... Правду знает обслуга, охрана виллы, я сам, мои доверенные люди из службы безопасности. Потом вы, ваша дочь, её иллирианский брат и личный врач, который осматривал Нину.

— Кто-то ещё?

— Возможно, семьи обслуги и врача. Слухи в городе пока не распространились, но, если не предпринять мер, это только вопрос времени.

— Возьмите со всех свидетелей письменное обязательство молчать. Самых беспокойных заткните куда-нибудь — ну хоть в санаторий для медитаций. Пускай просидят там неделю.

— Эти лишь временные меры.

— Значит, нужно торопиться. Вам придётся публично объявить, что моя дочь ранена. Дайте понять, что она в коме и надежды на спасение нет. Покажите прессе фотографии потусторонника, они любят истории о чудовищах, так что подробности драки домыслят сами. Келлера опишите неясно и объявите в розыск без имени... Да, официально. Мне плевать, что он на самом деле сидит у вас, пускай ищут. В городе могут оказаться агенты ордена, важно, чтобы возвращение Келлера в цитадель выглядело как можно более натурально. Всё в порядке, человек просто идёт за наградой.

— Слишком рискованно. Любая мелочь нам всё изгадит.

— Пусть дезинформация продержится хотя бы пару-тройку недель, нам этого хватит. Выберите двух людей, надёжных и преданных, таких, чтобы не струсил в нужный момент. Лучше всего молодых и одиноких. Объясните им цену и этику акции, не скрывайте и размеров риска — понадобятся только добровольцы.

— Что делать с Келлером?

— Используйте, но не обещайте ему слишком много, а то он будет уверен, что его обманут. Кстати, проверьте общий вес — и этого адепта-ренегата, и ваших двух сотрудников и оборудования, которое они возьмут в телепорт. Ещё...

— Что?

— Приготовьте мину-дезинтегратор. Они очень дороги, но у нас есть одна, я дам разрешение, возьмете её на армейском складе.

Бейтс внезапно замолчал.

— Что вас смущает? — спросил его Стриж.

— Я верю, такое окупится, но на поиски подходящих людей уйдёт несколько дней. Нужны кандидаты особого склада. Возможно, им придётся смириться с самопожертвованием.

— Не сомневаюсь в вашем чутье на людей.

— Позаботьтесь, чтобы ваша дочь не засветилась нечаянно на публике. Лучше всего увезти её из города и держать под присмотром.

— Хорошо, — сказал Стриж и отключил уником.

Нина, нахохлившись, сидела напротив.

— Ты понимаешь, что я собираюсь сделать ради тебя?

— Да. Но это не ради меня.

— Не важно. Ради тебя, ради себя, ради других и ещё по многим причинам, хотя на самом деле причина только одна — вторжение чужих идей и чужих людей. Спи спокойно и ничего не бойся. Через две недели мы как следует разберёмся с твоими пророчествами...

* * *

Десять дней спустя Мик Северин выбрался из своей палатки в только что разбитом лагере далеко в восточных горах, чтобы размять ноги и без помех поговорить с сестрой.

— Как дела? Холод тут собачий.

— Это потому, что ты привык к югу.

— Мне не нравится, когда враги слишком близко.

— Здесь только телепорт, и он заперт, пока Келлер туда не войдёт. Келлера вчера привезли и держат вон в том фургоне.

— Я больше не видел Юлия. Неизвестно ещё, как он переменился. Уж лучше-то стал едва ли.

— Если интересно, можешь с ним поговорить, Миша обещал, что нас пропустят, но я не пойду, иначе не выдержу и исцарапаю этому «искусствоведу» рожу. И дело не в пуле, которая попала в мой жилет. Просто Кэтти из-за него погибла, а она была талантливая и добрая девушка.

...Парень из охраны придирчиво оглядел Северина и посторонился без особой охоты. Келлер, коротко (для пси-шлема) подстриженный, но почему-то небритый сидел на брезентовом табурете, обняв ладонями заключённое в механический фиксатор колено, и только едва заметно покачивался из стороны в сторону.

— Как вы? — спросил его Мик.

— Лучше не бывает, — с иронией ответил оркусит. — Собираюсь на подвиги ради общего блага, нога вот только подводит. Удивляюсь, зачем вас пропустили. Чего желаете, мой бывший друг?

— Поговорить. Несмотря на совершенное вами зло, я почему-то не могу по-настоящему вас ненавидеть.

— И напрасно, — сухо отозвался Келлер. — Это очень даже напрасно, что вы не хотите воздать мне по заслугам. Игры со злом до добра не доводят. Не повторяйте моих ошибок.

— Странно, но я даже рад, что вы живы...

— Жив? Как же! Мне представлена только отсрочка. Придётся войти в телепорт с повреждённым коленом. Даже если люди Зенона нас не прикончат, массив скалы может рухнуть и придавить всю компанию. Установка может не сработать и тогда Бейтс разъярится и заподозрит меня в саботаже.

— Похоже, вы изменили решение и не пытаетесь сводить счёты с жизнью.

— Мне всё надоело до тошноты, но я сначала не подумал о посмертии. Там, за гранью, Оркус отомстит мне за то, что я помогаю вам.

— Вы это всерьёз или как?

— К сожалению, когда я сдохну и узнаю истинное положение вещей, будет уже поздно. Как ваша сестра?

— Она здорова.

— Передайте Нине мои извинения. Вышло, и впрямь, грубо и бездарно. Я извиняюсь, но на прощение не напрашиваюсь. Какие тут могут быть оправдания?

Способность бывшего адепта издеваться над собственной участью беспокоила Мика.

— Желаю вам удачи в новом деле.

— Удачи... ну, ладно. А какая, к Оркусу, мне-то разница? Арбел — очень интересное место. Тут до сих пор существуют суды по делам о ереси. Не верите? Напрасно. К ереси, например, относят установку ментальных детекторов частными лицами, ношение защитных шлемов без лицензии, насилие над чужими мыслями при помощи наводки, поклонение запретным символам зла. Кроме наводки (с этим туго), я делал всё.

— Вы больше не адепт.

— Чудесно. Значит, после мой труп зароят не как собачий, а с чуть большим уважением.

— Вы нарочно нарываетесь на ссору.

— Немного. Не более, чем это нормально для человека, идущего во тьму.

Келлер кое-чего добился — нагнал на Северина настоящую тоску.

— Ваша сестра до сих пор поигрывает калейдоскопами? — внезапно спросил он.

— Нет. Старый сломался, новый, который вы ей подарили, она совсем забросила. Кажется, он так и остался в Порт-Калинусе.

— Это хорошо. Медитации до добра не доводят. Держитесь-ка от калейдоскопов подальше. Если всё-таки отыщете эту игрушку, избавьтесь от неё — бросьте немедленно в утилизатор и больше не вспоминайте обо мне. Я того не стою. Договорились?

— Да.

Мику показалось, будто оркусит немного расслабился.

— Уходите, — внезапно попросил Юлий. — Устал я что-то, грубить начинаю. Иногда, знаете, не выдерживают нервы.

Северин сразу вышел. За пределами палатки глотнул свежего воздуха.

— Он тебе неприятное сказал? — тревожно спросила Нина.

— Он пытался держать планку в своём стиле. Потом извинился для проформы. Ты наблюдала за эфиром? Что там с будущим, изменилось хоть что-нибудь?

— Мое будущее уныло и безнадёжно — ранняя гибель, вот и все дела. А успех операции Бейтса пополам на пополам. И одно с другим почти не связано.

— Ты хочешь сказать, что Келлер тебе больше не опасен?

— Скорее всего, мы с ним больше не увидимся. То ли его убьют, то ли меня, то ли нас обоих.

— От души верю, что убьют его, а не тебя.

— Папа сказал, что у Юлия не было настоящих шансов меня застрелить.

— Целился бы в голову — убил бы.

— Он бы промазал. Стрелять в голову знакомому гораздо труднее, чем в корпус — убеждённо ответила Нина, и Северин решил, что лучше не спорить.

* * *

Туман, который спустился с гор, затопил долину, так что фигуры людей казались бредущими по пояс в молочной жиже.

Один из диверсантов, парень-сенса, которого звали Риэн, в ожидании момента перехода сидел на камне. Командиром был второй, Несс, тот устроился чуть в стороне и уже второй раз проверял свой излучатель. Одетые в одинаковые серые куртки, оба почти слились с пейзажем.

Часы Келлера показывали без четверти десять утра, а его умственное состояние застряло между решимостью и паникой. Псионик Риэн наверняка понимал это, но виду не показывал, лишённый воображения Несс просто не обращал на бывшего приспешника зла никакого внимания. Туман не рассеивался, а наползал ещё, опутывая покосившийся дом с окнами, замазанными краской.

— Пора, пошли.

Мину-дезинтегратор Несс положил в поясную сумку. Келлер никогда не видел такие мины в действии, но представлял последствия по старому учебному фильму времён своей жизни при дворе Оттона — бетон и пластик оседали бесформенной пеной, вместе с вкраплениями неврежденных, но совершенно беспомощных, опутанных вязкой массой людей. В растёкшемся лужей здании можно было задохнуться.

— Пошёл! Ты что, оглох? Не заставляй меня повторять дважды, — раздался приглушённый голос Несса.

Келлеру хотелось пить, но он не стал доставать флягу и злить арбелианца, а просто подобрал пригоршню снега и лизнул холодную кашку.

В доме всё оставалось по-старому. Грязное пятно, похожее на отпечаток лапы потусторонника, темнело на струганных досках стола. Возле ножки табурета лежала заколка. Вещица принадлежала Кэтти. Келлер поднял её и сунул в карман — на память.

— Нужно сесть и подождать, пока сработает автомат.

Риэн присел без возражений. Несс тоже сел, держа оружие наготове.

«Этот смелый, но не очень умный. Если случайно откажет телепорт, Несс, пожалуй, вообразит, будто я веду нечестную игру».

— Не бойся, — вдруг сказал Несс.

Риэн засмеялся. Оба диверсанта разом застегнули шлемы, и только Келлер остался с непокрытой головой. Через минуту тряхнуло, захлестнуло и поплыло — телепорт сработал, как и положено, вызывая целую гамму ложных ощущений...

Через короткое время Келлер понял, что сидит на табурете внутри Цитадели. Несс уже вынул дезинтегратор, плашмя прилепил его к ближней стене и с нечеловеческой аккуратностью манипулировал предохранителем запала.

Риэн стащил головную защиту и даже закрыл свои прозрачные глаза, очевидно, пытался понять, что делается в соседних отсеках. Наконец, он вздрогнул и очнулся.

— Общей тревоги нет. Сюда перемещается кибер, одна штука, возможно, вооружен резаком. Автоматика телепорта за перегородкой в нише.

— Понятно, — буркнул Несс. — Продолжай наблюдать. Я сейчас закончу с миной. Запускаем её и уходим. Келлер, подготовь телепорт для эвакуации. Давай, шевелись, а то попадешь к своим друзьям на жертвенный алтарь.

Автоматика телепорта и впрямь находилась в нише за стенной панелью. Она не имела ни малейшего сходства с обычными, маленькими моделями. Цветные нити в палец толщиной скручивались и пересекались под разными углами, местами разделялись на тонкие отростки. Предмет подёргивался, словно внутри бился ленивый пульс. Вещество судорожно трепетало, недовольное чужим вмешательством...

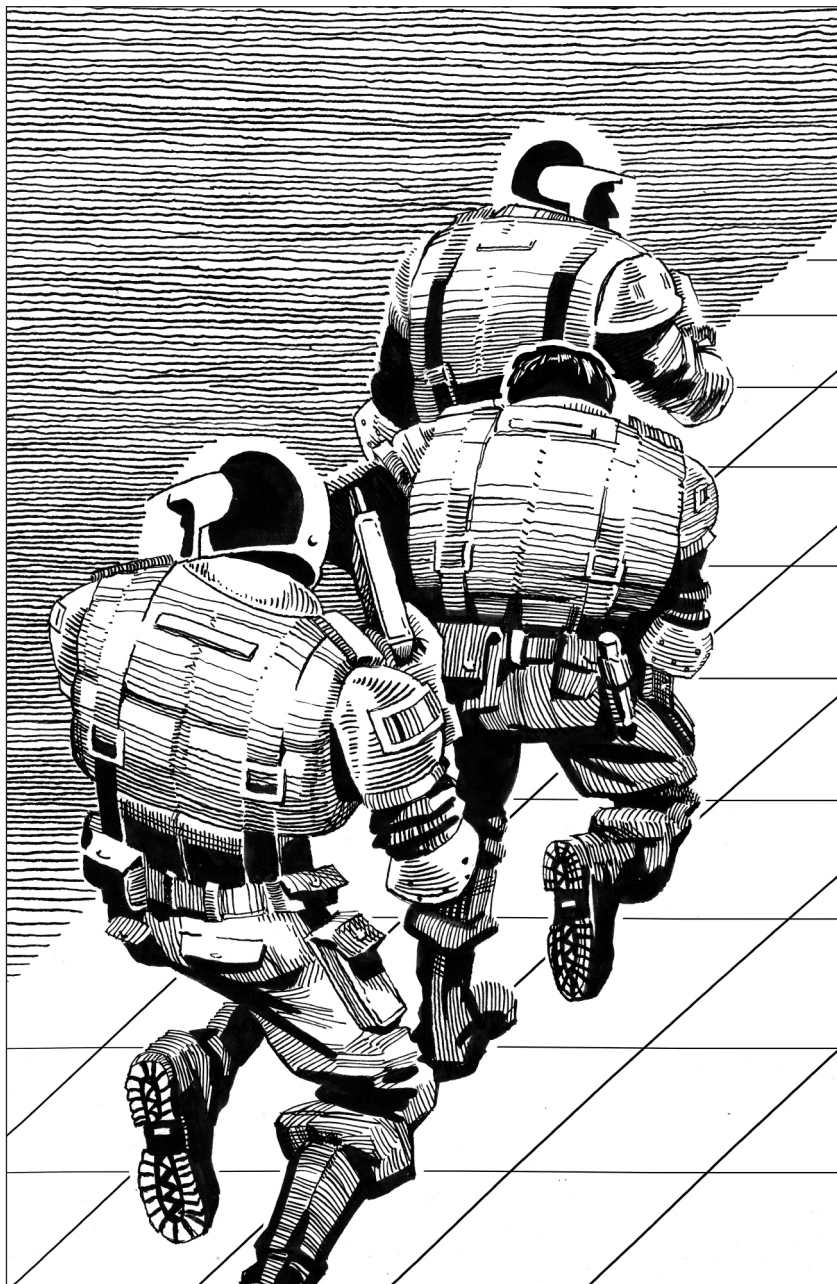
Оцепенение покинуло Риэна, зрачки приняли нормальный размер.

— Я больше не могу нас прикрывать. Пора заканчивать дело. Что там с телепортом, Келлер?

— Не пойму, как он устроен. Тут не техника, скорее уж, существо.

Субстанция сопротивлялась и попыталась раздавить чужие пальцы. Илирианец едва освободился и с отвращением вытер ладонь о брюки. Несс направил излучатель на пульсирующую массу, потом нехотя отвел ствол в сторону.

— Вляпались. Нам нужен местный, который сумеет наладить эту штуку. Придётся поймать его и допросить. Мину отцепим, возьмём с собой, запустим перед уходом. Риэн! Будешь командовать, если меня подстрелят. Без Келлера отсюда не выйти, так что, если и его прикончат,

запускай дезинтеграцию и читай отходную молитву. Держаться всем вместе. Если ты, иллирианец, попытаешься вильнуть в сторону, тебе конец. А теперь прикройте оба башку. Риэн, держи вход под прицелом.

Келлер переместился в угол и устроился неподалёку от развороченного телепорта. Он видел всё происходящее необычайно чётко — дверь ушла в стену, арбелианцы сразу открыли огонь, металлические обломки киберга полетели в разные стороны, человек в одежде послушника попятился и скрылся за углом.

— Смысл, жаль, — резко сказал Несс, добавив малопонятное для иллирианца ругательство. — Сейчас подымется тревога, так что нужно поискать убежище. Склады и мастерские не годятся — их обшарят первыми. Келлер, где есть тут подходящее место?

— Тут есть психушка. Ярусом ниже — виварий и жертвенная тюрьма.

— Годится. Веди. Риэн, контролируй его. Если сукин сын нас подставит — убей.

...Риэн стоял на перекрестке пустых коридоров, очень старательный и очень сосредоточенный, его усилия легко читались по напряжённым скулам.

— Животные ещё далеко, — сказал он, щёлкая переключателем шлема и поправляя пряжку под подбородком. — Между нами и виварием полным-полно людей. Там что — место для собраний?

— Храм Оркуса.

Несс презрительно плюнул, как и полагается верующему арбелианцу.

— Ладно, обойдём их по периметру. Аккуратно, без шума, без лишней стрельбы.

Оба диверсанта двигались легко, но Келлер хромал, хотя принятый перед переходом допинг не давал боли оформиться — она как бы плавала на самой окраине сознания. Несс занял позицию в арьергарде и постоянно подталкивал иллирианца в спину.

— Не смей отставать. Не смей отдыхать. Не радуйся, что нет погони, они своё ещё наверстают.

«Мы проиграли, едва начав, — в отчаянии понял Келлер. — Остаётся только отомстить Зенону, запустив дезинтегратор. Стены развалятся, и я напоследок пойму, что за бездны находятся снаружи. Если отрешиться от животных рефлексов, смерть не очень страшна, только вот за гранью мира меня ждёт ад крошечный. Прожить бы ещё лет

пять без давления ордена, я бы сумел выдернуть крючок, на котором меня держат».

Коридор изгибался в обход внешней стены храма, и упирался в арку. За ней оказались комнаты, очень похожие на резиденцию Зенона, но всё-таки другие. В просторной комнате на тарелках из тонкого фарфора жирными кляксами стыли объедки. В воздухе сложился дым с примесью странного запаха.

— Ого! Мы тут не одни.

И точно — на кровати, в самом конце анфилады, ритмично шевелились. Незнакомый Келлеру оркусит поднял встрепанную голову и мутными, непонимающими глазами уставился на диверсантов.

— Проваливайте, свиньи, — посоветовал он на каленусийском, выговаривая слова с особенным прононсом, свойственным людям образованным. — Передайте импотенту Зенону, что если он хочет обсудить условия перемирия, пускай подождёт.

Сказав это, мужчина почесал жирную спину, отлепил от неё клочок звериного пуха и бросил помеху на ковёр. Несс с изумлением рассматривал женщину на постели. Из её висков росли вверх стоячие, шакальего очерка уши. Шерсть спускалась от них на плечи, огибала розовую грудь и смыкалась в сплошной покров повыше живота.

Риэн засмеялся. Несс опять плюнул на пол. Келлер, отвернувшись, прошёл мимо кровати. Эротические привычки высших чинов ордена не шокировали и не интересовали его, но не хотелось встречаться со звериными зрачками женщины — в них, как и в глазах потусторонника, мерцала смерть.

За спальным помещением открылись другие комнаты. На стенных панелях кое-где остались чёрные росчерки излучателей. Риэн дотронулся до копоты и сразу почистил руку.

— Стреляли примерно полсуток назад.

— Не нравится мне всё это, — добавил Несс. — Нас не очень-то и ловят, значит, заманивают. Всё вокруг похоже на западную.

— Эти четверо своё уже отловили.

Келлер ткнул пальцем в угол. Трупы, судя по одежде — адепты второго круга, лежали рядом. Людей, очевидно, расстреливали с близкого расстояния. Риэн смотрел на убитых, на обожжённые стены и поломанную мебель, пытаясь воссоздать случившееся. Несс повернул назад.

— Придётся расспросить того парня, которого мы застали с шакалихой.

— Не советую, — вмешался Келлер. — Говорят, потусторонник,

убитый в Арбеле, прикончил троих сотрудников Бейтса. Если придётся драться с модифицированными, на меня не рассчитывайте — я не собираюсь умирать раньше срока.

— Я обезврежу тварь наводкой, — предложил Риэн.

— Не выйдет, такие существа очень устойчивы.

— Многих видел?

— Одно-двух, но, поверь, попробовать даже не стоит.

Пол качнулся, как будто шаталась сама основа цитадели, но через мгновение всё вернулось в норму. Впервые с начала операции Храм дал о себе знать — отделённый несколькими слоями стен, он испускал беззвучный, недвусмысленный зов. Зов этот крутился в сознании иллирианца и грозил сделаться непреодолимым. Шлем, если и мешал Оркусу, то не вполне...

...В госпитале рядом с психушкой тоже царил полный разгром. В главной комнате валялся раздавленный в лепешку медицинский кибер. Солдат ордена, ослепший, с головой, сплошь замотанный бинтами, замер в положении полулёжа, но слабо зашевелился, реагируя на звук чужих шагов. Он пока оставался в сознании, хотя кровь уже пропитала повязки. Ещё полдесятка покалеченных спали, вытянувшись прямо на полу. И использованные шприцы переполнили пластиковую корзину.

— Доктор? — спросил слепой солдат на тайном языке ордена.

— Доктор скоро придёт, он совсем рядом, — как можно убедительнее пообещал Келлер. — Меня послали, чтобы вам помочь. Не бойтесь ничего и говорите только правду.

— Плохо помню. Больно... очень.

Келлеру пришлось проявить немало терпения, чтобы выудить хоть что-нибудь полезное.

— У них междоусобица, — перевёл он Нессу. — Командор и помощники не поделили влияние, но даже если убитых много, адептов уцелело несколько сотен. Этот человек настоящих причин конфликта не знает, однако, кое-что слышал краем уха и дело у них серьёзное. Если мы не уйдём наружу в ближайшие часы, то попадём в финальную часть разборки.

— Он разбирается в устройстве телепорта?

— Нет. Говорит, что техник, который занимался автоматикой, убит. Мы попали в цитадель чудом, возможно, сохранилась старая настройка на меня.

— Что-то ещё выудил?

— Зенона обвиняют в том, что он нарочно ослабил охрану цитадели.

— Понятно. Похоже на западню. Нужно спускаться на нижние ярусы — к виварию и камерам. Раненых понесут в госпиталь, и скоро тут будет не протолкнуться от врагов.

* * *

...Темницу Мирса они застали пустой, из других клеток долетало рычание избежавших казни собак. Риэн сунул фонарь между прутьями и осветил сырые стены камеры, надписи покрывали их сплошь — молитвы, проклятья и последние прощания, сумбурный перечень имён на двух языках — своих, любимых, всяких, рядом угловатый рисунок игрушечного медведя, наверняка сделанный детской рукой. Если каленусийский капитан и выцарапывал что-нибудь на стене, то найти его записи среди других не представлялось возможным.

Несс некоторое время смотрел на всё это, потом развернулся и ударил экс-адепта в лицо.

Очутившись на полу, Келлер сплюнул кровь и промолчал. Нижний левый клык у него шатался.

— Убью, — пообещал Несс.

Риэн подошёл и взял товарища за напряжённую руку.

— Успокойся, с него пока хватит.

— Пришибу паскудину.

— Не надо. Жертвы не его работа.

— Он такой же, как и вся остальная еретическая сволочь.

Иллирианец ожидал новых ударов, но Несс отошёл, всем своим видом давая понять, что хочет остаться в одиночестве. Тогда Келлер сам пересел в дальний угол и устроился так, чтобы больше не видеть испанной стены. Он маялся старой болью — зов Оркуса, на этот раз оформленный в неопределенные, но навязчивые обещания, не давал ему сосредоточиться на чём-нибудь ещё.

— Вытри лицо и шлем застегни немедленно, — сердито посоветовал Риэн. — Что-то ты раскис.

— Да, есть такое дело.

— Тебе кое-что подсажено, в голову, в кровь. Уже давно.

— Знаю, но мне теперь всё равно.

В Риэне нет-нет да и мерцало нечто супермутантское — слишком ловкие движения, слишком ясные глаза, прямое, холодное сочувствие. Келлер достал флягу и выпил глоток воды, она показалась солёной, смешавшись с кровью из разбитых дёсен.

...Каждую свою попытку избавиться от метки Оркуса он прекрасно помнил. Врач в дорогой клинике Порт-Иллири, не осведомлённый и никак не связанный с орденом, принял гонорар и выписал успокоительные уколы, хотя наверняка считал пациента здоровым. Позже, в Конфедерации, каленусийский супермутант, напротив, возился так долго и тщательно, что Юлий испугался разоблачения. Этот целитель снисходительно и грустно признал свой проигрыш. Возможно, он действительно понял чрезмерно много. «Бойтесь? Нервничаете? Невидимое присутствие зла? Сходите к другим специалистам, у вас не медицинская проблема».

Однажды Юлий по ошибке устроился на скамье возле конгрегации Разума в Порт-Иллири и ушёл, едва вежливый привратник заинтересовался, чем конкретно может помочь паломнику братство. Вежливость парня сняло бы как рукой, знает он, с кем связался, но на вид посетитель ничем не отличался от обывателя средней руки...

Оркус позвал опять — так настойчиво, что Келлер машинально встал и пошёл, но Риэн перехватил его и силой заставил опуститься на пол.

— Не дёргайся, — приказал он и добавил неодобрительно, — ты привык подчиняться подобным вещам, это очень плохо. Несс разозлился, потому что видит: тебя тянет удрать. Не понимаешь? Нет, ты всё отлично понял, а теперь утихомирься. Вот, так. Сиди здесь тихо, никто тебя не зовёт.

Внушение Риэна, как ни странно, помогло. Цитадель иллюзорно качнулась, но толчок не сопровождался никаким звуком.

— Ты врач?

— Нет. Я хотел им стать, но потом передумал, потому что считаю активные действия более правильными...

У парня вообще был очень правильный вид, так что появилась некоторая надежда, но Келлер опасался нового разочарования. Если не считать скептика-консула, из всех арбелианцев лишь Риэн дотрагивался до Келлера без отвращения.

— Послушай... Насчёт той зависимости, которую ты уже заметил... Можешь её убрать?

— Могу, — к великому удивлению Келлера отозвался псионик. — Могу, но только не сейчас. Потом, когда вернёмся. Чтобы стереть метку Оркуса нужно сосредоточиться.

— Тебе позволят это сделать?

— За участие в акции Бейтс обещал мне награду — любые деньги, всё, о чём я попрошу. Денег мне и так хватает, так что попрошу

о возможности поработать с тобой ради интересной практики. Бейтс будет только рад, если мой выбор ни во что обойдётся Арбелу.

«Хороший парень этот Риэн. Вот только бы, возвратившись с победой, он не забыл про все свои обещания...»

Псионик вдруг встревожился. Выключил и даже стащил шлем, пытаясь определить, что происходит.

— Несс! Командир! Сюда идут люди, с ними боевые машины...

...Они втроем уходили по коридору, стараясь не шуметь, до тех пор, пока не упёрлись в тупик. Потёки и пятна говорили о том, что перегородка сделана совсем недавно, но выглядела она довольно прочной. Келлер, который из-за боли в колене плёлся кое-как, уже перестал ориентироваться в переходах цитадели. Он рухнул на пол, и остался сидеть, ожидая, чем кончится спор диверсантов.

— Расплавим швы излучателем, — буркнул Несс и прицелился.

Риэн едва успел удержать сотоварища, а затем дотронулся до стены пальцами, чутко провёл ладонью по металлу.

— Это не просто стена, а ёмкость. Внутри газ. Если резать грубо, может произойти взрыв. Или мы отравимся. Или уснём. Скорее всего, ловушка устроена так, чтобы захватить кого-то живым.

— Можно её убрать, не повреждая?

— Настоящим инструментом, да. Оружие тут не годится.

— Я всё же попробую. Возьми Келлера на прицел, он может переметнуться. И отойдите оба подальше.

— Не надо, Несс. Лучше я сам это сделаю.

Арбелианец думал недолго и нехотя согласился.

— Действуй, друг Риэн, у тебя лучше способности и больше шансов на удачу. Только поосторожнее, я не хочу мучиться совестью, что оставил тебе опасную работу.

«Всё бесполезно, — подумал Юлий. — Я не пророк, но уже вижу огонь. Нам всем придёт конец, эти двое отправятся в рай, а я к моему хозяину, имя которому — безысходность».

Риэн тем временем вытащил излучатель, установил его на минимальную мощность и некоторое время сосредоточенно обрабатывал стену. Несс одобритительно кивнул:

— Справится. Он талантливо чувствует предметы и всё время выигрывает в кости.

— Да, я слышал, что у мутантов такое случается.

Через некоторое время плита, наполненная газом, отделилась от стены и повалилась плашмя.

«Ладно, поживём ещё».

— Пошли, еретик.

Иллирианец не смотрел под ноги, а потому споткнулся, зацепившись носком ботинка за неровность пола. Именно это изменило участь бывшего адепта. Предназначенный ему луч прошёл выше положенного, куртка на плече не вспыхнула, а только потемнела, между плечом и шеей вздулся свежий ожог.

Несс с завидной быстротой толкнул иллирианца на пол и упал рядом сам.

— Боевой кибер, — с кривой гримасой сказал он. — Стоял, курва, на страже по ту сторону. Я слышал, такие устройства делают конфедераты. Машина глупая, но опасная. Эй, не поднимай головы! Он бьёт только по движущимся предметам.

Келлер, который всё же чуть-чуть приподнял лицо, видел, как умирает Риэн. Луч прошёл сквозь грудную клетку псионика, но одежда загорелась не сразу, словно этот человек усилием воли отстранял от себя разрушение.

После второго выстрела кибера, который пришёлся в диафрагму, арбелианец осел и выронил оружие, рыжие языки огня вспыхнули на спине и перекинулись на голову.

Прежде в ордене Келлер видел всякое, но страдания последних дней подточили его выдержку.

— Ты куда? — севшим голосом прошептал Несс.

— Собираюсь его потушить.

— Лежи на месте, дурак, иначе станешь следующим.

— Он горит заживо.

— Не лезь, я его избавлю аккуратно, одним выстрелом. Сейчас машина откатит на перезарядку и появится удобный момент.

— Риэн особенный, он обязан выжить.

— Закапывали мы своих особенных штабелями.

Диверсант осторожно отполз от стены достал пистолет. Раздался треск выстрела, покати́лась гильза.

— Вот и всё, а с кибером я сейчас поквиताюсь, — пообещал Несс и приготовил излучатель. — Вот он возвращается, уже целится в нас.

Келлер едва успел зажмуриться — полыхнуло совсем рядом. Луч прочертил косую линию на металлическом полу, Несс, моргнув опалёнными ресницами, выстрелил в ответ.

— В яблочко. Пойдём.

Келлер оглянулся на мёртвого Риэна, и тут же отвёл глаза — от псионика осталась лишь бесформенная груда, которая мало походила на человека.

* * *

...Ещё четверть часа они брели друг за другом, почти наугад, стараясь покинуть опасную зону. Киберы больше не показывались, то ли потеряли след, то ли их осталось мало, и некто затаившийся предпочел придержать машины для других целей.

— Меня беспокоит, что наше вторжение у противника явно не главная проблема, — внезапно сказал Несс.

— Разве это плохо?

— Мы играем вслепую, еретик. Объект я уничтожу, если надо, умру, но информацию назад не передам, и, что здесь происходит, уже не пойму. Вот это и плохо. Я остался один, на тебя полагаться нельзя.

— Я отрёкся от ордена.

— Может быть... но ты сломлен морально и физически покалечен. Обуза. Живая вещь. Просто ключ к порталу... Ладно, пошли, поищем «языка».

Келлер перевёл дыхание.

«Вещь... Ладно, спорить глупо, проще проглотить оскорбление. Я сразу знал, что Несс это не Риэн».

...Они прошли ещё немного. Невысокая фигура сгорбилась в конце коридора. Человек, приставленный присматривать за складом, скрестив босые ноги, сидел на полу. Лампа освещала его макушку и плечо. Адепт выглядел безоружным и пальцами он совершал непонятные движения, будто складывал мозаику.

— То, что надо, — шепнул диверсант.

Несс крался к намеченной жертве очень ловко, босоногий ничего не замечал, он казался полностью погружённым в непонятную игру — сокрушенно покачивал бритой головой, трогал пальцами разложенные на полу предметы.

«Скорее бы всё закончилось, — думал Келлер, чувствуя, как задыхается в наполненном запахами гари и крови лабиринте. — Мне уже всё равно, что со мной потом сделают люди Дезета. Дальше падать некуда, но, по правде говоря, я хочу лишь поесть и поспать».

Низкорослый адепт тем временем вскинул круглую физиономию, вовсе не испуганную, скорее, наоборот. Свет лампы упал на плоский нос, широкую пасть, крепкую башку, круглые глаза сверкнули винным цветом. Это был ещё один готовый к атаке потусторонник. Келлер содрогнулся и вышел из состояния вялой апатии.

— Назад! — закричал он, и этот крик предназначался Нессу, но арбелианец уже пытался выправить свой промах.

Он выстрелил, дымящаяся полоса перечеркнула туловище беса, но не остановила его.

Безоружный Келлер ждал развязки, прижимаясь к стене. Совсем рядом, двигаясь невероятно быстро, сводили счёты ненависти Несс и тот, другой.

«Если выиграет потусторонник, он меня убьёт. Если выиграет Несс, мне предстоит сдохнуть от дезинтеграции Цитадели или отвечать перед судом. Результат один — смерть».

Он сначала зажмурился, а потом разлепил веки.

Несс выиграл. Потусторонник был мёртв. Его выжженный левый глаз превратился в чёрную дырку. Предметы игры, рассыпанные по полу, оказались картами таро. С раскрашенного куска пластика на Келлера смотрел старший Аркан Императора. Нессу, судя по бледному виду, тянуть без помощи оставалось недолго.

— Я ведь сделал его? Правда, Келлер?

— Лежи спокойно, я сделаю перевязку.

— Не надо, поздно и не поможет.

Испачканными копотью пальцами диверсант сжимал запал дезинтегратора.

— Не делай этого. Пожалуйста, — попросил иллирианец.

— У меня приказ, приятель, не обижайся. Назад, не подходи, а то застрелю. Извини, что ругал и побил. Ты еретик, но всё-таки своё дело сделал. Может быть, ты не совсем ещё порченный.

Судя по судорожным движениям, Несса парализовало ниже поясницы, но он уже почти настроил мину.

Бывший референт Оттона некоторое время ждал конца, но время шло — ничего не происходило, и он, осмелев, подобрался поближе. Тусклые, мёртвые глаза солдата рассматривали пустоту. Несс скончался, оставаясь в полном сознании, но так и не успел выполнить приказ.

Келлер подобрал запал и сунул себе в карман, поднял дезинтегратор, потом обшарил тело, забрал себе сумку и нож. Заряд излучателя упал почти до нуля. В сумке отыскалась только одна граната.

«Значит в это деле я — живой ключ... Ладно, приму это к сведению».

Он подумал, а потом опустил веки убитому. Стояла тишина, мёртвая, недобрая. Эхо механических звуков и людских криков притихло.

Келлер решил пока что не думать про телепорт. Воспоминание о липкой субстанции вызывало у него отвращение. Возле лестниц скопился запах технической гари и палёного мяса. Чей-то ботинок, возможно, не пустой, застрял в выемке между первой и второй ступенью...

Навстречу, шаркая подошвами, брели пятеро. Послушники выглядели растерянными, но разобраться, кто выиграл схватку, не позволял их торопливый и довольно бессмысленный разговор. Келлеру пришлось, вдавив себя в нишу, затаиться...

Теперь внешняя стена Храма находилась совсем близко — её обширным куском с полукруглой аркой заканчивался коридор. Металл стены мертвенно мерцал, внутри помещения оказалось пусто — ни тел, ни живых, только каменная платформа алтаря, амфитеатром расположенные скамейки вокруг и брошенные случайные вещи — книга в кожаном переплете, оторванный рукав униформы, раскрошившиеся в стеклянную крупу очки.

Келлер сел на скамью и некоторое время отдыхал, пытаясь сосредоточиться. Он не знал, что делать, и поднял голову на слабый шум — тень страшновато шевельнулась на алтаре, но там оказался не Оркус, а только старый знакомый — Джено. Адепт встал во весь рост и прищурился, оценивая противника:

— Хорошая встреча.

— Да, не плохая.

— Почему не стреляешь?

— Мой излучатель на нуле.

— Мой тоже, так что для разборки остались только руки-ноги-нож. Давай, Келлер, выходи. Камень большой, на нем хватит места нам обоим. Всё, что прольётся, будет жертвой. Или боишься?

— Не боюсь. Ждал?

— Тебя засекли давно. Просто мне было некогда.

— Что, очень много дел сразу навалилось?

Джено презрительно промолчал. Бывший учитель держал свой нож обратным хватом.

— Мне скучно резать калеку, но всё-таки я сделаю это — выпущу тебе кишки.

Келлер больше не слушал подначек. Он вынул нож Несса, рукоять очень удобно легла в ладонь. Джено напал сразу же, не давая приготовиться, илирианец отвёл удар, но его выпад пришёлся в пустоту. Джено отскочил, через пару секунд они снова сошлись на каменном пятачке. Келлер в основном отбивался, плотная куртка позволяла ему

держаться, но мелкие порезы быстро покрыли внешнюю сторону левой руки. На алтарь подтекала кровь, но чёрный цвет камня делал её незаметной. Видимо, игра с обречённым оставляла Джено утончённое наслаждение. Он был старше, но двигался непринуждённо. Очевидно, оркусит испытывал сильную ненависть, но она почти не изменила его лица, близость Храма настроила противников в унисон — оба легко угадывали и душевные, и физические движения друг друга.

Довольно скоро оступившись, Келлер упал и остался стоять на коленях. «Я сейчас умру, — подумал он. — Умру и избавлюсь от необходимости ждать чего-то ещё. Но ад гораздо страшнее, чем всё, что могли сделать со мной арбелианцы».

Разум корчился, не в силах освободиться от болезненного видения — огромного лабиринта, у которого нет ни начала, ни конца. Келлер находился под куполом храма, на каменной площадке алтаря и вместе с тем продолжал, истерзанный усталостью, брести по бесконечным серым коридорам.

«Кэтти, помоги!».

Что-то откликнулось — слишком далеко, чтобы этот ответ сложился в слова.

Джено демонстративно поиграл ножом.

— С таким неудачником возиться неинтересно, — сказал он с искренней досадой. — Надоело ждать, когда ты проявишь себя, так что пора кончать. Брось оружие, расстегни куртку, я зарезу тебя быстро.

— Как положено по предписаниям?

— Я же сказал — быстро. Конечно, не совсем так, как требует обычай. Оркус получит меньшее удовольствие.

Бывший наставник в драке порастряс свою ненависть. Вместе с ненавистью поблёк и душевный контакт. Сейчас Джено демонстрировал только презрительную досаду. Он хотел плюнуть, но решил не делать этого на алтарном камне и, дёрнув горлом, проглотил слюну.

— В общем, или сдавайся или вставай и дерись — тебе всё равно конец.

— Ладно, забирай.

Келлер бросил нож, но не на алтарь.

Он быстро, прямо с колен, метнул его в Джено, вложив в это движение всю ловкость, наработанную годами упражнениями.

Оружие Несса вошло прямо в горло адепта. Удивлённый, тот стоял прямо, рукоять торчала под его подбородком наподобие галстука. Затем Джено рухнул в полный рост ничком, с глухим хрустом, загоня клинок ещё глубже. Лужа растеклась под уткнувшейся в камень

головой. Эта лужа сначала увеличилась, потом сделалась поменьше, как будто жертвенник Оркуса жадно впитывал влагу.

«Вот и всё».

Келлер хотел забрать нож, но потом решил не прикасаться к убитому, словно опасался подхватить заразу. Это была победа, но принесла она только апатию; иллирианец, хромя, сошёл с алтаря.

— Эй, Оркус! Чего ты хочешь от меня?

Вспышка. Темнота. Потом движение. Ответ выглядел как череда стоп-кадров, сменяющих друг друга, попадались и непрерывно движущиеся вставки — существа странной формы, город, корчащийся в огне. В послании проскальзывал смысл, но он выпадал за пределы человеческого. Некоторые образы отличались крайним цинизмом — изуродованное лицо Нины, расчленённое тело арбелианца, которое продолжало жить так, как живёт разрубленный червяк. Келлера швыряло между этими картинками, пока он кое-как не высвободил свой рассудок.

— Ну нет, я не согласен. Всё это пошло и без выдумки.

Оркус выразил своё отрицательное отношение к отказу уже привычным способом — исчезло всё, кроме длинного серого, как склеп, разветвляющегося адского коридора, его серых извивов, мерзости и непреходящей тоски.

— Если не отвяжешься со своим лабиринтом, пушу в ход дезинтегратор, прямо тут, на твоём загаженном алтаре.

Оркус вибрировал смехом. Дезинтеграция цитадели означала смерть самого адепта в ближайшие часы, а следом неотвратимые извивы всё того же потустороннего места. Потрясённый иллюзией, Келлер остался сидеть возле чёрного камня, прижав ладони к лицу. Контакт прервался, но следовало ждать повторения. Чем дальше, тем чаще, уже безо всякой надежды на спасительный выход...

— Я не сдамся, слышишь? Моей слабину ты не дождёшься. Если понадобится, стерплю всё, даже разбирательство по делу о ереси. Ты ещё на долгие годы останешься ни с чем.

...В сущности, стоило поискать естественные причины видения. Возможно, в воздух храма понемногу подмешивали наркотик. Обыск не дал результатов, боковые комнаты не скрывали ничего интересного — один мусор, не было там и спрятанного телепорта. Келлер вскарабкался по ступеням, вышел из храма и углубился в переплетение коридоров. Тень прошмыгнула мимо — длинная, грациозная, нечеловеческая. Изменённая видела гостя, но не напала, возможно,

её полузвериного интеллекта не хватило на то, чтобы опознать чужака. Казалось, цитадель вымерла, даже послушники больше не показывались. Мимо прокатил ремонтный кибер, устройство временами бесцельно задевало о стены.

— Зенон, где ты? Я иду за тобой...

Кошмар лабиринта проник в реальность и смешался с ней в единое целое. Сбитый с толку, Келлер метался наугад, пока не наткнулся на знакомое место. Светильник-молния отбрасывал сполохи на стены, занавеси, на опрокинутое кресло чёрного дерева и следы грубого, торопливого погрома. Металлический поднос валялся на полу, рядом с опрокинутым кубком.

— Проклятый Зенон. Сбежал, сволочь.

Келлер пнул кресло и сразу об этом пожалел — дерево, из которого делали мебель для вождя, оказалось очень твёрдым. Он побродил по разоренному помещению, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку. В ауре комнаты застоялась тревога. Чуткий, сообразительный Риэн сразу понял бы многое, но Риэн уже ушёл за грань без возврата. Келлер выбрал не очень загаженное место и сел на пол, понадежнее устроив дезинтегратор.

— Очень хочется спать, — виновато сказал он пустоте. — Это всё из-за телепортации. Всего полчаса отдыха, а потом я опять буду как новенький.

* * *

...Сон выглядел странным, но не враждебным — горы, которые отделяют равнину Арбела от чужого побережья. Холод, простор и свежий ветер. Впрочем, пробуждение оказалось неприятным — существо вроде собаки прыгнуло Келлеру на грудь.

Он резко высвободился и прижал голову противника к полу. Им оказалась ещё одна изменённая, только совсем юная и слабенькая. Юлий осторожно ослабил хватку, отпустил монстриху и отодвинулся. Голову и тыльные стороны рук у неё покрывала пёстрая короткая шерстка. Комбинезон мешал рассмотреть туловище.

— Как тебя зовут?

Девушка мурлыкнула нечто неопределенное, наверное, устройство её гортани мешало нормальной человеческой речи.

— Я ищу Зенона, — медленно и внятно, на языке ордена проговорил он. — Ты отведишь меня к нему?

Зверица нервно облизнулась. Длинные вибрисы её шевелились.

— Ты знаешь Зенона?

Казалось, существо находится в нерешительности.

«Возможно, она просто не в состоянии запомнить имя».

— Зенон старый, у него белые волосы.

Девочка поднялась грациозным движением и теперь совсем по-кошачьи тёрлась возле косяка.

— Пошли, умница, давай, я буду звать тебя «маленькая Кэт».

Он хотел погладить остроухую голову, но не посмел. Они так и шли вдвоём — бывший референт императора Иллиры в униформе Арбела без знаков различия и девочка-кошка, одетая послушницей ордена зла.

— Это далеко?

Место, в котором в конечном счёте они очутились, выглядело унылым и непригодным для жилья — анфилада полутёмных комнат с рядами статуй, которые вблизи оказались мумиями животных.

Чучела смотрели на чужаков стеклянными каплями глаз. Келлер узнал чучело Т-медведя, рядом с ним несколько фантастических модификаций, отличавшихся формой черепа и длиной лап. Хищник неизвестного вида, присев на поджарый зад, безмолвно скалился на чужаков. Шерсть на его загривке вылиняла вплоть до самой кожи — коричневой задубелой и грубой. Неподалёку замер самый обыкновенный лохматый и каурый пони. Множество подставок содержали птичьи яйца — каждое аккуратно вскрытое, отдельная витрина — тщательно разделанные бабочки. Келлер отвлекся, рассматривая потрошёных рептилий, очертания их тел были совершенны и отвратительны. Здесь очень сильно пахло пылью и едва заметно — тлением. Все формы фауны, как реальной, так и искажённой, были выставлены напоказ, не хватало только человека.

—Эй, Зенон, это ты?

Перед Келлером стоял не Зенон, а чучело мужчины средних лет. Капитан Мирс, голый, зашитый от горла до пупка, тускло таранился на девочку и илирианца. Он почти не изменился после смерти, только на вытянувшемся лице застыла гримаса страдания и страха. К счастью, лицевой щиток на шлеме Келлера оказался открыт — его произвольно стошнило.

«Тут жертвенное хранилище. Место как раз под Храмом».

—Командор!

«Надо сохранять выдержку и помнить, что у меня разряжен излучатель и больше нет ножа».

Келлер, чертыхаясь, пробирался сквозь завалы потрошённых и зашитых животных. Изменённая шипела где-то за спиной, возможно, её раздражил запах чучел.

Дальний конец анфилады пустовал, оболочки казнённых существ ещё не успели его заполнить. Здесь, на расчищенном и протёртом от пыли пятачке, поверх плоского пластикового матраса вытянулся худой человек. Он был жив. Трубка от локтевой вены раненого тянулась к полусферическому киберу. Грудь, обмотанная бинтами, неритмично вздрагивала. Келлер понял, что достиг цели. Замутнённые наркотиком глаза командора Зенона равнодушно уставились на отступника. Сухое лицо не выражало ничего.

— А, это ты, Юлик — немного погода пробормотал он. — Тускло тут что-то. Плохо вижу.

— Да, это я, — Келлер потрогал мину, и убрал в сторону руку, словно отстраняясь от искушения. — Что теперь скажете?

— Мне всё равно.

— А я скажу, что ненавижу вас за ложь и за ваш поганый корыстный расчёт, за всё, что вы со мной сотворили.

— Речь хорошая... Ори громче, — саркастически прохрипел командор. — Может быть, Разум тебя услышит. Или Оркус. Я-то знаю кое-что ещё. Ты всегда бы одиночкой, и Джено не зря тебя ненавидел. Мы все эгоисты, видит вечность, но кто-то добивается целей внутри системы, других тянет сломать её. Ты склонен к тому, чтобы за достаточную цену переменить сторону.

— Враньё.

Зенон закашлялся, в углах его губ выступила красноватая пена, но всё же он отдышался и пробормотал еле слышно:

— Мы тебя создали, дали тебе имя, карьеру и жизнь. Если ты встал в строй и пользовался могуществом организации, то обязан ей преданностью до конца — до тех пор, пока смерть не снимет все клятвы.

— Я был ребёнком и не имел выбора.

— Не важно, имеет значение только ритуал. Всё дело в ритуале.

— Эй, погоди, не умирай... В чём смысл такой сложной игры? Зачем вам менгир судьбы, Нина? Зачем вы заманили меня сюда?

Зенон полуприкрыл глаза. Некоторое время он, похоже, раздумывал, а потом чуть улыбнулся, обнажив в ухмылке всё ещё крепкие зубы:

— Пришёл мстить — давай, начинай, а я отыграюсь по-своему — промолчу. Короткий остаток своей поломанной жизни ты проведёшь в неведении... дураком.

Келлер нажал на кнопку излучателя только когда вспомнил, что оружие всё равно разряжено.

«Главное держать себя в руках, мне нельзя убивать его. Сначала нужно выяснить правду и найти выход наружу».

Зенон немного приподнялся, хотя это стоило ему заметного труда и боли.

— Прощай, Юлик, — отчётливо произнёс он. — Я ухожу. Мне не страшно. У меня была интересная жизнь.

Зенон вырвал трубку так быстро и небрежно, что игла осталась в вене. Он умер в полминуты, как и обещал — не объясняя ничего.

Пока Келлер пытался наладить медицинского кибера, командор уже перестал подергиваться — пошёл во тьму..

Келлер молча стоял над телом врага и опять испытывал только апатию. Девочка-кошка тронула чужого человека за рукав, и он покорно позволил увести себя. За пределами склада мумий дышалось полегче, длинный коридор заканчивался оранжереей.

В небольшой комнате, похожей на кладовку, старый безумный адепт расположился на мешках с зёмлей, рядом с набором новеньких грабель. Он только что закончил обед. Смятая промасленная обёртка валялась на верстаке. Изменённая подошла к старику и подставила ему остроухую голову, он погладил её так, как гладил бы собственного ребёнка.

— Здравствуйте, — сказал Келлер на языке ордена. — Мне кажется, мы немного поссорились в прошлый раз. Это было в психиатрической больнице.

— Здравствуй, парень, — ответил старик по-илириански. — Я ждал тебя, проходи и присаживайся. Сегодня я держусь молодцом. Есть хочешь? Можешь взять себе галеты. Они слишком твёрдые для моих зубов.

— Давно живёте в Цитадели? — спросил Келлер, распечатывая упаковку.

— Давно. Странно, я даже забыл, как шумит дождь. Здесь нет дождя, и ветра нет. Только трубы, по которым гонят воздух, шумят немного.

— Вы посвящённый?

— Со мною проделали тот же ритуал, что и с другими дураками, но где-то приключился сбой. Можно сказать, никакого результата, я остался таким, каким был.

— Значит, вы свободный человек.

— Ну, это как поглядеть. Раньше я служил адъютантом Зенону, потом он выбирал тех, кто помоложе и побойчее. А раз карьера пошла под откос, госпиталь — не самое плохое место. Оранжерея — тоже отличное место. Есть время подумать и вспомнить кое-что.

— О себе?

— Лучше об императоре. Болтали, что старый хрыч Оттон хотел жить вечно.

— Не сумел.

— Точно, не сумел. Но он пытался. Начал давно — пятьдесят лет назад, в те годы, когда ему было ровно тридцать.

— Заранее начал.

— Это уж точно. Он всегда был предусмотрительным.

— Я не совсем понял.

— Оттон верил, что можно заново родиться младенцем, сохранив ум и память. Звучит погано, но бывают фантазии и похуже. Ставил опыты, конечно, но не на себе.

— Ну и как, получилось?

Старый оркусит засмеялся и хлопнул ладонью по колену.

— Шутишь?! Ну и умора бы была, если бы у него получилось. Сам знаешь, что нет, и учёные головы только зря просадили денежки. Болтали, что именно тогда они придумали телепорт и кое-что другое. Устройства, чтобы делать всех послушными и ещё какие-то хитрые вещества.

— И он запретил исследования, которые сам же начал?

— Точно. После того, как Цитадель вышвырнуло чёрте куда, а эпидемия нестандартной чумы накрыла целую провинцию. Оттон был тиран, но тиран с понятиями, он по-своему хотел справедливости. К тому же он испугался, что доктор Зенон станет у руля и обойдётся без него. Но убрали не всех, зато многих обидели, так что нашлись люди, которые положили с прибором на приказы.

— Их приговорили к казни.

— Приговорили, но только заочно. Я тогда был в одной команде с Зеноном — работал у него в охране. Зенон был сволочь, но при этом сильный человек. Он перестал подчиняться властям и вложил в создание ордена собственные деньги. Мистикой он лишь прикрывал его желание покомандовать. Едва ли Зенон верил в что-либо подобное до конца. Одним словом, делались большие дела, и никто не подозревал, что закончится всё настолько погано.

— Как?

— Что, любопытство разобрало тебе, парень? Ладно, слушай дальше. Сначала дела шли отменно, сторонников становилось всё больше. В Ордене скопилось много беглых пророков, они давили на командора и так и этак, пока не сочинили сказку об избраннике Оркуса. Им, конечно, объявили Зенона, но конец света в его планы не входил. Командор умирать не собирался, а собирался пожить подольше

и получше. В сущности, все эти ритуалы с резнёй собак — одно ба-ловство, которыми обманывали младших послушников, но потом...

— Что потом?

— О ни разбудили настоящий Хаос. Когда делаешь небольшое зло, то понемногу шевелишь среднее, а если растормошишь среднее, то большое зло само вспомнит про тебя и придёт, не спрашивая. Оно и пришло. Я не говорю, на что походило пробуждение зла, ты, верно, чувствовал такое на себе. С тех пор у нас стали появляться изменённые. Как моя девочка, но не все такие невинные, как она. Люди — дети Разума, хоть и частенько они просто сукины дети. По-настоящему Оркус рождает только изменённых.

Келлер пожал плечами.

— Их создавали в Цитадели?

— Нет! Я вообще не знаю, кто и зачем их сделал.

— А для чего Зенону понадобился менгир судьбы?

— Избранник должен был уйти во тьму, а Зенон туда не хотел. Он придумал подчистить старое пророчество, а заодно решил подстраховаться по-другому. Его имени никогда не было на менгире — только некоторые приметы. Ты с командором часто встречался?

— Несколько раз.

— Видел походку старика?

Келлер задумался.

— Нет, — спустя короткое время признался он. — Командор всегда разговаривал сидя. В последний раз — лежал на матрасе, а больше мы не увидимся. Не хочу врать, что сильно жалею о потере.

— Точно. Зенон был не притким. А всё потому, что у него покалечено колено — получил ломиком по ноге, когда был совсем молодым парнем. Обычная драка в подпитии. Наверное, имелись и другие приметы, какие-нибудь родинки, пятна... Он купил подходящего ребёнка, приобщил его к культу, а сделать парня хромым никогда не поздно. Только Оркуса так просто не обманешь. Нужен был человек не хуже командора, по крайней мере, не слабее. Всё было продумано путём, но тут подвернулось пророчество насчет дочери Дезета, и у нашего старца сдали нервы. Он боялся этой девки и не знал, кому поручить ликвидацию. Говорят, её убивали кое-как. Зенон запутался и в последнее время ходил сам не свой, всё боялся, что его трюк с подставным избранником сорвётся. Потом пришла информация, что девка мертва, и наш командор немного расслабился, как оказалось — зря. Посвящённые ближнего круга, у которых кончилось терпение, восстали против него. Но он знал об этом и хотел сбежать, нарочно бросив Цитадель арбелянцам.

Он почти победил... Почти. Не хватило совсем немного — везения. Кто-то со спины продырявил Зенону лёгкое. Я человек не злой сам заклеил дырку скотчем и сделал перевязку, чтобы он мог чуток подышать напоследок. Сейчас в Цитадели не порядок, но не сомневайся, стрельба тут не надолго. Телепорт, который ведёт в Арбел, перекроют, раненых подлечат, трупами удобрят оранжерею, на место главаря найдут кого-нибудь, а подставным избранником накормят Хаос. Оркус уймётся ещё на несколько лет и даст нам возможность жить так, как захочется.

— Когда-нибудь вас всех отсюда вышибут.

— Может, оно и к лучшему. Я хочу, наконец, вспомнить настоящий дождь.

— Тогда бегите.

— Поздно. Там, снаружи, я никто. Здесь у меня приёмная внучка. Дождь это всего лишь дождь, а мне уже не выдержать перемен.

Адепт погладил изменённую по пушистой, пёстрой макушке.

— Возьмите её с собой, — посоветовал Келлер.

— Чтобы мою девочку, словно зверя, заперли в клетке?

— Есть только одна большая клетка, она называется Цитадель.

— Вижу, кое-кому не терпится попытать удачи на воле, но на тебе, парень, их метка. Я не псионик, однако, сразу замечаю, кто порченный. Если хочешь, я открою запасной телепорт, через него валят всякое дерьмо — мусор, использованную землю, мёртвые растения из оранжереи. Ты молодой, ловкий, хоть и хромаешь, если поведёт, сумеешь сбежать. Только метка всё равно никуда не денется.

— Не важно.

— Это ты сейчас так говоришь. Посмотрим, что запоешь, когда тебя станет травить первый встречный.

— Если хотите, сбежим вместе. Можно поселиться в глуши, где до вашей внучки не доберутся.

Старик заколебался. Он взял Келлера за плечи, и наклонил его к себе, стараясь заглянуть прямо в зрачки.

— Ты что-то задумал, сынок. Точно не врёшь?

— Нет, не вру. Хочу напоследок хлопнуть дверью. У меня в сумке мина-дезинтегратор.

Узкие губы адепта раздвинулись, обнажили сточенные резцы, и он захохотал, отпустив Келлера и хлопая раскрытой ладонью по колену.

— Что ж, парень, это меняет дело. Можешь считать, что я с тобой заодно, но только побег штука рисковая. Я уже говорил, что туда валят мусор. Там длинный и скользкий склон, путь, которым никто не ходит. Ты меня понял?

— Да.

— Тогда обещай, что, если ушибёшь себе задницу, голову или что-нибудь другое, то не станешь меня упрекать.

— Я не неженка.

— Пошли. Но сначала я соберу еду и тёплую одежду для девочки.

Оркус остался недоволен — качнулись стены, качнулся пол, длинное дрожание прошло по конструкциям Цитадели.

— Вы знаете, что лежит, там, снаружи?

— Не знаю, и, конечно, знать не хочу. Яма...

...Второй телепорт выглядел иначе, чем первый — зиял проёмом, за которой ослепительно блестел под солнцем длинный склон. В распахнутый квадрат веяло свежестью холода.

— Там свобода, стало быть, — многозначительно сказал старик. — А, может, погибель. Их не очень-то и отличишь.

У Келлера перехватило дыхание — склон за телепортом был совершенно гладким, лишь в отдалении чернели острые обломки скал. Он представил себя самого скользящим по этой плоскости, с содранными ногтями, и сломанными пальцами, всё быстрее и быстрее, пока не приключится финальный удар.

— У вас найдётся верёвка?

— Найдётся, а только какой от неё прок?

— Обвяжем девочку и аккуратно спустим её вниз. Потом уйдёте вы.

— Тебя некому будет подстраховать.

— Обойдусь.

Оркус ворочался слишком близко, навевая неотвязное желание броситься на скалы. Изменённая рассматривала снег, её длинные вибрисы нервно вздрагивали. Келлер обвязал девочку вокруг талии, она оказалась понятливой и сама перелезла через рамку проёма, верёвка свободно проскользнула через границу переноса.

— Я так и знал.

— Что знал?

— Тут не телепорт, обычный люк наружу.

— Да какая, к холере, разница.

Изменённая достигла относительно безопасного места возле камней и, отвязавшись, шмыгнула в сторону, после чего исчезла. Садовник подтолкнул илирианца к проходу.

— Давай, лезь, парень.

— Сначала вы. Я должен уйти последним, убедившись, что дезинтегратор сработал.

Вид устройства неожиданно напомнил о последних словах Несса. И о Ризне. Келлер вставил запал и убедился, что корпус мины слегка нагрелся.

— Это на память, за всех, — сказал он, обращаясь к неотвязному, насмешливому Оркусу.

Старик-оркусит слышал, но ничего не понял. Он крутил верёвку в руках, как будто не понимая, зачем она ему понадобилась.

— Лучше поторопиться.

— Да, конечно, держись крепче.

...Так бывает от усталости — чувство опасности притупляется. Келлер успел вцепиться в верёвку, но не успел помешать сумасшедшему. Получив сильнейший толчок, он запрокинулся назад, выпал спиной вперёд из люка и покатился по твёрдой, невероятно гладкой поверхности вниз. Верёвку старик заботливо придерживал — она, разматываясь, тянулась следом, но почти не замедляла движения.

— Спасайся один! — истошно донеслось сверху. — Со мной ничего не будет! Я бессмертный! А тебе, помеченный, я даю последний шанс.

«Псих ненормальный, опять его занесло».

Келлер пытался тормозить, чем придётся, но только содрал ногти на левой руке. Верёвку он удерживал в правой, ожидая неизбежного рывка и понимая, чем всё это закончится.

Рывок случился. Верёвка щелкнула, будто хлыст, и как муху стряхнула с себя человека. Иллирианец ещё некоторое время скользил по поверхности безо всякой страховки. Он слушал тишину, которую нарушал только слабый скрип льда.

«Долго ещё?» — подумал он напоследок, перед тем, как коснуться камня.

* * *

Позднее утро выдалось очень красивым, горный пейзаж напоминал большую, маслом написанную картину, но это совершенство тяготило и беспокоило Северина.

Нина стояла, подставив лицо лучам солнца. Её телохранитель устроился неподалёку. Этот упрямец не мешал, но и не отставал. Ожидание измучило всех троих, но по охраннику это было незаметно. Медленная дрожь прошла по массиву скалы, будто на невероятной глубине, где-то под самым основанием гор, нехотя повернулось грузное чудовище.

— Мне кажется, что лучше отойти подальше.

Земля закачалась, на этот раз так сильно, что Северин едва успел подхватить Нину, она широко раскрытыми серыми глазами смотрела,

как заваливается огромная скала. Её камень на глазах превращался в щебень.

— Ничего себе.

Охранник очутился рядом, радужки светились холодным огнём, как это бывает у боевых псиоников.

— Это не лавина. Дезинтеграция. Где-то сработала мина. А ведь больше суток прошло.

Все трое, словно замороженные, смотрели, как скала превращается в серую пену.

— Значит, Цитадель была совсем рядом, телепорт им понадобился для отвода глаз...

— Да, неожиданно. Вам лучше побережь себя, мэм, — посоветовал охранник. — Я связался с Бейтсом по рации. Наши люди покидают долину. С дезинтеграцией не шутят — могут обрушиться склоны. Считайте, что гнездом зла покончено. Если кто из подонков и выживет, их окажут единицы. Разгром, не сомневайтесь.

Северин понемногу отстал от сестры. Он убедился, что куртка Нины мелькает в безопасном отдалении и повернулся лицом к зрелищу катастрофы. Скала исчезла. Там, где она недавно стояла, теперь пенилась чужеродного вида масса. Иногда на поверхность всплывали обломки — части механизмов, ломаная мебель, тряпки, и губчатые ошметки. Мик не поверил своим глазам — на секунду в центре кипения мелькнуло чучело Т-медведя. Камень, огромный кусок базальта наподобие жертвенника, вздыбился, прежде чем окончательно рухнуть на дно воронки. Разрушение уже шло дальше, захватывая соседние склоны. Нетронутый пейзаж пока ещё сверкал ослепительно белым снегом.

Северин так увлёкся, что присел на корточки, и хлопок выстрела застал его врасплох.

— Что за бешеный день, — раздражённо сказал Бейтс, осматривая свой трофей. — Смотрите, я убил потусторонника.

Мик обернулся. Мёртвое существо походило на кошку, размером с девочку. Шерсть на мордочке слиплась. Неподвижные жёлтые глаза горестно уставились в небо. Бейтс поднял тушку и легко перекинул её через плечо.

— Опасная тварь. Бесценный образец для исследований. Хорошо всё, что хорошо кончается. Несс и Риэн сделали своё дело. К сожалению, шансов на возвращение наших героев никаких. Уходите, Северин. Вам тут не место.

— Да, конечно.

Мик проглотил горький комок и встал. Хлопнул себя по пустому карману.

— Я обронил свой пистолет.

— А он у вас был? Верится с трудом, но похвально. Вот, возьмите у меня запасной, на случай неожиданных встреч. А ещё лучше — убирайтесь-ка немедленно в базовый лагерь, туда, где охрана. Если вы пострадаете, то ваша сестра очень сильно расстроится.

Бейтс исчез, унося мёртвое существо, и всё же Северину показалось, что вид катастрофы притягивает не только его, но и шефа службы безопасности тоже. Налетел сильный ветер, погода стремительно портилась, как будто древнее злое начало в угрожающей готовности нависло над местом.

Мик едва взял себя в руки.

— А, это вы...

— Да, это я, — ответил невесть откуда появившийся Келлер. — Чувствуете? Оркус повсюду.

Бывший референт Оттона сильно переменился — его лицо почернело от грязи и усталости, к левой окровавленной ладони он приложил комок снега.

— Где остальные?

— Убиты в Цитадели.

— Как вы уцелели?

— Выпрыгнул через коллектор для отбросов. Повезло — упал не на камни, а на кучу дерьма. Знаете, валяясь в отбросах, я стал свидетелем редкой сцены. Сам консул Арбела стоял в двадцати шагах от меня. Он где-то подобрал «фонарь подчинения», думаю, вещьцу вымыло из Цитадели наружу. Превосходительство, видно, знал, что это такое, повертел в руках, но не включил, а бросил обратно в пену. Порядочный человек.

— Дезет вас видел?

— Не знаю. Он смотрел в другую сторону.

— Странно. Обычно он наблюдательный. Эй, куда уходите?

— Подальше. Например, на запад. Направление не хуже других.

— Юлий, стойте!

— А вы попробуйте меня поймать.

Мик вытащил пистолет Бейтса, прицелился в лопатки беглеца, но не довёл спусковой крючок.

— Вернитесь добровольно. Если вернётесь, всё будет хорошо.

Келлер не ответил, он, несмотря на травму, перемещался по скалам довольно ловко, обходя воронку дезинтеграции стороной.

«Этот человек опасен. Пророчество ещё в силе. Я не могу рисковать сестрой».

Мик выстрелил, но промазал. Бывший адепт зла, казалось, не обратил на стрельбу никакого внимания. Вторая пуля выбила фонтанчик каменной крошки возле самой его головы.

Наполовину удачный эпизод с потусторонником в Порт-Иллири оказался не в счёт, и теперь оружие в ладонях ходило ходуном — Северин понял, что не может убить человека, который не сопротивляется.

В конце концов, без толку расстреляв несколько патронов, он убрал пистолет — целиться стало поздно.

* * *

...Бейтс появился через четверть часа, деловитый, весь испачканный, грязный, но уже без мёртвой кошки на плече.

— Вы что, до сих пор шляетесь в опасной зоне? Безрассудство на безрассудстве, молодой человек. Я же приказал уходить. Сознаться, вы тоже его видели?

— Кого?

— Келлера.

— Не видел, — буркнул Северин.

— Укрывательство благонамеренному гражданину не к лицу.. Ну вот, вы обиделись, а насколько это напрасно! Можете верить, всё, что вы донесёте, останется между нами...

— Мне не о чем доносить.

— Да поймите же правильно! Ваша позиция — просто ребячество. Его нельзя выпускать, Мик! Это парень — просто изгой, без защиты и охраны он не продержится и недели.

— Чего вы ко мне пристали? Какая мне разница? Думаете, я его защищаю?

— Просто досадно. Единственный полноценный свидетель выжил, да и то удрал. Молчите? Ну и плохо. Мы собирались его пощадить, но ведь нельзя отпускать на все четыре стороны, нельзя, чтобы просто так...

* * *

Келлер, вместо того, чтобы повернуть на запад, без лишних колебаний отправился на восток.

Колено хоть и болело понемногу, но слушалось, за что благодарить следовало именно Бейтса, подарившего фиксирующее устройство. Заброшенная дорога в обход долины вела к перевалу, здесь заканчи-

вались территории Арбела, и начиналась ещё одна глухомань — северо-иллирианские гористые земли с редкими посёлками скотоводов и шахтёров.

С тех пор, как трансмутация вошла в силу, люди избегали границы, Келлер же, не думая о погоне, сосредоточился на единственной цели — не упасть на скользкой тропе. К вечеру пошёл густой снег, ветер приобрёл шквальную силу, в круговерти метели чувствовалось присутствие разгневанного зла, и у Келлера появилось иррациональное желание прыгнуть со скалы. Тогда он из упрямства начал следить за каждым шагом и старался смотреть под ноги, чтобы не оступиться в пустоту ущелья.

«Никуда ты не денешься», — слышалось пару раз.

— Иди в задницу, — привычно ответил Келлер пустоте.

К полуночи он, тратя остатки сил, миновал перевал и сам удивился, обнаружив, что прошёл его незамеченным. Дорога, по которой давным-давно отступали побеждённые солдаты Оттона, выглядела теперь заброшенной только с западной стороны и довольно укатанной в направлении побережья. В одиноком здании, прилепившемся к скале и сложенном из каменных блоков, теплилась бойница-окно. Под брезентом стыл припаркованный грузовик. Дом был старинным, с единственной толстой дверью из дубовых досок.

«Вот и вернулся на родину. Теперь главное — дозированная ложь и аккуратное умолчание. Если местные обыватели поймут, кто я такой, то, пожалуй, вызовут подмогу с равнины, каких-нибудь простоватых провинциальных полицейских».

Келлер нашёл бронзовую табличку на двери и перчаткой почистил её от мокрого снега. По иронии судьбы острая вязь торжественного шрифта сложилась в вывеску: «Конгрегация Разума. Двенадцатый округ Иллиры». Это было худшим из вариантов — Конгрегация неподатлива на обман и ненавидит слуг хаоса.

Раздосадованный новой неудачей, Келлер опустил на корточки, прислонился к дубовым доскам и находился в таком положении довольно долго, чувствуя, как стужа щиплет лицо.

«Ну не торчать же на морозе до рассвета».

Он поднялся, нашёл гранату в сумке, выдернул чеку и, зажав рукоять в кулаке, левой ладонью использовал дверную колотушку. Привратник, с некоторым недоверием рассматривал измотанного чужака, с головы до ног облепленного снегом.

— Пешком добрались? В столице округа должны были предупредить, что мы пока не принимаем паломников.

Длинный рукав куртки позволял спрятать гранату от монаха.

— Я очень устал и замерзаю, — хрипло сказал Келлер.

Он вошёл с холода в тепло, стараясь сдерживать нервную дрожь. Привратник шагал первым, светя вдоль коридора карманным фонариком.

— Вообще-то, пускать чужих в главное здание против правил, но наш отель повредило камнепадом.

— Извините, я не знал.

— Придётся поговорить с настоятелем, сегодня его очередь не спать — он на страже. Таков обет, принятый триста лет назад.

Настоятель оказался пожилым мужчиной всё ещё крепкого телосложения и сохранившим остатки военной выправки. Он встретил Келлера в кабинете и хмуро окинул его взглядом.

— Дорога от столицы перекрыта. Как вы сюда попали?

— Я могу просить о разговоре наедине?

Келлер подождал, пока сильно озадачившийся привратник уйдёт, вздёрнул рукав и показал брату Разума свои пальцы, сведённые на рукояти гранаты.

— Угрожаете? — спросил его настоятель, у которого напряглись скулы.

— Угрожать вам смертью я бы не посмел. Но если не поклянётесь Разумом, что дадите мне убежище, я брошу гранату на пол, придавлю её собой, и умру прямо на ваших глазах. Меня заберёт ад, пусть это станет грузом на вашей совести.

— Вы псих. У нас тут не клиника, не место чужим и не пристанище для бродяг. Проваливайте.

Келлер слегка ослабил пальцы.

— Мне вправду сделать это?

— Не балуйтесь, отдайте мне гранату.

— Я посвящённый Оркуса. Бывший адепт первого круга. Если отдам, вы пожертвуете мне полчаса для разговора?

Настоятель на миг оцепенел, потом открыл окно, подошёл к Келлеру, разжал его пальцы, вынул гранату и с ухваткой, выдававшей знакомство с оружием, выбросил её наружу. Через короткое время на дне ущелья характерно гроыхнуло.

— Я раньше не встречался лицом к лицу... с членами вашей секты.

— Тогда вам повезло. Это бывает опасно.

— Чего вы хотите?

— Убежища.

— Я не стану из-за вас рисковать и подвергать риску других.

— Я должен убраться?

— Побыстрее. Так будет лучше.

— Что ж, продолжайте стеречь пустую дорогу. И не забудьте вывесить плакат «Грешникам не заходить».

— Не понимаю, на какой ответ вы надеялись? Верить адепту зла нелепо.

— Вы правы, конечно, но я отрёкся от ордена и теперь не знаю, куда идти.

— Ваш орден будет преследовать вас как отступника.

— Наверное будет, но не сейчас. Орден долго не оправится от разгрома.

— Вы к этому причастны?

— Да.

— И при этих-то проблемах, вы посмели просить помощи у меня, совершенно незнакомого человека?

— Поймите правильно — ордена я не боюсь. Если опасность станет реальной, я сам с нею справлюсь и никого не подставлю. Дело совершенно в другом.

— В чём же?

— В том, что хуже и страшнее, чем люди. Я отрёкся от Оркуса, но избавиться от его метки не могу, каждая попытка кончается крахом. Хотите правду про меня? Просто вспомните канонический перечень грехов: убивал других, пытался убить себя, лгал и предавал, поклонялся чёрному алтарю.

— Вы всё это делали?

— Делал.

— А что-нибудь хорошее совершали?

Келлер задумался.

— Наверное, да, — хмуро сказал он.

— Что именно?

— Я сопротивлялся долгие годы... Пожертвовал ради этого всем, но справиться без посторонней помощи не могу. Если её не будет, я, в конце концов, сорвусь, натворю напоследок зла и достанусь злу после смерти.

Келлер смотрел прямо в зрачки ошеломлённого собеседника, который, казалось, глубоко задумался.

— Мне кажется, я слышал о таких единичных случаях, — сказал, наконец, настоятель. — Они очень редкие. Обычно адепты Оркуса не способны сопротивляться принуждению и лжи. Возможно, вы

сами сейчас не лжёте. Возможно, вы неординарный человек. Но мы тут — обычные люди, которые спрятались от трансмутации. Мои помощники не отличаются ни героизмом, что ещё хуже — они не отличаются терпимостью. Вам пришлось бы укротить свой характер, а насколько вы к этому неспособны, уже показала эта нелепая выходка с гранатой...

— Хорошо, я всё понял. На перевале метель. Можно остаться хотя бы до утра?

— Можно остаться на две недели. За это время я свяжусь со своим братством в Порт-Иллири. Если они разрешат, оставлю вас ещё на сто дней, за это время мы отыщем псионика, который сможет убрать вашу метку.

— Спасибо.

— Сейчас вас накормят и дадут неприметную гражданскую одежду. Униформу снимите, её придется уничтожить. Ещё раз предупреждаю — уймите свой нрав. Постарайтесь больше молчать и не попадаться посторонним на глаза. К сожалению, вы хромаете, это при мета.

— Я всё сделаю.

— Ладно, идите.

* * *

... Келлер валялся в забытьи до позднего утра, в маленькой пустой комнате, на раскладной койке, которую дал ему молчаливый привратник. Проснулся он от шума обычного ветра, хотя гудело не сильно. Звук оказался спокойный, не злой. Оркус больше не нападал в открытую, — то ли устал возиться с непокорным адептом, то ли не имел силы на этой земле. И всё же сизая туча висела близ перевала. Извивы туч сложились в подобие лица. Там, где положено находиться глазницам, сверкали нехарактерные для зимы грозовые разряды. Это была лишь случайная игра погоды, но Келлер открыл окно, и из озорства показал «Оркусу» вытянутый средний палец.

«Отель» (одноэтажный хилый коттедж из фанеры) лежал в руинах из-за камнепада. Мачта маленькой ветряной электростанции устояла, но оборванные провода свисали до земли. Починкой никто не занимался, лишь вчерашний привратник старательно чистил порог главного здания растопыренной проволочной метлой.

— Почему так пусто?

— А нас всего-то десять человек, если не нагрянет кто-нибудь из столицы. Некоторые уехали за продуктами, другие за горячим

в долину. Трое ушли в деревню возле медной шахты — в некоторых коттеджах идёт трансмутация и есть больные ребятишки. Мы ждали вертолёт с механиком и врачом, но полётов не будет из-за плохой погоды. Утреннюю службу и завтрак вы проспали, я хотел вас растолкать, но настоятель не разрешил. А раз вы такой лентяй, еду сами себе готовьте, керосин возьмёте в чулане, крупа и кастрюли на кухне. Электростанция до сих пор не на ходу, так что вечером вся округа будет сидеть во тьме.

Юлий посмотрел на небо — циклон с востока скомкал тучу, превращая её в бессильное месиво воздуха и снега.

— У вас найдутся какие-нибудь инструменты?

— Целая кладовка, всё, что осталось от техника, который полгода назад завербовался в солдаты.

— Я должен поглядеть.

— Умеете ремонтировать?

— Когда-то давно я жил в горном посёлке, там была похожая машина.

— Вы не настоящий техник.

— Я справлюсь. На самом деле, всё главное уцелело...

После полудня Келлер окоченевшими пальцами распутывал и сматывал рваные провода.

«Сто дней, — уже без сильного отчаяния подумал он. — Только бы продержаться весну, а потом ещё часть лета, и тогда я выиграю свою разборку с вечностью. Определённо, есть польза в том, что люди по триста лет караулят на перевале. Если у меня всё получится, то вечером тут хотя бы не будет темноты».

Глава 15. Последняя

День, в который должна была погибнуть Нина, прошёл спокойно. Мик провёл его в одиночестве, как и некоторые предыдущие дни. Он больше не встречался с сестрой, она существовала где-то за чертой, означающей большую значимость, недоступную простым смертным.

Северин переселился в отель средней руки. Однажды он видел сестру издали — за тонированным стеклом роскошной машины. На приём к консулу он попал через две недели — когда утратил надежду другим способом добраться до Нины.

— Вы хотели задать вопросы или просить о чём-нибудь?

Северин сидел напротив Дезета. Что-то непонятное мешало ему

начать — какая-то трагическая отстранённость в облике правителя Арбела.

— Меня выселили в город против желания. Уником Нины не откликается, я записался у вашего секретаря и ждал приёма две недели. Я хочу получить объяснения. Я хочу увидеть свою сестру.

Эти слова он выдал через силу. «Может ли человек с нулевым показателем пси понять меня правильно?»

— Я же не дурак и в состоянии это сделать, — ответил Дезет, и Мик понял, что телепатия тут ни при чём — он, Северин, сам того не замечая, вслух задал мучивший его вопрос.

— Я всё отлично понял, — снова повторил консул. — Поэтому держать в заблуждении не буду. Моя дочь вам не сестра, даже отдалённого родства между вами не существует.

Северин чувствовал, как горит его лицо.

— Вы знали об этом?

— Да.

— А ваша дочь, Нина знала?

— Нина — нет.

— Я вам не верю.

— Напрасно. Она искала свою мать и не знала, что моя бывшая жена давно мертва — её убили по приказу Оттона Иллирианского. Я не говорил об этом дочери, потому что не знал о её намерениях бежать в Порт-Иллири. Ваша мать и её мать носили одинаковые имена. В Иллире множество женщин с одинаковыми именами. Особенно, если эти имена почему-то считаются красивым.

— У мамы и Нины одинаковое лицо, сходство просто потрясающее.

Дезет сухо усмехнулся.

— Маргарита, мать Нины, была родом из южных провинций. Ваша мать — тоже. Это только антропологический тип привлекательной иллирианки, и ничего более. Совершенство этому сходству придало только ваше буйное воображение.

— Моя мать когда-то была замужем за офицером корпуса «Сардар».

— Разве? — Дезет пожал плечами. — Тогда вы должны бы знать — такие, как мы, гибли в Ахара тысячами. Там твёрдая земля, тела погребали, как попало... если вообще находили на это время. Пропавших без вести претория подозревала в дезертирстве, поэтому командование предпочитало числить нас мертвецами. Мне, впрочем, повезло. Сложилось так, что я остался жив, а тот человек — нет.

В Иллире сотни тысяч вдов. Нет ничего удивительного в том, что одна из них оказалась вашей матерью.

— Но имя! Мою сестру звали Нина.

— Простое совпадение. Разве фамилия совпадает?

Северин в отчаянии понял, что никогда не интересовался прежней фамилией матери.

«Сейчас я уже ничего не узнаю».

— Зачем вы обманываете меня? Была же генетическая экспертиза.

— Кто её делал? Он не был пьян? Вы видели официальные результаты?

«Я позволил этим людям поиграть собой».

Северин внезапно успокоился.

— Что ж, я приму к сведению всё, что сказано. Нина мне не сестра, тем лучше, значит, она для меня нечто большее.

— Нет. Я не позволю вам начинать роман с моей дочерью.

— Это не то, что вы подумали, это всё серьёзно.

— Раз серьёзно, тем хуже. Послезавтра, Северин, вы уедете на родину. До этого примете нашу признательность и на церемонии будете держаться пристойно. Скандала не устроите, а если и устроите, то никто не удивится. У людей из Порт-Иллири тут очень плохая репутация. Я благодарен вам, и это не пустые слова, но не хочу, чтобы вы оставались в Арбеле и путались под ногами.

— Это всё?

— Всё. Приношу свои извинения за ваши трагические утраты. В моральном отношении их нельзя возместить, но в знак нашего сочувствия и уважения вы получите деньги и награду Арбела.

Мик встал, сдерживая бессильную ярость.

— Мне хочется убить вас.

— Желание не оригинальное.

— Ваша дочь...

— Она тут ни при чём. Если вам нужны виновники, то в трагическом недоразумении виноват только я один, за что и прошу прощения. Мои мотивы вам должны быть понятны — я защищал своих людей, свою дочь, а в её лице — ещё и специалиста, полезного для Арбела.

Северин выскочил из кабинета. Лица референтов и охраны казались ему смазанными пятнами. Кто-то окликнул его по-иллириански — из-за сильного каленусийского акцента Мик не разобрал слов. Он грубо толкнул плечом дверь и выбежал на площадку перед зданием. На него косились, или Мику просто чудилась враждебность случайных взглядов. Он прошёл ещё немного и очутился

за воротами виллы, потом поспешно набрал иллирианский номер Риордана.

На той стороне ответили не сразу.

— Что-то случилось? — сонно спросил магистр медицины.

— Ты проверял кровь моей сестры. Помнишь, тогда, в Порт-Иллири, ночью.

— Чего?!

— Я имею в виду генетическую экспертизу. Ты уверен, что не ошибался?

— Если быть точным, то я её не проверял, а просто тянул время. У меня не было нужных реактивов.

— Значит, ты меня обманул?

— Вовсе нет. Не считай меня глупым или злым. Я просмотрел мысли Нины и понял, что она искренне считает тебя братом. В таких случаях не стоит тратить на анализы...

Мик отсоединился. Он бы взбешён легкомыслием Риордана, хотя понимал, что оба они попали в логическую ловушку — Нина тогда ещё не знала правды о самой себе...

«Но позже... В Арбеле, а, может, быть, ещё в Порт-Калинусе... Ей сказали правду люди Дезета, она всё знала и продолжала обманывать меня».

Всхолмленная местность уходила на восток. Северное лето не до конца вступило в свои права. Было немного прохладно. Трава оставалась короткой и казалась слишком зелёной. Северин шёл около полудня, постепенно удаляясь в холмы и пытаясь в движении забыть. Он вспоминал мать в больнице, ушедшего навсегда отца, профиль Нины и машинально повторял одно и то же слово — им в сомнительных кварталах Порт-Иллири принято называть шлюх. Глаза оставались ясными и сухими.

Через некоторое время он споткнулся и сел на низкий широкий холмик, потирая ушибленную лодыжку. Холмик оказался могилой — давней, покрытой остатками пожухлой, зимней ещё травы. Не было ни надгробья, ни памятного камня, новая зелень местами пробивалась сквозь слой старого дёрна, пахло не могильным холодом — просто весенней землей.

Северин привстал и осмотрелся. Ряды одинаковых, осыпавшихся и потому малозаметных захоронений тянулись по пологому склону. «Сколько же их тут лежит?»

Он брёл наугад, задевая сапогами высохшие, прошлогодние заросли колючки.

Сгорбленное существо возилось возле одной из могил. Мик подошёл поближе и понял, что это старик, по виду обычный бродяга, в изношенном балахоне, с жёсткой седой щетиной на обветренных щеках. Глаза старика слезились от ветра... В пустую бутылку он вставил два стебля с бутонами — бледные и чахлые первоцветы, только что сорванные в холмах. Импровизированный букет одиноко стоял на могиле.

Северин пошарил в кармане и вытащил пачку денег, накануне полученных от Бейтса.

— Если я могу вам чем-то помочь, возьмите хотя бы вот это, — тщательно выговаривая слова, произнёс он по-каленусийски.

Старик вскинул отёчное лицо.

— А, это ты... Знал, что ты идёшь — чувствовал в холмах твою злость. Я ведь тоже из них, из этих сучьих пророков.

Голос у старого арбелианца был хриплый, но ещё сильный. Злость выветрилась. Мик присел на плоский холмик. Старик пошарил за пазухой, отыскал плоскую, армейского образца, флягу, сделал судорожный глоток и протянул остатки Мику.

— У меня тут дочь лежит, — спокойно продолжил он. — Была офицером, звали её Робертина Чен, красивая, сильная девушка. Тогда была зима, таких морозов никто из старожилов не помнил. Твои иллирианцы пришли сюда с гор, её сотня держала оборону восточнее Арбела, убили многих, но моя Берта уцелела, а вояки Оттона откатились назад, через равнину и перевалы.

Старик забрал фляжку у Северина, жадно принял к горлышку и добавил:

— Она умерла только через три года — той зимой застудилась среди льда. А, может быть, все случилось из-за её парня. У него был шрам на лице, но Берте это нравилось. Меченый был немного чокнутый — не боялся ничего, его подстрелили в самом конце заварухи. Я вырастил свою девочку крепкой, но доктора сказали мне, что уже поздно. Тоска её сожрала. Берта жила отдельно и не сознавалась, что лёгкие больше никуда не годятся...

Старик вздохнул и убрал фляжку за пазуху.

— Даже если она и впрямь пряталась в запрещённые верой иллузии, то ты её не осуждай. Слышишь? Не смей её осуждать, ты, грязный иллирианец. Моя девочка сражалась как герой, а умерла в одиночестве, и только потом нашлись люди, нашей же крови, но подлецы, которые порочили её память.

Северин кивнул. Он не знал, куда податься, и не решался остаться на месте.

Старик вытер мокрые, бирюзового цвета глаза.

— Значит, вы тоже пророк? — негромко спросил его Мик.

— В полнолуние ещё какой. Да что от этого проку? Одно несчастье. О бедах лучше не знать, когда беда придёт, она сама тебя найдёт.

— Раньше я думал, будто я брат пророчицы.

— Значит, ты тот самый парень, который положил глаз на дочку консула? Эге?

Старый луддит хрипло расхохотался.

— Не сердись на Дезета, — добавил он со спокойствием фаталиста. — Он хороший человек. Ты не знаешь, что такое девчонка-пророк в доме, а наш консул знает это по себе. Лучше собирай вещи и уезжай в Порт-Иллири. Будущее обманывает всех — каждого по-своему. Ты, парень, помни, человек всегда получает по заслугам — то, чего захотел. Просто это происходит тогда, когда он забывает свои желания.

Злость Северина перегорела, он хотел сплюнуть привкус дешевой сивухи, но вокруг были одни могилы и он проглотил горькую слюну.

— Мне нет дела до какой-то Нины Дезет. Поймите, у меня отыскалась сестра. Мы были ей рады. Моя мать любила её больше, чем любила меня. Мой отец погиб, возможно, потому, что приютил эту девушку. Теперь я остался без родителей и без дома, в Порт-Иллири мне придётся начать всё с нуля. А это оказалась чужая женщина. Она не дочь моей матери. Консул говорит, что вышло недоразумение, но я ему не верю. Меня обманули и выкинули, словно дешевый хлам.

Пророк задумался, словно прислушиваясь к непонятным Мику ощущениям, потом медленно покачал плешивой со лба головой.

— Нет, — медленно произнёс он. — Сегодня сутки полнолуния. Тебя не обманули и не выкинули. Я не могу сказать, почему, но произошло лучшее из того, что могло тебя ожидать.

— Почему?

— В противном случае ты потерял бы своё благополучие безо всякого толка, просто так.

«Он хочет сказать, что мы все, по крайней мере, мать и отец, были обречены изначально».

— Спасибо, я пошёл.

— Забери свои деньги, иллирианский придурок, — беззлобно окликнул Мика старик.

— Оставьте их себе.

Он прошагал немного и обернулся, поражённый внезапной идеей.

— А разве сегодня полнолуние?

— МалOVER. Посмотри как следует на свой уникoм.

Северин спешно отодрал прибор от брючного ремня.

«Я ошибся в расчётах, — понял он, ужасаясь. — Всё дело в разнице между каленусийским и иллирианским календарем. В Арбеле календарь каленусийский. Оттон, в пику соседям, придерживался древнего летосчисления. Нина забыла об этом. Консул не проверил дату, убеждённый её и моей уверенностью. Нину не убили две недели назад, потому что день исполнения пророчества ещё не наступил. Её убьют сегодня, ровно в полдень. Меня никто не использовал, я никого не вырубал, и всё, что случилось, произошло напрасно».

— Эй! — бродяга в изумлении смотрел вслед бегущему. — Смотри, не записиь ненароком!

Северин нёсся со всех ног, огибая редкие валуны и частые заросли колючего кустарника. Он видел окраину Арбела — дома из дерева и красного кирпича, склады, мастерские, здания лабораторий. Потом остановился, решив использовать уникoм. Нейтральный женский голос (не Нины, а горничной) в ответ прошелестел по-каленусийски.

— Мне консула или его дочь.

— Как вас зовут?

— Мик Северин.

— Его превосходительство находится в другом месте.

— Где?

— На ваш вопрос мы не можем ответить.

Северин едва не бросил свой гаджет под ноги.

«Мне мешают их правила безопасности».

— Нина!

Он надеялся, что она сверхчувствительностью сенса поймёт его предупреждение.

Окраина осталась позади. Центр города с новыми зданиями обступил чужака со всех сторон. Мик пробежал ещё немного и перешёл на шаг. Порыв угасал от безысходности. Мик поднял лицо к небу — молодое весеннее солнце стояло в самом зените.

«Это или уже случилось или не случится никогда».

Северин остановился, рассматривая полупустую, мощёную брусчаткой площадь. Незнакомая очень коротко стриженная девушка в белом пальто устроилась на скамейке, она вытащила пудреницу и пыталась замазать на носу веснушки. Лица он не разглядел. Девушка убрала пудреницу в сумку, вытащила детскую игрушку — калейдоскоп, — прижала к глазнице и навела на свет.

«Некоторые ведьмы так стимулируют свою сверхчувствительность. Говорят, это чистейший предрассудок».

Северин отвернулся.

«Бегаю по городу как дурак».

Он снова посмотрел в сторону площади и понял ошибку — Нина, неузнаваемая, коротко остриженная, снова подняла калейдоскоп к глазнице. Что она видела там — образы будущего или абстрактную пляску частиц?

— Нина!

Казалось, он долго сокращал расстояние, хотя на самом деле всё произошло очень быстро. Мик очутился рядом, схватил её сильное, хотя и узкое запястье и отвлёк в сторону. Калейдоскоп щёлкнул в его руке, и острый предмет проткнул ладонь. Северин с удивлением смотрел на свою кровь, пулька, прошла насквозь и, уже потеряв силу, нашла настоящую в жертву — на чистом лбу псионики алела ссадина.

«Недаром Келлер так настойчиво просил бросить калейдоскоп в утилизатор. Выстрел в глаз убил бы её. Это смертельный подарок ордена. Оружие с секретом, которое не могло поразить никого, кроме Нины. След пули, пятнышко крови на лбу. Что ж, предсказание исполнилось».

Он сел на скамью, зажимая истекающую кровью пробитую руку. Было мокро, липко и безнадёжно. Северин выполнил своё предназначение и теперь не знал, что делать дальше. Вокруг суетились люди. Врач пытался выпрямить чужие стиснутые пальцы.

«Я на собственную беду связался с ведьмой. Но что бы я делал иначе?»

Он выпрямил ладонь и дал себя перевязать. Не возражал, когда его заставили лечь на носилки. Игла шприца вошла в левое плечо, и Северин погрузился в пустое оцепенение.

* * *

Они встретились ещё пару раз.

— Ты сломал ход вещей, — сказала Нина. — Я не умерла три дня назад, значит, уже не умру. После случившегося всё очень сильно изменилось, словно я прошла вторую мутацию. Отец недаром советовал тебе уехать. Он не хочет, чтобы ты узнал правду про меня и огорчился — эта правда слишком неприятная.

— Почему?

— Многое из прежнего меня больше не интересует. Я забросила даже пророчества. В сущности, между прошлым и будущим нет

никакой разницы. И то и другое было и будет продолжаться всегда. Я счастлива и несчастлива одновременно, — добавила она. — Я вижу кролика и чувствую себя зверьком. Я вижу жаворонка и становлюсь птицей. Я пыль, уносимая ветром и этот ветер одновременно, лебедь в пруду и волк, который всю ночь ходит по городской окраине возле свалок. Я всё это вместе, и вместе с тем гораздо большее. Живу сотнями жизней, и, как мне кажется, никогда не умру.

— Тебе больно?

— О, нет! Совсем не больно. Тот, кто понял это, не променяет это состояние ни на какое другое.

— А что говорит твой отец?

— Он прагматик. Он жалеет меня. Он сильно ругается в душе. Его мысли не видит никто, но беззвучные слова иногда читаются по мимике. Но он никогда не осуждает меня вслух. Когда-то он заявил, что нельзя отобрать человека у вечности, а если всё же пытаешься это сделать, потом с лихвой возвращаешь долги. Он добился своего как политик и добьётся ещё большего. Но он считает, что потерял меня безвозвратно.

— Как и я.

— Иногда теряют и более стоящие предметы. Если я чем и недовольна, так только тем, что случайно испортила тебе жизнь. Но я не хотела...

Её лицо совсем не изменилось, не изменился голос, даже стиль рассуждений остался прежним, но Северин не сомневался, что с ним говорит не человек.

Он ушёл, не попрощавшись, не потому, что хотел обидеть девушку, просто она больше не нуждалась в словах. Северин знал, что будет жить ещё долго, но когда-нибудь он исчезнет, как исчезает трава, птица, волк или человек. Рельеф холмов сгладится со временем, и Арбел, новый город, превратится в груды камня под слоем земли, сквозь почву прорастёт молодой шиповник, чтобы тоже стать со временем прахом. И только непостижимая и неизменная сущность Нины будет существовать всегда.

Ему стало жалко её. Но нуждалась ли она в жалости?

Северин сидел на траве, в холмах, почти на том же самом месте, где три дня назад разговаривал с бродягой.

Весенняя растительность буйно поднялась и скрыла прямоугольники могил, мелкие цветы-дикари, которым всё равно где проклянуться — на костях мёртвых или на ухоженном газоне, — волной спускались по склону.

Мик не сдался, он готов был бороться, но не знал — с кем и ради чего. Сейчас он испытывал сильное горе, но понимал, что и оно конечно — сначала поблекнет, потом истончится, и, наконец, исчезнет навсегда.

«Мой разум будет меняться, мы станем совсем, полностью чужими через каких-нибудь пару лет, потом всё забудется. Легенды обманывают, нельзя любить непостижимое существо».

Он прикинул, чем займётся в ближайшие месяцы. Оставалось выбрать: возвращаться ли в Порт-Иллири или послушаться Дезета и попытаться найти работу в Арбеле.

В Иллире Мика не ждал никто, не считая, быть может, Прокла Риордана. Северин ничуть не сомневался, что при изменившихся обстоятельствах, вздумай он задержаться в Арбеле, консул не станет чинить препятствий. И всё-таки несчастная и беспокойная Иллира манила его возвращением.

«Я обычный парень, без пророчеств, без помощи свыше, только за счёт человеческого рассудка, понял, что происходит. Нет... я не единственный. Ещё одним оказался Келлер».

Экс-адепт исчез, на время скользнул в безвестность, люди Оркуса, побеждённые и рассеявшиеся, возможно, не смирились, и всё-таки мир сделался лучше, хотя это изменение оставалось крошечным, как мелкий камешек на бесконечном речном берегу.

Мик не спасал Вселенную, но спас свою сестру, и, как человек, сделал то, чего не сумели пророки.

«Сколько дряни и боли я видел за этот безумный год, а всё же это не поражение. А если не поражение, значит, победа».

Отчаяние нехотя отпустило его.

Победа пришла, и это было прекрасное, хотя недолговечное состояние...

Эпилог

Шла середина лета. Его превосходительство, консул Республики Арбел, закончил намеченные на этот день официальные дела, вернулся домой и отпустил охрану. Затем он взял на конюшне каурого жеребца и один уехал в холмы, серьёзно нарушив этим правила безопасности.

Он спешил на поляне близ покосившегося менгира, привязал коня к засохшему тополи и присел на широкий обломок камня. Вто-

рой человек появился так внезапно, словно материализовался из воздуха, хотя Стриж краем глаза уловил смазанное движение.

— Здравствуй, Вэл, — сначала сказал он, а потом обернулся.

— Я больше не Вэл, а только Август, — ответил гость в коричневом балахоне, сжимая руку Стрижа, которую тот протянул мутанту безо всякой опаски.

— Можешь на «ты», мы не на приёме в государственной резиденции. — добавил Дезет. — Что там произошло в Иллире? Инфораспад — это реальность?

— Да, реальность, но мы пока что остановили процесс.

— Мне докладывали, что Линдер мёртв.

— Это правда.

— Вот как... теперь мне придётся решать, что делать с трансмутацией, — мрачно сказал Дезет. — Я знаю, её не остановить, и Арбел — следующий. У нас не много нормаментальных, но они всё-таки они есть. После того, как всё закончится, я, как нулевик, останусь в полном одиночестве и перестану понимать свои сограждан. Наверное, это всё равно что быть немым и глухим.

— Ты же понимаешь меня, Алекс.

— Да, когда ты, Август, сносишь и говоришь вслух. В общем, после трансмутации арбелианцев я улажу дела и уйду в отставку.

— Ты уже уходил в отставку.

— После того, как умерла моя жена.

— Мне очень жаль леди Джу.

— Спасибо за соболезнования. Вообще-то, с тех пор прошло двенадцать лет. Ты, что, Август, совсем не чувствуешь ход времени?

— Чувствую, но как-то иначе.

— Время — тот ресурс, которого всегда не хватает. Если бы трансмутация началась раньше, у Джу появился бы шанс... Но ей не оставили ни единого шанса. Ладно, закончим этот разговор.

— Я не чувствую твоих мыслей, Алекс, но всё же понимаю, что они — про Нину.

— Нина моя дочь. Она ещё ребёнком спасла мою жизнь. Её способности... они вроде твоих, а может быть, и что-то большее, но теперь я понимаю, что теряю и Нину. Я слишком многое отдал Арбелу.

— Нина вернётся, я знаком с её состоянием по собственному опыту.

— Может быть, вернётся, но тот, кто пытался её убить, сбежал от службы безопасности. Я знаю, он у мутантов Иллиры, и хочу получить этого человека обратно.

— Зачем?

— Странный вопрос. Убийца моей дочери, пусть и не состоявшийся, не должен уйти от ответа.

— Я не чувствую твоей ауры, Алекс, но понимаю, что тобою движет — скорбь и злость. Пойми и ты тоже — у братства мутантов не такие, как у тебя, задачи. Мы защищаем не Арбел, мы защищаем всех, кого ещё можно защитить. Таким образом, я не дам тебе убить Келлера ради мести. Не дам в том числе и ради тебя самого.

— Ох, Разум! — Стриж сухо рассмеялся. — Прошло двенадцать лет, а ты, Вэл, всё такой же идеалист. Я не собирался убивать Келлера, но я не хочу, чтобы адепт Оркуса продолжал гулять на свободе.

— Ты знаешь, что на нём метка посвящения?

— Знаю.

— Келлер хочет её стереть. Это сложно, но я ему помогу. А теперь, представь себе мою дилемму... Что важнее — спасение сущности этого человека от гибели или помощь тебе, тому, кто в юности спас от смерти меня самого?

— Я не ставил вопрос таким образом.

— Зато я ставлю его именно так. В семнадцать лет я был непокорным псиоником, сбежавшим от «реабилитации». Ты потратил силы, средства, рисковал своими людьми, не дал каленусийской жандармерии забить меня до смерти и доставил сюда. Ты имеешь право просить, может быть, даже требовать.

— Ладно. Хочешь компромисс? Можешь сделать всё, что считаешь нужным, с меткой, убери её, а потом отправь Келлера сюда. У меня есть к нему разговор.

— После процедуры он станет беспомощным на несколько недель, потом в какой-то мере станет другим.

— Совсем другим?

— Личность сохранится, но я уберу угнетающий его фактор. Это как второе рождение. Можно начать всё заново, но так же легко можно сломаться. У вас он сломается. С моей стороны это будет предательство, и оно останется на моей совести. Подумай сам — настолько тебе это нужно?

Стриж коротко выругался и помедлил, рассматривая холмистый пейзаж, синее небо полудня и лёгкие перистые облака горизонте.

— Ладно, — добавил он. — Не изображай из меня шантажиста, «воробыиный король». Поступай, как знаешь.

— Спасибо.

— Когда этот парень нам понадобится, мы сами его найдём.

— Это будет ваш выбор, — сказал Август, встал и, прощаясь, добавил: — Помните, что Нина остаётся с вами, и это ещё не конец.

Он уходил, на этот раз не спеша, края балахона трепал налетевший с реки ветер.

Стриж взглядом проводил силуэт.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
Часть первая. ОТКРОЙ ГЛАЗА МОИ	
Глава 1. Северин и пророки	8
Глава 2. Истуканы вечера	32
Глава 3. Ассортимент желаний	54
Глава 4. Шестой — лишний	81
Часть вторая. ОПАСНОСТЬ НА ПОРОГЕ	
Глава 5. Пропавшая реликвия.....	96
Глава 6. Пророки играют.....	119
Глава 7. Два месяца назад. Порт-Иллири.....	133
Часть третья. ЛИЦОМ К ЛИЦУ	
Глава 8. Крысоловка.....	160
Глава 9. Побег	176
Глава 10. История, рассказанная Беренгаром.....	186
Глава 11. Возвращение Риордана.....	199
Часть четвёртая. ХРОНИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ЗИМЫ	
Глава 12. Пророк обязан умереть — 1	212
Глава 13. Пророк обязан умереть — 2	233
Часть пятая. ИСКУШЕНИЕ	
Интерлюдия. Третье везение Лу	274
Глава 14. Этика и технология тайной операции	281
Глава 15. Последняя	321
Эпилог	330

Елена Владимировна ДОЛГОВА

Родилась 24 апреля 1964 в городе Соликамске Пермской области. Окончила электротехнический факультет Пермского политехнического института (ныне — Пермский национальный исследовательский политехнический университет — ПНИПУ), после чего занималась исследованиями в области технической кибернетики и искусственного интеллекта; доктор наук. В настоящее время работает в ПНИПУ: профессор кафедры информационных технологий и автоматизированных систем.

Член Союза писателей России (2005). Известная писательница-фантаст. В жанре фантастики впервые выступила в 2001 году. Автор более десяти книг, в основном вышедших в московских издательствах. Неоднократно печаталась в альманахе «Литературная Пермь», имеет множество сетевых публикаций аудиокниг (в аудиопроекте «Тёмные аллеи», в антологии «Дети на аллеях»).

Кавалер ордена Достоевского II степени (2012).

Живёт в Перми.

Краткая библиография

Цикл «Сфера Маальфаса»:

Долгова Е. **Сфера Маальфаса**. Роман. — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 448 с. (серия «Знак Единорога»).

Долгова Е. **Маги и мошенники**. Роман. — М.: Вече, 2002. — 416 с. (серия «Магические письмена»).

Цикл «Геония»:

Долгова Е. **Центурион**. Роман. — М.: Эксмо, 2002. — 480 с. (серия «Абсолютное оружие»).

Долгова Е. **Мастер миража**. Роман. — М.: Эксмо, 2003. — 512 с. (серия «Абсолютное оружие»).

Долгова Е., Михайлов А. **Камень ацтеков**. Роман. — М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. — 416 с. (серия «Корсары»).

Долгова Е. **Отступник**. Роман. — М.: АСТ, Астрель, 2011. — 352 с. (серия S.T.A.L.K.E.R.).

Печатается в авторской редакции.

Художник — А. Кутергин

Автор проекта — В. Якушев

Дизайн серии, вёрстка — С. Неведомская

Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России
г. Пермь, ул. Сибирская, 30
permsprossii@rambler.ru

Подписано в печать 26.07.2018.

Формат 60х84/16. Бумага ВХИ.

Гарнитура «NewtonC».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,53.

Тираж 100 экз. Заказ № 8071.

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в ООО «Универсальная типография»
«Альфа Принт», www.alfaprint24.ru,
тел. 8-800-300-16-00.

ISBN 978-5-9500749-6-7

9 785950 074967

Литературно-художественное издание

антология
пермской
литературы

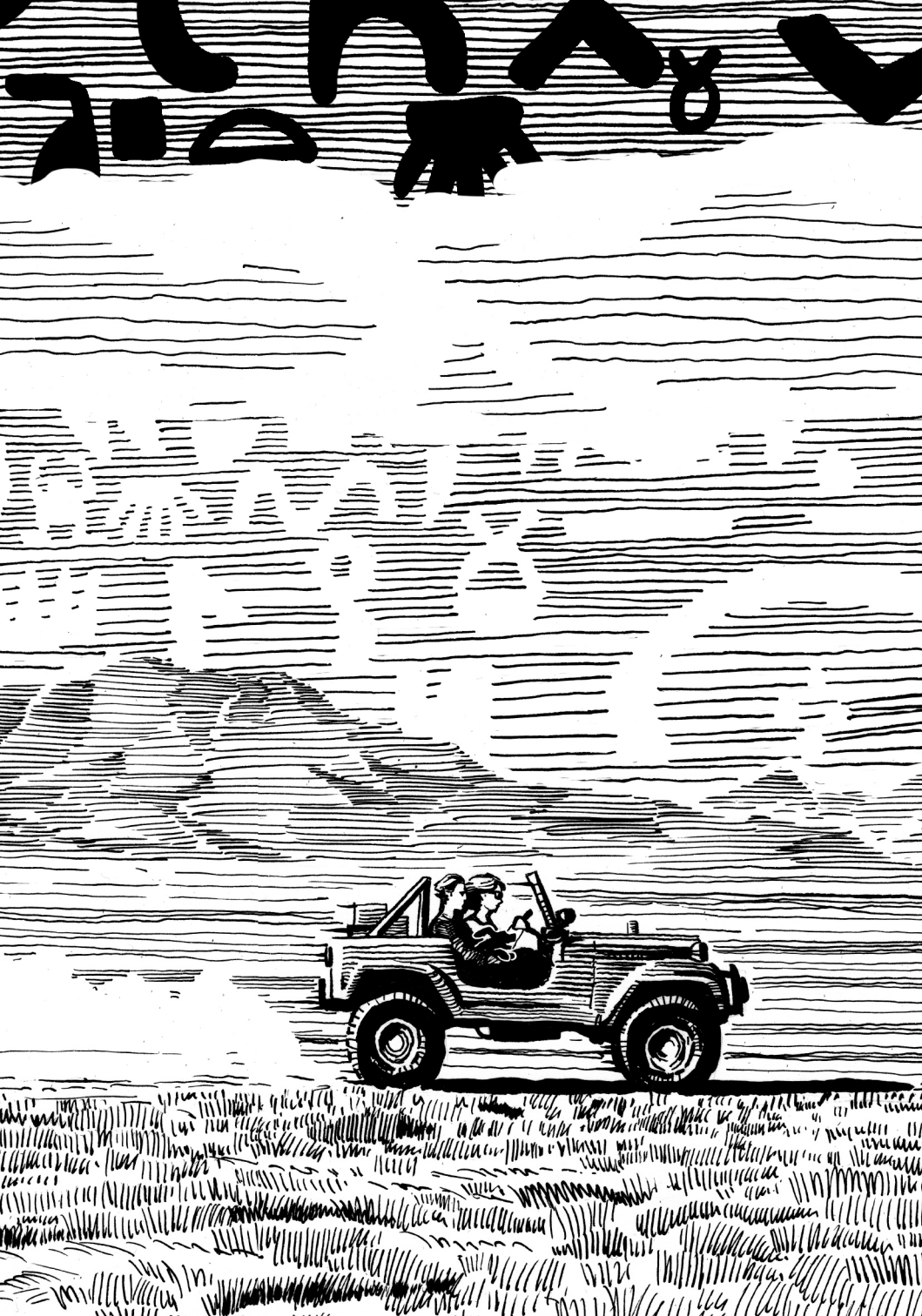
том 25

Елена
ДОЛГОВА

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

роман

25

антология
пермской
литературы

ISBN 978-5-9500749-6-7

9 785950 074967